

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН**

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

№ 46

Научный журнал

**Издаётся с сентября 1993 г.
Выходит 2 раза в год**

**МОСКВА
2019**

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
«Институт научной информации
по общественным наукам РАН»

Редакция журнала:

Главный редактор:

А.Н. Николюкин – д-р филол. наук

А.И. Чагин – д-р филол. наук (зам. главного редактора)

Е.А. Цурганова – канд. филол. наук

Т.Г. Юрченко (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

В.Н. Аношкина – д-р филол. наук, *И.Л. Волгин* – д-р филол. наук, *Н.В. Королёва* – д-р филол. наук, *О.А. Коростелёв* – канд. филол. наук, *Т.Н. Красавченко* – д-р филол. наук, *И.В. Логвинова* – канд. филол. наук, *А.Е. Махов* – д-р филол. наук, *В.Т. Олейник* – канд. филол. наук, *П.В. Палиевский* – д-р филол. наук, *А.Н. Сенкевич* – д-р филол. наук, *Л.В. Скворцов* – д-р филос. наук, *В.Н. Терёхина* – д-р филол. наук, *В.М. Толмачёв* – д-р филол. наук, *Е.П. Челышев* – академик РАН

Журнал включен в российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

© Литературоведческий журнал, 2019

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2019

ISSN 2073-5561

СОДЕРЖАНИЕ

К 250-летию рождения Ивана Андреевича Крылова

<i>Крюкова О.С.</i>	<i>И.А. Крылов и его биографический миф</i>	7
<i>Раренко М.Б.</i>	<i>И.А. Крылов: издатель, переводчик, баснописец</i>	15
<i>Шульц С.А.</i>	<i>К исторической поэтике русской сатиры:</i>	
	А.Н. Радищев, И.А. Крылов, А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь	26
<i>Трахтенберг Л.А.</i>	<i>И.А. Крылов и Ж. де Лафонтен: динамика рецепции</i>	39
<i>Хлебников Г.В.</i>	<i>Некоторые неявные мотивы и интенции в баснях И.А. Крылова и генезис басенного жанра</i>	
	в Европе от Эзопа до появления англоязычных переводов басен последнего	62
<i>Ревяков И.С.</i>	<i>Игровая природа басни. Анализ басни И.А. Крылова «Музыканты»</i>	74
<i>Архангельская А.В.</i>	<i>Басня И.А. Крылова «Крестьянин и Смерть» и сюжет о Старике и Смерти в русской литературе XVII–XVIII вв.</i>	82
<i>Кимягарова Р.С.</i>	<i>Ни пава ни ворона: анализ басни И.А. Крылова «Ворона»</i>	94
<i>Коровин В.Л.</i>	<i>О цикле духовных од И.А. Крылова</i>	108
<i>Ивинский Д.П.</i>	<i>Из комментария к стихам кн. П.А. Вяземского на юбилей И.А. Крылова</i>	130
<i>Логвинова И.В., Орлова Е.М. М.П. Погодин об И.А. Крылове</i>		149
<i>Курилов А.С.</i>	<i>И.А. Крылов и В.Г. Белинский</i>	154

<i>Ранчин А.М.</i> Басня «Ворона и Лисица» и стихотворение Иосифа Бродского «Развивая Крылова».....	169
<i>Николюкин А.Н.</i> Крыловское слово в устах русских писателей.....	185

История литературы

<i>Николюкин А.Н.</i> Путешествие С.П. Шевырёва по России	190
---	-----

Библиография

Евгений Львович Марков (1835–1903): Материалы к библиографии / Вступительная статья <i>А.Н. Стрижёва</i> , составитель <i>М.А. Бирюкова</i>	195
---	-----

Коротко об авторах	324
--------------------------	-----

JOURNAL OF LITERARY HISTORY AND THEORY

CONTENTS

To the 250th anniversary of Ivan Andreevich Krylov

<i>Krukova O.S.</i> I.A. Krylov and his biographical myth	7
<i>Rarenko M.B.</i> I.A. Krylov: publisher, translator, fable writer	15
<i>Shulz S.A.</i> To the historical poetics of Russian satire: A.N. Radishchev, I.A. Krylov, A.S. Griboedov, N.V. Gogol	26
<i>Trakhtenberg L.A.</i> Ivan Krylov and Jean de La Fontaine: dynamics of reception	39
<i>Kchlebnikov G.V.</i> Some of the hidden motives of the Krylov's fables and the genesis of the fable in Europe from Aesop to his English translations	62
<i>Revyakov I.S.</i> Game nature of fable. Analysis of the fable by I.A. Krylov «Musicians»	74
<i>Arkhangelskaya A.V.</i> I.A. Krylov's fable «The Peasant and Death» and the plot about the Old Man and Death in Russian literature of the XVIIth–XVIIIth centuries	82
<i>Kimyagarova R.S.</i> Neither peacock nor crow: analysis of the I.A. Krylov's fable «Crow»	94
<i>Korovin V.L.</i> On the cycle of I.A. Krylov's spiritual odes	108
<i>Ivinskiy D.P.</i> From the commentary on verses Prince P.A. Vyasmenskiy on the anniversary of I.A. Krylov	130
<i>Logvinova I.V., Orlova E.M.</i> M.P. Pogodin about I.A. Krylov	149
<i>Kurilov A.S.</i> I.A. Krylov and V.G. Belinskiy	154
<i>Ranchin A.M.</i> Krylov's fable «The Crow and the Fox» and the poem of Joseph Brodsky «Developing Krylov»	169
<i>Nikolyukin A.N.</i> Krylov's fables in Russian writers' writings	185

History of literature

Nikolyukin A.N. Shevyryov's travel across the Russia.....190

Bibliography

Evgeniy Lvovich Markov (1835–1903): To the bibliography /
Preface by *A.N. Strizhov*, comp. by *M.A. Biruikova*195

Author index324

К 250-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА

О.С. Крюкова

И.А. КРЫЛОВ И ЕГО БИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ

Аннотация. В статье предпринята попытка выделения важных элементов крыловского биографического мифа. Существование биографического мифа находит подтверждение в литературных анекдотах о Крылове и в именовании (мифеме) «дедушка Крылов». Устойчивое выражение «великий баснописец» также является мифемой. Крыловский биографический миф закреплен в живописи и в скульптуре и поддерживается беллетристованными и научно-популярными биографиями И.А. Крылова.

Ключевые слова: биографический миф; творчество И.А. Крылова; литературный анекдот; басня.

Krukova O.S. I.A. Krylov and his biographical myth

Abstract. The article highlights some important elements of I.A. Krylov's biographical myth. The existence of the biographical myth is confirmed in literary anecdotes about Krylov and in the naming (mytheme) «grandfather Krylov». The stable expression «a great fabulist» is also a mytheme. I.A. Krylov's biographical myth is fixed in painting and sculpture and is supported by fictionalized and popular scientific biographies of the writer.

Keywords: biographical myth; I.A. Krylov's creativity; literary anecdote; fable.

Биографический миф о писателе – это значимый элемент как литературного процесса в целом, так и массового сознания. Т.Б. Шеметовой принадлежит достаточно широкое истолкование этого литературного феномена: «Биографический миф – это миф Нового времени, который не может существовать без своего

субъекта – автора, осознающего первоначальную версию собственной судьбы, которая затем многократно переосмысливается как массовым сознанием, так и художниками, исследователями. ...Он не является порождением коллективного бессознательного, напротив, именно коллективное сознание в различных формах вновь и вновь воспроизводит биографический миф» (8: 2–3). В русле биографического мифа представления о личности писателя складываются из его собственных суждений (автомиф), художественных биографий, произведений литературы и искусства, фильмографии и т.п.

Применительно к И.А. Крылову литературоведческий термин «биографический миф» может пониматься как некая метафора. Подробности биографии великого баснописца в общественном сознании редуцировались до литературных анекдотов. По словам П.А. Плетнева, «трудно найти человека, жизнь которого была бы до такой степени обогащена анекдотическими событиями, как жизнь Крылова» (цит. по: 4: 195). Современный биограф Крылова, М.А. Гордин, полагает, что «Крылов уже при жизни воспринимался современниками как литературный персонаж (позже наименованный Вяземским “дедушкой Крыловым”, герой целого ряда анекдотов, биографической легенды с устойчивым набором мотивов» (3: 182).

Автомиф, который создал сам баснописец, немало способствовал распространению литературных анекдотов о Крылове. Слух о крыловской лени и неряшливости настолько укоренился в литературном окружении баснописца (начиная с 1820-х годов), что стал восприниматься как отражение реальности. Но бытовое поведение Крылова было связано и с его литературной стратегией, на что указывает автор научной биографии баснописца: «И повседневное поведение, и авторский стиль Крылова оказываются подчинены логике “насмешника из-за угла”. Черты этой необычной жизненной позиции, превратившей Крылова в загадочного человека и загадочного писателя, обозначились, помимо прочего, в демонстративно-пренебрежительном отношении Крылова к принятым в обществе “приличиям” и светским нормам, подчеркивании в собственном образе жизни тривиальных “слабостей” – лени, обжорства, неряшливости» (3: 182).

Мнимая лень породила анекдот о картине, висевшей у Крылова дома: «У Крылова над диваном, где он обыкновенно сиживал, висела большая картина в тяжелой раме. Кто-то ему дал заметить, что гвоздь, на котором она была повешена, не прочен и что картина когда-нибудь может сорваться и убить его. «Нет, — отвечал Крылов, — угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову»» (6: 180–181). И.П. Быстров, автор «Отрывков из записок моих об Иване Андреевиче Крылове», свидетельствовал: «Он был беспечен и не скрывал от меня этой слабости. «А я, мой милый, ленив ужасно... Да что, мой милый, говорить... И французы знают, что я лентяй»» (цит. по: 5: 195).

Анекдоты о карточной игре имели под собой основание. Известно, что имя Крылова было вписано в реестр заядлых карточных игроков, составленный полицией по просьбе Екатерины II. В 1795 г. на какое-то время ему даже было запрещено жить в столицах. Анекдот же приписывает Крылову страсть к карточной игре в качестве единственного занятия в жизни, умаляя его литературную славу:

«Много лет спустя М.П. Погодин записал такой разговор:

– Чей это портрет?
– Крылова!
– Какого Крылова?
– Да это первый наш литератор Иван Андреевич.
– Что вы! Он, кажется, пишет только мелом на зеленом столе!» (6: 183).

Выпячивание житейских слабостей придавало Крылову черты простодушного чудака, что позволяло баснописцу избежать монаршего неудовольствия в тех случаях, которые для иных были бы непростительны. Об этом свидетельствуют еще два литературных анекдота. При встрече на Невском проспекте с монархом Крылов совершенно искренне и простодушно удивился редкости взаимных встреч:

«Раз он <Крылов> шел по Невскому, что была редкость, и встречает императора Николая I, который, увидя его издали, ему закричал: «Ба, ба, ба, Иван Андреевич, что за чудеса? – встречаю тебя на Невском. Куда идешь?» Не помню, куда он шел, только помню, что государь ему сказал: «Что же это, Крылов, мы так давно

с тобой не видались?” – “Я и сам, государь, так же думаю, кажется, живем довольно близко, а не видимся”» (6: 179–180).

И это же крыловское простодушие позволило баснописцу объяснить монарху свое появление на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. любопытством к пожару (это реальный факт биографии Крылова, который неотличим от литературного анекдота).

Одной из современных беллетризованных биографий Крылова является книга М.А. Гордина «Жизнь Ивана Крылова, или Опасный лентяй». Ее первая часть основана на документальных биографических сведениях, а вторая представляет собой попытку разгадать смысл биографических загадок. Размышления автора опираются на цитаты из воспоминаний современников, и в этих суждениях содержатся элементы крыловского биографического мифа: трудное и трудовое взросление, критический склад ума, гордая независимость и нонконформизм в молодости, с одной стороны, и леность, неряшливость, чудачества и чревоугодие как образ жизни позднего Крылова – с другой. Так, для иллюстрации нужды в ранние годы биограф прибегает к суждению П.А. Вяземского: «Самая первоначальная обстановка жизни Крылова может несколько объяснить его самого. Он родился, вырос и возмужал в нужде и бедности; следовательно, в зависимости от других. Такая школа не всем удается. На многих оставляет она, по крайней мере надолго, оттиск если не робости, то большой сдержанности» (цит. по: 5: 116).

Такой значимый элемент биографического мифа, как «мифема» (языковая формула), у Крылова есть: именование «великий баснописец», которое почти утратило свою образность и превратилось в шаблонное выражение, с легкой руки В.Г. Белинского: «<...> истинным своим торжеством на святой Руси басня обязана Крылову. Он один у нас истинный и великий баснописец: все другие, даже самые талантливые, относятся к нему, как беллетристы к художнику» (1: 148).

Другое устойчивое именование, «дедушка Крылов», отражает почти родственное восприятие писателя массовым сознанием. «Дедушка» – это и дань возрасту, и отражение состава большой группы читательской аудитории: по давней традиции басни Крылова входят в круг детского чтения, хотя и не предназначены исключительно для детей.

На реализации этой метафоры-мифемы построены два произведения для детей – сказка Саши Черного «Люся и дедушка Крылов» и рассказ Юрия Яковлева «Внучка Крылова». Композиционную структуру сказки Саши Черного составляют два сна девочки Люси, русской эмигрантки в Париже, с участием «дедушки Крылова». В этих снах речь идет о широко известных баснях Крылова, которые девочка пытается проверить на опыте (будет ли есть лиса сыр и т.п.). В начале сказки девочка рассуждает о специфике жанра басни с точки зрения ребенка: «Потом стала думать о баснях. Как будто стихи и как будто не стихи. И все разговоры, а в конце “мораль”. Мораль – это, должно быть, выговор за плохое поведенье... “А я бы повару иному велел на стенке зарубить...” И почему-то одни строчки в сантиметр, а другие длинные-длинные, как дождевой червяк... Вот только “Стрекоза и муравей” вся ровненькая...» (7).

Мифема «дедушка Крылов» реализуется в этой сказке в диалоге девочки и баснописца в сне: «У меня вас, внучат, – миллион и один. Стало быть – дедушкой и зови» (там же).

В рассказе же Юрия Яковлева «Внучка Крылова» (1974) метафора «дедушка Крылов» расширяется в буквальном, почти что в бытовом смысле: у дедушки должны быть внуки, и эту роль простодушно выбирает немолодая жительница провинциального городка, Мария Ниловна. Ее убежденность в родстве с великим баснописцем подкрепляется внешним сходством, которым ее по какой-то случайности наделила природа: «Когда мы переступили порог дома и навстречу нам поднялась хозяйка, я изумлено замер: передо мной собственной персоной возник Иван Андреевич Крылов, только здравствующий, в женском обличии. Те же кустистые брови, нависшие над ленивыми и в то же время внимательными, широко расставленными глазами с холодком, дряблые щеки, маленький подбородок, за которым следовал большой, широкий, скрывающий шею. Даже волосы были подстрижены по-мужски коротко и зачесаны вперед белыми клочьями. Я долго не мог оторвать глаз от внучки великого баснописца. Когда же мне это наконец удалось, я увидел на стене портрет, вернее, литографическую копию знаменитого портрета Брюллова. Из багетовой рамы на меня смотрел Иван Андреевич Крылов. Я перевел взгляд на хозяйку – мне не удалось найти разницу в лицах деда и внучки» (9: 69).

Убежденность Марии Ниловны в своем родстве с Крыловым поддерживалась лишь, кроме удивительного внешнего сходства, словами отца, произнесенными в Летнем саду: «Мы с отцом ездили в Петербург, к тетушке. Отец повел меня в Летний сад. Вдоль аллели стояли мраморные статуи. И я все беспокоилась, что им, голым, холодно. Потом мы подошли к памятнику. В чугунном кресле сидел задумчивый старик. А у его ног – звери: осел, козел и косолапый мишка. Мне показалось, что старик спит, и я тихо, чтобы не разбудить его, спросила отца: “Кто это?” Отец ответил: “Это дедушка Крылов”. Вот и вся история...» (9: 71–72).

Слова «Вот и вся история» еще раз возникнут в этом рассказе, завершая его. Рассуждения рассказчика оберегают Марию Ниловну от возможных обвинений в корысти или в честолюбии: ей вполне хватало славы и популярности в маленьком провинциальном городке: «Детское заблуждение, которое сопутствовало Марии Ниловне долгие годы, окрашивало ее жизнь романтическим светом» (9: 72). Поскольку никакого корыстного умысла у пожилой дамы, в отличие от известных в советской литературе по роману Ильфа и Петрова «детей лейтенанта Шмидта», рассказчик не обнаружил, то вся эта история с мнимым родством под пером Юрия Яковлева приобретает характер бытового анекдота, вполне в духе самого Крылова. Писатель вспоминает свои детские впечатления от памятника Крылову в Летнем саду, и реализованная метафора гиперболизируется: «Этот памятник и сегодняшние ленинградские ребятишки называют “дедушкой Крыловым”. И все считают себя его внуками» (9: 72). Из фактов биографии Крылова в рассказе Юрия Яковлева упоминается служба в Публичной библиотеке и смерть от заворота кишок. Здесь писатель делает небольшое замечание, показывающее укорененность в массовом сознании биографического мифа о Крылове: «Я жадно ловил каждое ее слово, хотя все, о чем рассказывала Мария Ниловна, мне было известно еще со школьной скамьи» (9: 70).

И хотя советский детский писатель Юрий Яковлев вряд ли был знаком со сказкой Саши Черного, в их произведениях о Крылове можно обнаружить немало общего. Это и общие школьные знания о Крылове, мало затронутые идеологическим влиянием, и мифема «дедушка Крылов». Героини сказки Саши Черного и рассказа Юрия Яковлева принадлежат к разным возрастам челове-

ческой жизни – юности и старости, которым одинаково свойственны простодушие, наивность и вера в чудо. Девочка Люся считает вполне вероятной беседу с классиком, а девочка-пионерка из рассказа Юрия Яковлева называет Марию Ниловну «дедушкой Крыловым», укрепляя уверенность пожилой дамы в своем родстве с баснописцем. Детское восприятие мира открывает в этих произведениях о Крылове евангельский мотив («Будьте как дети»), что вряд ли входило в замысел Юрия Яковлева. Но евангельский подтекст, несомненно, присутствует и в сказке, и в рассказе, где упоминаются басни Крылова, о чем свидетельствует родственность жанра басни евангельской притче, также говорящей в иносказательной форме о вечных нравственных ценностях. В православном дискурсе притча наделяется духовностью, а басня душевностью, их жанровое сходство сомнению не подвергается.

Баснописец выступает в своем творчестве и как психолог, и как социальный педагог, и как выдающийся мастер слова. Литературный критик В.Г. Белинский, определяя роль И.А. Крылова в развитии русской литературы, предполагал: «Слава же Крылова все будет расти и пышнее расцветать до тех пор, пока не умолкнет звучный и богатый язык в устах великого и могучего народа русского» (1: 151). И действительно, вклад Крылова в развитие русской литературы, в формирование русского литературного языка и в развитие жанра басни трудно переоценить. Народная любовь к баснописцу выразилась и в установке памятника «дедушке Крылову» в Летнем саду Петербурга в 1855 г., деньги на который были собраны по подписке. Установка памятника знаменовала собой закрепление биографического мифа в скульптуре и иконографии. Живописные и скульптурные же изображения великого баснописца, так же как и иллюстрации к его басням, начали создаваться еще при жизни Крылова: «В салоне Оленина – президента Академии художеств – Крылов встречался со многими художниками (портреты Крылова писали О.А. Кипренский, А.О. Орловский, К.П. Брюллов и другие видные мастера; издания басен Крылова, для которых иллюстраторов и граверов подбирал Оленин, относятся к числу шедевров русской полиграфии)» (3: 183).

Крыловский биографический миф имеет меньшее количество мифологем по сравнению с биографическим мифом Пушкина или же Достоевского, но он существует, несмотря на то что подробности

биографии великого баснописца широкой публике менее известны, чем его басни. Существование биографического мифа находит подтверждение в литературных анекдотах о Крылове и в именовании (мифеме) «дедушка Крылов», которое было развернуто в произведениях для детей (в сказке «Люся и дедушка Крылов» Саши Черного и в рассказе «Внучка Крылова» Юрия Яковлева). Несмотря на то что один из авторов принадлежит к литературе русского зарубежья, а другой – к советской литературе, в сказке и рассказе, соответственно, прослеживаются черты крыловского биографического мифа, что свидетельствует о его действенности. Крыловский биографический миф поддерживается также беллетризированными и научно-популярными биографиями И.А. Крылова (2; 4; 5).

-
1. *Белинский В.Г. Басни Ивана Крылова // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 4. Статьи и рецензии 1840–1841. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 147–153.*
 2. *Гордин А.М. Крылов в Петербурге. Л.: Лениздат, 1969. 332 с.*
 3. *Гордин М.А. Крылов // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 177–183.*
 4. *Гордин М.А. Жизнь Ивана Крылова. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. 336 с.*
 5. *Гордин М.А. Жизнь Ивана Крылова, или Опасный лентяй. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2008. 240 с.*
 6. *Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века / Вступ. ст. Е. Курганова; сост. и прим. Е. Курганова и Н. Охотина. М.: Материк, 2003. 312 с.*
 7. *Черный Саша. Люся и дедушка Крылов. – Режим доступа: skazki.rustih.ru*
 8. *Шеметова Т.Б. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 2–3.*
 9. *Яковлев Ю.Я. Внучка Крылова // Яковлев Ю.Я. Самая высокая лестница. М.: Детская литература. 1974. С. 68–72.*

М.Б. Раренко

И.А. КРЫЛОВ: ИЗДАТЕЛЬ, ПЕРЕВОДЧИК, БАСНОПИСЕЦ

Аннотация. В статье рассматривается роль И.А. Крылова в развитии и популяризации жанра басни в России.

Ключевые слова: русская литература; И.А. Крылов; баснописец; басня; переводчик; перевод.

Rarenko M.B. I.A. Krylov: publisher, translator, fable writer

Summary. The article considers the role of I.A. Krylov in the development and popularization of the genre of fable in Russia.

Keywords: Russian literature; I.A. Krylov; Russian fable writer; fable; translator; translation.

1. Введение

В сознании нашего соотечественника – не только простого обывателя, далекого от литературных процессов, но даже и литературоведа, не специалиста по творчеству И.А. Крылова или его современников, – имя Ивана Андреевича Крылова прочно и навсегда связано с его баснями: первое, что вспоминается в связи с его именем, – басни про глупую Ворону и находчивую Лисицу, трудолюбивого Муравья и Стрекозу-бездельнику и пр. Эти басни нам знакомы с самого раннего детства, сопровождают нас всю жизнь. Именно благодаря басням И.А. Крылов уже при жизни стал классическим писателем, которого горожане, увидев, показывали своим

детьм и знакомым как своего рода восьмое чудо света – настолько он был легендарен.

Басни действительно занимают значительное место в творчестве И.А. Крылова, однако ими его литературные занятия совсем не ограничиваются.

Прежде чем найти и прочно занять свою литературную нишу (к чему он шел долго и мучительно), И.А. Крылов попробовал себя во многих ипостасях: выпускал литературные журналы: «Почта духов» (вместе с капитаном И.Г. Рахманиновым¹) в 1789 г., «Зритель» (совместно с Клушиным и др.) в 1792 г., «С.-Петербургский Меркурий» в 1792 г., писал стихотворения – оды, песни и послания (некоторые из них были опубликованы в «С.-Петербургском Меркурии»), был автором прозаических произведений – журнальных статей, в том числе двух похвальных речей – «Похвальная речь науке убивать время, говоренная в Новый год» и «Похвальная речь Ермалафиду, говоренная в собрании молодых писателей», – а также повести «Каиб». Перу И.А. Крылова принадлежат оперы «Кофейница», «Бешеная семья» в трех действиях в прозе с куплетами, ряд комедий, среди которых «Пирог», «Проказники», «Триумф», «Модная лавка», «Урок дочкам», «Ленивый», по мнению современников, весьма неплохие, на злобу дня и не только, некоторые из них ставились в театре. Более того, будущий баснописец попробовал себя и в трагическом жанре, написав трагедию «Клеопатра», и представил ее на суд знаменитого Дмитревского, который, похвалив ее за все, что в ней было хорошего, дал понять автору, что «трагедия в таком виде не может быть представлена на театре, что нужно ее совершенно пересоздать и переделать» (7: 54). Стихотворное наследие И.А. Крылова невелико – около 50 произведений. Среди них есть и большие формы – философско-поэтическая ода («Уединение», «Блаженство»), свободное дружеское письмо («К другу моему»), послание на философскую тему («Послание о пользе страстей»). Есть у И.А. Крылова и любовная лирика, и лирика социальной направленности.

¹ В статье М.Е. Лобанова «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» (И.А. Крылов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1982. С. 50–90) на с. 52 он упоминается как «капитан Рахманов». – Прим. М.Р.

Сам И.А. Крылов впоследствии вспоминал с присущей ему самоиронией: «Я был молод, все писал, что ни взбредет, бывало, в голову; много вздору» (цит. по: 7: 53). Современники же оценивали И.А. Крылова гораздо более высоко: «муж высоких достоинств», «с Ломоносовым, Державиным и Карамзиным ты перейдешь в позднейшее потомство, и имя твое вседневно будет твердиться тысячами юных, едва лепечущих уст до тех пор, пока будет во вселенной существовать русский язык» (7: 50). Справедливости ради следует отметить, что эти строки М.Е. Лобанов написал уже после того, как за И.А. Крыловым закрепилась слава баснописца.

2. И.А. Крылов – создатель и популяризатор жанра басни в России

Басня – «жанр дидактической литературы: короткий рассказ в стихах или прозе с прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл» (2: стб. 73) – прочно ассоциируется в России с именем Ивана Андреевича Крылова, хотя к этому жанру до него обращались А.П. Сумароков (1717–1777), И.И. Хемницер (1745–1784), И.И. Дмитриев (1760–1837), а после А.Е. Измайлов (1779–1831), С.В. Михалков (1913–2009) и др.

Возможно, секрет популярности И.А. Крылова заключается в «лукаво-умудренной» (2: стб. 74) манере повествования, выбранной баснописцем.

Несмотря на то что элементы басенного жанра прослеживаются в фольклорных произведениях всех народов – в большей или меньшей степени – басня как жанр ведет свою историю из греческой словесности, в которой в VI в. до н.э. приобрела популярность благодаря деятельности Эзопа, легендарного греческого поэта-баснописца, оригинальные произведения которого, однако, не сохранились, но стали известны благодаря позднейшим поэтическим переработкам Федра (I в.), Бабрия (II в.) и Авиана (начало V в.).

Впервые И.А. Крылов обратился к жанру басни подростком, переведя на русский язык одну из басен Лафонтена: «В молодости своей, не зная еще истинного своего назначения, но кипя желанием выразить свои чувства и мысли, Крылов испытывал себя в разных

и почти во всех родах словесности; но первым его опытом в стихах была басня, переведенная им на четырнадцатом году из Лафонтена, которую знатоки того времени, и между прочими И.И. Бецкий, хвалили; но время истребило ее» (более подробно см.: 7: 53).

Во второй раз¹ (и теперь навсегда) И.А. Крылов обратился к жанру басни спустя почти 40 лет. Один из его современников, друзей и почитателей таланта рассказывает об этом: «Однажды, это было в 1805 году, перечитывая Лафонтена, он вдруг почувствовал желание передать некоторые из его басен своим языком русскому народу. Работа закипела, басни готовы...» (7: 60).

Несмотря на то что Крылов действительно начал писать басни, переводя и подражая Жану де Лафонтену (1621–1695), он не ограничился ни сюжетами французского баснописца, ни языковыми формами, используемыми им. Считается, что наиболее близкими к басням Лафонтена (почти переводными, с полным соблюдением сюжета, фигур речи, метафорики, по возможности рифм, ритмического рисунка и пр.) следует признать первые три крыловские басни, написанные им в 1806 г. и опубликованные в «Московском зрителе», – «Дуб и Трость», «Разборчивая Невеста», «Старик и Трое молодых», высоко оцененные И.И. Дмитриевым, баснописцем и признанным современниками превосходным литератором, восхитившим после прочтения этих трех крыловских басен: «Это истинный ваш род, наконец вы нашли его» (цит. по: 7: 60). В дальнейшем, хотя сюжет басен Лафонтена и Крылова оказывается схожим, «подробности» в значительной степени расходятся, а впоследствии у Крылова появились оригинальные сюжеты, подсказанные российской действительностью. Вероятно, в определенный момент «Крылышко», как ласково называла его жена А.Н. Оленина (9: 131), почувствовал, что лафонтеновские сюжеты стали ему тесны. «Как человек он был умнее Лафонтена; как философ, глубокомысленнее; как поэт, несравненно выше его» (7: 59). Современники отмечали легкий, быстрый слог И.А. Крылова, естественность

¹ В «Комментариях» к собранию сочинений И.А. Крылова: И.А. Крылов. Сочинения в двух томах (М.: Художественная литература, 1984. Т. 2. 735 с.) отмечается, что «самые ранние басни Крылова – “Стыдливый игрок”, “Судьба игрока” и “Павлин и Соловей” – были напечатаны (анонимно) в 1788 г. в журнале “Утренние часы” и впоследствии не переиздавались» (6: 688). – Прим. М. Р.

венность рассказа, оживленного умными шутками, остротой, веселостью. И действительно, даже сегодня, спустя более чем 200 лет, строки из его басен звучат по-прежнему актуально, злободневно, свежо: «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку», «У сильного всегда бессильный виноват», «Где силой взять нельзя, там надобна ухватка», «Как бывает жить ни тошно, умирать еще тошней», «А ларчик просто открывался», «Быть сильным хорошо, быть умным лучше вдвое», «Про взятки Климычу читают, а он украдко кивает на Петра» и др.

Сегодня, перечитывая басни И.А. Крылова, мало кто задумывается о событиях, вызвавших их к жизни. Одна из известных крыловских басен – «Волк на псаарне», опубликованная в журнале «Сын отечества» в 1812 г. (ч. 1, № 2), своим появлением обязана переломным событиям Отечественной войны 1812 г. накануне изгнания интервентов. Наполеон, как известно, попытался в тот момент вести мирные переговоры. Как повествует предание, после исторического сражения под Красным, произошедшего 6 ноября 1812 г., М.И. Кутузов, пересказывая офицерам басню, при словах «ты сер» снял свою фуражку и, тряся наклоненной головой, произнес: «А я, приятель, сед».

Обращение баснописца к волнующим его современников событиям, видимо, также способствовало росту популярности И.А. Крылова.

Однако, несмотря на огромное количество сочиненных им басен (в общей сложности 236), была у И.А. Крылова, по свидетельству М.Е. Лобанова, и самая любимая – «Ручей» (17 ноября 1811 г. получено разрешение на печать, в 1812 г. напечатана), в которой автор затрагивает вечные вопросы бытия: главное действующее лицо – Ручей – зарекается быть добрым, справедливым и милостивым в отличие от бурной, полноводной, бурлящей Реки, сметающей все на своем пути, однако полностью забывает о своих обещаниях, едва став таким же, как она.

Причину невероятной популярности И.А. Крылова-баснописца, видимо, следует искать, во-первых, в универсальности сюжетов басен Крылова, во-вторых – в их «многослойности», аллегоричности и, наконец, в-третьих – в естественном языке, характерном для всех произведений писателя, в том числе и ранних.

С 1808 г. басни И.А. Крылова систематически печатаются в петербургском журнале «Драматический вестник». Еще через год, в 1809 г., из печати вышла книга «Басни Ивана Крылова», в которую вошли 23 произведения, из которых шесть были опубликованы впервые. Также книги басен И.А. Крылова выходили в 1811, 1815, 1816 и 1817 гг. В 1819 г. выходит собрание басен Крылова в шести частях. «Басни в шести частях» имели небывалый успех у читательской аудитории. В 1824 г. баснописец подготовил второе иллюстрированное издание басен – «Басни Крылова. В семи книгах. Новое, исправленное и дополненное издание». В 1830 г. А.Ф. Смирдин издал крыловские басни уже в «осми частях», за этим изданием последовали в короткий срок другие в различных форматах общим тиражом в 40 тыс. экземпляров, что на тот период представлялось невиданным явлением.

Последние басни Крылова были созданы в середине 1830-х годов, и издание басен в девяти частях было подготовлено баснописцем в конце жизни самим (книга была выпущена 8 декабря 1843 г., однако читатели ознакомились с ней только после смерти Крылова (часть тиража раздавалась на похоронах бесплатно)). Принято считать, что в этом последнем прижизненном издании выражена окончательная воля И.А. Крылова¹. В этом издании установлена композиция всего издания и произведен отбор басен (всего 193).

Как любопытный факт следует отметить то, что в этом последнем издании сам И.А. Крылов в оглавлении пометил звездочкой те басни, которые являлись переводными или были созданы по мотивам произведений других авторов, в первую очередь Эзопа, Федра и Лафонтена. Таких произведений оказалось 33.

3. И.А. Крылов как переводчик

Сама личность И.А. Крылова овеяна различными мифами, анекдотами, невероятными слухами (один из них – самостоятельное изучение древнегреческого языка на спор в весьма солидном возрасте и в короткий срок, что подтверждают известные его

¹ Известно, что И.А. Крылов постоянно дорабатывал свои басни, правил язык и др. – Прим. М. Р.

современники, в числе которых и А.С. Пушкин), которые сам писатель не торопился развенчивать¹.

По признанию многих современников писателя – впрочем, и сам он не отрицал этого, более того, даже усиленно способствовал распространению о себе подобного представления, – И.А. Крылов был неисправимый лентяй, человек, получавший необычайное удовольствие от того, чтобы ничего не делать. Однако, как показывает его литературное наследие, это совсем не так.

Занятия литературой у И.А. Крылова оказываются неразрывно связаны с переводческой деятельностью. По свидетельствам современников, изначально И.А. Крылов получал домашнее образование (учился грамоте), а затем наряду с изучением некоторых наук изучал иностранные языки в «приязненном семействе Львова, вместе с его детьми» (7: 51). К изучению языков И.А. Крылов оказался исключительно способен. М.Е. Лобанов свидетельствует, что «во французском языке первые уроки получил он от гувернера француза, жившего у тверского губернатора; потом продолжал учиться дома, сам собою, под надзором своей матери, Марии Алексеевны...» (там же).

Мария Алексеевна оставалась до конца своих дней самым близким человеком для И.А. Крылова, никогда так и не создавшего собственной семьи. Отец писателя умер, когда мальчику едва исполнилось 13 лет, и мать вынуждена была взять на себя все заботы о двух сыновьях – старшем Иване и младшем Льве. Будучи исключительно чутким человеком, Мария Алексеевна поняла дар, выпавший на долю ее старшему сыну, и всячески способствовала его развитию. В семье было принято чтение вслух, в том числе и собственных переводов иностранных произведений. М.Е. Лобанов пишет, что когда еще подростком И.А. Крылов читал матери свои переводы, «она останавливалась его иногда: “Нет, Ваня, это что-то не так! Возьми-ка ты французский словарь, да выправься-ка хорошенько”. Он исполнял приказание матери и действительно находил ошибки» (там же). Благодаря своей матери И.А. Крылов пристрастился к чтению с самого детства и на всю жизнь эту привычку сохранил.

¹ Более подробно об этом см. статью О.С. Крюковой «И.А. Крылов и его биографический миф» в наст. издании.

Неудивительно поэтому то, что И.А. Крылов хорошо знал не только отечественную литературу (хотя часто, видимо, лукавил, якобы не узнавая своих же строк: «Когда случалось повторять при нем какую-нибудь шутку или фарсу из прежних его комедий, он спрашивал: “Откуда это? чье это?” – “Ваше, Иван Андреевич”. – “Быть не может!” – “Да вот посмотрите, напечатано с вашим именем”» (7: 53)), но и зарубежную.

В 1789 г. И.А. Крылов затеял вместе с капитаном И.Г. Рахманиновым¹ выпускать журнал «Почта духов»². Издатели, извещая подписчиков о выпуске «Почты духов» (в крыловское время ударение падало в слове «духов» на второй слог), называли его «ежемесячным изданием» и «ежемесячно издаваемым собранием писем», т.е. изначально издание задумывалось как произведение одного автора, облеченнное в форму журнала³. Для нас это издание представляет интерес прежде всего в связи с его «переводным» характером: «Из 48 писем, вошедших в “Почту духов”, 23 являются довольно точными переводами (с некоторыми сокращениями, реже – с добавлениями и с изменением французских реалий на русские) из двух книг французского писателя-просветителя Жана-Батиста де Буайе маркиза д'Аржана (1704–1771), “Кабалистические письма”... и “Еврейские письма...”» (5: 433).

В дальнейшем И.А. Крылов также обращался к произведениям зарубежной литературы в поисках вдохновения. Так, «Речь, говоренная повесою в собрании дураков» восходит к античной литературе (например, «Похвальное слово плеши Синесия Киренского», 370–413 77. н.э., «Похвальное слово мухе» Лукиана,

¹ «Почта духов» печаталась в типографии И.Г. Рахманинова, и его инициалы были указаны на обороте титульного листа каждого выпуска. – *Прим. М. Р.*

² Журнал выходил как повременное издание, начиная с января 1789 г., и закончился на восьмом, августовском выпуске, поступившем, однако, подписчикам только в марте 1790 г. По-видимому, издание пришлось прекратить из-за усиления правительенного надзора над книгами в связи с тем, что после событий Французской революции в России наблюдалось общее ожесточение реакции. – *Прим. М. Р.*

³ Отметим, что до сих пор среди литературоведов не существует единого мнения, все ли письма, изданные в журнале «Почта духов», принадлежат И.А. Крылову, однако большинство исследователей приписывают авторство всех без исключения писем И.А. Крылову на том основании, что их все объединяет общий стиль (более подробно см.: 5: 433). – *Прим. М. Р.*

2 в. н.э., наконец, «Похвала глупости» Э. Роттердамского (1469–1536) и пр.

А найденная уже после смерти И.А. Крылова в его черновых бумагах и опубликованная впервые в «Журнале древней и новой словесности»¹ за 1819 г., январь, стр. 46–49, с подписью NN «Речь, в которой жалуется сапожник на жену свою» является точным переводом рассказа из специально подобранных примеров риторических фигур Мармонтеля, французского писателя конца XVIII в.²

А.П. Лободанов в статье «Ранние переводы русских поэтов из лирики Петрарки: Державин и Крылов» отмечает, что «русский XVIII век много переводил из иностранной словесности, чем способствовал расширению, распространению и укоренению просвещения в равной мере, как и становлению и развитию своего литературного языка» (8: 43). Еще ценнее в связи с творчеством И.А. Крылова нам представляется следующее замечание: «У крупнейших представителей русской словесности этого времени переводы и подражания отличались творческой самостоятельностью языкового выражения...» (там же).

Среди переводного наследия И.А. Крылова следует также отметить два перевода с итальянского – «Сонет к Нине» (перевод сонета Петрарки «Pace non trovo...», выполненный им в 1790-х годах, но опубликованный лишь после смерти баснописца, в 1847 г.) и «Мой отъезд» (перевод песни П. Метастазио «La Partenza» (напечатанный также после смерти И.А. Крылова, в 1793 г.) (более подробно разбор перевода из Петрарки, выполненного И.А. Крыловым, см.: 8: 50–55.)

Таким образом, И.А. Крылов, помимо литературной деятельности, занимался и переводами. Действительно, эти занятия не носили регулярного характера, и говорить о нем как о профессиональном переводчике вряд ли справедливо. Тем не менее не упомянуть и эту сторону деятельности «великосветского лентяя» было бы несправедливо.

¹ Авторство И.А. Крылова было установлено черновым автографом. – *Прим. М. Р.*

² Более подробно см.: <http://krylov.lit-info.ru/krylov/proza/perevod/zhaluetsya-sapozhnik-na-zhenu.htm>

4. Переводы басен И.А. Крылова на иностранные языки

Косвенным свидетельством признания таланта И.А. Крылова – баснописца можно считать и тот факт, что уже при его жизни некоторые его басни переводились на иностранные языки. В 1825 г. в Париже граф Орлов выпустил трехъязычное издание крыловских басен: 89 басен русского баснописца были переведены на итальянский и французский языки, как отмечалось в предисловии Лемонте, «именитейшими поэтами» (цит. по: 66: 690). В частности, басню «Гуси» на французский язык перевел Руже де Лиль, автор «Марсельезы».

В Азербайджане интерес к басенному творчеству И.А. Крылова прослеживается начиная с 30-х годов XIX в., когда на азербайджанский язык Аббас-Кули-Ага Бакиханов перевел басню «Осел и Соловей»; в 80-е годы XIX в. педагог, историк и переводчик Гасаналиага хан Карадагский (1848–1929) перевел более 60 басен И.А. Крылова на азербайджанский язык, а в 1938 г. была издана книга А. Шаига, в которую вошли переводы уже 97 басен.

Отметим также, что первый перевод крыловских басен на армянский язык был сделан в 1849 г., а на грузинский – в 1860 г.

Известны не только поэтические переводы басен И.А. Крылова на иностранные языки, но и прозаические. К таким переводам относятся переводы английского слависта Вильяма Рольстона. Н.В. Крицкая пишет, что во второй половине XIX в. в Англии отмечается повышенный интерес к русской словесности, в частности к басенному творчеству И.А. Крылова. В 1869 г. В. Рольстон выпустил книгу «Крылов и его басни» (1869), которая имела беспрецедентный успех и выдержала четыре переиздания (более подробно о переводах басен И.А. Крылова на английский язык см.: 3).

В настоящее время басни И.А. Крылова переведены более чем на 50 языков мира.

5. Заключение

Высоко оценивая вклад И.А. Крылова в развитие отечественной словесности, в частности в развитие басни как жанра, М.Е. Лобанов писал: «...басни его, т.е. истины, облеченные в при-

ятные формы аллегории, по чистоте и нравственности сделались как бы собственностью одних детей; но в них человечество вообще находит себе полезную пищу» (7: 59).

В.Г. Белинский, подводя итог творчеству И.А. Крылова, писал: «Изданиям И.А. Крылова потерян счет... Таким успехом не пользовался на Руси ни один писатель, кроме Ивана Андреевича Крылова. И будет еще время, когда его басни будут издаваться за один раз в числе 40 000 экземпляров» (1: 432).

Предсказание В.Г. Белинского полностью сбылось.

-
1. Белинский В.Г. Собрание сочинений в 9 т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 7. 799 с.
 2. Гаспаров М.Л. Басня // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НТК «Интелвак», 2001.
 3. Крицкая Н.В. Из истории русско-английского буквального перевода (специфика воспроизведения басен Крылова В. Ролстоном) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2017. Вып. 6. С. 112–116.
 4. Крылов И.А. Речь, в которой жалуется сапожник на жену свою. – Режим доступа: <http://krylov.lit-info.ru/krylov/proza/perevod/zhaluetsya-sapozhnik-na-zhenu.htm> (Дата обращения: 11.07.2019.)
 5. Крылов И.А. Сочинения в двух томах. М.: Художественная литература, 1984 а. Т. 1. 463 с.
 6. Крылов И.А. Сочинения в двух томах. М.: Художественная литература, 1984 б. Т. 2. 735 с.
 7. Лобанов М.Е. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // Иван Андреевич Крылов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1982. С. 50–90.
 8. Лободанов А.П. Ранние переводы русских поэтов из лирики Петрарки. Державин и Крылов // Сергиевские чтения. М.: Древлехранилище, 2005. 264 с.
 9. Цимбаева Е.Н. Крылов. М.: Молодая гвардия, 2014. 336 с.

С.А. Шульц

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКЕ РУССКОЙ САТИРЫ:

**А.Н. РАДИЩЕВ, И.А. КРЫЛОВ, А.С. ГРИБОЕДОВ,
Н.В. ГОГОЛЬ**

Аннотация. В аспекте исторической поэтики проанализировано развитие различных жанровых форм и жанрового содержания сатиры в творчестве А.Н. Радищева, И.А. Крылова, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя. Рассмотрены многосторонние переклички между их творчеством. Оспорено мнение о «публицистичности» русской сатиры XVIII в., показан ее паралитературный характер.

Ключевые слова: А.Н. Радищев; И.А. Крылов; А.С. Грибоедов; Н.В. Гоголь; историческая поэтика; русская сатира XVIII–XIX вв.

**Shulz S.A. To the historical poetics of Russian satire:
A.N. Radishchev, I.A. Krylov, A.S. Griboedov, N.V. Gogol**

Summary. In the aspect of historical poetics, the development of various genre forms and genre content of satire in A.N. Radishchev, I.A. Krylov, A.S. Griboedov, N.V. Gogol are shown. Multilateral interchange between the work of these authors are considered. The article disputes the opinion of the «publicism» of Russian satire of the 18th century, shows its paraliterature.

Keywords: A.N. Radishchev; I.A. Krylov; A.S. Griboedov; N.V. Gogol; historical poetics; Russian satire of the XVIII–XIX centuries.

Довольно распространено мнение, что русская сатира XVIII в. «по преимуществу публицистична. Стихотворность текстов или вынесенность сатирической ситуации на сценические подмостки вовсе не гарантируют сатирике эстетическую природу, без чего художественности как таковой нет»¹. С публицистичностью часто

связывают и то, что будто бы «Догоголевская сатира в русской литературе была инвективой, антагонистически отторгающей ненужный сатирический объект от нормативного субъекта сатирического высказывания (и такого же адресата)»².

Однако инвективность сама по себе еще не подразумевает публицистичности – достаточно назвать имена Аристофана или Мольера. Инвективность не означает также отсутствия художественности. В целом применение термина «публицистичность» к русской сатире XVIII в. не представляется оправданным. Будет более точным отнесение большинства ее проявлений к документально-художественным жанрам.

Освоение документального начала, разумеется, имеет место и вне сатиры – например, в средневековом героическом эпосе, в историческом романе, в XX в. – у А.И. Солженицына. Документальность входит в искусство на правах «правды факта», через внимание к реалиям и реальному. Подчеркнутый интерес к этому в сатире маркирован с помощью определенных групп хронопических ареалов: «политика», «светское общество», «забавный случай» и т.п. Безусловно, сатирический взгляд всегда предопределяет восприятие данных ареалов особым способом, под углом некоей насмешки, сомнения и т.п.

Специфика русской сатиры XVIII в. объяснима в том числе воздействием традиций Древней Руси, где природа словесности была паралитературной (т.е. выходящей за рамки только литературы как искусства). На этом фоне очевидна паралитературность сатиры XVIII в. К Радищеву, в частности, подобный термин относим в полной мере. Творчество Радищева – на границе с историей, социологией, философией, даже с теологией³. Сатира Крылова и тем более следующих за ним Грибоедова, Гоголя паралитературна лишь отчасти. Документальное же начало из художественного творчества двух последних уходит окончательно. Книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», содержащая серьезные элементы «документальности», относится преимущественно к внехудожественному жанровому ряду.

По поводу «Горя от ума» В.Ф. Одоевский употребил удачный термин «эпиграмма»⁴. Эпиграмма всегда личностна (в плане и адресата, и адресанта), ситуативна, погружена в социально-исторический контекст и вместе с тем несет моменты гиперболи-

зации, гротеска. Не будет преувеличением назвать эпиграмму одним из жанровых истоков сатиры XVIII–XIX вв., в том числе для рассматриваемых в настоящей статье авторов.

Выраженный интерес Радищева к проявлениям индивидуальной чувствительности делает его ярким приверженцем сентиментализма⁵. В «Путешествии из Петербурга в Москву», «Житии Федора Васильевича Ушакова», большинстве иных прозаических радищевских текстов в жанровом плане превалирует установка на документально-художественное начало. Однако Радищев в качестве «сатирика» не только проводит эту установку, но и пародирует, воспринимая ее с иронией. Это вызвано поиском им большей свободы самовыражения, вообще поиском игровых (в широком значении) подходов к искусству: отсюда, например, декларирование Радищевым «подражания» Л. Стерну, отсюда его «шутливые» поэмы.

Радищев был знаком с «Дон Карлосом» Ф. Шиллера⁶, он мог знать и шиллеровскую теорию игры как высокой эстетической и «воспитательной» иллюзии. Связь «игры» с «воспитанием» придает радищевскому «Путешествию...» элементы сатирического романа воспитания – воспитания правителей, высших классов, вообще читателей, но воспитания и самого автора, поскольку «Путешествие...» становится платформой для развития самосознания автора / повествователя, его духовно-эмоционального мира.

Считается, что проза Радищева написана излишне тяжеловесным языком. Сын Радищева объясняет, что после семилетнего обучения в Лейпцигском университете отец «забыл» русский язык и потом восстанавливал знание через чтение «священных книг», отсюда и архаика в его стиле⁷. Слишком простой ответ. Ведь в прозе Радищева много иронии, на основе архаики он создает массу неологизмов, обыгрывает старый язык в некоем философском смысле, сплетая старое с новым. Темноты его стиля – специальные, сознательные⁸. Пушкин как карамзинист прозу Радищева почти не оценил, но поэзию его, построенную на несколько иных принципах,ставил высоко.

Настоящая причина «архаичности» радищевского языка – в желании блеснуть знанием старых словечек, «обыграть» и «переиграть» уходящее и ушедшее в конструкциях-репрезентациях определенного типа сознания и мироотношения⁹. Это особенно

хорошо видно в большинстве поэтических текстов Радищева, а также в его «Житии Федора Васильевича Ушакова», где пародийно уже само название. «Житие...» наполнено ироническими нападками на «начальство», прежде всего потому Радищевым пригвождаемое, что оно ждет раболепия, «прислуживания» (ср. мотивы последующего «Горя от ума»). Но революционером Радищев не был: организаций не создавал, заговоров не устраивал. Его высказывания против царей и самодержавия всегда абстрактны.

В особенности подчеркивание / маркирование выбранных для художественного освещения определенных сфер свойственно классицизму в силу его нормативности. Крылов, включая его «басенный период», совсем не чужд рамок классицизма, точнее – «классицистического» сентиментализма. Все его «послания» в стихах и в прозе¹⁰, его драматургия четко обособляют ареалы, где возможно комическое осмияние. Это видно уже по многим названиям разножанровых крыловских текстов. «Классицистический» сентиментализм Крылова держится в рамках довольно нормированного изображаемого / изображенного мира (по топике и приемам).

А.В. Десницкий считал, что сатирические инвективы Крылова и Радищева не просто близки, но что имело место «влияние» второго на первого¹¹. Однако скорее нужно зафиксировать некое воздействие Крылова на Грибоедова: это касается сходного пафоса отстаивания самобытных традиций и резко укоризненного противопоставления мелких забот высших классов общества серьезным делам классов низших¹². Два последних момента были общими для всей европейской культуры XVIII – начала XIX в. – достаточно назвать неприятие Брауншвейгской династии в Англии¹³, «австриячки» Марии-Антуанетты во Франции, уличение в драматургии П.О. Бомарше высшего дворянства в пику смышленому слуге Фигаро и т.п.

Кроме того, во многом общими для Крылова и Грибоедова стали «легкий» слог и «легкая» эмоциональность их художественной атмосферы. Ведь «пламенность» Чацкого, как та ни выделяется, заметно «адсорбируется» в целостном контексте «легкого» мира «Горя от ума»: ср., в частности, образ пародийного Репетилова, «тушащего» «костер» речей Чацкого. Вместе с тем басенный стиль позднего Крылова уже ощутимо тяжелее, что вызвано тем, что он стал более скептично относиться к возможности исправления

социума, а также влиянием архаистической партии сторонников Шишкова¹⁴.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» даны очень высокие оценки Крылова, правда, лишь на основе его басен. Видимо, причина в том, что Гоголь решил откликнуться только на материал, знакомый ему в качестве текущего – современный ему самому. Ю.В. Манном проведено сближение плачевой истории Копейкина из первого тома «Мертвых душ» с условной ситуацией «в приемной знатного вельможи», описанной в журнале раннего И.А. Крылова «Почта духов»¹⁵. Крыловская апология дружбы («Рассуждение о дружестве») перекликается с соответствующим мотивом статьи Гоголя о пушкинском «Борисе Годунове» и ряда его писем, с символической метафизикой заглавия «Выбранных мест...», крыловские обличения моды – с соответствующими пассажами из «Выбранных мест...» и т.п.¹⁶

Мотив из повести Крылова «Каиб» об императиве честности художника перекликается с топикой «Портрета», «Выбранных мест...», «Авторской исповеди». Восточный антураж «Каиба» созвучен колориту статьи «Ал-Мамун» из «Арабесок», где представлена романтическая апология «художника» / «жреца» / «философа». Крылов и Гоголь солидарны в инвективах против комплиментарно-льстивого творца, комплиментарно-льстивого (лишь прислуживающего, подобно грибоедовскому Молчалину) сановника.

Описывая в «Каибе» дворец правителя, Крылов, в частности, заметил по поводу обманных изображений: «...многие комнаты украшены были живописью, обманывающею зрение, и надобно отдать справедливость Каибу, что хотя не пущал он ученых людей во дворец, но изображения их делали не последнее украшение его стенам. Правда, стихотворцы его были бедны, но безмерная щедрость его награждала великий их недостаток: Каиб велел рисовать их в богатом платье и ставить в лучших комнатах своего дворца их изображения, ибо он искал всячески поощрять науки; и подлинно, не было в Каивовом владении ни одного стихотворца, который бы не завидовал своему портрету»¹⁷.

Один из сквозных мотивов «Каиба» – философский вопрос релятивистского соотношения различных, в том числе полярных, точек зрения на один и тот же предмет (однозначный финал повести – лишь дань риторике). В связи с этим вспоминается замечание

Ю.М. Лотмана о том, что у Гоголя основное – «тема лжи, кажимости, соотношения реально существенного и мнимо существенного»¹⁸. Но реальная картина все же сложнее: Гоголь-писатель вступил в своеобразный «диалог» с ложью кажимостного. Уже в «Вие» показана некая «истина» инфернального: через красоту и «эстетическую» силу панночки-ведьмы. В «Портрете» зафиксирована могущественная «истина» чартковского портрета демонического ростовщика (портрет неумолимо распространяет свои чары), а в первом томе «Мертвых душ» – «истина» демонического Чичикова. «Диалог» Гоголя с инфернальным означает не столько некое «признание» прав того на существование, сколько признание имманентной оправданности того изнутри него же – признание его внутренней «истины». Комическое ее освещение Гоголем призвано дезавуировать ее.

Ю.В. Стенник заметил, что басня «всегда сюжетна и по-своему драматична»¹⁹, что на фоне раннего творчества Крылова подчеркивает закономерность его жанрового перехода к басне. Басня, обретшая после античности новую жизнь в классицизме XVII–XVIII вв., и у Крылова сохраняет связь с классицистическим началом – через определенную риторическую нормированность сюжета и персонажей. Хотя Крылов постоянно нарушает привычные законы риторики и самого жанрового канона басни, вкрапляя отдельную, специфическую иронию в самую общую ироничность. Жанр стихотворных сатирических посланий также восходит к классицизму²⁰, и у раннего Крылова он появляется как в собственно стихотворных текстах, так и в прозаических, что в последнем случае выглядит как пародия на ожидаемую стихотворность.

Даже когда Крылов высказывается во внесатирических границах, он нередко использует комическо-сатирические приемы. Например, в «Рассуждении о дружестве» отчасти иронически задета античность, а с нею – и современность: «Древние познали все благо любви, но они описания дружества сделали столь огромными, что заставили почитать оное за прекрасную выдумку, которой нет в природе. Кажется, они худо знали свойства человека, когда умышляли прельщать его такими описаниями и заставлять искать дружбы, столь богато раскрашенной ими: они как будто позабыли, что человек более склонен знатным примерам удивляться, нежели им последовать»²¹.

Гоголь же в своей апологии дружбы в статье о «Борисе Годунове», словно в пику Крылову, прямо обращается именно к рецепции античности, что вызвано пересмотром узкосентименталистских представлений в пользу мистическо-романтических: «Разогни перед ним великое творение. Читайте вместе, и если дивные его буквы не ударят разом в тайные струны сердец ваших, обратив в непостижимый трепет все нервы, не брызнут ответными слезами и души ваши почувствуют разъединение – закрой книгу и не трать пустых слов. Но если встретишь ты пламенно понимающее тебя чувство – прекрасную половину прекрасной души твоей, – потребуете ли вы друг от друга отчета? К чему бы послужил он вам, когда вы так чудно сливаетесь в одно? И какая презренная радость сравнится с тем мгновением, когда творение разом читается в вас? Как понимаете вы его? «Боже! – часто говорю себе: – какое высокое, какое дивное наслаждение даруешь ты человеку, поселя в одну душу ответ на жаркой вопрос другой! Как эти души быстро отыскивают друг друга, несмотря ни на какие разделяющие их бездны!»» (т. 7, с. 72)²².

Все «послания» Крылова, обладая свойством некоей документальности (они существуют в непосредственной опоре на действительность и обращены напрямую к ней), имеют заметное качество новеллистичности, т.е. яркой сюжетности с четко выраженным различными степенями, градусами напряжения этой сюжетности. В частности, смысловые «удары» инвектив или же неких просто занимательных пассажей четко просчитаны и логически выверены в контексте целого. Такая новеллистичность уже сама по себе делает крыловские «послания», при всей их паралитературности, полноценно художественными.

По поводу басен Крылова М.А. Гордин очень глубоко заметил: «Новаторство зрелого Крылова не исчерпывалось готовностью допустить в поэзию простонародный, мужицкий, до вульгарности трезвый взгляд на вещи. <...> Между Крыловым-автором и Крыловым – наивным рассказчиком басен сохраняется постоянная и ясно ощутимая интеллектуальная дистанция, благодаря которой басни Крылова, несмотря на свою подчеркнутую дидактическую форму, получают вид иронического, насмешливого поучения»²³.

Сходное сочетание дидактики и насмешки – в «Мертвых душах». Поэма столь же открыта иронии в ее разных вариациях,

сколько назиданию: одно трудно отделить от другого. Широко известно именование Гоголем крыловских басен «книгой мудрости самого народа» (т. 6, с. 179). Гоголь считает, что народ выражает себя в них словно своим непосредственным представителем «медиумом». Ю.В. Манну принадлежит мнение о близости речевой манеры почтмейстера в «Повести о капитане Копейкине» к басенному сказу, который под поверхностным «чистосердечием» скрывает сатирическое начало²⁴. А Ю.Н. Тынянов считал, что жанровое измерение басни заложено и в «Горе от ума»²⁵.

Пределы «русского просветительного века» точно маркированы А.Н. Веселовским: с одной стороны, дворцовым переворотом Екатерины II, а с другой – восстанием декабристов²⁶. Тем самым «Горе от ума» практически полностью вписывается в рамки просветительской эпохи, завершая ее и вместе с тем намечая выход в сферу предромантизма и романтизма.

У Грибоедова во многом то же «классицистическое» маркирование объектов сатирического критицизма, что и у Крылова, однако без попытки вкрапления «мужицкого» восприятия. В «Горе от ума» налицо соблюдение классицистической теории «трех единств»: действие протекает в пределах одного дня, в одном месте (фамусовском доме), преобладает одна интрига – сюжет обличений со стороны Чацкого и его последующего бегства. Вместе с тем введение героя исключительного типа и исключительного самосознания свидетельствует о выходе из «классицизма» в сферу предромантизма и даже романтизма. Начиная с Грибоедова и Гоголя русская сатира полностью отходит от документальности.

Пушкин сравнил Радищева, резко высказавшегося в своем «Путешествии...» в условиях, неблагоприятных для этого, с «сумасшедшим». Но ведь и о Чацком Пушкин писал как о человеке неумном, также не учитывая статус и контекст адресата своих обращений. Фигура Радищева могла послужить одним из прототипов Чацкого. Данный вывод важен на фоне суждений Ю.Н. Тынянова о главенстве в «Горе от ума» именно «выдумки о сумасшествии Чацкого»²⁷. Все монологи Чацкого по отбору и наполнению тем, их смысловых «ударов» напоминают о текстах Радищева и Крылова, при этом без радищевского отчаяния:

*Где, укажите нам, отечества отцы,
 Которых мы должны принять за образцы?
 Не эти ли, грабительством богаты?
 Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
 Великолепные соорудя палаты,
 Где разливаются в пирах и мотовстве,
 И где не воскресят клиенты-иностранны
 Прошедшего житья подлейшие черты. <...>
 Тот Нестор негодяев знатных,
 Толпою окруженный слуг;
 Усердствуя, они в часы вина и драки
 И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
 На них он выменил борзые три собаки!!!²⁸*

В «Ревизоре» тоже в немалой степени отдается дань теории трех единств: место действия – один город (хотя частные площадки событий могут переноситься), интрига сосредоточена вокруг одного момента – ожидания ревизора и самой ревизии, хотя вплоть до финала мнимой. Временные границы действия ненамного превышают один день. Было бы справедливо отметить в «Ревизоре» отдельные элементы классицизма, тем более заметные на фоне «Горя от ума». Гоголь увидел в грибоедовской комедии сочетание «негодованья лирического» с «беспощадной силой» «насмешки» (т. 6, с. 187); то же автор «Мертвых душ» мог бы сказать о самом себе.

Французский исследователь обнаружил в образе Хлестакова своеобразную метаморфозу Чацкого²⁹, однако более справедлива констатация И.Л. Вишневской «перехода» в Хлестакова пародии на Чацкого – Репетилова³⁰.

Некоторая паралитературность «Ревизора», как и всего гоголевского творчества, – в его обращенности также к теологии и этике. В соотнесенности с этими последними – специфика всякой сатиры вообще. «Развязка “Ревизора”» насыщена именно теологическими и этическими категориями, обращая финал комедии к эсхатологической перспективе³¹. В «Театральном разъезде» после представления новой комедии» единственным «честным, благородным лицом» «Ревизора» назван смех (т. 4, с. 467). Тем самым из «средства», из вида пафоса смех выдвинут в персонажи произведения, что оригинально развивает привычные эстетические

представления. Вместе с тем, описывая роль благородного смеха, Гоголь подчеркивает собственно художественные черты своего текста, именно его качество высокого искусства.

Хрестоматийно известно, что В.Г. Белинский призывал не расценивать «Мертвые души» в качестве сатиры. Однако в данном случае в расчет принималось слишком узкое, полностью однобокое понимание сатирических жанров вообще. Между тем оппонент Белинского С.П. Шевырёв верно отмечал, что сатира – единственное приемлемая форма искусства в современную эпоху, поскольку настоящее иных возможностей не дает³².

Сам по себе образ «мертвых душ» – преимущественно богословский, он апеллирует в первую очередь к теме бессмертия души, к которой в трактате «О человеке...» пришел и Радищев. С просветительской по типу и, в частности, с радищевской постановкой проблемы человека перекликается назидательный пассаж о Плюшкине в finale шестой главы первого тома поэмы. Это высказывание не о частном персонаже, а о человеке вообще, причем о смене его возрастов, что созвучно также с софокловской метафизической загадкой Сфинги Эдипу: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться! И похоже это на правду? Всё похоже на правду, всё может статься с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдает назад и обратно! Могила милосерднее ее, на могиле напишется: здесь погребен человек! но ничего не прочитаешь в хладных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости» (т. 5, с. 124).

С.П. Шевырёв акцентировал в первом томе «Мертвых душ» прежде всего качества высокого искусства, загадочно заметив, что автор-«Пoэт» (sic!) не волен в выборе своих предметов и тем. Критик проницательно указал на открытие Гоголем «внутреннего бытия» (т.е., раскроем мысль, открытие «души» в почти богословском значении) человека, русской и мировой жизни. Проанализировав сочетание комического и печального в поэме, в соответствии с последними авторскими пассажами первого тома Шевырёв

предположил, что в продолжении поэмы смех уступит место чистому пафосу возвышенного³³.

Собственно, Шевырёвым пересказан гоголевский замысел, предполагавший в продолжении поэмы выход за рамки «сатиры». Однако гоголевское искусство, сам тип творчества Гоголя уже изначально сочетали в себе комизм и возвышенное, причем на всех этапах развития писателя. Поэтому, пожалуй, шевыревский пересказ не вступал в противоречие с собственной эстетической теорией критика, выявляя взаимосвязь между смехом и патетикой, устремлением к идеальному.

¹ Тюпа В.И. Место Гоголя в истории русской сатиры // Гоголь как явление мировой культуры. М., 2003. С. 73–82.

² Там же.

³ По поводу связи с теологией см.: Костин А.А. Религиозные взгляды А.Н. Радищева // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24.

⁴ Одоевский В.Ф. Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии «Горе от ума» // Одоевский В.Ф. О литературе и искусстве. М., 1982. С. 23–29. Впоследствии Ю.Н. Тынянов также употребил в отношении «Горя от ума» термин «эпиграмма».

⁵ А.Н. Веселовский справедливо называет Радищева первым русским сентименталистом: Веселовский А.Н. Просветительный век и Александровская пора // Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Публистика. Поззия. М., 2002. С. 432. Ср. также: Орлов П.А. Русский сентиментализм. М., 1977; Фигур Р. Дискурс о возвышенном в русском сентиментализме: А. Радищев и Н. Карамзин // Русский текст. СПб., 1995. № 3. С. 47–59; Шульц С.А. Позма Гоголя «Мертвые души»: внутренний мир и литературно-философские контексты. СПб., 2017. С. 177–188.

⁶ Лотман Ю.М. Из комментариев к «Путешествию из Петербурга в Москву» // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 2.

⁷ Радищев Н.А. О жизни и сочинениях Радищева // Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Публистика. Поззия. М., 2002. С. 404.

⁸ Кочеткова Н.Д., Татаринцев А.Г. А.Н. Радищев // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3; Шульц С.А. Философия истории и формы ее воплощения в стихотворении А.Н. Радищева «Осмнадцатое столетие» и поэме А.А. Блока «Возмездие» // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. СПб.; Самара, 2005. Вып. 11.

⁹ В этом аспекте Радищев сопоставим с Лесковым, Ремизовым, Б. Шергиным.

- ¹⁰ К этой группе относимы многие крыловские тексты-«рассуждения»: «Речь, говоренная повесою в собрании дураков», «Рассуждения о дружестве», «Мысли философа по моде», «Похвальная речь науке убивать время» и т.д.
- ¹¹ *Десницкий А.В.* Молодой Крылов. Л., 1975.
- ¹² Хотя непосредственное отношение Грибоедова к личности Крылова не было однозначным: *Фомичев С.А.* Грибоедов. Энциклопедия. СПб., 2007. С. 211–212.
- ¹³ О чем писал, например, У. Теккерей: *Теккерей У. Четыре Георга // Теккерей У.* Собр. соч.: в 12 т. М., 1979. Т. 11. С. 511–622 (пер. с англ. И. Бернштейн).
- ¹⁴ Критик обозначил точную взаимозависимость: «Поздняя, медлительноплавкая осторожность у Крылова, раннее, огненное дерзание Грибоедова». – *Тхоржевский И.* Грибоедов // Лицо и Гений. М., 2001. С. 164.
- ¹⁵ *Манн Ю.В.* Смелость изобретения. Черты художественного мира Гоголя. 2-е изд. М., 1979. С. 107. См. также: *Павлинов С.А.* Источник «Повести о капитане Копейкине» в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Вопросы литературы. М., 1991. № 11–12; *Лебедева О.Б.* Эстетические и композиционно-структурные функции «Повести о капитане Копейкине» в поэме Гоголя «Мертвые души» // Русская повесть как форма времени. Томск, 2002.
- ¹⁶ Исследователями сравнивались мотивы «Ревизора» и наиболее знаменитой комедии Крылова: *Нечипоренко Н.В.* Традиция жанра шутотрагедии И.А. Крылова «Подщипа» в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Материалы XXXI зональной конференции литературоведов Поволжья. Елабуга, 2008. Ч. 1. С. 199–204. Исследователи проводили аналогии между Собакевичем, на-деленным непомерным аппетитом и страстью к застольям, и фигурой извест-ного своим чревоугодием Крылова: *Изотова Е.Е.* Миф об И.А. Крылове в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Филологические этюды. Саратов, 2009. Вып. 12. Ч. 1–2. С. 59–63.
- ¹⁷ *Крылов И.А.* Полн. собр. соч.: в 3 т. М., 1945. Т. 1. С. 347.
- ¹⁸ *Лотман Ю.М.* О «реализме» Гоголя // Труды по русскому и славянскому литературоведению. Новая серия. Вып. II. Тарту, 1996. С. 11–35.
- ¹⁹ *Стенник Ю.В.* Русская сатира XVIII в. Л., 1985. С. 131.
- ²⁰ Там же. С. 55.
- ²¹ *Крылов И.А.* Указ. соч. С. 325.
- ²² Все ссылки на Гоголя даются в основном тексте с указанием тома и страницы по изд.: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. М.; Киев, 2009–2010.
- ²³ *Гордин М.А.* И.А. Крылов // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 181.
- ²⁴ *Манн Ю.В.* Указ. соч. С. 110.
- ²⁵ *Тынянов Ю.Н.* Сюжет «Горя от ума» // «Век нынешний и век минувший...» Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» в русской критике и литературове-дении. СПб., 2002. С. 301–302. По поводу взаимосвязи Грибоедова с Крыло-вым И. Тхоржевский заметил, что первый «в широкой раме смелой комедии развернул то, что Крылов спрятал в небольшом ларчике басни». – *Тхоржев-ский И.* Указ. соч. С. 164.

- ²⁶ Веселовский А.Н. Просветительный век и Александровская пора // Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Публицистика. Поззия. М., 2002. С. 431.
- ²⁷ Тынянов Ю.Н. Указ. соч. С. 302. То же подчеркнуто в статье: Ильин В.Н. «Горе от ума» – «вечное» горе // Лицо и Гений. М., 2001. С. 213.
- ²⁸ Грибоедов А.С. Полн. собр. соч.: в 3 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 48.
- ²⁹ Bonamour J. De Čackij à Hlestakov: Les métamorphoses de l'esprit dans «*Gore ot utma*» de Griboedov // Cahiers du Monde Russe. Paris, 1989. № 30 (3–4). Р. 231–244.
- ³⁰ Вишневская И.Л. Гоголь и его комедии. М., 1976. С. 33–34. См. также: Лебедева О.Б. Мотивы и образы «Горя от ума» в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Лебедева О.Б. Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX в. М., 2014. С. 411–420; Кривонос В.Ш. Горе уму: «Горе от ума» в «Мертвых душах» // Кривонос В.Ш. Гоголь в русском литературном пространстве XIX–XX вв. Самара, 2017. С. 16–30.
- ³¹ Обзор эсхатологических трактовок финала «Ревизора» и попытку их развития см. в работе: Шульц С.А. Историческая поэтика драматургии Л.Н. Толстого (герменевтический аспект). Ростов-на-Дону, 2002. С. 188–189.
- ³² Шевырёв С.П. Визит к Бальзаку. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2018/09/09/367> (Дата посещения: 01.05.2019.)
- ³³ Шевырёв С.П. «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Русская критическая литература о произведениях Н.В. Гоголя. М., 1903. Ч. 2. С. 282–304.

Л.А. Трахтенберг

**И.А. КРЫЛОВ И Ж. де ЛАФОНТЕН:
ДИНАМИКА РЕЦЕПЦИИ**

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ басен И.А. Крылова и их источников в творчестве Ж. де Лафонтена. Восприятие Крыловым наследия французского поэта исследуется в двух аспектах: структурном и историческом. Показано, во-первых, как сюжеты Лафонтена трансформируются в творчестве Крылова, и во-вторых – как меняется со временем подход Крылова к интерпретации творчества Лафонтена. Эти изменения связываются со становлением репутации Крылова-баснописца в контексте развития русской литературы.

Ключевые слова: И.А. Крылов; Ж. де Лафонтен; басня; поэтика; сравнительное литературоведение; русско-французские литературные связи.

***Trakhtenberg L.A. Ivan Krylov and Jean de La Fontaine:
dynamics of reception***

Summary. The paper presents a comparative analysis of Ivan Krylov's fables and their source-texts by Jean de La Fontaine. The reception of La Fontaine's oeuvre by Krylov is viewed in two aspects: structural and historical. It is shown how Krylov transforms La Fontaine's plots and how Krylov's approach to La Fontaine's heritage changes with time. These changes are interpreted in connection with the establishment of Krylov's reputation as a fabulist in the context of Russian literary history.

Keywords: Ivan Krylov; Jean de La Fontaine; fable; poetics; comparative literature; Russian-French literary connections.

И.А. Крылов обращается к наследию Ж. де Лафонтена на всем протяжении творческого пути. По сообщению М.Е. Лобанова, уже в возрасте 14 лет Крылов переводит одну из басен Лафон-

тена (перевод не сохранился)¹. Литературная известность Крылова-баснописца начинается с подражаний Лафонтену. Это «Разборчивая Невеста», «Дуб и Трость», «Старик и трое Молодых» – первые басни Крылова, опубликованные в XIX в.: автор представляет их И.И. Дмитриеву², а затем они печатаются в январском и февральском номерах журнала «Московский зритель» за 1806 г. (Четыре басни Крылова публикуются еще в 1788 г. в журнале «Утренние часы»³, но они выходят без подписи, и об их принадлежности Крылову современники не знают.) Последние же басни Крылова, которые исследователи связывают с произведениями Лафонтена, – «Лев и Мышь» и «Два Мальчика», впервые опубликованные в журнале «Библиотека для чтения» соответственно в 1834 и 1836 гг., в конце творческого пути поэта⁴.

О значении Лафонтена для Крылова говорит В.А. Жуковский в рецензии на сборник «Басни Ивана Крылова», впоследствии переизданной под названием «О басне и баснях Крылова»⁵. Эта статья, где творчество русского баснописца оценено очень высоко, способствует становлению его литературной репутации. В рецензируемом сборнике большинство текстов восходят к Лафонтену. Поэтому Жуковский говорит прежде всего о мастерстве Крылова-переводчика, характеризуя его словами, которые в дальнейшем многократно применяют к творчеству самого Жуковского: «Переводчик в *прозе* есть раб, переводчик в *стихах* – соперник»⁶. И уже П.А. Плетнев в посвященном Крылову биографическом очерке, открывающем собрание сочинений поэта, изданное в 1847 г., обращает внимание читателя на то, что за годы, которые проходят после этой статьи Жуковского, творчество Крылова становится иным: большинство его басен оригинальны, переводы и подражания составляют лишь небольшую часть его наследия в этом жанре⁷.

Действительно, в обращении Крылова к творчеству Лафонтена можно проследить динамику. На протяжении трех десятилетий работы Крылова в жанре басни меняется не только доля переводов и подражаний в его творчестве, но и характер рецепции произведений французского поэта. Задача статьи – показать, как трансформируются сюжеты Лафонтена в интерпретации Крылова и как эволюционируют принципы этой трансформации.

В корпусе басен Крылова, состав которого определен последним прижизненным сборником, вышедшим в 1843 г., под-

ражания Лафонтену составляют около шестой части. Сборник включает 197 басен; из них с сюжетами басен Лафонтена с большей или меньшей степенью уверенности можно связать 33.

В большинстве случаев указания на связь басен с иностранными источниками дает сам Крылов. В оглавлениях прижизненных изданий басни, которые представляют собой «перевод или подражание»⁸, он обозначает астериском. В изданиях 1825 и 1830 гг. астериском отмечены 34 басни⁹. В издании 1843 г. функцию оглавления выполняет алфавитный указатель, в котором одна и та же басня, если ее название состоит более чем из одного знаменательного слова, может значиться дважды и даже трижды: например: «Виноград (Лисица и)*» и «Лисица и Виноград*», «Невеста (Разборчивая)*» и «Разборчивая Невеста*», «Госпожа и Две Служанки*», «Две Служанки (Госпожа и)*», «Служанки (Госпожа и Две)*»¹⁰. При этом одна и та же басня, как правило, отмечена астериском при всех упоминаниях, но иногда – только при одном (такой разнобой, видимо, объясняется опечатками, нередкими в этом издании¹¹). Всего в издании 1843 г. таким образом выделены 33 текста – все те же, что и ранее, кроме басни «Муха и Дорожные»: в предшествующих изданиях она обозначена как подражание, но в последнем прижизненном сборнике это указание снято. Из этого числа 30 басен отмечены астериском под основными названиями. Еще в трех случаях астериск стоит только при вариантических названиях, с измененным порядком слов, а при основных – отсутствует: это басни «Откупщик и Сапожник», «Мальчик и Змей», «Дикие Козы» (первая восходит к Лафонтену, две другие – к Эзопу).

В числе 34 басен, указанных Крыловым как подражания, 28 – из Лафонтена (включая ряд текстов на античные, прежде всего эзоповские сюжеты) и шесть – непосредственно из Эзопа. Среди этих шести – басня «Лев и Лисица», имеющая сюжетный аналог у Лафонтена – «Верблюд и плавающие бревна» («Le Chameau et les Bâtons flottants»), – который, однако, намного дальше от греческого образца, чем версия Крылова¹².

Исследователи творчества Крылова расширяют круг басен, связанных с произведениями Лафонтена¹³. С баснями французского автора сопоставляют еще пять произведений Крылова (три из которых – на сюжеты античного происхождения). Однако, как

будет показано ниже, все они дальше от Лафонтена, чем те басни, которые Крылов признает подражаниями. Кроме того, басня «Оракул» находит отдаленное соответствие в произведении Лафонтена, относящемся к другому жанру, – сатирических стансах, посвященных К. Коллете¹⁴.

По периодам творчества Крылова подражания Лафонтену распределены неравномерно. 12 из них появляются в печати еще до первого авторского сборника – в 1806–1808 гг. Еще пять текстов впервые печатаются в 1809 г. в книге «Басни Ивана Крылова». Таким образом, на 1806–1809 гг. приходится более половины всех басен Крылова, восходящих к Лафонтену. Всего за 1800-е годы Крылов публикует 29 басен; таким образом, из произведений этого периода подражания Лафонтену также составляют более половины. Сборник 1809 г. включает 23 басни; подражаний Лафонтену среди них 15, т.е. две трети всех текстов.

В дальнейшем Крылов обращается к наследию Лафонтена заметно реже. Из 111 басен, опубликованных Крыловым в 1810-е годы, подражаний Лафонтену лишь восемь. На протяжении 1820-х годов Крылов публикует 29 басен, из которых к произведениям французского поэта восходят шесть. Из 28 басен Крылова, вышедших в 1830-е годы, с творчеством Лафонтена связаны всего две.

Различия в трактовке наследия Лафонтена между периодами творчества Крылова – не только количественные, но и качественные. Они проявляются и в форме басен, и в их смысле. Чтобы продемонстрировать их, требуется охарактеризовать формы рецепции иноязычных образцов, реализованные в баснях Крылова.

Некоторые басни Лафонтена Крылов довольно точно переводит на русский язык. Например, он передает последовательность образов в басне «Дуб и Трость» («*Le Chêne et le Roseau*» Лафонтена), структуру диалога в басне «Волк и Ягненок» («*Le Loup et l'Agneau*»), подробности событий и детали монолога в басне «Волк и Журавль» («*Le Loup et la Cicogne*»). Конечно, даже в тех случаях, где русская версия в основном близка к французскому оригиналу, между ними можно заметить некоторые отличия. Например, в басне «Волк и Ягненок» Крылов вводит тему суда («Но, делу дать хотя законный вид и толк») в завязке, тогда как у Лафонтена она оформляет финал¹⁵. Но иногда Крылов, напротив, кардинально перерабатывает заимствованный из французского источника сюжет.

Модели трансформации образцов в баснях Крылова разнообразны. Эти модели различаются по масштабу изменений: от замены, устранения или добавления отдельных мотивов до полной структурной и семантической перестройки текста. Они действуют как в сюжетной части басни, так и в морали. В одних случаях трансформации образной и композиционной структуры не приводят к существенному изменению содержания, в других же смысл меняется, иногда радикально.

Трансформации сюжетной части выражаются в замене мотивов, образов действующих лиц, в сокращении или расширении текста.

Распространенный тип трансформаций – замена отдельных мотивов. Этот прием особенно заметен там, где мотивы культурно-специфичны. Например, если у Лафонтена в басне «Девушка» (*«La Fille»*) невеста отвергает одного из женихов из-за того, что ему недостает ума: *«L'un n'avoit en l'esprit nulle délicatesse»* (198), – то в «Разборчивой Невесте» Крылова причины иные: «Тот не в чинах, другой без орденов; / А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты» (14).

Довольно часто заменяются образы действующих лиц при сохранении сюжета и смысла произведения. Так, в басне «Мор Зверей», соответствующей *«Les Animaux malades de la peste»* Лафонтена, в роли жертвы выступает вол, тогда как у французского поэта – осел. Еще М.Е. Лобанов обращает внимание на то, что замена персонажа означает смысловой сдвиг, так как характеры персонажей разные: басенский осел глуп, а вол у Крылова просто-дущен¹⁶. Кроме того, эта замена дает поэту возможность ввести звукоподражание в словах персонажа (оно отмечено критикой как пример художественного мастерства¹⁷): «В свой ряд смиренный Вол им так мычит: – «И мы / Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы / Нам были худы <...>»» (43). В басне «Лев на ловле» у Крылова льва сопровождают собака, волк и лиса, а у Лафонтена – корова, коза и овца (*«La Génisse, la Chèvre, et la Brebis, en société avec le Lion»*). В басне «Муха и Пчела» заменен заглавный персонаж: пчела у Крылова соответствует муравью у Лафонтена (*«La Mouche et la Fourmi»*).

Отчасти сходный пример представляет басня «Вороненок»: у Лафонтена в этом эзоповском сюжете – просто ворон (*«Le*

Corbeau voulant imiter l'Aigle»). В тексте он характеризуется эпитетом *gaillard* (76) – ‘веселый, игривый’; получается, что неразумное поведение персонажа Лафонтен мотивирует характером, а Крылов – молодостью и недостатком опыта.

В некоторых случаях Крылов излагает сюжет короче, чем Лафонтен, а в других, наоборот, более пространно, дополняя басню новыми подробностями. Примером сокращения служит басня «Муха и Пчела». В басне Лафонтена «La Mouche et la Fourmi» почти нет слов от автора: текст состоит из двух монологов – мухи и муравья, причем последний заметно длиннее первого. У Крылова же монолог пчелы, напротив, существенно короче слов мухи.

Нередко Крылов, напротив, расширяет текст. Например, в басне «Откупщик и Сапожник» по сравнению с басней Лафонтена «Le Savetier et le Financier» добавлена детализированная характеристика богача-откупщика в экспозиции:

*Богатый Откупщик в хоромах пышных жил.
Ел сладко, вкусно пил;
По всякий день давал пиры, банкеты;
Сокровищ у него нет сметы.
В дому сластей и вин, чего ни пожелай:
Всего с избытком через край.
И, словом, кажется, в его хоромах рай.
Одним лишь Откупщик страдает,
Что он не досыпает (67).*

В оригинале этому фрагменту соответствуют всего три стиха с эффектным параллелизмом, но без подробностей:

*Son voisin, au contraire, étant tout cousu d'or,
Chantoit peu, dormoit moins encor:
C'étoit un homme de finance (226).*

Расширена по сравнению с басней Лафонтена «Le Lion devenu vieux» начальная часть в басне «Лев состаревшийся». А в басне «Пастух и Море» расширение вступительной характеристики пастуха носит концептуальный характер, выражая общественную позицию Крылова. Лафонтен в басне «Le Berger et la Mer» пишет:

*Du rapport d'un troupeau, dont il vivoit sans soins,
Se contenta long-temps un voisin d'Amphitrite:
Si sa fortune étoit petite,
Elle étoit sûre tout au moins (111).*

Крылов амплифицирует тему спокойствия и довольства малым:

*Пастух в Нептуновом соседстве близко жил:
На взморье, хижины уютной обитатель,
Он стада малого был мирный обладатель,
И век спокойно проводил.
Не знал он пышности, зато не знал и горя,
И долго участью своей
Довольней, может быть, он многих был царей (169).*

Особое значение имеют модификации морали. Она может перемещаться на другую позицию в тексте, сокращаться или расширяться; иногда детализация оригинала уступает место абстрактной формуле; в некоторых случаях, наконец, мораль как композиционный блок устраняется вовсе, так что читатель должен сам выводить нравоучение из сюжета.

Так, в басне Лафонтена «L’Ours et l’Amateur des jardins» она сформулирована в двух стихах и помещена в конце текста. Крылов в басне «Пустынник и Медведь», не меняя общего смысла, расширяет мораль до четырех стихов и перемещает ее в начало, причем афористическую формулировку Лафонтена: «Rien n'est si dangereux qu'un ignorant ami; / Mieux vaudroit un sage ennemi» (240) – превращает в еще более краткую: «Услужливый дурак опаснее врага» (109); максимы обоих баснописцев входят в национальный фразеологический фонд¹⁸.

В басне Лафонтена «Les deux Pigeons» мораль начинается обращением поэта к читателям и завершается обращением к себе – по существу, лирическим отступлением. Крылов в басне «Два Голубя» снимает заключительную часть морали, а вступительную дает в другой формулировке.

Иногда Крылов, не меняя общего смысла, устраивает детализацию оригинала и формулирует идею в общих словах. Например, басня Крылова «Лягушка и Вол», как и басня Лафонтена «La

Grenouille qui se veut faire aussi grosse que le Bœuf», направлена против людей, живущих не по средствам. Но если Лафонтен приводит три примера:

*Le monde est plein de gens qui ne sont pas plus sages:
Tout bourgeois veut bâtrir comme les grands seigneurs.
Tout petit prince a des ambassadeurs,
Tout marquis veut avoir des pages* (35), –

то у Крылова мораль приобретает абстрактный характер:

*Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин?* (13)

В басне Крылова «Петух и Жемчужное Зерно» сюжет, восходящий к Эзопу, изложен столь же кратко, как у Лафонтена в басне «Le Coq et la Perle», но мораль другая, хотя и сходная по смыслу. Лафонтен в качестве морали излагает дополнительный сюжет – о невежде, унаследовавшем ценную рукопись, которой он предпочитает деньги. Крылов же придает морали форму дидактической максимы:

*Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк* (60).

Иногда Крылов устраняет мораль, предоставляя читателю сделать выводы самому. Так, басню «Le Renard et les Raisins» Лафонтен завершает моралью в один стих – риторическим вопросом; Крылов в басне «Лисица и Виноград» отказывается от морали во все. Басню «La Poule aux œufs d'or» Лафонтен открывает абстрактной максимой, затем излагает сюжет и после него помещает мораль объемом в четыре стиха; можно сказать, что в произведении две морали – в начале и в конце. Крылов в басне «Скупой и Курица» поступает иначе: мораль помещена в начале, причем ее основу составляет перевод вступительной формулы Лафонтена, а дидактическое заключение оригинала устранило.

Во всех приведенных примерах изменения не затрагивают сюжетной основы текста и основной идеи. Однако в корпусе басен

Крылова есть ряд примеров радикальной переработки образца, его структурной перестройки, которая часто означает и переосмысление взятого за основу сюжета. Переработка может заключаться в перестановке крупных композиционных блоков; в устраниении, добавлении или замене концептуально важных звеньев сюжетной цепи; в изменении адресации дидактической установки, основанной на изменении сюжета; наконец, в создании нового сюжета с новым смыслом на базе некоторых элементов прежнего.

Перестановка композиционных блоков происходит в баснях «Пустынник и Медведь» и «Откупщик и Сапожник». В обоих случаях она затрагивает экспозицию.

В басне «Откупщик и Сапожник», как и в басне Лафонтена «Le Savetier et le Financier», экспозиция состоит из двух крупных частей, в которых даются характеристики двух персонажей – богача и бедняка. По сравнению с французским образцом порядок этих частей в басне Крылова меняется, что отражается и в названии. Лафонтен сначала рассказывает о сапожнике, потом – о богаче; Крылов – наоборот.

В более ранней басне Крылова – «Пустынник и Медведь» – экспозиционная часть больше, чем в басне «Откупщик и Сапожник». Крылов излагает ее другими словами, нежели Лафонтен в басне «L’Ours et l’Amateur des jardins», и притом меняет характеристику персонажа-человека: у французского баснописца это не пустынник, а старик-садовод.

Принципиальные изменения сюжета происходят в баснях «Лев и Комар», «Муха и Пчела», «Лев и Мышь». В первом случае сюжет сокращается, во втором – дополняется, в третьем происходит инверсия как исходной ситуации, так и дальнейшего развития действия.

Основой басни Крылова «Лев и Комар» служит басня Лафонтена «Le Lion et le Moucheron». Крылов устраниет заключительное звено исходного сюжета, и это принципиально меняет смысл текста. У Лафонтена, как и у Эзопа в басне «Комар и лев» («Κόνιοψ καὶ λέων»)¹⁹, комар побеждает льва, но затем попадает в сети к пауку. Существенно, что если у Эзопа комар бросает вызов льву и нападает на него, поэтому финал воспринимается как заслуженное наказание, то басня Лафонтена открывается словами льва, который оскорбляет комара. Сохраняя мысль Эзопа: «Басня

обращена против того, кто побеждал великих, а побежден ничтожным»²⁰, – Лафонтен дополняет ее еще одной, обращенной к другому персонажу: иногда того, кто меньше всех, надо больше всего бояться. Мораль в его басне такова:

*Quelle chose par-là nous peut être enseignée?
J'en vois deux, dont l'une est qu'entre nos ennemis
Les plus à craindre sont souvent les plus petits;
L'autre, qu'aux grands périls tel a pu se soustraire,
Qui périt pour la moindre affaire (68).*

Крылов же завершает басню победой комара; эпизод гибели комара исключается. Из двух элементов морали Лафонтена Крылов сохраняет лишь первый – тот, которого не было у Эзопа, но расширяет его, излагая с другой точки зрения: выражая сочувствие к слабому, а не страх перед ним; нравственный смысл в итоге не тот, что у Лафонтена и тем более у Эзопа. Мораль Крылов помешает не в конце басни, как у Эзопа и у Лафонтена, а в начале:

*Бессильному не смейся,
И слабого обидеть не можи!
Мстят сильно иногда бессильные враги:
Так слишком на свою ты силу не надейся! (78)*

Во всех трех версиях басня направлена против гордыни. Но если Эзоп осуждает гордыню слабого, а Лафонтен – также и гордыню сильного, то Крылов обращается лишь к сильному, порицая его самонадеянность; слабый остается победителем.

В басне Крылова «Муха и Пчела» сюжет Лафонтена (в свою очередь, восходящий к Федру), напротив, получает продолжение. У Лафонтена в басне «Муха и муравей» («La Mouche et la Fourmi») муха хвастается тем, что ведет роскошную жизнь, часто бывая во дворце; муравей отвечает, что ее там не рады видеть. Ее безделью он противопоставляет свой образ жизни – труд. Басня завершается его монологом, составляющим больше половины объема текста. Однако Крылов отбрасывает апологию труда, которой завершается басня Лафонтена. Монолог пчелы, соответствующей муравью у Лафонтена, он обрывает на словах о том, что муху отовсюду

гоняют, и противопоставляет этим словам заключительную реплику мухи:

– «*Вот*», Муха говорит: «гоняют! Что ж такое?
Коль выгонят в окно, так я влечу в другое» (195).

В этой басне Крылова, как и у Лафонтена, нет морали. Но смысл ясен из диалога персонажей, и он меняется по сравнению с французским образцом. В образе мухи Лафонтен выражает два недостатка: лень и бесстыдство – и сосредоточивает внимание главным образом на первом; Крылов же переносит акцент на второй. Конечно, у Крылова правда на стороне пчелы, как у Лафонтена – на стороне муравья. Но, оставляя за мухой последнее слово, Крылов указывает на то, что наглость берет верх над честностью. Этот пессимистический финал означает сдвиг в сторону иной, также традиционной, модели сатиры: если Лафонтен утверждает добродетель, то Крылов сожалеет о настойчивости порока.

В басне Крылова «Лев и мышь» сюжет развивается в противоположном направлении, нежели у французского баснописца. Лафонтен в басне «Лев и крыса» («Le Lion et le Rat») вслед за Эзопом²¹ рассказывает, как лев ловит крысу, но она просит пощады, и он отпускает ее; потом лев попадается в сети, но крыса перегрызает веревки и спасает его. У Крылова же все иначе: мышь просит у льва позволения поселиться рядом с ним, но он отказывает и прогоняет ее; когда лев попадается в сети, он пытается вырваться, но тщетно, и лишь тогда вспоминает, что мышь могла бы ему помочь.

Меняется и мораль. У Лафонтена в этой басне две морали, обращенные к образам двух персонажей: первая, в начале, – о том, что надо помогать всем, так как даже у слабейшего, быть может, придется просить помощи (та же мораль у Эзопа); вторая, в конце, – о том, что терпение и время способны сделать больше, чем сила и ярость (в древнегреческой басне этой идеи нет). Крылов устраняет вторую мораль, а первую, поместив в конце басни, модифицирует, выражая ее с помощью русской пословицы: «Не попусту в народе говорится: / Не плой в колодезь, пригодится / Воды напиться» (250). И благодаря этой морали, а также новой завязке смысл ока-

зывается иным. Если Эзоп и Лафонтен в этой басне призывают делать добро, то Крылов учит не делать зла.

Примерами переадресовки дидактической интенции служат басни «Котел и Горшок» и «Лисица и Осел». В обоих случаях Крылов, модифицируя сюжет источника, перемещает фокус внимания от одного персонажа к другому.

В басне «Котел и Горшок», основой которой служит басня Лафонтена «Глиняный горшок и железный горшок» (*«Le Pot de terre et le Pot de fer»*, на античный сюжет²²), Крылов реализует иную нарративную технику, нежели в источнике. В басне Лафонтена важную роль играет диалог. Крылов в данном случае отказывается от прямой речи: рассказ на всем протяжении текста ведется в третьем лице. Но главное – то, что Крылов модифицирует сюжет, тем самым меняя смысл.

У Лафонтена железный горшок зовет глиняный путешествовать. Тот отказывается, боясь разбиться. Но железный горшок уговаривает его, обещая закрыть его от ударов и тем самым уберечь от опасности. Однако когда они отправляются в путь, то начинают сталкиваться, и вскоре глиняный горшок разбивается.

Крылов вводит развернутое вступление, отсутствующее у французского автора. У Крылова сюжет начинается с того, что горшок заводит дружбу с котлом. Когда котел зовет горшок в путь, тот не боится. По дороге они ударяются друг о друга, однако горшок по-прежнему бесстрашен и лишь гордится знакомством с котлом; в итоге он, как и у Лафонтена, рассыпается на куски.

Мораль внешне сходна: у Лафонтена – «*Ne nous associons qu'avec que nos égaux*» (144), у Крылова – «равенство в любви и дружбе вещь святая» (198). Но благодаря сюжетным различиям подтекст у этого совета оказывается разным. Изображая конфликт людей высокого и низкого общественного положения, Лафонтен выдвигает на первый план первых, которых обвиняет в безответственности, а Крылов – вторых, которых призывает к осторожности.

В басне «Лисица и Осел» Крылов развивает восходящий к Федру сюжет о льве, который, обессилен от старости, вынужден терпеть оскорблений даже от осла. Басня Лафонтена на этот сюжет – «Состарившийся лев» (*«Le Lion devenu vieux»*). Кроме «Лисицы и Осла», Крылов пишет на этот сюжет басню «Лев состаревшийся». Судя по сохранившимся рукописям, над этими баснями Крылов

работает одновременно: их черновики находятся на одном и том же листе²³. Впервые они опубликованы в одном и том же издании – альманахе «Северные цветы» за 1825 г.²⁴ В сборниках басен 1825 и 1830 гг. Крылов даже печатает эти тексты подряд²⁵, тем самым предлагая читателю их сопоставить. В изданиях 1834 (двухтомном), 1840 и 1843 гг., однако, Крылов их разделяет²⁶.

Басня «Лев состаревшийся» близка к образцу Лафонтена. В басне же «Лисица и Осел» тот же по существу сюжет изложен с другой точки зрения – не льва, а осла. Если в басне «Лев состаревшийся» преобладает повествование в третьем лице, а завершается текст словами от лица Льва, замещающими мораль, то в басне «Лисица и Осел», напротив, лишь мораль дается от автора; сюжетная часть представлена диалогом заглавных персонажей, где лисица задает вопросы, а осел ведет рассказ. Как отмечает В.Ф. Кеневич, подобная форма для Крылова нехарактерна²⁷. Изображая осла «изнутри» – с помощью прямой речи, Крылов в этой версии сюжета сосредоточивает внимание на его фигуре. В басне «Лев состаревшийся» поэт передает чувства того, кто становится жертвой подлости; в басне «Лисица и Осел» – прежде всего обличает подлеца.

В некоторых баснях, наконец, происходит коренная перестройка сюжета. Возможны два случая. В одном случае сохраняется ядро сюжета, но меняются и приемы его разработки, и смысл; в другом от исходного сюжета остаются лишь отдельные элементы, которые выступают в новой комбинации, с присоединением иных, в источнике отсутствующих.

Образец перестройки традиционного сюжета представляет собой басня «Ворона». В ней Крылов излагает восходящий к Эзопу сюжет о птице, украсившей себя чужими перьями, намного более пространно, чем Лафонтен в басне «Сойка, украшенная перьями Павлина» («Le Geai paré des plumes du Paon»)²⁸. В данном случае различия столь значительны, что едва ли стоит говорить именно о созданной Лафонтеном версии сюжета как об основном источнике произведения Крылова. Объем басни Лафонтена составляет 14 стихов; в басне Крылова – 35 стихов. Крылов, в отличие от Лафонтена, дает большой внутренний монолог персонажа. Мораль у Лафонтена помещена в конце басни, а у Крылова – в начале, в завершающей же части следует сопоставимый по функции

с моралью дополнительный сюжет о купеческой дочери, которая выходит замуж за дворянина. Смысл морали у русского и французского поэтов принципиально разный: басня Лафонтена направлена против плагиаторов, басня Крылова – против тех, кто стремится к более высокому социальному положению.

Значительные различия и в объеме, и в трактовке сюжета есть также между басней Крылова «Волк и Пастухи» и басней Лафонтена «Le Loup et les Bergers». Басня Крылова намного короче: в ней всего восемь стихов, тогда как у Лафонтена – 41. Сюжет у Крылова проще, чем у Лафонтена. У французского баснописца действие состоит из двух звеньев: сначала волк раскаивается в своей жестокости и хочет перестать есть мясо, но потом отказывается от этого решения, увидев, как пастухи едят ягненка. В каждой из двух частей волк произносит монолог. В басне Крылова – лишь один эпизод. Волк видит, что пастухи потрошат барана, и говорит: «Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья, / Когда бы это сделал я!» (155). Басня Лафонтена заканчивается моралью; у Крылова морали нет.

Сюжет о волке и пастухах античного происхождения: Плутарх в «Пире семи мудрецов» излагает его как эзоповский, но в основной сборник басен Эзопа он не входит²⁹. Античный образец краток, и басня Крылова ближе к нему, чем к версии Лафонтена. Поэтому, скорее всего, следует думать, что Крылов обрабатывает именно древнегреческий источник, а не французский³⁰.

Примером создания нового сюжета на базе отдельных элементов прежнего служит басня «Котенок и Скворец». Ж. Флери отмечает ее сходство с басней Лафонтена «Кошка и два воробья» («Le Chat et les deux Moineaux»)³¹. В.Ф. Кеневич справедливо возражает, что это сходство лишь отдаленное³².

Сюжет басни Лафонтена следующий. Кошка и воробей с детства живут рядом и дружат; воробей живет в своей клетке, кошка играет с ним, не причиняя ему вреда. Но прилетает второй воробей и ссорится с первым. Кошка вмешивается и съедает воробья-чужака. Узнав, что воробьи вкусны, она съедает и другого.

В басне Крылова тоже три персонажа: скворец, щегленок и котенок. Скворец дружит с котенком. Котенок голоден; скворец советует ему съесть щегленка. Котенок колеблется, и скворец уговаривает его:

«Но совесть...» – «Как ты мало знаешь свет!
Поверь, что это сущий бред,
И слабых душ одни лишь предрассудки,
А для больших умов – пустые только шутки!
На свете кто силен,
Тот делать все волен <...>» (208).

Котенок, послушавшись совета, съедает щегленка, но по-прежнему голоден. Тогда, обратившись к скворцу с саркастической благодарностью: «Спасибо, милый кум! / Наставил ты меня на ум» (208), – котенок съедает его.

Между двумя баснями несколько общих сюжетных элементов. В каждой из них три персонажа: две птицы и кошка, которая вначале как будто дружит с одной из птиц; затем, однако, кошка съедает сначала вторую птицу, а потом и первую – своего мнимого друга. Из трех персонажей два – заглавные и центральные; они вводятся в действие с самого начала, третий – позже. Однако при сходстве расстановки персонажей и финала различны ход событий, система психологических мотивировок и, соответственно, дидактический смысл.

У Лафонтена воробья до поры спасает лишь неведение кошки; стоит кошке узнать вкус этой птицы, и природа хищника заставляет ее забыть о мнимой дружбе. Роль жертвы в этом сюжете исключительно пассивная; вина возлагается на хищника. Басня предостерегает: сколько бы злодей ни притворялся добрым, ему не следует верить, пусть даже он сам убежден в своей искренности.

У Крылова в образе котенка сильнее антропоморфное начало, чем у Лафонтена. Помимо способности к дружбе он наделен еще одной человеческой чертой – совестью. Именно она мешает ему делать зло, но он забывает о ней, следуя совету скворца. Роль скворца – активная: он искушает своего товарища, однако сам становится жертвой собственного цинизма. Виновны оба. Басня выражает мысль о вреде аморальных учений: скворец, рассуждая, «философию всю вычерпал до дна» (208) – и в то же время мысль о том, что безнравственность не остается безнаказанной и, более того, заключает в себе причину своего наказания.

Еще один пример нового сюжета на основе элементов прежнего – «Два Мальчика», одна из последних басен Крылова.

Ж. Флери сближает ее с басней Лафонтена «Обезьяна и кошка» («*Le Singe et le Chat*»)³³; Кеневич высказывает сомнения в значимости совпадений³⁴. Действительно, различия несомненны, начиная с того, что в названной басне Лафонтена действуют животные, а у Крылова – люди; в то же время есть и сходство.

У Лафонтена обезьяна и кошка, уже привыкшие к воровству, видят каштаны, которые жарятся в камине, и решают ими полакомиться. Обезьяна уговаривает кошку достать каштаны, прельзящая ее тем, что это трудное дело, и объясняя, что сама она по своей природе к нему неспособна. Кошка таскает каштаны из огня, обезьяна ест, и так продолжается до тех пор, пока их не застает служанка; кошка остается голодной. Мораль басни политическая: она адресована князьям (*princes*), которые разоряют провинции, доставляя доход королю.

У Крылова мальчик Федя уговаривает товарища – Сеню идти рвать каштаны в саду. Тот недоумевает, как достать их с высокого дерева; Федя объясняет, что Сеня должен подсадить его на ветку, и тогда каштанов хватит обоим. Сеня с трудом помогает Феде залезть на ветку. Тот, сидя на дереве ест, а Сене достается лишь скорлупа от каштанов. Мораль Крылова формулирует иносказательно, применяя сюжет не к политике, а, очевидно, к службе, где один, воспользовавшись помощью другого, забывает о благодарности:

*Видал Федюш на свете я, –
Которым их друзья
Вскарабкаться наверх усердно помогали,
А после уж от них – скорлупки не видали! (248)*

Если несмотря на некоторое внешнее сходство басни «*Le Chat et les deux Moineaux*» и «Котенок и скворец» принципиально различаются по смыслу, то басни «*Le Singe et le Chat*» и «Два Мальчика» представляют другой случай. Хотя различны и персонажи, и подробности действия, и даже мораль, басни тем не менее сходны не только по сюжетной основе, но и по идее. В обеих баснях представлен конфликт людей, один из которых пользуется помощью другого и забывает о благодарности. Этую общую психоло-

гическую ситуацию Лафонтен трактует в политическом плане, а Крылов – в бытовом.

Есть, впрочем, и немаловажное идейное различие; заключается оно в психологической мотивировке происходящего. У Лафонтена обезьяна играет на честолюбии кошки, как король – на честолюбии князя. У Крылова этого мотива нет: обманутый не честолюбив, а лишь простодушен и доверчив, обманщик не проницателен, а нагл; ему нет нужды знать чужие слабости – достаточно лишь не сдержать своего слова.

Таким образом, рецепция сюжетов Лафонтена в баснях Крылова реализует разнообразные модели: изменения происходят как на структурном, так и на смысловом уровне, в масштабе отдельных мотивов, композиционных блоков, образов персонажей, наконец, текстов в целом. В результате одни басни легко опознаются как переводы французских образцов или близкие подражания им, тогда как в других трудно заметить влияние зарубежного источника или же трудно определить, какой именно источник – например, французский или древнегреческий – оказывает на них большее влияние. Иными словами, басни, соотносимые с зарубежными образцами, дифференцируются по мере близости к этим образцам.

Эта дифференциация имеет и историческое измерение: тексты, в большей и в меньшей мере связанные с произведениями Лафонтена, на протяжении творческого пути Крылова-баснописца распределены неравномерно. В 1800–1810-х годах преобладают басни, относительно близкие к французским оригиналам. Басни, в которых французский источник подвергается принципиальной переработке, Крылов в это время тоже пишет: басня «Пустынник и Медведь» впервые опубликована в 1808 г., «Лев и Комар» – в 1809, «Волк и Пастухи» – в 1816. Однако они составляют меньшинство на общем фоне, который определяют такие произведения, как «Разборчивая Невеста», «Дуб и Трость», «Лягушка и Вол», «Лисица и Виноград», «Волк и Журавль», «Пастух и Море», передающие французский оригинал относительно точно: изменения не затрагивают ни структурной, ни содержательной основы текста. Характерно, что из опубликованных за этот период 25 басен, восходящих к Лафонтену, нет ни одной, которую бы Крылов не обозначил как перевод или подражание.

Напротив, среди тех восьми басен Крылова, имеющих соответствия у Лафонтена, которые выходят в 1820–1830-х годах, не отмечены в качестве подражаний пять: «Муха и Пчела», «Ворона», «Котенок и Скворец», «Лев и Мышь», «Два Мальчика». Как видно из сказанного, такое решение Крылова отражает их характер: все они действительно существенно дальше от басен Лафонтена, нежели подражания в собственном смысле слова. Но и из тех трех басен этого периода, которые Крылов считает подражаниями, существенные изменения по сравнению с образцами произведены в двух: это «Котел и Горшок» и «Лисица и Осел». Остается лишь одна басня, относительно точно передающая оригинал, – «Лев состаревшийся». Однако ее положение особое, поскольку Крылов создает ее одновременно с другим вариантом того же сюжета.

Получается, что басенное творчество Крылова в XIX в. можно разделить на два периода, сопоставимых по продолжительности, но заметно различающихся и по количеству созданных за это время басен на сюжеты Лафонтена, и по характеру рецепции этих сюжетов. В 1800–1810-х годах Крылов публикует много басен, восходящих к Лафонтену, и в основном это относительно близкие к оригиналам подражания. В 1820–1830-х годах басен, ориентированных на творчество французского поэта, у Крылова мало, и почти все они представляют собой опыты принципиальной переработки своих источников.

Чем объяснить эти изменения? Представляется, что смена творческой стратегии Крылова может быть связана с динамикой его литературной репутации³⁵.

Литературный успех Крылова как автора басен оказывается быстрым и прочным. Слава приходит к нему поздно – в сорокалетнем возрасте. Хотя литературным трудом он занимается с 1780-х годов, издает несколько журналов (один из которых, и очень интересный, – «Почту духов» – единолично) и пишет несколько пьес, все это не приносит ему широкой известности и успеха. Зато уже первый сборник басен критика приветствует как исключительное литературное достижение, а спустя десятилетие о Крылове пишут как о знаменитом поэте – классике русской литературы³⁶.

Литературную славу Крылов завоевывает в значительной мере благодаря подражаниям Лафонтену. Чтобы понять, в чем

смысл обращения к опыту французского классика, стоит принять во внимание еще один факт: из тех 28 басен, находящих соответствия в баснях Лафонтена, которые сам Крылов определяет как переводы и подражания, 27 известны до Крылова хотя бы в одной русской версии³⁷. Для некоторых сюжетов, таких как «Лев на ловле», «Волк и Журавль», «Лев состаревшийся», число русских переводов и подражаний, предшествующих Крылову, достигает пяти и даже более. А та единственная басня из 28, сюжет которой Крылов вводит в русскую литературу впервые, – это «Волк и Пастухи»: как показано выше, это произведение хотя и обладает сюжетным сходством с басней Лафонтена «Le Loup et les Bergers», но восходит, по-видимому, не к ней, а непосредственно к древнегреческому образцу.

Крылов едва ли случайно выбирает сюжеты, уже знакомые отечественной литературе. Создавая их новые версии, он тем самым вступает в двойное соревнование: с французскими образцами и с русскими предшественниками.

На протяжении XVIII в. развитие русской литературы определяет принцип соревнования с образцами³⁸. Он не составляет исключительной принадлежности русской культуры: идея литературного творчества как состязания с предшественниками знакома всей Европе. В эстетическом сознании эпохи эталоном художественного совершенства считается античная литература. Задача поэтов Нового времени – приблизиться к этому образцу, а может быть, даже превзойти его: о том, может ли современная словесность стать выше античной или же та всегда остается непревзойденным идеалом, на рубеже XVII–XVIII вв. во Франции ведется знаменитый в истории литературы «спор о древних и новых»³⁹. В этой эстетической системе статус подражания намного выше, чем принято считать сегодня. Обращаясь к творчеству авторитетного предшественника, новый автор бросает ему вызов, стремясь доказать, что способен стать достойным своего образца. Цитированные выше слова Жуковского о переводе в стихах – отражение этой унаследованной от XVIII столетия системы литературных взглядов.

Слова Жуковского свидетельствуют о том, что взгляд на литературу как на соперничество в начале XIX в. по-прежнему актуален. Тем более естествен он для Крылова, чьи литературные

взгляды сформированы в XVIII в. Но после сборника 1809 г. творчество Крылова продолжается еще почти три десятилетия, и за это время обстановка успевает измениться.

В русской литературе распространяется романтизм. Новая литературная эпоха не ценит подражаний; напротив, считая любую зависимость от предшественников вредной, она требует от авторов оригинальности. Кроме того, одной из важнейших ценностей в литературе становится национальная самобытность. И Крылова воспринимают как поэта, выразившего ее в высочайшей степени. Критика 1820-х годов пишет о нем как о поэте национальном, воплотившем в своем творчестве дух народа⁴⁰. Раз уставившись, литературная репутация Крылова уже не подвергается сомнению; однако она наполняется новым культурным смыслом.

Отказ Крылова от следования Лафонтену, таким образом, можно объяснить двумя взаимосвязанными причинами. Во-первых, к началу 1820-х годов литературная репутация русского баснописца уже утверждена. Во-вторых, в новую литературную эпоху утверждать и поддерживать эту репутацию необходимо иными средствами. Близкое следование иностранному образцу, адекватность его передачи требуют литературного мастерства, и прежде это мастерство высоко ценилось. Но теперь читатели ждут от поэта другого – и Крылов отвечает их ожиданиям. Уже в 1810-х годах доля басен на сюжеты Лафонтена в творчестве Крылова сокращается. А с 1820-х годов меняется подход русского баснописца к интерпретации сюжетов Лафонтена. Теперь если Крылов и обращается к классическим французским образцам, то прежде всего затем, чтобы радикально их переосмыслить.

Из сказанного видно, что рецепция наследия Лафонтена в творчестве Крылова принимает различные в структурном и содержательном отношении формы и их соотношение меняется со временем. Диапазон этих форм – от близкой к оригиналу передачи текста до кардинальной переработки и создания нового сюжета на базе восходящих к образцу мотивов. Нередко в традиционный сюжет Крылов вкладывает новый смысл. Поначалу, в 1800-х годах, Крылов создает много басен на сюжеты Лафонтена, при этом в большинстве случаев сохраняет композиционную и смысловую основу источника. В дальнейшем Крылов реже обращается к творчеству французского поэта. В 1820–1830-х годах Крылов

рассматривает сюжеты Лафонтена как материал для коренной переработки и переосмысления. Переход к новой модели рецепции классических французских образцов можно объяснить утверждением литературной репутации Крылова, но главное – изменением литературного контекста, где идея соревнования с предшественниками уступает место требованию новизны. Творчество Крылова приходится на момент смены эпох в истории русской литературы и меняется вместе с нею.

-
- ¹ Лобанов М.Е. Жизнь и сочинения И.А. Крылова // Сын Отечества. 1847. № 1. С. 4.
- ² Вацуро В.Э. И.И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 162 сл.
- ³ Витберг А.Ф. Первые басни И.А. Крылова // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1900. Т. V. Кн. 1. С. 204–259.
- ⁴ Fleury J. Krylov et ses fables. Paris, 1869. (Études sur les auteurs russes). Р. 136; Кеневич В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд., с приложением материалов для биографии И.А. Крылова. СПб., 1878. С. 248–251, 255; Могилянский А.П. Комментарии // Крылов И.А. Басни / Изд. подг. А.П. Могилянского; отв. ред. Ф.Я. Прийма. М.; Л., 1956. (Лит. памятники). С. 546, 550.
- ⁵ Канунова Ф.З. <Примечания к статье «О басне и баснях Крылова»> // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 12. Эстетика и критика / Ред. А.С. Янушкевич, О.Б. Лебедева. М., 2012. С. 473.
- ⁶ Ж. [Жуковский В.А.] Басни Ивана Крылова // Вестник Европы. 1809. Ч. 45. № 9. С. 51.
- ⁷ Плетнев П.А. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // Крылов И.А. Полное собрание сочинений, с биографией его, написанно П.А. Плетневым: [В 2 т.]. Т. I. Проза. СПб., 1847. С. L.
- ⁸ Крылов И.А. Басни в девяти книгах. СПб., 1843. С. I.
- ⁹ Крылов И.А. Басни в семи книгах. СПб., 1825. С. 297–302; Он же. Басни в осми книгах. СПб., 1830. С. 351–358.
- ¹⁰ Крылов И.А. Басни в девяти книгах. СПб., 1843. С. I–VIII.
- ¹¹ Могилянский А.П. Комментарии. С. 296.
- ¹² Кеневич В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. С. 187.
- ¹³ Кеневич В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. СПб., 1868; Fleury J. Krylov et ses fables. Р. 121–140; Кеневич В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд.

- (учтены и в ряде случаев оспорены указания Ж. Флери); *Могилянский А.П. Комментарии*. С. 309–561.
- ¹⁴ *Fleury J. Krylov et ses fables*. P. 136–137. Стихотворение Лафонтена см.: *De La Fontaine J. Œuvres complètes, avec des notes et une nouvelle notice sur la vie, par C.A. Walckenaër*. Paris, 1840. P. 578. См. также: *Lachèvre F. Claudine Colletet après la mort de Guillaume Colletet. Son second mariage. Son œuvre poétique* // *Revue d'Histoire littéraire de la France*. 27e année. 1920. No. 3. P. 427–433.
- ¹⁵ *Крылов И.А. Басни* / Изд. подг. А.П. Могилянского; отв. ред. Ф.Я. Прийма. М.; Л., 1956. (Лит. памятники). С. 23; *La Fontaine J. Fables, collationnées et accompagnées de notes par C.A. Walckenaer*. À Paris, 1836. (Bibliothèque d'auteurs classiques). Р. 43. Далее басни Крылова и Лафонтена цитируются по этим изданиям; ссылки даются в тексте с указанием страниц.
- ¹⁶ *Лобанов М.Е. Жизнь и сочинения И.А. Крылова*. С. 51.
- ¹⁷ *Измайлов А.Е. Разбор басен г. Крылова* // *Сын Отечества*. 1816. Ч. 27. № 2. С. 69.
- ¹⁸ *Dictionnaire des proverbes français; par P. de La Mésangère*. 3 me éd. À Paris, 1823. P. 44; *Dictionnaire de la sagesse populaire: recueil moral d'apophthegmes, axiomes, aphorismes, maximes, préceptes, sentences, adages, proverbes... de tous les temps et de tous les pays*; formé et commenté par A. de Chesnel. Paris, 1855. Col. 411; *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения*. 4-е изд., доп. М., 1988. С. 356.
- ¹⁹ *Aesopi fabulae / Recensuit Aemilius Chambry*. Pars altera. Paris, 1926. (Nouvelle collection de textes et documents publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé). P. 315.
- ²⁰ *Басни Эзопа* / Пер., ст. и comment. М.Л. Гаспарова; отв. ред. Ф.А. Петровский. М., 1968. (Лит. памятники). С. 137.
- ²¹ *Aesopi fabulae*. Р. 344–345; *Басни Эзопа*. С. 107.
- ²² Этот сюжет известен по прозаическому пересказу басни Бабрия, стихотворный оригинал которой до нас не дошел. Такие пересказы включались в издания басен Эзопа; выделить их из эзоповского корпуса было невозможно, поскольку басни Бабрия были открыты лишь в 1840 г. (см.: *Гаспаров М.Л. Примечания* // *Басни Эзопа*. С. 297). Соответственно, в эпоху Лафонтена и Крылова сюжет считался эзоповским.
- ²³ *Кеневич В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова*. 2-е изд. С. 211.
- ²⁴ Северные цветы, на 1825 год, собранные бароном Дельвигом. СПб. С. 290–291, 321–322.
- ²⁵ *Крылов И.А. Басни в семи книгах*. СПб., 1825. С. 265–267; *Крылов И.А. Басни в восьми книгах*. СПб., 1830. С. 281–283.
- ²⁶ См.: *Крылов И.А. Басни в девяти книгах*. СПб., 1843. С. 245–246, 277–278; *Могилянский А.П. Комментарии*. С. 311–313.
- ²⁷ *Кеневич В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова*. 2-е изд. С. 212.

- ²⁸ См. статью: *Кимягарова Р.С.* Ни пава ни ворона. Анализ басни И.А. Крылова «Ворона» в наст. изд.
- ²⁹ Басни Эзопа. С. 178.
- ³⁰ См.: *Коплан Б.И.* Комментарии. К первому тому // *Крылов И.А.* Полное собрание стихотворений: в 2 т. Т. 2. Л., 1937. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 304; *Могилянский А.П.* Комментарии. С. 430.
- ³¹ *Fleury J.* Krylov et ses fables. Р. 128.
- ³² *Кеневич В.Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. С. 228.
- ³³ *Fleury J.* Krylov et ses fables. Р. 136.
- ³⁴ *Кеневич В.Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. С. 255.
- ³⁵ *Лямина Е.Э., Самовер Н.В.* Беспечен, как Лафонтен: заработка, доходы и жизненные стратегии И.А. Крылова // Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения – XXII. М., 2017. С. 64–128.
- ³⁶ Современная русская библиография. 1815: Басни Ивана Крылова. В трех частях // Сын Отечества. 1816. Ч. 27. № 2. С. 81; О книгах. Басни И.А. Крылова, в 6 частях // Санкт-Петербургские ведомости. 1819. 28 марта. № 25. С. 277–278; *Бестужев А.А.* Взгляд на старую и новую словесность в России // Декабристы: эстетика и критика / Сост., вступ. ст. и comment. Р.Г. Назарьяна и Л.Г. Фризмана. М., 1991. (История эстетики в памятниках и документах). С. 92 (статья опубликована в альманахе «Полярная звезда» за 1823 г.).
- ³⁷ *Кеневич В.Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд.; *Могилянский А.П.* Комментарии. С. 309–561.
- ³⁸ *Гуковский Г.А.* К вопросу о русском классицизме // Поэтика: сб. ст. Вып. 4. Л., 1928. С. 126–148; *Песков А.М.* Буало в русской литературе XVIII – первой трети XIX в. М., 1989. С. 7.
- ³⁹ См.: Спор о древних и новых / Сост., вступ. ст. В.Я. Бахмутского; Коммент. В.Я. Бахмутского и Н.В. Наумова; Пер. с фр. Н.В. Наумова. М., 1985. (История эстетики в памятниках и документах).
- ⁴⁰ *Ф. Б. [Булгарин Ф.В.]* Волшебный фонарь, или Разные известия. I. Литература. Критика. – Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева, издание шестое, исправленное и уменьшенное // Литературные листки, журнал нравов и словесности. 1824. Ч. I. № 2. С. 62–63 (автор установлен: Ф. Б. // ЭНИ «Словарь псевдонимов» – Псевдонимы. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/masanov/map/15/map29089.htm>, свободный); *Д. Р. К. [Греч Н.И.]* Письма на Кавказ. 2 // Сын Отечества. 1825. Ч. 99. № 3. С. 313 (автор установлен: Д. Р. К. // ЭНИ «Словарь псевдонимов» – Псевдонимы. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/masanov/map/05/map09450.htm>, свободный.)

Г.В. Хлебников

НЕКОТОРЫЕ НЕЯВНЫЕ МОТИВЫ И ИНТЕНЦИИ В БАСНЯХ И.А. КРЫЛОВА И ГЕНЕЗИС БАСЕННОГО ЖАНРА В ЕВРОПЕ ОТ ЭЗОПА ДО ПОЯВЛЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ БАСЕН ПОСЛЕДНЕГО

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые скрытые мотивы басен Крылова, элементы его теологии, а также генезис басни от Эзопа до его англоязычных переводов.

Ключевые слова: Крылов; Эзоп; басня; структура; скрытые мотивы; интенции; теология; православие.

Kchlebnikov G.V. Some of the hidden motives of the Krylov's fables and the genesis of the fable in Europe from Aesop to his English translations

Abstract. The article discusses some of the hidden motives of Krylov's fables, elements of his theology, as well as the genesis of the fable from Aesop to his English translations.

Keywords: Krylov; Aesop; fable; structure; hidden motives; intentions; theology; Orthodoxy.

На его похоронах присутствовали выдающиеся иерархи церкви того времени, что казалось парадоксом: «Когда 9/21 ноября 1844 г. великий наш баснописец Иван Андреевич Крылов скончался, гроб его поставили в Исаакиевском соборе в Санкт-Петербурге, над ним совершались литии и панихиды при стечении огромного количества народа всех сословий.

Из Исаакиевского собора гроб с телом Ивана Андреевича Крылова перенесли в сопровождении многолюдной процессии в Александро-Невскую Лавру, где после литургии отпевание покойного совершили владыка Антоний, митрополит Санкт-Петербургский, Новгородский, Эстляндский и Финляндский, викарный епископ Иустин и владыка Афанасий, епископ Винницкий. Весь высший аристократический и чиновный Петербург был здесь. Поэта погребли возле могил Н.М. Карамзина и Н.И. Гнедича. Вся Россия молитвенно вздохнула о Крылове. Он еще при жизни сделался народным поэтом» (9). Но так ли это парадоксально? В литературе отмечалось: «Басни Крылова школьники изучают с начальных классов. Но эти произведения не так уж просты для восприятия даже взрослым сознанием. «Восьмидесят процентов респондентов заявляют, что на самом деле их раздражает Муравей и они сочувствуют и симпатизируют Стрекозе из знаменитой басни», – рассказала Екатерина Лямина на лекции “Как, когда и почему Иван Андреевич Крылов стал ‘дедушкой Крыловым?’” (исследователь проводила опрос среди пользователей Facebook). Очевидно, что реальное восприятие персонажей Крылова порой прямо противоположно тому, что должно было сформироваться во время школьных уроков» (10). Среди этих 80% затерялся бы и ваш покорный слуга, который не считал еще в школе, заучивая басню «Стрекоза и Муравей» с ее официально плоской, односторонней и прагматической интерпретацией, что пение и радость жизни – нечто такое, за что следует наказывать и карать, тем более что красота стрекозы, очаровывающее мелькание калейдоскопически красивых крыльышек, радующих глаза фейерверком сверкающих красок, – неотъемлемая часть очарования летних дней и наполненных ароматами трав лугов России, можно сказать, торжество и апофеоз эстетики природы, в которой едва заметный коричнево-красный муравей вообще не виден и не слышен, поэтому, казалось, лучшее и не последнее дело, которое он может делать в мире, – помочь существованию более совершенных и прекрасных созданий, радуясь, что и ему в великом и почетном деле служения красоте есть место. Поэтому и, казалось бы, ироничное окончание басни не кажется таким уж однозначным: в словах муравья сквозь иронию есть и признание занятия стрекозы как «дела» («Ты все пела? Это дело»), и желание увидеть ее пляску, а не только услышать пение.

То есть в действительной и кажущейся иронии слов муравья, вложенных ему И.А. Крыловым, уже содержится, как «колесо в колесе», утверждение противоположной мысли: и это тоже нужное и ценное для мира дело – пение стрекозы, а теперь вот и ее пляска. И такое прочтение, как показывает научный опрос, видимо, тоже не надуманно и не искусственно, а действительно возможно и реально существует в восприятии читателей, которые сознают важность «бесполезной» красоты в природе и ее органичность для картины мира.

Самоценность и красота явлений и феноменов мира, помимо их значения для кого-нибудь или чего-нибудь или связи с чем-либо, наглядно показываются баснописцем и в такой миниатюре, как, например, «Слон и Мосыка». В этой басне за высмеиванием тщеславия и бахвальства прячется факт безумной храбрости маленькой собачонки, не боящейся бросить вызов, облать и гораздо более сильное животное – слона! Чуждого, незнакомого, а следовательно, возможно, и потенциально опасного для людей и других жителей территории, за которую эта собачонка чувствует себя ответственной. Этот мотив не афишируется в морали басни, не акцентирован словами и оборотами речи, но объективно он в ней есть и своим присутствием формирует в сознании и подсознании реципиента-читателя чрезвычайно важную ценностную структуру – необходимости борьбы (до конца) даже с очевидно более сильным противником.

В литературе уже не раз отмечалась значительная роль православия и библейских мотивов в баснях Крылова, которые благодаря этому неоднократно использовались не только в назидательных, но и в катехических целях выдающимися и известными церковными деятелями (см., напр.: 9; а также содержательное исследование М. Дмитриева об общих духовно-православных основаниях творчества этого гениального русского баснописца (8)).

Тем не менее исследователи до сих пор, как представляется, не обратили внимание на один из аспектов этой религиозности, которая иногда может не бросаться в глаза, не быть очевидной, но, проявляясь как бы в мелочах, показывать повсеместность участия высшего Промысла и Божьей воли в мире даже там, где обыденный материалистический рассудок едва ли готов его допустить. Как, например, в басне «Ворона и лисица». Басня, собственно,

начинается со слов: «Вороне где-то Бог послал кусочек сыру». – Так что без Него не было бы ни кусочка сыра у вороны, ни самой басни – ее сюжета. Эта фраза ненавязчиво показывает в детали палитры нарратива Его первоначальную и важнейшую роль. Также с ее помощью Крылов эксплицитно указывает на ту неочевидную идею, что и в событиях, которые обыденный рассудок привык считать случайными и незначительными, возможно, дело не обходится без прямого божественного участия. Ведь Он добр не только к людям, но и ко всем живым существам, своим созданиям, в том числе и, казалось бы, самым незначительным – воронам, лисицам и т.п. И как бы предвещая беды, которые неизбежно влечет за собой безбожие, Иван Андреевич пишет, может быть, свою программную басню «Безбожники», в которую имплицитно вкладывает целый ряд идей об отношении и характере действия богов (высшего Промысла) к безбожникам как особой, наиболее агрессивной и провоцирующей части людей.

1. Людям дарована свобода воли вплоть до богооборчества.

2. Богооборчество возглавляют «удалые» головы «мнимых мудрецов», разжигающие его в народной среде, которая без них, следовательно, к подобному буйству не готова.

3. «Обвинения» их против богов: суд последних якобы строг и бестолков, а сами боги либо спят, либо правят безрассудно.

4. Поэтому их следует проучить, зашвырнув камни с ближайших гор на небо.

5. Но и подобные человеческие замыслы не удается утаить, они становятся известны богам, которые имеют время подготовить на них ответ.

6. Боги приходят с жалобой на богооборцев к Зевсу, прося его либо устроить потоп, либо землетрясение с громом, либо хотя бы ударить «каменным дождем»; т.е. ни одно богооборческое намерение людей не остается без сокрушительного наказания.

7. Но Зевс решил, что мятежники «от дел своих казнятся»; так и произошло: «тьма камней и туча стрел», поднявшись в воздух, обрушилась обратно на их же, безбожников, головы.

8. То есть нечестивые деяния людей и «кощунственные толки» сами в себе несут гибель своим авторам.

9. За нарушением моральных заповедей стоит гораздо более тяжкая вина: во-первых, отход от религиозных истин.

10. И во-вторых – попытка их оценки с человеческой точки зрения, которая явно смешна и неадекватна для этого.

Монах Лазарь пишет: «Поразительно, что, по воспоминаниям очевидцев, в келье преподобного Амвросия Оптинского была книжка басен Крылова. К ним великий старец часто прибегал, когда наставлял своих духовных чад и всех посетителей. Это красноречивое свидетельство о православной основе басен. Когда бы не было у Крылова именно православной мудрости, старцу ни к чему было бы обращаться к помощи его басен. Их часто цитировал и преподобный Анатолий Оптинский».

Важная тема о понимании и оценке людьми Божественного Прорицания поднимается в басне Крылова «Крестьянин и лошадь». В этой басне «лошадь молодая» (женщина, вероятно, подразумевает и неявно хочет сказать баснописец), наблюдая, как мужик – гендерное противостояние, которое идет еще с глубокой античности, когда в философской литературе фиксировалось к ним устойчиво пейоративное отношение. И у русского гения ворона, стрекоза, моська, собака, мышь, лисица и т.д. – женского рода, самки, они олицетворяют не столько людей вообще, сколько женскую половину человечества, – бросает семена овса в землю, осуждает его: ведь можно было бы с большей пользою использовать его, накормив лошадей, кур, или, наконец, просто припрятать. То есть люди в большинстве случаев, хочет сказать Крылов, воспринимают и понимают лишь то, что у них перед глазами, непосредственно происходящее, не умея экстраполировать на будущее даже элементарные причинно-следственные связи. Биологически и онтологически более совершенное существо – мужчина и крестьянин, который, зная эту последовательность и естественную цепь событий – в этом мудрость, – поступает, однако, глупо с точки зрения обыденного сознания и мнения, выраженного лошадкой, просто зря губит, закапывая в землю, изрыв целое поле! – ценный продукт, зерна овса. Однако уже через несколько месяцев правильность действий первого становится очевидна и для последней, которая только благодаря ему и кормится, т.е. сохраняет самое дорогое для себя – жизнь. Используя этот наглядный пример, И.А. Крылов рискует сделать и гораздо более общее наблюдение и замечание, относящееся к трансцендентным сущностям, т.е. еще более высокому уровню разумного и, скорее всего, сверхразумного

управления миром, которое для людей, тварных созданий, соответственно, должно быть еще менее понятным, чем человек – для лошади. О Промысле Божием здесь говорится кратко и экспрессивно-наглядно, что можно считать, видимо, и педагогическим приемом воздействия на читателя, сознательно используемым баснописцем, который тем самым иллюстрирует и глубокую мысль пророка Исаии, едва ли понятную многим любителям считать собственные мысли верхом мудрости и рациональности, особенно когда речь идет о будущем: «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис. 55, 8–9).

В басне «Дуб и трость» с помощью изображения простых обстоятельств и действующих персонажей описывается центральная проблема православной и христианской этики – вопрос о гордыне, когда конечное создание – существо, животное, человек или, как в этой басне, растение, дуб – противопоставляет себя другим созданиям, кичится своими способностями, качествами, свойствами, считая себя благодаря им едва ли не всемогущим, – например, возгордившийся дуб сравнивает себя с горами Кавказа, он-де препятствует и солнечным лучам. И наказание за эту гордыню, кара, утверждает баснописец, не заставит себя ждать. Трагический конец дуба в басне Крылова не будет казаться столь уж жестоким, если вспомнить, что, согласно Евангелию, только из-за гордыни пал и был низвержен с неба Сатана со всеми его ангелами (см.: Откр. 12: 8–9); а также обратиться к словам пророка Исаии, относящиеся к нему же: *«В преисподнюю низвержсена гордыня твоя со многим весельем твоим, под тобою рассстелются черви, и черви станут покровом твоим»* (Ис. 14: 11).

В предисловии М.Л. Гаспарова к изданию басен Крылова (7) есть краткое изложение истории возникновения и развития басенного жанра в литературе, которое, однако, на наш взгляд, может быть существенно дополнено информацией, доступной англоязычному читателю, располагающему результатами работы филологов на протяжении многих столетий. Ввиду этого представляется целесообразным привести перевод ряда наиболее репрезентативных фрагментов текстов из Preface стандартного издания 350 басен Эзопа в английском переводе (10: 5–26):

«Басня всегда имеет цель, далеко превышающую конкретные обстоятельства, о которых в ней идет речь. Мотивируемая человеческими побуждениями и обстоятельствами, она стремится улучшить поведение людей, маскируя эту цель как под видом выдуманных персонажей, так и – часто – животных, птиц в небе, деревьев в лесу, растений в поле и др. персонажей».

Платон пишет, что Сократ в тюрьме, ожидая возвращения священного корабля с Дельф, которое станет сигналом к его казни, использовал это время, пытаясь переложить припоминаемые им басни Эзопа из прозы в стихи.

Деметрий Фалернский, философ из Афин (300 г. до н.э.), первым собрал сборник этих басен, а раб Федр переложил многие из них в начале нашей эры ямбом на латинский язык. Но некоторые специалисты (Бейл, например) полагают, что собственно честь их изобретения принадлежит не Эзопу, а Гесиоду, первый же «только» столь удачно их улучшил, что заслуженно может считаться родоначальником этого жанра.

Федр указывает двойную цель автора басен: «*Duplex libelli dos est: quod risum movet, et quod prudenti vitam consilio raonet*»*.

«Αινος» – скорее увещевание, укор, замаскированный какой-либо выдуманной ситуацией / событием, происходящим среди зверей, птиц и т.п. Собственно значение этого древнегреческого слова таково: это 1) повествование, повесть, рассказ, речь; 2) басня, притча; 3) изречение, поговорка; 4) похвальное слово, похвала. Все оттенки этих смыслов можно найти уже в античной басне (значения этого термина взяты из электронного Древнегреческого словаря Alfa, versio 3.3. – Г. Х.).

Структура басни включает в себя: 1) собственно нарратив; 2) дедукцию морали; 3) тщательную разработку индивидуальных характеристик действующих в ней фиктивных персонажей; 4) возможность адаптировать общую идею басни к множеству конкретных ситуаций, случающихся в жизни с людьми; а также можно добавить 5) возможность иной интерпретации и прочтения басни, чем та, которая эксплицитно представляется ее автором (пятое добавление мое. – Г. Х.).

* «Двойная польза от этой книги есть: и забавляет, и наставляет» (лат.).

Текст должен содержать один какой-нибудь сюжет или действие, не перегруженные ни деталями, ни обилием предметов обстановки. Мораль или наглядный урок должны быть настолько самоочевидными, чтобы любой читатель мог давать одну и ту же интерпретацию. При этом образы животных или характеры выдуманных персонажей следует обозначать с чрезвычайным вниманием к их естественным качествам и к тем атрибутам, которые приписывает им общественное мнение. Так, лисица всегда должна быть хитрой, лев – смелым и сильным, заяц – пугливым и боязливым, волк – жестоким, бык – сильным, осел – терпеливым, конь – гордым и статным. И они все вовлечены в одно короткое действие, из которого мораль следует естественным образом. Так, образ горы, рождающей мышь, иллюстрирует высмеивание надутого претендента; а ворона, как бы случайно роняющая сыр, иллюстрирует мощное предупреждение против силы лести, так что нет и необходимости в отдельной моральной сентенции: впечатление все равно глубже, чем могла бы быть любая рефлексия.

Поэтому Эзоп по праву зовется отцом греческой басни; и еще долгое время после его смерти его басни транслировались через ненадежный канал устной передачи информации.

Эсхил во фрагменте, который сохранился от его «Мирмидонс», говорит о басне как о чем-то, существовавшем еще до его времени. Риторы и философы привыкли приводить басни Эзопа в качестве упражнений для своих учеников, не только предлагая обсуждать высказываемую в них мораль, но и приглашая также поупражняться, совершенствуясь в стиле и усваивая правила грамматики, самостоятельно генерируя различные новые варианты этих басен.

Авсоний, друг императора Валентиниана и последний знаменитый поэт Рима пишет: «Apologos en! Misit tibi Ab usquee Rheni limite Ausonius nomen Italum Praeceptor Augusti tui Aesopiam trimetriam; Qua vertit exili stylo Pedestre concinnans opus Fandi Titianus artifex»*.

* «Вот басня нравоучительная! Послал тебе (с Рейна пределов. – Г.Х.) Авсоний, наставник твоего Августа, слава Италии, триметры Эзопа, каковые простыми и скучным стилем (буквально: ссыльного стилем солдатским. – Г.Х.) переложил мастер Тициан, слагающий творение доброе». (Перевод Ю.В. Пущаева и Г. Хлебникова.)

Он также транслировал часть басен в стихотворной форме; позже Юлиан Титианус, не слишком известный современный ему писатель пересказал их в прозе. Авиенус, также современник Авсония, переделал некоторые из этих басен в латинские элегии. Затем через семь веков о баснях Эзопа упоминает в начале XIV столетия ученый константинопольский монах Максимус Планудес (Maximus Planudes), который знает примерно 150 из этих басен. Планудес не был затворником; известно, что в 1327 г. императором Андроником-старшим он был отправлен с дипломатической миссией в Венецию, где познакомился с Западной церковью и ее деятелями, интересы которых затем защищал с таким рвением, что навлек на себя подозрения и преследования иерархов Восточной церкви. Но у него была копия басен Эзопа, испорченная, возможно, вследствие многократного копирования; кроме того, он либо сам придумал некоторые из них, либо добавил те, которые имели хождение в его время. Однако значение его издания басен Эзопа для Запада оказалось даже значительнее, чем для Востока, где захват Восточной империи кульминировал в падении Константино-поля в 1453 г., тогда как в Италии ученость и образованность стремительно развивались, оживив и интерес к басням Эзопа. Они были первыми из ранней Античности, занявшими почетное место рядом с Библией и книгами античных классических авторов в умах крупных ученых тех дней. Лоренцо Валла, один из самых значительных представителей и промоутеров итальянского просвещения, перевел на латынь не только «Илиаду» Гомера и «Истории» Геродота и Фукидита, но и эти басни, которые таким образом попали в среду книг, оказавшихся в самом широком обращении благодаря печатному станку.

В 1475–1480 гг. Аккурсиус Бонус (Bonus Accursius) издал коллекцию басен Планудеса, пятью годами позже Сакстон (Caxton) перевел их на английский язык и опубликовал в Вестминстерском аббатстве в 1485 г. Оба издания хранятся в Британском музее (в Британской библиотеке) в застекленных ящиках. Тем не менее, по-видимому, не все басни были известны средневековым ученым.

Есть еще две знаменитые работы, которые могут классифицироваться как басни. Одна из них – «Зерцало мудрости» («Speculum Sapientiae, B. Cyrilli Episcopi: alias quadripartitus apologeticus vocatus, in cuius quidem proverniis omnis et totius sapientiae

speculum claret et feliciter incipit»), приписываемое Св. Кириллу, Архиепископу Иерусалимскому; правда, она значительно более позднего происхождения и существует лишь на латыни. Работа издана в двух томах и состоит из бесед, которые ведут вымышленные персонажи. В основном это беседы развлекательного и забавного характера, которые можно было часто слышать в публичных выступлениях крупных проповедников тех времен и примеры которых есть в изданных проповедях Жана Ролина (Jean Rolin), Мерфрета (Merfreth) и Габриэля Барлетье (Gabriel Barlette).

Издания басен этого времени подвергались влиянию «*Liber Facetiarum*», книги, состоящей из сотен шутливых и забавных историй знаменитого Поджио Браччолини (Poggio Bracciolini), напечатанной в 1471 г., из которой две басни («Мельник, его сын и осел», а также «Лиса и лесоруб»), несомненно, были заимствованы. Знание этих басен стремительно распространилось из Италии в Германию, и их популярность только возросла из-за благоволения, проявляемого к ним отцам Реформации, которые часто использовали их как сатиру, направленную против злоупотреблений и обманов римских святош.

Другая работа – это обширное сочинение в двух томах, опубликовано в XIV в. Цезарем Хайстербахом (Cesar Heisterbach), цистерцианским монахом, имеет заглавие «*Диалог о чудесных ве-щах*» («*Dialogus Miraculorum*»), издано в 1851 г. Эта работа состоит из бесед, в которых сплетены самые разные сюжеты. И к собственно Эзоповским басням она не имеет прямого отношения.

Мартин Лютер перевел 20 этих басен, и Меланхтон побуждал его перевести их все. Готтфрид Арнольд (Gottfried Arnold), знаменитый лютеранский теолог и библиотекарь прусского короля Фредерика I, упоминает, что великий реформатор ценил басни Эзопа, ставя их на второе место после Св. Писания. В 1546 г. вышло из печати второе издание басен Эзопа Планудеса, в которое были включены дополнительные басни из рукописи Королевской библиотеки в Париже. Однако наибольшим достижением по возвращению всего корпуса этих басен в мировую литературу стало третье печатное издание 1610 г. швейцарского ученого Исаака Николаса Невелета (Isaac Nicolas Nevelet) под заголовком «*Мифология Эзопика*» («*Mythologia Esopica*»), в которое вошли помимо ранее изданных Планудесом басен 136 новых, ранее никогда не изда-

вавшихся из рукописей библиотеки Ватикана, а также 40 басен, приписываемых Афтониусу (Aphthonius), и 43 – от Бабрия. Это издание содержало также латинские версии этих басен Федра, Авиенуса и других авторов. Таким образом, этот том Невелета формирует полный корпус эзоповских басен (*Corpus Fabularum Esopicarum*), возвращая ему славу одного из величайших моралистов и учителей человечества. За три столетия после публикации этого тома ни одна книга, за исключением Библии, не имела большего распространения, чем эти басни Эзопа. Они были переведены на большинство языков как Европы, так и Азии, став чтением в равной мере для поколений христиан, язычников, евреев и мусульман, войдя в язык повседневных разговоров жителей всех стран.

Кроме того, в предисловии к этому изданию Невелет высказывает мысль, находящую все большее подтверждений, что писатель вроде Бабрия может быть подлинным автором существующей формы «эзоповских» басен. Возник многолетний спор филологов, разрешить который помог найденный в монастыре Св. Лауры на горе Афон манускрипт, содержащий холиямбические (холиямб – хромой ямб) версии басен Бабрия, разделенный на две книги, в одной 125 и в другой – 95 басен, которые не только доказали древность и аутентичность большинства басен Эзопа, но и показали, что «именно Бабрий является наиболее ранним и надежным собирателем аутентичных эзоповских басен».

Хотелось бы также привести перевод с немецкого одной из басен в «Жизни Эзопа», которая, как представляется, также характеризует общее негативное отношение к женщине в Античности, сохранившееся в традиции и И.А. Крыловым:

«131. У одной женщины была глупая дочь, и мать молила всех богов даровать той разум. Дочь часто слышала молитвы своей матери. Однажды они вместе пошли в поле, и дочь, убежав от матери, увидела за оградой ослицу, которую насиливал какой-то мужчина. Из любопытства, девушка спросила: “Чем ты тут занимаешься?” – “Ум вставляю!”. Дурочка вспомнила о молитвах своей матери и стала просить: “Вставь и мне ума!”. Мужчина гордо отклонил предложение: “Нет ничего менее приятного, чем баба!”. “Господин, не ищи отговорок. Моя мать будет тебе очень благодарна и даст столько денег, сколько ты потребуешь – она каждый

день молится, чтобы я поумнела!”. Услышав это, мужчина лишил ее девственности. Преисполненная радости, глупышка помчалась к матери: “Мам, у меня уже есть ум!”. “И каким же образом, моя девочка, ты поумнела?” Слабоумная пояснила: “Один мужчина задвинул в меня большое, красное, жаждущее тело, которое двигалось назад и вперед”. Мать, вне себя, воскликнула: “Дочь, ты потеряла и ту каплю ума, которую еще имела!”» (13: 126–127).

1. Аверинцев С.С. Лафоненовская парадигма и русский спор о басне: Вяземский versus Крылов // Аверинцев С. Связь времен. – Режим доступа: <http://www.fedy-diary.ru/html/042011/11042011-05a.html>
2. Федр, Бабрий. Басни. М., 1962.
3. Крылов И.А. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во «Художественная литература», 1945–1946. – Режим доступа: <https://rvb.ru/18vek/krylov/toc.htm>
4. Крылов И.А. Полное собрание сочинений. Т. 1. – Режим доступа: <https://rvb.ru/18vek/krylov/tocvol1.htm>
5. Крылов И.А. Полное собрание сочинений. Т. 2. – Режим доступа: <https://rvb.ru/18vek/krylov/tocvol2.htm>
6. Крылов И.А. Полное собрание сочинений. Т. 3. – Режим доступа: <https://rvb.ru/18vek/krylov/tocvol3.htm>
7. Басни Эзопа / Пер., вступит. ст. и коммен. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1968.
8. Дунаев М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/146236/34/Dunaev_-_Vera_v_gornile_Somnenii_Pravoslavie_i_russkaya_literatura_v_XVII-XX_vv.html
9. Монах Лазарь (Афанасьев). Загадка Крылова. – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/108349.html>
10. Литературные фокусы не для школьного канона. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/communication/136410861.html>
11. Three hundred and fifty Aesop's fables / Literally translated from the Greek by R.G. Fyler Townsend. Chicago, 1882. P. 5–26. – Режим доступа: <https://ia800200.us.archive.org/18/items/threehundredfift00aesouoft/threehundredfift00aesouoft.pdf>
12. The Greek Anthology with an English translation by W.R. Paton: in 5 vol. Vol. 1. L., N.Y., MC XXVI.
13. Das Leben Aesops / Пер. с греч. G. Poethke. Leipzig, 1974. 144 S.

И.С. Ревяков

ИГРОВАЯ ПРИРОДА БАСНИ. АНАЛИЗ БАСНИ И.А. КРЫЛОВА «МУЗЫКАНТЫ»

Аннотация. Статья посвящена решению вопроса о том, может ли басня быть художественной. Рассмотрены основные подходы к изучению феномена басни и дан анализ басни И.А. Крылова «Музыканты». Вопрос о художественности басни как жанра в результате решается положительно.

Ключевые слова: басня; художественность; игра; поэзия; бытие; И.А. Крылов.

Revyakov I.S. Game nature of fable. The analysis of the fable by I.A. Krylov «Musicians»

Summary. The article is devoted to resolving the question of whether the fable can be artistic. The main approaches to the study of the fable phenomenon are considered and the analysis of the fable by I.A. Krylov «Musicians» is given. The question of the artistry of the fable as a genre as a result is resolved positively.

Keywords: fable; artistry; game; poetry; being; I.A. Krylov.

Вопрос о том, может ли быть (и является ли) басня собственно художественным произведением, до сих пор остается открытым. Связано это с тем, что изначально басня как жанр является не собственно поэтическим (художественным) жанром, а риторическим, на что указывает упоминание басни в трактате Аристотеля «Риторика» («Басня же бывает подобна рассказу Стесихора о Фалариде и рассказу Эзопа в защиту демагога»¹), при этом в своей «Поэтике» Аристотель теории басни не уделяет вовсе никакого внимания.

Согласно Г.В.Ф. Гегелю, басня, а также притча, иносказание и пословица относятся к «стадии символического *предыскусства*, потому что они вообще несовершены и, следовательно, представляют собой лишь искания истинного искусства. Правда, в этих исканиях есть моменты подлинного формообразования, но последнее берутся лишь в их конечности, разрозненности и простом соотнесении друг с другом, вследствие чего эти искания остаются чем-то подчиненным. Поэтому, когда мы говорим здесь о басне, иносказании, притче и т.д., мы должны рассматривать их не в качестве принадлежащих *поэзии* как своеобразному искусству»². Таким образом, с точки зрения Г.В.Ф. Гегеля, басня не относится к сфере поэзии, в силу чего считаться художественным жанром не может.

По мнению Л.С. Выготского, подвергшего критике подходы к басне Г.Э. Лессинга и А.А. Потебни, «басня всецело принадлежит к поэзии»³, т.е. является вполне художественным произведением.

С точки зрения Б.В. Томашевского, басня относится к роду «фабулярной поэзии», т.е. к «стихотворениям небольшого объема, в которых тематика фабулярна, т.е. присутствует рассказ о ряде событий, связанных в причинно-временную цепь и замыкающихся развязкой», на основании чего он отделяет данный род поэзии от «чистой лирики»⁴.

В.В. Федоров решает вопрос о художественности (поэтичности) басни совершенно по-другому. Так, в своей работе «О природе поэтической реальности» В.В. Федоров в главе «Анализ басни» утверждает следующее: «Предметом нашего анализа будет басня как жанр *поэтический*, а не дидактический» и далее противопоставляет поэтическую басню дидактической: «Однако сначала мы должны будем сказать, чем крыловская басня (поэтическая) отличается от докрыловской (дидактической)»⁵. Таким образом, согласно В.В. Федорову, басня, в частности крыловская, может быть отнесена к поэтическим жанрам. Однако в другой своей работе, носящей характерный заголовок: «Может ли басня быть художественным жанром?» – В.В. Федоров приходит к выводу о том, что «басня не может быть художественной, поскольку художественность осуществляется на более высоком уровне, нежели жизнь, сфера познания и этического поступания»⁶, при этом, по мнению

В.В. Федорова, И.А. Крылов «не превращает басню из риторического жанра в художественный, но, оставляя ей риторические задания, ограничивает их жизненной сферой, вместе с тем давая читателю опыт внежизненного бытия, в котором “нравственный императив” утрачивает свой авторитет»⁷.

Обратим внимание на то, что в одном случае В.В. Федоров противопоставляет поэтическую басню дидактической, а в другом случае – риторическую басню художественному произведению. При этом в одном случае крыловская басня оказывается поэтической, а в другом – риторической.

В заключении еще одной своей работы («Дедушка Крылов») В.В. Федоров утверждает, что «басня Крылова – не продукт деятельности, известной нам и по другим источникам личности, а форма человеческого бытия поэта, которая не только обнаруживала, но и впервые создавала человеческие ценности, необходимые людям»⁸.

Таким образом, выходит, что, с точки зрения В.В. Федорова, И.А. Крылов – поэт, создавший тип собственно поэтической басни, которая одновременно является и риторической, противостоящей художественному произведению.

Но ведь поэтическое произведение, очевидно, не может не быть художественным. Следовательно, И.А. Крылов открывает в отечественной литературе не просто поэтическую басню, а художественно-риторическую, обнаруживая возможность облачения риторического высказывания в собственно художественную форму, превращая тем самым риторическое высказывание в художественное. Именно поэтому, на наш взгляд, басни И.А. Крылова следует рассматривать как собственно художественные произведения.

Каждое же художественное произведение является воплощением определенной поэтической реальности и оформляется же ею. Под поэтической реальностью, с нашей точки зрения, нужно понимать «действительность словесно-художественного творчества, художественную оформленность творящего (“поэтического” в прямом смысле этого слова) Логоса»⁹.

Глубинным же бытийственным (онтологическим) основанием поэтической реальности вместе с Логосом является игра, поскольку «именно в поэтической реальности игра находит свое наиболее полное выражение и осуществление»¹⁰.

Таким образом, для того чтобы решить вопрос о художественности басни, нам необходимо проанализировать феномен басни с точки зрения игрового начала. Связано это с тем, что, по словам Й. Хейзинги, в основе поэзии лежит именно игра, поскольку «поэзия в своей первоначальной функции как фактор ранней культуры рождается в игре и как игра»¹¹.

С точки зрения Платона, игра – это «неизменное исполнение только одних законов, неизменное и вечное повторное их воспроизведение»¹²; по словам А.А. Потебни, с одной стороны, басня «есть ответ на весьма сложные случаи, представляемые жизнью»¹³, а с другой стороны – является тем, что принадлежит вечности, пределы которой установить сложно: «Вечность басни вытекает именно из того, что составные части ее образов настолько освобождены от всякой случайности и настолько связаны между собою, что с трудом поддаются изменениям. Далее, вечность их вытекает из того, что эти сплоченные образы способны, по первому требованию, стать общей схемой спутанных явлений жизни и служить их объяснением. Вечность басни имеет свои пределы, которые теоретически установить трудно, потому что если одно из действующих лиц становится непонятным, вследствие того, что в самой жизни исчезает соответственное явление, если, может быть, вследствие этого само действие в ней становится неясным, то является возможность подстановки, перемены этого лица»¹⁴.

Таким образом, можем говорить о том, что басня является поэтическим (или художественным) воспроизведением (воссозданием) вечного и в этом смысле – изначального первозакона, управляющего всем мирозданием, т.е. архитектоники Вселенной, по сути дела, следовательно, являясь художественной эманацией гераклитовского Логоса, воплощением которого одновременно является образ играющего ребенка.

Для прояснения этой мысли обратимся непосредственно к текстам Гераклита Эфесского. С одной стороны, Гераклит утверждает: «Хотя этот Логос существуетечно, недоступен он пониманию людей ни раньше, чем они услышат его, ни тогда, когда впервые коснется он их слуха. Ведь все совершается по этому Логосу»¹⁵. С другой же стороны, Гераклит говорит: «Вечность есть играющее дитя, которое расставляет шашки: царство (над миром) принадлежит ребенку»¹⁶. М. Хайдеггер так трактует это высказы-

вание Гераклита: «Бытийный посыл судьбы – это ребенок играющий, играющий в игру на доске; ребенок – это царская власть – т.е. 'архъ', учреждающее-управляющее основывание, бытие сущего. Бытийный посыл судьбы: ребенок, который играет... Почему играет увиденный Гераклитом в 'аю' великий ребенок мировой игры? Он играет, потому что он играет.

Это “потому” погружается в игру. Игра есть без “почему”. Она играет, пока она играет. Она остается только игрой: чем-то высочайшим и глубочайшим.

Но это “только” есть Все, Единое, Единственное»¹⁷.

Таким образом, бытие укоренено в игре и ею определяется. А это значит, что реальность любого бытия (в том числе и художественного) определяется героем.

У Гераклита, как мы видим, вечность проявляется себя, с одной стороны, через Логос, а с другой стороны – через играющего ребенка. Этот гераклитовский Логос трактуется как: 1) «“творящая” и оформляющая космическая сила», которая «неотделима от вечной и творящей материи», и 2) «абсолютная личность, творящая космос, им управляющая»¹⁸.

Приблизительно через 500 лет после Гераклита о творящем Логосе будет сказано в «Евангелии от Иоанна»: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»¹⁹. По словам А.Ф. Лосева, «за ничтожным исключением все историки философии и особенно богословы всегда выдвигали у Гераклита на первый план учение о Логосе, находя в Гераклите прямого или косвенного предшественника иудейско-христианского учения о Боге-слове»²⁰.

Исходя из всего вышесказанного, можем говорить об онтологическом и структурном соотношении Логоса и игры как онтологического основания поэтической реальности в качестве художественного воплощения вечности.

Для прояснения вышеуказанных моментов обратимся к конкретному тексту, а именно к басне И.А. Крылова «Музыканты».

*Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.*

*Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
 И у кого что силы стало.
 В ушах у гостя затрецжало
 И закружилась голова.
 «Помилуй ты меня», сказал он с удивленьем:
 «Чем любоваться тут? Твой хор
 Горланит вздор!»
 – «То правда», отвечал хозяин с умиленьем:
 «Они немножечко дерут;
 Зато уж в рот хмельного не берут,
 И все с прекрасным поведеньем».*

*А я скажу: по мне уж лучше пей,
 Да дело разумей²¹.*

Если мы внимательно прочтем эту басню, то обнаружим в ней наличие внутреннего конфликта, обладающего как эпическими, так и драматическими чертами.

Во-первых, очевидно, что в данной басне речь идет о невозможности созвучия между персонажами, обозначенными в качестве соседей, т.е. о невозможности гармонии между двумя вариантами мирозданий, поскольку само понятие соседства указывает на пограничность их нахождения по отношению друг к другу.

Во-вторых, можем предположить, что на символическом уровне в данном тексте показано разыгрывание и, соответственно, развертывание космической драмы, повествующей о двух состояниях (или даже типах) мироздания: состояниях, так сказать, «чистой нравственности» и состояниях естественном, которому, в свою очередь, «чистая нравственность», сводящаяся к показному воздержанию от «дурных привычек», абсолютно не свойственна и потому для него противоестественна, что, в свою очередь, художественным образом выражает глубинное онтологическое противоостояние противоестественного и естественного.

Эпичность конфликта заключается, на наш взгляд, в развитии действия, а именно: в описании фабулы. Драматичность же конфликта передается через диалогичную форму реплик персонажей, в которую (в финале) «вмешивается» повествователь, который миру «чистой нравственности» противопоставляет мир, являющийся с точки зрения мира «чистой нравственности» без-

нравственным, порочным, однако при этом имеющим непреходящую онтологическую ценность, т.е. повествователь «сталкивает лбами» мир естественный и противоестественный, поддерживая, очевидно, мир естественный.

Такого рода архитектоника построения басни (эпика + драматизм) является, по нашему мнению, основополагающей для всего басенного творчества И.А. Крылова, что и дает нам возможность утвердительно ответить на вопрос о художественности басни как литературного жанра.

По словам Ю.М. Лотмана, «целью искусства является истина, выраженная на языке условных правил»²², а именно этой цели и достигает в своем басенном творчестве И.А. Крылов, что и позволяет говорить о том, что он – действительно поэт, а басня – и риторический, и дидактический, но прежде всего – именно художественный жанр.

-
- ¹ Аристотель. Риторика // Античные риторики. М.: Изд-во Московского университета, 1978. С. 104–105.
- ² Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике: в 2 т. Т. 1. СПб.: Наука, 2001. С. 420.
- ³ Выготский Л.С. Психология искусства. СПб.: Азбука, 2001. С. 129.
- ⁴ Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 242.
- ⁵ Федоров В.В. О природе поэтической реальности // Федоров В.В. Проблемы поэтического бытия. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 141.
- ⁶ Федоров В.В. Может ли басня быть художественным жанром? // Федоров В.В. Оправдание филологии. Донецк: Норд-Пресс, 2005. С. 63.
- ⁷ Там же. С. 60–61.
- ⁸ Федоров В.В. «Дедушка Крылов» // Федоров В.В. Статьи разных лет. Донецк: ДонГУ, 2000. С. 66.
- ⁹ Ревяков И.С. Игра как онтологическое основание поэтической реальности // Литературоведческий сборник. Вып. 29–30. Донецк: ДонНУ, 2007. С. 108.
- ¹⁰ Там же. С. 109.
- ¹¹ Хейзинга Й. Homo ludens // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. С. 141.
- ¹² Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ, 2000. С. 623.
- ¹³ Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. С. 64.
- ¹⁴ Там же. С. 71.
- ¹⁵ Досократики. Минск: Харвест, 1999. С. 280–281.

- ¹⁶ Там же. С. 295.
- ¹⁷ Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. С. 190.
- ¹⁸ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итого тысячелетнего развития: в 2 кн. Кн. 2. М.: Искусство, 1994. С. 217.
- ¹⁹ Евангелие от Иоанна. Гл. 1. Ст. 1 // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2004. С. 1127.
- ²⁰ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итого тысячелетнего развития: в 2 кн. Кн. 2. М.: Искусство, 1994. С. 217.
- ²¹ Крылов И.А. Басни. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 9–10.
- ²² Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 91.

А.В. Архангельская**БАСНЯ И.А. КРЫЛОВА «КРЕСТЬЯНИН И СМЕРТЬ»
И СЮЖЕТ О СТАРИКЕ И СМЕРТИ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII–XVIII вв.**

Аннотация. В статье рассматривается история басенного сюжета о Старике и Смерти в русских переводах, переделках и переложениях XVII – начала XIX в.

Ключевые слова: басня; перевод; трансформация сюжета; вариативность сюжета; Эзоп; И.А. Крылов; «Крестьянин и Смерть».

Arkhangelskaya A.V. I.A. Krylov's fable «The Peasant and Death» and the plot about the Old Man and Death in Russian literature of the 17th–18th centuries

Summary. The article deals with the plot of the fable about the Old Man and Death in Russian translations and modifications of the 17th – beginning of the 19th century.

Keywords: fable; translation; plot transformation; plot variability; Aesop; I.A. Krylov; «The Peasant and Death».

Сюжет популярной басни о Старике и Смерти восходит к басне Эзопа и в русской литературе известен как минимум с начала XVII в., так как эта басня входит в сборник «Приитчи, или Баснословие Езопа Фригии» в переводе Федора Гозвинского (1607) под названием «О старом мужи [и о смерти]»:

«18. О старом мужи и о смерти

Старецъ нѣкто дрова сѣкъи в горѣ и на раму несый. И понеже многий путь идый, утрудися, сложи с себя на землю дрова и смерти приими призываще.

Смерти же абие представши и вину вопроси: чесо ради ю призываеть? Старецъ же, убоявся, рече: дабы взяла сие бремя дров и на его раму возложила.

Толкование. Притча являеть, яко всякъ человѣкъ любоживотен сый: аще и тмами бѣд впадый, мнится смерти призывати, но обаче жити множае, нежели смерти желаетъ»¹.

Р.Б. Тарковский, комментируя перевод Гозвинского, отмечает, что слово «убоявся» – «психологический акцент переводчика»², поскольку отсутствует в оригинале. Вывод трактуется как часть общей идеологической атмосферы эзоповской басни, которая «индивидуалистична, беспросветна и консервативна... Постоянна лишь сама человеческая натура... И натура эта прежде всего эгоистична, высшая ценность для индивида – его собственная жизнь»³. Кроме того, отмечается, что в разных списках возникает сложная система редактирования, которая видоизменяет первоначальный облик рассказа, увеличивая его объем, переводя косвенную речь в прямую, стремясь в большей степени акцентировать эмоциональность рассказа, хотя и не вносит никаких существенных изменений в сюжет⁴.

Однако путь эзоповской басни о Старике и Смерти на Русь был не только прямым, но и опосредованным. Так, она входит в сборник «Зрелище жития человеческого, в нем же изъяснены суть дивные беседы животных, со истинными к тому приличными повестьми в научение всякого чина и сана человеком», переведенный с немецкого языка А.А. Винниусом (1674). Рассказ здесь значительно более подробный и детализированный.

«101. О старом человѣкѣ и смерти

Нѣкій старец иде путемъ, нося на рамѣ своею тяжкое бремя, от него же зѣло утрудися. И сѣдъ при пути, зѣлнѣ стоня, нача горко рыдати, яко же во вся дни живота своего даже и до состарения своего не возможе себѣ покоя получити. Сего ради возжелѣ

луче умрети, неже в таких трудъх жити, и возопи: “О смерте приятнѣйшая! Услыши моление мое, прииди скоро и изми мя, суща стара, от труда сего!”

Смерть же аbie услыша гласъ его и со оружиемъ своимъ к нему притече, хотяше восхитити его. Старец же видѣю, зѣло устриши и рече: “Не сего ради молихъ тя, да похитиши мя. Но да сотвориши мнѣ милость и в сихъ тяжкихъ моихъ трудъхъ споможеши мнѣ бремя нѣсти”.

Тѣмъ являя, яко аще по единой бѣде приидетъ тяжчайшая – и мы о смерти вопиемъ; пришедши же ей, аще и в бедѣ, обаче еще жити просимъ.

Сице бысть Антистену-философу. Егда той впаде в тяжкий недугъ и не могуши ему тяжкую болѣзнь терпѣти, возжелѣ луче умрети, неже в болѣзни такой пребыти.

Сие же слышав, философ Диоген аbie притече к нему с ножемъ, яко бы хотя его заклати. Тогда Антистенъ возопи: “Пощади, пощади мя болѣзней ради моихъ”. – Лайртий⁵.

В этом рассказе присутствует характерное для сборника в целом дополнительное толкование сюжета («исторический прилог»); но обращает на себя внимание также и повышенная эмоциональность: «зелне стоня», «горко рыдати», «возопи», наличие пространных реплик Старца (притом что Смерть, напротив, не произносит ни звука и свои намерения явно выражает не вербальным способом; в то время как у Гозвинского «разговорчивость» Смерти усиливается от редакции к редакции).

Показательно, что в обоих случаях присутствует определенная логика в истолковании мотивации призыва смерти, но она различается. Так, в варианте Гозвинского говорится о том, что старик «смерти приити призываще», так что Смерть, придя по его призыву, интересуется, зачем он ее призывал, и этот вопрос дает герою возможность сделать вид, что он хотел попросить помощи. Таким образом, если без уточнений формулировка «смерти приити призываще» однозначно истолковывается как «хотел умереть», то получается, что именно Смерть дает герою шанс, поскольку, уточняя повод или причину призыва, открывает возможность для неоднозначной интерпретации этой фразы и одновременно дает воспользоваться этой неоднозначностью, чтобы спастись. В варианте Вин-

ниуса эффект строится на том, что, напротив, вроде бы первоначально все предельно ясно, так как в тексте констатируются и се-тования старика на тяготы жизни, и то, что он не может достичь покоя даже в старости и в результате «возжеле лутче умрети», да и сам призыв формулируется однозначно: «Приди скоро и изми мя, суща стара, от труда сего». Именно так – однозначно – истолковывает этот призыв Смерть, которой в силу очевидности просьбы нет необходимости уточнять повод, «и со оружиемъ своимъ к нему притече, хотяше восхитити его». Поэтому здесь уже напуганный старик объясняет Смерти, что она поняла его неправильно, поскольку, призывая ее, он хотел избавиться не от труда жизни, а от труда несения непосильной тяжести.

Еще один вариант этого сюжета представлен в сборнике «Премудрого Лохмона издивительные склады и примеры». Р.Б. Тарковский отмечает, что сборник входил в состав изданного Адамом Олеарием «Путешествия в Москвию и Персию», известен как «арабская версия Эзопа, сложившаяся к XIV в., но связываемая мусульманским преданием с баснословным Лукманом, мудрецом-праведником ветхозаветных времен царя Давида»⁶, и оказался переведенным на русский язык в последней трети XVII в.

«14-я причина. Единою человѣкъ желаетъ себѣ смерти

Единою человѣкъ нес великою ношу дров, которая ему зѣло тѣгостно была. И когда он пристал и носить надоела, и кинул он ношу с плечь и рекъ от нетерпения: «Я хотел бы, чтобы смерть пришла».

И он насило то слово выговорил, и явилася смерть ему пред очима и рекла: «Зри, оздеся я. Ты меня призывал, – что ты у меня желаешь?» И человѣкъ отвещал: «Я толко кликал тебя для того, чтобы ты пришла и мнѣ бы паки помогла ношу дровъ на плеча положити. А ино как ты мнѣ не надобна».

Сим воздает знати, что все люди на свети, они буди кто и несть, они временной живот возлюбляют и того не накучутся ни болезнѣю, ни безмочиѣм, когда къ смерти придет»⁷.

Эта версия любопытна тем, что здесь мы имеем диалог действующих лиц, причем реплики не сопровождаются никакими эмоциональными «ремарками». Если и у Гозвинского, и у Винниуса

констатируется испуг героя при виде смерти: именно этот страх и заставляет его искать и найти выход из ситуации, осознать поспешность и риторичность призываания смерти, пересмотреть свое отношение и к жизни, и к смерти и т.д., – то в сборнике Лохмона акцент получается иным. В соответствии с прототипом – исходным эзоповским оригиналом – в призывае к смерти имплицитно заложена двусмысленность, а в реплике Смерти она эксплицируется, но, помимо этого, финальная фраза старика содержит не только просьбу о помощи, но и уточнение того, что никаких иных действий от Смерти не ожидается: «А ино как ты мне не надобна».

Следует отметить и то, что во всех известных переводах этой басни на русский язык в XVII в. Смерть никак не комментирует изменение настроения героя и никак не пытается предъявить на него права ввиду его первоначального настроения и / или необдуманного призыва. Мораль идет от автора, а не от участников коллизии, как это, собственно, свойственно и басне, и притче, и содержит вывод из конкретной ситуации, позволяющий выстроить обобщающие умозаключения характерологического свойства о человеческой природе вообще.

В первой половине – середине XVIII в. на основе разнородного материала, в частности включающего в себя русский перевод басен Эзопа, создается стихотворная редакция русских фацетий или жарт. В этот сборник также входит сюжет о Старике и Смерти:

31. О старикѣ и смерти

*Деревенской старикъ пошел некогда в лесъ
набравши тамо дровъ домой несъ
и несучи ихъ весма жестоко усталъ
брося свою ношу смерти просить сталъ
чтоб она ево от такой жизні избавила
и вѣкъ бы ево совсѣмъ убавила
того же часу смерть к старику подскочила
чево ты желаешь старичокъ спросила
старикъ увидя смерть испужсался
однако хотя в страхе сказать догадался
створи доброю г (оспо) д (и) нъ со мною честь
пособи ношу мою мне донесть
пожалу на плеча ко мне положи*

*и тою помочью мне услужи
смерть расмеяся старику сказала
прозба твоя не то мне доказала
ты просил чтоб тебѣ умереть
а теперь не хочешь тово терпеть
старикъ едва от нея отбожился
уже ходить в лесъ не лстился⁸.*

Показательны отличия этого текста от предыдущих, свидетельствующие, на наш взгляд, и о меньшей словесной и интеллектуальной изысканности фацций по отношению к басне, и о большей прямолинейности в выражении главной идеи: в тексте прямо сказано, что Старик просит Смерть не просто прийти к нему, но именно избавить его от жизни и «совсем убавить» его век. В этой ситуации вопрос немедленно появляющейся Смерти: «Чего ты желаешь, старичок?» – оказывается немотивированным, так как свое желание герой к этому времени уже достаточно четко формулирует. Мотив испуга сохраняется, однако подчеркивается, что, несмотря на страх, вызванный неожиданным приходом призванной Смерти, герой нашелся и остроумно сделал вид, что звал Смерть только лишь затем, чтобы попросить помощи. Остроумие героя оказывается оцененным («смерть расмеяся»), но затем, несмотря на это, именно Смерть констатирует, что исходно были сформулированы другие желания, и даже, видимо, пытается настаивать на их осуществлении, поскольку сохранить жизнь герою оказывается нелегко («старикъ едва от нея отбожился»), а дальнейшие походы в лес сулят ему опасность новой встречи со Смертью уже безо всякой первоначальной инициативы с его стороны («уже ходить в лесъ не лстился»). Таким образом, в отличие от басни, эта фацция не содержит отвлеченной общей морализации, идущей от автора, поэтому роль героя-резонера в данном случае принимает на себя Смерть, обращающая внимание на особенности человеческой природы, проявившиеся в данной ситуации⁹.

Сюжет о Старике и Смерти также встречается в одной из ранних русских интермедий¹⁰. Учитывая, что в данном случае мы имеем дело с драматической сценкой, хотя и с минимальным количеством действующих лиц, принципы, на основе которых перерабатывается исходный текст, близки к тому, что происходит в драматических произведениях этого же времени. Герои произ-

носят пространные монологи, насыщенные подробностями: так, Старики сообщает о том, что ему не служат руки и ноги, болит голова, «стомах зазнобися», уши не слышат, глаза не видят, зубы не могут жевать, а добавок к этому его мучат материальная скучность и зимний холод; найдя дрова, он радуется, но тут же констатирует, что находка, суля ему облегчение в дальнейшем, доставляет в то же время и новые трудности, поскольку он не в силах донести эти дрова до дома, после чего он прямо адресуется к Смерти и даже пеняет ей на неумение выбирать жертв:

*Лутше умрети, неже в нужде жити.
 Бог ми оставил за преступления,
 Не посылает ми умерщвления.
 Юныи мнози везде умирают,
 Старика тленна житии оставляют.
 Ей, смерть ест слепа, не видит, что взяти;
 Мало в ней ума, не вест рассуждати
 Юным ест горка, а тех похищает;
 Мне бы была сладка, но мя оставляет.
 О смерте! где ты? камо заблудила?
 Вскую беднаго старика забыла?
 Потищися ко мне, возми мя до себе:
 О кол аз давно ожидаю тебе!¹¹*

Однако, когда в ответ на этот призыв приходит Смерть, Старики сначала пытается сделать вид, что это не он ее звал («Иннии люди семо приходжаху / Тии до себе тебе призываху»¹²), а потом, когда обман не удается, так как Смерть точно уверена, что слышала его голос, просит ее помочь «дрова на плеща возложити»¹³.

Отличие этой версии сюжета от предыдущих в том, что интермедиа здесь заканчивается иначе: Старику не удается обмануть Смерть и его призыв не может остаться без ответа; это констатируют в заключительных репликах оба героя интермедией:

*Смерт
 Старче лукавы! что се ты твории?
 Непрелстимую богатырку лостиши.
 Не мое дело в дровах ти пособляти;
 Аз вем телеса ваши в гроб хищати.*

<...>

*Проща́йся с людми и богу моли́ся,
Утро в могилу ко мне ты лажи́ся.*

Старик

*Увы мне! увы! Что имам творити?
Вскую аз дерзнух Смерт к себе гласити?
Сам ю возбудих, яже тверде спаше,
Меня мертвити не у помышляше.
Прелстихся бедный. Лучше бе молчати.
Воли божия в готовости ждати.*

<...>

*Сами здравству́йте на лета премнога!
Званием Смерти не гневайтэ бога.*

(Смерт косою косит, старик упадает.)¹⁴

На протяжении XVIII – начала XIX в. басенний сюжет о Старике и Смерти, известный в обработке Эзопа, Габрия или Лафонтена, перелагали В.К. Тредиаковский («Старик и Смерть»), А.П. Сумароков («Крестьянин и Смерть»), П.П. Сумароков («Дровосек и Смерть»), Д.И. Хвостов («Дровосек и Смерть»), Г.С. Шутов («Старик и Смерть»), Г.Р. Державин («Смерть и Старик»), А.И. Дубровский («Смерть и Дровосек»). Р.С. Кимягрова обращала внимание на то, что «уже само заглавие несет глубокий смысл: Эзоп ставит на первое место человека (Старик), Габрий идет за Эзопом. Лафонтен же, нарушая традицию, ставит на первое место Смерть. При переводе на русский язык одни переводчики придерживались эзоповской традиции, другие – традиции Лафонтена»¹⁵. Сравнительные достоинства этих переложений не раз становились предметом внимания исследователей, поэтому сейчас мы не будем на этом останавливаться, отметим лишь, что только в одной из этих интерпретаций – у Г.Р. Державина – мы видим видоизмененную концовку: вместо того, чтобы попросить Смерть помочь нести вязанку дров, Старик в ответ на ее гневный вопрос «Ты ль звал меня?», «пальцем ближняго сосѣда показал»¹⁶. Как отмечала Е.А. Морозова, «существует предположение, высказанное Я.К. Гротом, о том, что “эта перемена” концовки произошла под влиянием басни Фридриха Гагедорна “Бедный больной и Смерть” (“Die arme Kranke und der Tod”), заканчивающейся сухим обращением бедняка к Смерти “Друг, иди к моему соседу”

(“Freund, geht zu meinem Nachbahr hin”). Державин же стремится к большей эмоциональной выразительности басни, в словах стари-ка чувствуется неподдельный испуг и желание во что бы то ни стало избежать смерти, именно поэтому он “пальцем” указывает на соседа¹⁷. Обратим внимание, однако же, на то, что в рассмотренной нами ранее интермедии на этот сюжет также отмечается попытка (правда, неудачная) Старика сделать вид, что Смерть звали другие люди.

Итак, к началу XIX в. этот сюжет был известен русскому читателю уже в достаточно большом количестве разных обработок. Басня И.А. Крылова «Крестьянин и Смерть», которая появляется не позднее 1807 г., по наблюдениям исследователей, ближе всего оказывается к обработке А.П. Сумарокова: только у него герой называется крестьянином, а не стариком (как у Тредиаковского, Шутова, Державина) или дровосеком (как у П.П. Сумарокова, Хвостова, Дубровского)¹⁸. Неоднократно подчеркивалось и то, что у Крылова Крестьянин сетует не только на тяготы возраста и положения, но и на конкретные обстоятельства социального плана («подушное, боярщина, оброк»¹⁹). Наконец, басня была наглядной иллюстрацией того, как Крылов превращает абстрактный сюжет в художественную зарисовку, изобилующую деталями, характеризующими и место действия, и поведенческие обстоятельства, и бытовой фон²⁰.

Тем не менее нам кажется значимым, что крестьянином герой называется только в заголовке, в основном тексте басни он два раза называется стариком («Старик, иссохший весь от нужды и трудов»; «Зачем ты звал меня, старик?») и один раз – бедняком, очевидно, в том числе и для того, чтобы избежать словесного повтора («Едва промолвить мог бедняк, оторопев»)²¹. Таким образом, социальная характеристика, несомненно, оказывается здесь значимой, но прежде всего, как представляется, выбор из возможных вариантов заглавия, а также определение порядка слов в них обусловлены у Крылова не столько лексически, сколько метрически²².

В монологе старика у Крылова наибольшее место занимают жалобы на жизнь, тогда как сам призыв Смерти дается в форме косвенной, а не прямой речи: «В таком унынии, на свой пеняя рок, / Зовёт он Смерть». Этот момент представляется нам принципиаль-

ным, поскольку для читательского восприятия важно, насколько в призыве эксплицируется желание умереть и, соответственно, насколько противоречащей этому первоначальному призыву оказывается итоговая просьба помочь доставить дрова. Показательно, что в первых переводах басни Эзопа формулировка, при помощи которой описывается призыв, максимально нейтральна и дает возможность интерпретировать его нужным герою образом, тогда как во многих позднейших обработках, наоборот, подчеркивается однозначность этого призыва: старик в отчаянии, изнемогая от физической немощи и непосильной тяжести, хочет умереть («смерти просять стал / чтоб она ево от такой жизни избавила / и векъ бы ево совсемъ убавила» в стихотворной фацции; «потщися ко мне, возми мя до себе» в интермеди; «Приди о смерть, приди! я в гроб ийти готов» у А.П. Сумарокова). У Крылова ситуация коренным образом меняется: нам не сообщается, как именно был сформулирован призыв (хотя обстоятельства, сопровождающие его, однозначно свидетельствуют о его содержании), но акцент явственно перемещается на характеристику именно обстоятельств, которые не подаются описательно, а изливаются стариком из глубин страдающей души. Таким образом, становится в большей степени очевидно, что отчаяние героя – вовсе не сиюминутное впечатление, и тем более разительным контрастом оказывается реакция на приход Смерти, демонстрирующая, что инстинкт жизни побеждает даже в такой ситуации.

В большинстве обработок XVIII в. эта басня утрачивает ярко выраженную мораль, мы видели, что этот процесс поддерживается и в стихотворной редакции русских фацций. Как представляется, отсутствие отчетливой морализации в переложениях этой басни объясняется тем, что сам по себе сюжет достаточно очевидно моралистичен и не нуждается в каких бы то ни было уточнениях или конкретизациях главной идеи, более того – не должен быть «размыт» подобным толкованием, как не нуждается в дидактическом выводе новеллистический *pointe*. В первом издании басни мораль отсутствует и у Крылова, но через три года она возвращается, причем возвращается традиционно в финал. Это тем более значимо, что для басен Крылова не только характерно максимально свободное расположение сюжета и морали друг относительно друга, но и возможно отсутствие отдельных моралистических сентенций. Тем

не менее здесь автор чувствует потребность в морали и не видит необходимости освободить финал от дополнительной нагрузки, перенеся мораль в зачин басни, и завершается текст в окончательной редакции словами:

*Из басни сей
Нам видеть можно,
Что как бывает жить ни тошно,
А умират еще тошней.*

В результате рассматриваемая басня Крылова, как представляется, может интерпретироваться (как и многие явления в творчестве Крылова) как замыкающийся круг, на новом уровне возвращающий нас к первоистокам.

¹ Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Эзоп на Руси: Век XVII: Исследования. Тексты. Комментарии. СПб., 2005. С. 217. Басня на этот сюжет у Гозвинского фигурирует дважды, под № 18 и 143.

² Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Указ. соч. С. 460.

³ Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Указ. соч. С. 100.

⁴ Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Указ. соч. С. 116–117.

⁵ Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Указ. соч. С. 348–349.

⁶ Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Указ. соч. С. 14.

⁷ Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Указ. соч. С. 447.

⁸ РНБ Q XIV. 133. Л. 20 об.

⁹ Это особенно значимо, если учесть, что большинство стихотворных фацетий содержат «мораль»: эту функцию чаще всего выполняет последнее двустишие, в некоторых случаях маркированное как «притча». В сборнике, в который входит рассматриваемая фацетия, все остальные тексты содержат «мораль», причем эти строчки графически выделяются.

¹⁰ Интермедиа на интересующую нас тему входит в рукописный сборник 1737 г. из собрания Н.С. Тихонравова, включающий в себя семь старейших русских интермедиий.

¹¹ Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII века): Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII века. М., 1972. С. 281.

¹² Там же. С. 282.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кимягарова Р.С. «Крестьянин и Смерть» // Кимягарова Р.С. Мой Крылов. М., 2017. С. 71.

-
- ¹⁶ Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. III. СПб., 1870. С. 425.
- ¹⁷ Морозова Е.А. Басни Г.Р. Державина // Г.Р. Державин и русская литература. М., 2007. С. 161–168.
- ¹⁸ См. об этом подробнее: Кимягарова Р.С. Указ. соч. С. 73.
- ¹⁹ Крылов И.А. Басни: Сатирические произведения. Воспоминания современников. М., 1989. С. 123. В дальнейшем текст басни цитируется по этому изданию.
- ²⁰ Кимягарова Р.С. Указ. соч. С. 73–74.
- ²¹ Следует заметить, что и у А.П. Сумарокова слово «старик» и его производные в основном тексте басни тоже гораздо частотнее: четыре против двух упоминаний «крестьянина», одно из которых – в заголовке, а второе начинает первую строчку («Крестьянин въ старости и в бѣдности страдая...»).
- ²² См. об этом подробнее: Аверинцев С.С. Лафонтеновская парадигма и русский спор о басне // Аверинцев С.С. Связь времен. М., 2005. С. 199–218.

Р.С. Кимягарова
НИ ПАВА НИ ВОРОНА¹:
АНАЛИЗ БАСНИ И.А. КРЫЛОВА «ВОРОНА»

Аннотация. В статье анализируются особенности языка басни И.А. Крылова «Ворона», исследуются ее печатные варианты. Крылов рассматривается как создатель русского басенного языка.

Ключевые слова: Крылов; история русского языка; басня; лексика; стиль; идиомы.

Kimyagarova R.S. Neither peacock nor crow: analysis of the I.A. Krylov's fable «Crow»

Summary. The article deals with the peculiarities of the language of the I.A. Krylov's fable «Crow» and its published variants. Krylov is considered the creator of the Russian fable language.

Keywords: Krylov; the Russian language; fable; lexis; history of language; idioms.

Басня «Ворона» впервые опубликована в «Полярной звезде» на 1825 г., поступила в С.-Петербургский цензурный комитет 24 февраля 1825 г. Затем перепечатана в «Баснях» 1825 г. (VII, 26); 1830 г. (VII, 26); 1834 г. (VII, 20); 1840 г. (VII, 26); в последнем прижизненном издании 1843 г. (VII, 27). Текст окончательно установлен в издании 1843 г. Эта басня постоянно помещалась автором в седьмую книгу басен.

Басню «Ворона» – можно назвать одним из талантливейших произведений И.А. Крылова. Это – ярчайший пример того, как

гениальный баснописец не только перевел басню с классическим сюжетом, но и обогатил ее своим пониманием и открыто перенес действие в российскую действительность. Именно поэтому ошибочно считать ее простым переводом: это – оригинальное произведение баснописца.

Басня даже для Крылова построена нестандартно: она открывается поучением автора, а заканчивается описанием конкретного случая из российской жизни, несмотря на то что басня восходит к классическому сюжету Эзопа.

Существительное *павлин* (латинское *Pavo cristatus*, ср. позднелат. *pavus*), по данным Словаря русского языка XI–XVII вв.², зафиксировано в русском языке с XV в. По данным этого словаря, слово *пава* имеет три значения: 1. «Павлин», с отсылкой на Русско-немецкий словарь XVI в., 2. «Самка павлина» и 3. В народно-поэтической речи – «птица, имеющая красоту павлина, но осознаваемая, по-видимому, как существо женского пола» с примером «Красна пава перъем, чесна жена мужем» (из пословиц П. Симони XVII в.). Это значение хорошо всем известно по сказке А.С. Пушкина «О царе Салтане»:

*А сама-то величава,
Выступает, будто пава.*

Словарь языка Пушкина³ приводит вот какое значение: «о женщине с плавной, величавой походкой», употребляется в сравнении. Это значение также реализуется и в пословицах: «идет, словно павушка плывет»; «барыня павой плывет».

В статье *пав* («павлин») в Дополнительных статьях к Судебнику царя Иоанна Васильевича (список XVII в.) читаем: «Цѣна птицам домовым... пава или пав 2 рубли с четвертью»⁴. В языке XVIII в. (так же как и в современном русском языке) встречаются два слова для обозначения самой красивой птицы с нарядным, ярким оперением – *пава* и *павлин*⁵. *Пава* – это «самка павлина» со скромным оперением и *павлин* – «самец» с роскошным хвостом. Ср. забавное замечание у Федора Эмина в романе «Приключения Фемистокла», 1762 г.: «Напрасно... почти во всем светѣ мушкины (так!) большими, нежели женщины почитаются; знать то народ от павлина так о себѣ думать научился»⁶.

Восхищение красотой павы (см. пословицу «знать паву по перьям») позволяет предположить, что речь идет о павлине (самце с ярким оперением). И пословицы свидетельствуют о том, что павой называли также павлина. Иначе невозможно понять семантику пословиц, восхваляющих красоту павы (см., например, в Словаре живого великорусского языка В.И. Даля – «знать паву по перьям»⁷).

В XVIII в. отмечено целое словообразовательное гнездо с корнем *пав-*: существительное *павленок* «маленький павлин» и четыре притяжательных прилагательных с различным написанием и разным словообразовательным оформлением: *павлинов*, *павлиновый*, *павлины* и *павлиний*⁸. В Словаре В.И. Даля⁹ это гнездо дополнено еще рядом существительных: *пав*, *павлинчик*, *павич*, *павочка*, *павонька павушка*, *павлинушка*, *павчá* «павлиний цыпленок»; рядом притяжательных: *павино*, *павлиново*, *павлинье*, *павлиний*, *пáвныи*, *павы*; в переносном значении: *павлиниться* «чваниться, спесивиться».

Эта басня восходит к классическому сюжету: у Эзопа она называется «Соя и Голуби». Переводили басню и русские переводчики. В.Ф. Кеневич, анализируя басню Эзопа, делает такой вывод: «Басня учит, что и нам должно быть довольными своим, помня, что жадность, не пользуя ни к чему, часто отнимает и то, что имеем»¹⁰.

В басне Эзопа «Соя и Голуби» (цитируется по переводу Мартынова, опубликованному в работе В.Ф. Кеневича¹¹) главное действующее лицо – *Соя* (сойка), которая «выбелила себя» и пошла жить к голубям из-за того, что их хорошо кормили. Пока она молчала, голуби принимали ее за голубку, но однажды, забывшись, она закричала, тогда голуби поняли, кто она, и стали ее бить и прогнали. Сойка возвратилась к себе, но сойки также не узнали ее и тоже прогнали. Басня учит, что нужно быть довольным тем, что есть от природы, и что жадность приводит к тому, что мы теряем и то, что имеем.

У М.Л. Гаспарова есть перевод басни на сходную тему, но с другой мотивировкой и другими героями – «Галка и Птицы»¹². Главное действующее лицо здесь – Галка. Зная, что она некрасива, Галка стала подбирать птичи перья и украшать себя ими, когда Зевс пожелал назначить птицам царя. «Разубранная» она представляла перед Зевсом, и он уже хотел выбрать ее царем. Но птицы,

«вознегодовав», обступили Галку, и каждая вырвала «свое перо». «И тогда, голая, она снова оказалась простой галкой». Мораль: «Так и у людей должники, пользуясь чужими средствами, достигают видного положения, отдав чужое, остаются такими же, как были». Из этого перевода ясно, что галка украшала себя чужими перьями из корыстных побуждений.

У Эзопа есть еще одна басня с похожим сюжетом, но иной моралью – «Галка и Вороны»¹³. «Одна галка была ростом больше всех других». Она «воспылала презрением к своей породе» и попросилась жить к воронам. Но вид ее и голос были незнакомы воронам, и «они побили ее и прогнали». «Отвергнутая», вернулась она к своим галкам, но те не захотели ее принять, «негодяя на ее спесь». Так и осталась она «ни при тех, ни при этих». Мораль: «Так и с людьми, покидающими отчество для чужих краев: на чужбине их не уважают, а на родине чуждаются». Здесь совершенно иной конец басни. Скорее, на этот сюжет написана Крыловым другая басня – «Две Мухи». Во всяком случае, конец басни свидетельствует именно об этом.

У Федра и Лафонтена также есть этот сюжет. Федр назвал свою басню «Надменная Галка и Павлин», сохранив рассказ Эзопа, но предложил иную мораль: он осуждает тех, кто «тщеславится чужим»¹⁴.

У Лафонтена также есть басня с таким сюжетом. Она называется «Geai paré des plumes du paon», а в переводе на русский – «Сойка, украшенная перьями Павлина». Перевод опубликован в 1805 г. в книге «Басни Езоповы на французском с переводом на Российской» (без указания на авторство французского оригинала, но с заглавием Лафонтена). Вот ее содержание. Соя набрала павлиньих перьев и украсила себя ими. «Она так возгордилась этим украшением, что едва удостаивала смотреть на других птиц». Сначала павлины не узнали ее, но затем поняли обман и начали вырывать свои перья. В конце басни помещено заключение: насмехаются над теми, кто хочет «без опасения присвоить себе знания другого», т.е. мораль совершенно иная.

Наиболее ранним переводом на русский язык басни с этим сюжетом является прозаический перевод Василия Волчкова 1747 г. «Галка в чужом перье»; опубликовано в издании «Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа вновь изданные,

на россиской переведены в Санктпeterбурге (так!) канцлером Академии Наук секретарем Сергеем Волчковым», 1747 г. С. 153–155. Басня 32). Галка «перья разных птиц на себя навешала» и таким краденным убранством, «возгордѣвши», «всех птиц пренебрегать начала». Она всех своих товарищей так «озлобила» «сцею глупою и тщетною гордостью», что они, «проведавши» о галкином щегольстве, напали на нее и «не только краденые перье с нее оборвали, да и собственного ея пуху не мало выщипали». Таково содержание басни. Затем следует «ученіе»: «Мы друг у друга много кое чево крадем. Кто беден да спесив тот должен подлинно ве-рить, что не только все ево ругать и везде над ним смеяться будут, да того еще надобно сберечься, чтобы не побили». Таким образом, в басне идет речь о воровстве.

Затем следует «примечаніе», видимо, от переводчика, кото-рое еще более сужает тему и сводит все к осуждению пластиата. «Каждая тварь и всякой человѣк в том состояніи и щастливее (так!), в котором природа ево определила». «К смеху и ругательству готовиться надобно», если «галка павою, а осел львом быть захочет». Щегольство Галки чужими перьями приравнивается к пове-дению всякого рода обманщиков, лжецов и хвастунов; «а особенно до таких высокопарных говорунов касается, от которых от других украдкою научившись, за мудрых и примерных людей сами себя по тому проповедуют, что из других книг по лоскуткам выписав, властно как лапти пенькою подковыривают, а от себя ничего вы-думать или из своей головы написать не в состояніи, а как такое их щегольство по суставам разберут, то ясно окажется, что все сіе перье, на подобіе Езоповой галки, краденое, только немного новою краскою распестрано».

В переводе В.К. Тредиаковского 1752 г. басня на этот сюжет названа «Ворона, чванящаяся чужими перьями»¹⁵:

*Набрала Ворона перышек от прочих птиц,
Убралась та всеми снизу вверх без мастерии;
Величателься начала сею пестротою,
Презирая птичек всех в том перед собою.*

Ласточка первая заметила свое перо у Вороны и вырвала его. За ней и другие птицы сделали то же самое. «Всю ее обнажили чем всех обще и себя ею насмешили». Голая Ворона подверглась все-

общему осмеянию. Мораль: «Так и у людей должники, пользуясь чужими средствами, достигают видного положения, но, отдав чужое, остаются такими же, как были».

В 1756 г. (в «Ежемесячных сочинениях» за июнь 1756 г.) опубликована басня «Сорока в чужих перьях» анонимного автора. «Сорока в перья птиц прекрасных убралась», и ей захотелось похвастаться «перед сестрицами».

*Отмѣнной выступью пошла,
И стадо птиц нашла;
Взгордяся перьями чужими,
Ворочалась пред ними;
То подымает нос, то выставляет грудь
Чтоб лутче (так!) тѣм птиц прочих обмануть.*

Но очень быстро птицы поняли обман, так как «природной простоты убранство то не скрыло». Чтобы наказать сороку, птицы по перышку «из ней» все начали щипать. «Вся тайна оказалась, Сорока бѣдная сорокою осталась».

Сохранилась еще одна басня анонимного автора без названия¹⁶. Привожу эту басню целиком как образец докрыловского творчества.

*Стихами вратъ не стыдно
И не положена за то титанам казнь.
Послушайте-же баснь:
Воронѣ стало вдругъ завидно,
Что нѣтъ у ней павлинаго хвоста;
Понравилася ей тѣхъ перьевъ пестрота;
И вознамѣрилась во что бы ей ни стало,
Достать себѣ такой же хвост.
Трудилася не много и не мало,
И вотъ,
Какъ все желанье совершила:
Головку подняла,
Павлиныхъ перьевъ набрала,
И на себя ихъ нацѣпила.
Хотя жъ легко чужое доставать,
Но трудно отдавать.*

*Павлины прибѣжали,
И бѣдную ворону ощипали.
Так щеголь в долг набрав веѣтъ
Гордится;
Но как придет срок векселей,
Уборовъ всѣхъ лишился.*

Басня приведена полностью, для того чтобы показать докрыловский уровень понимания текста, суженного до бытового уровня (тема касается лишь щеголей).

Известен перевод А.П. Сумарокова, назвавшего свою басню «Коршун в Павлиных перьях»¹⁷. Автор заменил Ворону Коршуном, который «убрался» в павлиньи перья и был признан всеми за павлина:

*Павлин мой чванится, и думает павлин,
Что едакой великой господин
На свете он один.*

Но когда его ощипали, то стал он «ни коршун ни павлин». Кончается басня так:

*Кто коршун, я лишен такой большой догадки,
Павлиные перья взятки.*

«Рассказ применяется к низким людям, которые гордятся чинами», – комментирует мораль басни В.Ф. Кеневич¹⁸.

С баснями М.М. Хераскова «Сорока в чужих перьях» и Д.И. Хвостова «Ворона в Павлиных перьях» (на которые ссылается А.П. Могилянский)¹⁹ ознакомиться не удалось.

Рассмотрим басню И.А. Крылова на этот же сюжет²⁰. Она близка к классическому сюжету. Б. Коплан в «Примечаниях»²¹ писал, что крыловская басня «заимствована у Лафонтена». Но это не совсем справедливо, так как начало и конец басни совершенно оригинальны. Начало басни – рассуждения автора об абстрактных человеческих отношениях. А конец открыто приближен к русской действительности (на что указывает сам баснописец). Мораль Крылова оригинальна. Главная героиня крыловской басни Ворона, решив всех удивить, вставила в свой хвост перья Павлина, т.е. основная часть басни традиционна. Но ни мораль, ни заключение не имеют аналогов.

Заключение автор закончил случаем из современной ему жизни: «Я эту басенку вам былъю поясню». Смысл морали и заключения не изменялся в процессе работы над басней.

Сохранились три рукописных варианта этой басни и несколько печатных вариантов. По ним видно, какую работу проделал И.А. Крылов, труясь над своим «переводом». В черновых вариантах заглавие отсутствует. Впоследствии (в 1834 г.) автор назвал басню просто «Ворона», отступив и здесь от классической и русской традиций.

«Изучение текста всех прижизненных изданий басен Крылова необходимо не только потому, что без этого невозможно восстановление текста отдельной басни, но также и потому, что только такое изучение может обеспечить установление их канонического текста», – писал А.П. Могилянский²².

Варианты позволяют понять, как баснописец работал над басней, хотя сюжет ее не менялся на протяжении всей работы. Для этого рассмотрим отдельные лексические замены и уточнения порядка слов, сделанные автором. Так, во второй строке:

*Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рожден.*

первоначально было: «Старайся быть в кругу в котором ты рожден», т.е. существительное «круг» заменено на «звание». Круг в значении «группа людей, идейно связанных между собою чем-л.» (является семантической калькой с французского или немецкого слова²³), в баснях не встречается, отмечен лишь фразеологизм «земной круг» в значении «земной шар» (басня «Два Голубя»). Существительное «звание» также встречается в баснях один раз²⁴ (в этой басне). Видимо, было заменено на более привычное, древнее по происхождению слово (заимствовано из старославянского языка²⁵). Баснописец, вероятно, опасался, что существительное «круг» в новом значении не всем будет понятно.

Далее следует абзац, который подвергся тщательной переработке. Только 1834 г. появляется существительное *простолюдин* в значении «человек, принадлежащий к непривилегированным слоям общества». Слово встречается всего один раз в этой басне. Согласно Словарю современного русского литературного языка²⁶,

это существительное впервые лексикографически зафиксировано в «Лексиконе» Вейсманна (1731)²⁷.

*Когда не хочешь быть смеюн,
Держися звания, в котором ты рожден.
Простолюдин со знатью не роднися;
И если карлой сотворен,
То в великаны не тянися,
А помни свой ты чаще рост.*

До этого было: «Незнатный с знатью не роднися», т.е. рядом два однокоренных слова. Новый вариант более выразителен: «Старайся быть в кругу, в котором ты рожден», – но и он был отвергнут автором.

Фраза «И если карлой сотворен» подверглась тщательной правке. Первоначально было: «коль карлика дала природа рост», но это не удовлетворило автора. Зафиксировано несколько определений существительного «рост»: «короткий рост, скудный, малый». Затем определения были заменены на «рост карлика», т.е. «коль карлика дала тебе природа рост». Но это также не удовлетворило автора, и появилась фраза «и если (так!) карликом рожден»; и только после этого – «и если карлой сотворен». Фраза «и в великаны не тянися» появилась почти сразу. «А помни свой» или «но помни», затем «а озираися ты на свой почаше рост» (этот глагол в баснях не встречается ни разу). Только потом возник окончательный вариант: «И если карлой сотворен, / То в великаны не тянися, / А помни свой ты чаще рост».

Любопытно, что начало и конец басни могли бы составить отдельную, самостоятельную и оригинальную басню. Начало басни – абстрактные крыловские рассуждения, в которых автор выступает как умудренный наблюдатель жизни и умный человек. Конец же переносит читателя в конкретную российскую действительность. Автор обращается к читателям: «Я эту басенъку вам былъю поясню». Первоначально – «Я к етой басне былъ прибавлю». Затем – «Я к етой басне былъ простую прилеплю». На примере Матрены, «купецкой дочери» (первоначально И.А. Крылов называет ее Матренушкой: «Матренушка графиней стала»), автор показывает, что бывает, когда нарушаются сословные традиции. Выдали замуж Матрену за барона, но она не смогла ужиться

с новой родней («Новая родня ей колет глаз / Попреком (первоначально – укором), что она мещанкой родилась»); а старая родня – за то, что к знатным «приплелась» (сначала «привилась»); «стала бедная Матрена» – затем «моя Матрена». Окончательный вариант: «И сделалась моя Матрена ни пава, ни ворона».

Сохранились три рукописных варианта этой басни. По отдельным примерам (приведенных выше) видно, какую работу проделал И.А. Крылов, создавая свое произведение. «Напрасно воображают, что легкие стихи его сами текли с пера», – писал П.А. Плетнев («Иван Андреевич Крылов»). И далее «счастливые стихи его стоили ему долговременной работы»²⁸.

В черновых вариантах заглавие отсутствует.

Рассмотрим варианты басни.

В седьмой строке *утыкавши*, а было заменено на *натыкавший*.

Заклеванная частотность 1.

Традиционная часть басни также подверглась тщательной переработке: «Натыкавши себе павлиных перьев в хвост Ворона по лугу защеголяла», затем «Ворона между тем пошла гулять спесиво», затем «Ворона в стадо пав пошла гулять спесиво», а затем «Ворона по лугу пошла гулять спесиво». Двенадцатая строка: «И что ее как ровную сестру», затем «ровную себе сестру», затем «что так как ровную себе сестру» и только потом – «что Павам всем она сестра». Был еще вариант:

*Что так как ровную себе сестру
С собою павы все поставят
И даже что ее представят
К Юнонину двору.*

Этот вариант не удовлетворил автора. Был еще один любопытный вариант: «Что Павам всем она набитая сестра». Этот вариант требует пояснений. Дело в том, что слово «набитый» в значении «равный по положению, состоянию, званию» стало архаичным. Это значение с пометой «прост<оречное>» зафиксировано Словарем русского языка XVIII в.²⁹ И от этого варианта И.А. Крылов отказался.

Басня обогатила русский язык, закрепив несколько фразеологизмов. «От ворон она отстала и к павам не пристала» фиксиру-

ется почти всеми фразеологическими словарями в значении «так говорят о человеке, который присваивает себе чужие достоинства, безуспешно старается играть высокую, несвойственную ему роль и поэтому попадает в комическое положение». Идиома «ворона в павлиных перьях», видимо, распространилась благодаря басне Крылова, но она по происхождению является калькой с французского выражения (*le geai paré des plumes du paon*)³⁰. И третий фразеологизм – «рядиться в чужие перья» – не является собственно крыловской фразой, а построен на базе содержания всей басни. И.Т. Янин³¹ включает его в свой словарь, объясняя так: «Стараться быть не тем, чем человек является на самом деле». Фразеологизм «ни Пава ни Ворона» создан по типу аналогичных по структуре выражений – «ни рыба ни мясо»; «ни пуха ни пера» и др.

Обращает на себя внимание тесная связь басни с народными пословицами и поговорками. С одной стороны, пава – действующее лицо пословиц. Например, пословица «Красна пава перьем, а человек ученьем» помещена уже в первом печатном издании пословиц 1770 г., собранных А.А. Барсовым³². А в Словаре русского языка XVIII в. со ссылкой на тот же источник А.А. Барсова приводится еще одна пословица: «Красна пава перьем, а жена мужем»³³.

В сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля отмечена пословица «От ворон она отстала, а к павам не пристала»³⁴. Известно (см. предисловие), что Даль включал в свой сборник пословиц только то, что он сам слышал в устной речи. На эту тему зафиксировано, кроме того, еще несколько пословиц: «От одного берега отстал, а к другому не пристал»³⁵; «От одного берега отстал, к другому не пристанешь»; «Ни так ни сяк станешь»; «От своих отстал, а к чужим не пристал»; «Тут отшатнулся, а туда не приткнулся»; «Ни то ни се, а черт знает что» и др.

Пава «самка павлина» встречается пять раз в этой басне. Прилагательное от *павлин* – *павлинъ* отмечено один раз, вариант «относящийся к павлину (крупная птица семейства фазановых, с пестрым ярким оперением и большим распускающимся хвостом)».

*Утыкаши себе павлинъм перьем хвост,
Ворона с Павами пошла гулять спесиво,
И думает... что Павам всем она сестра,
И что пришла ее пора быть украшением Юнонина двора.*

*Какой же вышел плод ее высокомерья?
Что Павами она ощипана кругом,
И что, бежав от них, едва не кувырком,
Не говоря уж о чужом,
На ней и своего осталось мало перья.*

Юнонин двор – «птичий двор, где содержатся павлины». Павлины (так же как кукушки и вороны) были посвящены богине Юноне, одной из верховных богинь в древнеримской мифологии.

Изменения в 21 строке: «ощипанной вороны не узнали» было заменено на «заклеванной вороны не узнали».

В басне встречается еще один фразеологизм – «колоть глаза кому-л. чем-л.» в значении «попрекать, стыдить кого-л. чем-л.», который фиксируется словарями первой половины XIX в.³⁶ и который Крылов талантливо обыграл в своей басне.

Он отмечается и в книге М.И. Михельсона³⁷; в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова³⁸; Словаре современного русского языка³⁹ и др. Этот фразеологизм создан на базе пословицы «Правда глаза колет». Он сохранился в русском языке до настоящего времени.

Итак, басня «Ворона» занимает особое место среди крыловских басен. Созданная на классический сюжет, она связана с российской действительностью (о чем сообщает сам автор), что нарушало басенную традицию. Мораль басни также оригинальна, и она выходит за пределы как классической, так и русской басенной традиции.

*Вот выдали Матрену за Барона.
Что ж вышло?
Новая родня ей колет глаз
Попрёком, что она мещанкой родилась.*

Таким образом, басня написана понятным, почти современным языком. Понимание текста не затруднено и для современного читателя. Фразеологизмы, созданные баснописцем, сохранились в русском языке до настоящего времени. Басня проста и понятна по форме изложения сюжета / рассказа, восходящего к классическим образцам. Басня сохранила актуальность до настоящего времени. Плетнев, восхищаясь крыловскими баснями, видел в них «неизъяснимую прелесть» языка.

Плетнев писал о И.А. Крылове: «Россия жадно слушала слова, истекавшие из его уст, и сохранит их с призательным благоговением. Она радовалась и гордилась им и будет радоваться и гордиться им, доколе будет процветать наш народный язык и драгоценno будет русскому народу русское слово»⁴⁰.

-
- ¹ По современным правилам пунктуации фразеологизм «ни пава ни ворона» пишется без запятой (ср. «ни рыба ни мясо» и другие аналогичные по структуре).
- ² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1988. С. 111.
- ³ Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 3. М., 1959. С. 264.
- ⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. С. 111.
- ⁵ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 18. СПб., 2011. С. 169.
- ⁶ Там же. Вып. 8. СПб., 1995. С. 215.
- ⁷ Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1955. С. 5.
- ⁸ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 18. СПб., 2011. С. 169.
- ⁹ Даль В.И. Указ. соч. С. 5.
- ¹⁰ Кеневич В.Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. СПб., 1878. С. 218.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Басни Эзопа. М., 1968. С. 93; Классическая басня. М., 1981. С. 7.
- ¹³ Басни Эзопа. С. 100.
- ¹⁴ Кеневич В.Ф. Указ. соч. С. 218.
- ¹⁵ Опубликовано в кн.: Русская басня. Л., 1977. С. 73.
- ¹⁶ Опубликовано в кн.: Полезное с приятным. Пятый полумесяц. XVI. СПб., 1769. С. 16.
- ¹⁷ Цит. по: «Русская поэзия». Собрание произведений русских поэтов / Под ред. С.А. Венгерова. Вып. 1–6. СПб., 1897. С. 245. Притчи Сумарокова были опубликованы после смерти автора (1777) Н.И. Новиковым дважды, в 1781 и 1787 гг.
- ¹⁸ Кеневич В.Ф. Указ соч. С. 219.
- ¹⁹ Крылов И.А. Басни / Издание подготовил А.П. Могилянский. М.; Л., 1956. С. 500.
- ²⁰ Текст басни и ее вариантов (с сохранением орфографии и пунктуации памятника) цитируется по изд.: Крылов И.А. Басни. М.; Л., 1956.
- ²¹ Крылов И.А. Басни. М., 1935. С. 268.
- ²² Крылов И.А. Басни. М.; Л., 1956. С. 298.
- ²³ Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. М., 1982. Вып. 8. С. 415 (словарная статья *кружок*); см. также: Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965. С. 172.

- ²⁴ Частотность слов приводится по изд.: *Кимягарова Р.С. Словарь языка басен Крылова. М., 2006.*
- ²⁵ Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. М., 1975. Вып. 6. С. 75.
- ²⁶ Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1951. Т. 11. С. 1399.
- ²⁷ *Вейсманн Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.* С. 369.
- ²⁸ Цит. по: И.А. Крылов в воспоминаниях современников / Вступит. ст., составление, подготовка текста и comment. А.М. Гордин, М.А. Гордин. М., 1982. С. 203. (Серия литературные мемуары).
- ²⁹ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 13. СПб., 2003. С. 125.
- ³⁰ Шанский Н.М., Зимин В.Е., Филиппов А.В. Краткий этимологический словарь русской фразеологии // Русский язык в школе. М., 1981. № 4.
- ³¹ Янин И.Т. История крылатых слов и выражений. Калининград, 2003. С. 254.
- ³² Собранные 4291 древних российских пословиц // Малые жанры русского фольклора. Хрестоматия / Составитель В.Н. Морохин. Изд. 2-е. М., 1986. С. 88.
- ³³ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 18. СПб., 2011. С. 168.
- ³⁴ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 2. М., 1993. С. 322; зафиксирована также в кн.: Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова. СПб., 1896. С. 299.
- ³⁵ Даль В.И. Указ. соч. С. 324.
- ³⁶ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806. Ч. 1; Словарь Академии Российской... СПб., 1847; Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1847.
- ³⁷ Михельсон М.И. Указ. соч. С. 163.
- ³⁸ Ушаков Д.И. Толковый словарь русского языка. М., 1935. Т. I. С. 1411.
- ³⁹ Словарь современного русского языка. М., 1956. Т. V. С. 1195.
- ⁴⁰ И.А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 179.

В.Л. Коровин

О ЦИКЛЕ ДУХОВНЫХ ОД И.А. КРЫЛОВА

Аннотация. В середине 1790-х годов Крылов составил рукописный сборник своих лирических стихотворений, который открывался циклом из восьми духовных од – переложений псалмов, пронумерованных автором («Ода первая, выбранная из псалма...» и т.д.), но расположенных не порядку их нумерации в Псалтири (17, 71, 14, 96, 37, 93, 51, 87). В статье речь идет об истории публикации этих стихотворений, об их литературном и биографическом контексте (в частности, о переложениях псалмов А.П. Сумарокова и об актуальности для Крылова примера Н.П. Николева, выпустившего в 1795 г. том своих духовных стихотворений), а также о некоторых идеях и мотивах цикла и о его композиции, очевидно, имевшей для автора определенный смысл.

Ключевые слова: И.А. Крылов; духовные оды; переложения псалмов; А.П. Сумароков; Н.П. Николев; лирическая циклизация.

Korovin V.L. On the cycle I.A. Krylov's spiritual odes

Summary. In the middle 1790s Krylov made a manuscript collection of his lyrical poems, which opened with a series of eight spiritual odes – paraphrases of Psalms, numbered by the author («The Ode First selected from the Psalm...» etc.), but not in the order of their numbering in the Psalter (17, 71, 14, 96, 37, 93, 51, 87). In this article we are talking about the history of the publication of these poems, their literary and biographical context (in particular on Sumarokov's paraphrases of Psalms and on relevant for Krylov an example of Nikolay Nikolev, which was published in 1795 volume of his spiritual poems), as well as some of the ideas and motives of the cycle and its composition, obviously had a certain meaning for Krylov.

Keywords: I.A. Krylov; spiritual odes; paraphrases of psalms; A.P. Sumarokov; N.P. Nilolev; lyrical cyclization.

В середине 1790-х годов Крылов, пережив крушение на поприще журналистики (и за десять лет до того, как сделаться баснописцем), составил сборник своих стихотворений, видимо, задумывая выступить перед публикой в новом качестве – как лирический поэт. Сборник открывался циклом из восьми духовных од, пронумерованных автором (все последующие стихотворения даны без нумерации) и однотипно озаглавленных:

«Ода первая, выбранная из псалма 17-го»;
«Ода вторая, выбранная из псалма 71-го»;
«Ода третья, выбранная из псалма <14-го>»;
«Ода четвертая, выбранная из псалма 96-го»;
«Ода пятая, выбранная из псалма 37-го»;
«Ода шестая, выбранная из псалма 93-го»;
«Ода седьмая, выбранная из псалма 51-го»;
«Ода восьмая, выбранная из псалма 87-го».

В таком виде (и последовательности) эти оды были напечатаны только в 1954 г., в подготовленном А.П. Могилянским собрании стихотворений Крылова в серии «Библиотека поэта»¹. Сам рукописный сборник, содержащий позднейшую авторскую правку, был вновь обнаружен и описан в 1940-е годы², его тексты были учтены в остающемся по сей день самым полным Собрании сочинений Крылова 1945–1946 гг.³, однако авторская композиция цикла здесь не была сохранена, как и во всех других изданиях⁴ (кроме названной книги 1954 г.). Между тем она заслуживает внимания, хотя бы потому что не имела precedентов в русской поэзии XVIII в. (все предшественники Крылова в соответствующих разделах своих поэтических сборников располагали переложения псалмов по порядку их нумерации в Псалтири). Автор, выстраивая именно такую композицию, очевидно, придавал ей какой-то смысл.

При жизни Крылова публиковались только две из восьми названных од (из псалмов 17 и 37), остальные увидели свет лишь в посмертном собрании его сочинений, подготовленном П.А. Плетневым (1847)⁵, который оценивал их невысоко, как маловажные опыты начального периода творчества поэта: «Есть между напечатанными ныне мелкими стихотворениями Крылова многие, под которыми издатели не могли выставить времени, когда он написал

их. Они отысканы в разных тетрадях между бумагами автора. Видно, поэт рано и сам почувствовал, как они маловажны для публики. Он в поэзии шел тогда за другими. Таковы переложения в стихи псалмов»⁶.

Сам Крылов, в том числе и в зрелые годы, к этим стихотворениям относился серьезнее, чем полагал Плетнев. Среди прочего об этом можно судить по предыстории публикации одного из них, о которой поведал сослуживец поэта И.П. Быстров. Свой рассказ он предварил общим суждением о его ранних стихах (и выделяя как раз духовные оды): «Вообще, проза И.А. лучше его стихов, писанных им в 1792 и 1793 годах. Любовные стишкы его больно плохи <...>, но в 1795 году Иван Андреевич является уже высоким лирическим поэтом. В Русском Отделении Императорской Публичной Библиотеки, в кипе разрозненных газет и журналов, нашел я тетрадь стихов, писанных собственною Ивана Андреевича рукою. (Это было в апреле 1832 года.) «В этой тетради есть прекрасная ваша *Молитва к Богу*», – сказал я Ивану Андреевичу. – «Покажите, мой милый!». – И.А. взял рукопись и стал читать про себя. Какой огонь, какой благовейный восторг одушевляли в то время поэта! И не одна слеза скатилась на грудь его!»⁷.

Речь шла о подражании 17 псалму, которое вслед за воспоминаниями Быстрова, печатавшимися в «Северной пчеле» в 1845 г., было помещено в одном из следующих номеров газеты⁸; впервые же оно было напечатано вскоре после его «находки», в альманахе «Комета Белы» под новый 1833 год (и с авторской датой – «1795»)⁹.

Другая ода Крылова (из псалма 37) была опубликована еще в 1796 г., в первой книжке альманаха Н.М. Карамзина «Аониды» (под заглавием «Вольное подражание псалму: “Господи, да не яростию Твою, и пр.”»)¹⁰, и имела некоторый успех у современников: только при жизни Крылова она трижды включалась в состав поэтических антологий – в 1810, 1814, 1821 гг.¹¹, причем в одной из них (1814) стихотворение появилось явно при участии автора, сделавшего ряд поправок к тексту, напечатанному в «Аонидах» (они совпадают с правкой в рукописном сборнике). В издании Плетнева оно напечатано под заглавием «Подражание псалму 37» как первое стихотворение в томе лирики Крылова¹², и не только потому, что это переложение из Библии, а еще и потому, что,

видимо, расценивалось как наиболее удачное из его переложений псалмов.

Это как будто подтверждалось тем, что только данное стихотворение из всего цикла духовных од сам поэт и отдал в печать вскоре после его написания. Думается, однако, что его выбор тогда пал на подражание 37 псалму не потому, что он считал его лучше других стихотворений цикла (или не только поэтому). 37-й псалом входит в шестопсалмие и относится к числу покаянных псалмов. Отдавая подражание ему для публикации в карамзинском альманахе в 1796 г., Крылов в некотором смысле заявлял о своем раскаянии в поступках, за которые недавно подвергся гонениям со стороны властей.

Считается, что Крылов свои переложения псалмов (или большинство из них) создал в 1795 г. и, вероятно, уже осенью, после отъезда (или высылки) из Москвы¹³, в плачевых для него обстоятельствах, на которые он намекает в письме к своей приятельнице Е.И. Бенкендорф от 26 ноября 1795 г.: «До сих пор все предприятия мои опровергались, и, кажется, счастье старалось на всяком моем шагу запнуть меня; это было, есть и, может, вечно так будет; но пусть только надежда, мой верный друг, пусть только одна она не отлучается от меня и проводит меня до моего гроба... <...> Воспоминание моих старых и еще вновь приключившихся мне несчастий и потерей завело меня к скучному, может быть, для вас болтовству...»¹⁴. И тут же Крылов называет свои жалобы «Еремииным плачем»¹⁵, делая шутливую отсылку к Библии, переложениями из которой (из Псалтири) он тогда занимался.

В единый цикл из восьми стихотворений они были оформлены, скорее всего, в конце 1796 г., уже после смерти Екатерины II (ноябрь), поскольку «Ода вторая, выбранная из псалма 71-го» является переложением одного из мессианских псалмов, прославляющего нового царя, и, по всей видимости, была написана в связи воцарением Павла I (что отмечал, например, Г.А. Гуковский¹⁶). Положение Крылова в это время уже было несколько иным, чем то, на которое он туманно намекает в процитированном выше письме. Он возлагал какие-то надежды на нового царя и, по некоторым сведениям, даже встречался с ним. Впрочем, это времена, середина 1790-х годов, по выражению исследователей, – «белое пятно в биографии Крылова»¹⁷. Цикл переложений псалмов,

созданных именно тогда (ни до, ни после этого он подобных стихотворений не писал), является одним из немногих свидетельств о настроении и взглядах поэта в то время, о его литературной (а отчасти и общественной) позиции.

Эти стихотворения Крылова практически еще не изучались, и прежде всего надо выяснить, насколько его переложения псалмов были оригинальны на фоне русской псалмодической лирики и действительно ли он в этом роде стихотворений, как думал Плетнев, «шел за другими»? На последний вопрос, пожалуй, следует ответить отрицательно.

Во-первых, предшественников в этой области у него было не так уж много, поскольку Крылов, по выражению М.П. Погодина, был «почти ровесник» русской литературы¹⁸. Единственный напечатанный в России в XVIII в. опыт переложения всех псалмов, составляющих Псалтири, принадлежал А.П. Сумарокову (1774), и они дважды перепечатывались в собраниях его сочинений (1781, 1787) (В.К. Тредиаковский опубликовал лишь десять парофраз псалмов, а вся его Псалтири, сданная им в печать в 1753 г., оставалась неизданной до 1989 г.) Переложения избранных псалмов входили в сборники стихотворений М.В. Ломоносова (1751, 1757), И.Ф. Богдановича (1773), В.И. Майкова (1773), Ф.Я. Козельского (1778). Отдельные переложения появлялись в периодических изданиях, но в целом накопленное к 1795 г. количество таких стихотворений было довольно ограниченным. К примеру, Г.Р. Державин к тому времени опубликовал только два переложения – ранний вариант оды «Властителям и судиям» и «Величество Божие» (псалмы 81 и 103) (всего же он переложил двадцать семь псалмов, напечатанных позднее).

Во-вторых, Крылов явно стремился к оригинальности и в выборе псалмов для переложения, и в строфике стихотворений, и, наконец, в способе их циклизации.

Конечно, он имел перед собой ряд актуальных для него опытов и примеров предшественников и современников, которые должен был учитывать, но скорее отталкивался от них, чем следовал за ними. Наиболее актуальными опытом для него, видимо, были переложения псалмов Ломоносова и – в еще большей степени – Сумарокова. А наиболее важным примером, возможно, и подтолк-

нувшим Крылова к созданию цикла духовных од, на наш взгляд, стали духовные стихотворения Н.П. Николева.

Первая часть «Творений» Николева, вышедшая в 1795 г., была целиком составлена из впервые здесь опубликованных «духовных стихотворений». В начале книги помещался цикл из 27 стихотворений (од), пронумерованных авторов. Это 26 переложений избранных псалмов, однотипно озаглавленных («Ода 1, из псалма 1»... «Ода 26, из псалма 148»), и «Ода 27. Выбранная из Иова, из тех же глав, из коих выбирал г. Ломоносов...»¹⁹ (далее следовали оригинальные религиозные стихотворения, но уже без авторской нумерации). В подзаголовках од – первые стихи церковнославянского текста псалмов.

Почти так же оформлены заглавия в цикле духовных од Крылова (только у Николева они расположены по порядку нумерации в Псалтири). В данном случае это вряд ли может быть простым совпадением или общей данью европейской традиции. В русской печати XVIII в. в точности так же оформленный раздел духовных од встречается только у Николева, но еще существенней то, что он был одним из самых авторитетных в глазах молодого Крылова писателей-современников и едва ли не основным его литературным ориентиром, по крайней мере в драматургии. В начале своей творческой деятельности, по замечанию исследователей, «в плане литературном и общественном Крылов шел за Николевым»²⁰. Переехав из Петербурга в Москву, в 1794–1795 гг. он был в доме писателя Ф.Г. Карина, друга Николева, и, скорее всего, лично встречался и с ним самим, с «русским Мильтоном» (как позднее стали называть Николева его почитатели за слепоту и наклонность к религиозной поэзии). В это время Крылов и начинает заниматься переложениями псалмов, может быть, побуждаемый примером Николева. Неизвестно, мог ли он читать первую часть его «Творений» до отъезда из Москвы осенью 1795 г. (нет сведений, в каком месяце книга вышла), но о том, что Николев пишет духовные стихотворения и готовит их к изданию он, наверное, был осведомлен, а какие-то из них мог читать в рукописях. В конце же 1796 г., когда Крылов составлял свой рукописный сборник, он уже, несомненно, с этой книгою был знаком.

В самих одах Крылова прямой зависимости ни от Николева, ни от переложений псалмов других русских поэтов не обнаружи-

вается. Если Николеву приходилось отвечать на упреки, что он переложил все псалмы, переложенные Ломоносовым, нарочито с ним состязаясь²¹, то адресовать подобный упрек Крылову было бы затруднительно. В переложении псалмов 37, 87 и 93 его единственным предшественником был Сумароков, переложивший все псалмы (учитываем только появившееся в печати и только в XVIII в.). Переложения псалмов 17 и 51, кроме как у того же Сумарокова, встречаются только у Козельского; псалом 96 – только у Николева; псалом 71 – у Майкова и Николева; псалом 14 – у Ломоносова и Николева.

Из всего перечисленного литературной известностью пользовалось только переложение 14 псалма Ломоносова, с которым соревновались Сумароков и Николев, избравшие ту же, что у него, стихотворную форму и даже повторившие некоторые его выражения. У Крылова же именно в этом единственном случае («Ода третья») использована неравносложная строфа, принятая по образцу переложения того же 14 псалма у знаменитого тогда французского одописца Ж.-Б. Руссо²² и, может быть, не в последнюю очередь ради того чтобы не повторять Ломоносова.

Остальные оды Крылова написаны равносложными стихами (четырехстопным ямбом), однако он явно заботился о разнообразии версификации, и по строфической форме ни одна из его од не повторяет другую. Приводим начальные строфы всех восьми стихотворений.

Ода первая, выбранная из псалма 17-го

К Тебе, мой Бог великий, вечный,
Желанья все мои парят,
Сквозь тьму и бездну бесконечны,
Где миллионы звезд горят
И где, крутясь, миры в пучинах
Твое величество гласят:
Велик Господь, велик и свят
Вещей в началах и кончинах!
Велик величества Творец,
В бедах мне щит, в суде – отец.

(С. 462)

Ода вторая, выбранная из псалма 71-го

Подай царю твой, Боже, суд,
И правду дай цареву сыну;
Да к пользе царства примет труд,
Да истину хранит едину –
И кротко, как зарей зефир,
Ко всем странам прольется мир.

(С. 466)

Ода третья, выбранная из псалма <14-го>

Кто, Боже, в высотах эфирных
Святый Твой населяет двор?
Кто слышит, как, при звуках лирных,
Поет Тебя пресветлый хор?
И кто в святилищах небесного чертога
Вкушает сладость зреть величье, славу Бога?

(С. 468)

Ода четвертая, выбранная из псалма 96-го

Взыграй, вся дышущая плоть!
Днесь воцарился твой Господь.
Промчите слух сей, ветры скоры,
В дальнейшие земли концы,
Да скачут холмы, как тельцы,
Как овны, да взыграют горы
Средь кликов празднующих стран,
И да восплещет океан!

(С. 470)

Ода пятая, выбранная из псалма 37-го

Смягчи, о Боже! гнев Твой ярый,
Вины души моей забудь;
И молний уклони удары,
В мою направленные грудь!

Престани в тучах, в облистаньях²³
 И в бурных пламенных дыханьях
 Являть, колико суд Твой строг;
 Пролей надежду в грудь унылу,
 Яви свою во благе силу
 И буди в милостях мне Бог!

(С. 472)

Ода шестая, выбранная из псалма 93-го

Снесись на вихрях, мщений Царь!
 Воссядь на громах – тучах черных,
 Судить строптивых и упорных;
 Ступи на выи непокорных
 И в гордых молнией ударь.

(С. 475)

Ода седьмая, выбранная из псалма 51-го

Чем хвалишься во злобе, сильный,
 Что мочен наносить ты вред?
 Глагол твой, лестию обильный, –
 Как ядом растворенный мед;
 Язык твой – бритва изощренна;
 В груди кипит всех злоб геенна.

(С. 476)

Ода восьмая, выбранная из псалма 87-го

О Боже! Царь щедрот, спасений,
 Внемли! – К Тебе моих молений
 Свидетель – ноши все и дни.
 Я в нощь свой одр мочу слезами,
 И в день иссякшими глазами
 Встречаю мраки лишь одни.
 Да пройдет вопль мой пред Тобою
 Шумящей, пламенной рекою:
 Воззри – и слух ко мне склони.

(С. 479)

Как видно, каждую оду Крылов написал особой строфой, и они различаются не только порядком рифмовки, но и по объему, по количеству стихов – от пяти до десяти. Не использует он только самый обыкновенный и частотный тип строфы – четверостишие, хотя именно четверостишьями были написаны, например, все переложения псалмов у Ломоносова и Николева и очень многие – у Сумарокова, который, в общем-то, больше других экспериментировал с метрикой и строфикой в этом типе стихотворений. Крылов пользуется более сложными строфами, очевидно, стремясь к оригинальности, желая по возможности придать своим переложениям индивидуальный облик. И выбирает он псалмы, которые лишь в единичных случаях перелагались старшими поэтами, не касаясь тех, которые перелагались очень часто (к примеру, 1-й псалом).

При этом стихотворения цикла Крылов расположил так, что написанные строфами с большим количеством стихов (от восьми до десяти) обрамляют те, что написаны строфами меньшего объема (по пять и шесть стихов). По этому формальному показателю цикл распадается на две части, где по количеству стихов в строфах стихотворения выстраиваются в такую последовательность: 10–6–6–8 и 10–5–6–9 (если большие строфы обозначить как «А», а короткие как «б», то последовательность стихотворений предстанет в таком виде: А-б-б-А и А-б-б-А). В принципе такая последовательность могла сложиться и непреднамеренно, изначально не задумывалась автором или вовсе им не замечалась, но на это приходится обратить внимание, поскольку Крылов расположил свои оды не по порядку их нумерации в Псалтири и явно не по хронологии, не по времени их создания (переложение 71 псалма, написанное, как уже отмечалось, позже других, здесь «Ода вторая»), но и, конечно, не просто как попало, а придавая такой композиции определенный смысл. И дело совсем не только количественных показателях (они, кроме прочего, могли быть продиктованы известным эстетическим принципом «приятного разнообразия»).

По содержанию (по ведущим темам) эти восемь стихотворений, составляющие единый цикл, тоже образуют довольно стройную последовательность и разделяются на те же две части (по четыре стихотворения).

Ода 1 – величество Божие (Пс 17)	Ода 5 – молитва покаяния (Пс 37)
Ода 2 – слава праведного царя (Пс 71)	Ода 6 – наказание нечестивых (Пс 93)
Ода 3 – блаженство праведника (Пс 14)	Ода 7 – наказание нечестивых и милость Божия к праведным (Пс 51)
Ода 4 – воцарение Бога на земле (Пс 96)	Ода 8 – молитва о спасении (Пс 87)

Первые четыре стихотворения (оды 1–4) объединены темой «величества Божия» (во выражении Ломоносова), иначе говоря – темой Бога как Царя вселенной, Его ни с кем не разделяемой власти над ней.

В следующих четырех стихотворениях (оды 6–8) ведущими являются тема Бога как Судии человека и тема покаяния грешника, ужасающегося заслуженного наказания и молящего Бога о спасении.

Первая часть цикла в некоторой степени соотносится с политическими ожиданиями поэта в середине 1790-х годов. Вторая часть в большей степени согласуется с его личными обстоятельствами и внутренней жизнью. И в обеих частях цикла важнейшим является мотив религиозного обращения человека, забывшего о Боге или провинившегося перед Ним (мотив, нередко встречающийся в духовной поэзии конца XVIII в., как, например, в оде Державина «Успокоенное неверие»²⁴).

Это лишь предварительные соображения о композиции цикла духовных од Крылова, требующей более пристального изучения. Выше уже отмечалось, что само по себе расположение подражаний псалмам не в порядке их нумерации в Псалтири в русской поэзии XVIII в. до него не встречалось (позднее, уже в XIX в., подобное нарушение нумерации псалмов, не мотивированное хронологией, можно отметить в разделах псалтырных переложений в сборниках В.В. Капниста, Д.С. Хвостова, М.А. Дмитриева и некоторых других авторов).

Возвращаясь к строфики духовных од Крылова, нужно отметить, что в одном случае он все-таки следует одному из своих русских предшественников. В «Оде пятой, выбранной из псалма 37-го» использована в точности такая же строфа, как в переложении того же псалма у Сумарокова, но сделано это намеренно, чтобы противопоставить свое стихотворение сумароковскому в идейном отноше-

нии и дать более полное (девять строф против шести) и более адекватное подражание этому псалму. Вот, например, вторые строфы стихотворений двух авторов (в псалме им соответствуют стихи 3–4: «Яко стрелы Твоя унзоша во мне, и утвердил еси на мне руку Твою. Несть изцеления в плоти моей от лица гнева Твоего, несть мира в костех моих от лица грех моих. Яко беззакония моя превыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне»).

Крылов

Стрелами острыми твоими
Мне сердце все изъявлено,
И, раздираемое ими,
Горит, как в пламени, оно;
Свои счисляя преступлены,
В стыде, в болезни, в изумлены,
Смыкаю я смущенный взор.
Нет предо мною света дневна –
На мне Твоя десница гневна,
Хладнее льдов, тяжчае гор.
(С. 472)

Сумароков

Во беззаконы утопаю:
Грехами я отягощен:
От прав закона отступаю,
Тщетою света восхищен:
Достоин казни и мученья:
Не вижу плоти излеченья.
Мой дух перед Тобой дрожит.
Душа грехи всечасно множит
И тишину мою тревожит,
Спокойство от меня бежит²⁵.

У Сумарокова текст псалма едва можно узнать, речь идет о слабости человека, увлекающегося «тщетой света», о его греховности, с которой, в общем-то, поделать ничего нельзя («Душа грехи всечасно множит...»), а у Крылова – о муке раскаяния за «преступ-

ленья», за прошлую жизнь, на которую кающийся грешник теперь взирает «в стыде, в болезни, в изумлении...» и вернуться к которой явно не желает. Это, конечно, гораздо более адекватная, чем у Сумарокова, поэтическая репрезентация покаянного 37 псалма.

Однако все же переложения Крылова в целом не являются близкими к исходному славянскому тексту парофразами псалмов (как, например, у Ломоносова), это принципиально вольные переложения, с пропусками и авторскими амплификациями.

Так, в третьей строфе той же оды из 37 псалма читаем:

Все скорби на меня зияют
И плоть мою себе делят.
Как воск, во мне так кости тают,
И кровь моя как острый яд;
Как трость ломка во время зною,
Как ломок лед в реках весною,
Так ломки ноги подо мной.
Всё множит мне печалей бремя;
Остановилось само время,
Чтобы продлить мой жребий злой.

[16, 473]

Здесь первые семь стихов являются подражанием тексту псалма (37:6–8: «Возсмердеша и согниша раны моя, от лица безумия моего. Пострадах и слякохся до конца, весь день сетую хождах: яко лядвия моя наполнившаяся поруганий, и несть изцеления в плоти моей»), но последние три стиха, конечно, не имеют в нем соответствия, внося чуждое ему по духу представление о «жребии», выпадающем человеку по случаю, по прихоти «счастья» (на которое Крылов жалуется в письме и против которого ранее ополчался в оригинальном стихотворении «К счастью», 1793). В той же оде пять (!) раз возникает слово «надежда» (в псалме не встречающееся): «Пролей надежду в грудь унылу...»; «В отчаянья, в надежде, в горе...»; «То луч надежды мне являлся...»; «Надеждой на Тебя отрадной, / Как в жар поля росой прохладной, / Мой слабый дух себя питал...»; «И я к Тебе, надежды полный, / Свой простираю томный глас...» (с. 372–374). Акцентируя здесь тему надежды (на Бога), поэт не погрешает против духа псалма (в котором она

имплицитно содергится), но, кажется, привносит в свое переложение мотивы новоевропейской поэзии, а именно «Божественной комедии» Данте. Он исходит из представления о надежде как одной из христианских добродетелей и о лишении ее как предвестии адских мук. Об этом Крылов говорит в процитированном выше письме к Е.И. Бенкендорф, приводя знаменитый стих Данте из надписи на вратах ада: «...но пусть только надежда, мой верный друг, пусть только одна она не отлучается от меня и проводит меня до моего гроба – пусть оставит она меня, когда, переехав Стикс, увижу я на дверях ада страшную надпись: “Lasciate ognî speranza, o voi ch'entrate!” Надпись ужасная, котою Данте страшнее изобразил ад, нежели множеством других своих стихов. Итак, пусть только тогда она меня оставит, и я по крайней мере скажу, что я в жизни имел утешительного товарища»²⁶.

Идея надежды как опоры человека, даруемой ему свыше, имеет значение для всего рассматриваемого цикла од. Она сформулирована в первой из них, «выбранной из псалма 17-го» (в седьмой строфе):

Смиренных щит! Смиритель гордых!
Блесни зарями в грудь мою;
И на столпах надежды твердых
Твою я славу воспою...
(С. 463–464)

Ср.: «Яко Ты люди смиренныя спасеши и очи гордых смириши. Яко Ты просветиши светилник мой, Господи: Боже мой, просветиши тму мою. <...> Защититель есть всех уповающих на Него» (Пс 17:28–29, 31). Последнему стиху (полустишию) и соответствуют строки Крылова о «столпах надежды». Речь идет о надежде на защиту и милость Божию, что является одним основных мотивов цикла, афористично сформулированного в первой строфе этой же оды: «Велик величества Творец, / В бедах мне щит, в суде – отец».

Подражание 87 псалму (последнее в цикле) заканчивается строфой, которая не раз цитировалась в книгах о Крылове²⁷, поскольку она как будто хорошо иллюстрирует факты его биографии и положение в середине 1790-х годов:

Почто же, Бог мой, презираешь,
 Не внемлешь Ты и отреваешь
 Вопль страждущей души моей?
 Средь нужды, нищеты и горя,
 Как средь бунтующего моря,
 Я взрос от самых юных дней –
 И днесь от бедства не избавлен,
 Как лист иссохший, я оставлен
 Среди ярящихся огней.

(С. 480)

Автобиографический подтекст этих строк кажется очевидным, но вместе с тем это как раз довольно точная парафраза трех стихов псалма: *«Вскую, Господи, отрееши душу мою? Отвращаеши лицо Твое от мене? Нищ есмь аз, и в трудах от юности моей: вознесжеся, смирихся и изнемогох. На мне преидоша гнези Твои, устрашения Твоя возмутши мя: обыдоша мя яко вода весь день, одержасша мя вкупе»* (87:15–18). При этом предыдущая строфа в той же оде (предпоследняя) является чистой амплификацией, развивает едва намеченную тему одного короткого стиха: *«И аз к Тебе, Господи, воззвах, и утром молитва моя предварит Тя»* (87:14):

А я, едва заря настанет,
 Едва светило дня проглянет,
 Огнем живым к Тебе дышу –
 И вместе с хором оперенным
 Под сводом неба озаренным
 Твое величие глашу.
 Куда ни двигнуся ногою,
 Как сердце я свое, с собою
 Хвалу чудес Твоих ношу.

(С. 480)

Как видно, в переложении 87 псалма Крылов тоже не стремился к точному соответствуию с его текстом, это тоже вольное переложение. И при этом радостная строфа об утреннем славословии Творцу практически оригинальная, добавлена поэтом «от себя», а горестная заключительная строфа, как будто лучше согласующаяся с личными обстоятельствами автора, является близкой к тексту парафразой стихов псалмопевца.

Этот пример показателен: перед нами не прямое высказывание самовыражающегося поэта, а переложение псалма, и не образец интимной лирики, а духовная ода, в которой поэт говорит о вещах общезначимых (таких как вера, спасение, отношения Бога и человека), а на свою конкретную жизненную ситуацию может лишь намекать (и не вполне очевидным образом), оставляя ее на втором плане, в целом необязательном для читателей. В духовной оде на первом плане, как правило, идеи, облеченные в поэтическую форму (иногда их заслоняющую) и преподаваемые в качестве истинных и общеполезных. Тем более если это переложение псалма (жанровый эталон духовной оды), где слова поэта отсылают к слову Божию, истинность которого должна быть очевидна для всех в любых обстоятельствах.

* * *

Комплексное рассмотрение идей и мотивов духовных од Крылова – дело будущего, сейчас ограничимся указаниями на некоторые из них, наиболее, на наш взгляд, значимые для всего этого цикла стихотворений.

Прежде всего это тема веры и неверия в Бога. Верующим сопутствуют милость Божия, защита от врагов, благоденствие, спасение; неверующим – суд Божий, страдания, бедствия, гибель. В начале первой оды (из псалма 17) подчеркнут мотив религиозного обращения человека, от забвения Бога (неверия) – к возвзванию к Нему (к вере), которое немедленно получает отклик:

Переставало сердце биться,
Потек по жилам смерти хлад,
Уже ногой ступил я в ад, –
Но вспомнил к Богу обратиться.
Сквозь небеса проник мой вздох –
И мой меня услышал Бог.
<...>
Едва я возопил стяня,
Он двинул громы за меня.
(С. 462)

Праведность (вера) обуславливает разрыв с обществом людей недостойных:

Беги мужей коварных, льстивых:
 Беседа их для сердца яд;
 С святым ты будешь купно свят;
 Познаешь правду средь нелживых;
 С правдивым будешь ты правдив
 И с нечестивым нечестив.

(С. 480)

В шестой оде (из псалма 93) в трех строфах, не имеющих соответствия в псалме, поэт задает вопросы безумцу, отрицающему бытие Божие и почитающему себя мудрым: «Безумец! где твой ум и слух? <...> Скажи, оставя мудрость лживу...» (с. 475). Контекстом этих строф является не столько Псалтирь, сколько дискуссии, характерные для XVIII в. – «века разума» и религиозного скептицизма, в котором Крылов формировался как писатель, а в частности конфликт веры и разума, науки и религии. В отличие от Ломоносова, отрицавшего само его наличие (вернее, правомерность), Николев, современник Крылова, сочинял свои духовные оды изнутри этого конфликта, постоянно нападая на мнимых мудрецов: «Вотще, язычники, гордитесь, / И бесполезно вы трудитесь / Премудрости людей учить! / Бог придет, в лжи вас обличит»²⁸. Николев акцентировал наличие конфликта между религией и наукой, думая, что выступает на стороне религии, и в переложениях из Библии полемизировал с Ломоносовым²⁹. Крылов в своих духовных одах, подобно Николеву, актуализирует оппозицию веры и знания, но оказывается на стороне Ломоносова. В той же «Оде первой, выбранной из псалма 17-го» читаем:

Не силою ль Твоей взлетает
 Мой быстрый дух на небеса
 Где солнцев тысяча блестает,
 Твои вещая чудеса?
 Не силою ль Твоей великой
 Причину мира мерит он
 И постигает тот закон,
 Чем обуздал хаос Ты дикой,
 Пространства разделил мирам,
 Дал стройный вид и бег телам?
 (С. 465)

Вся эта строфа не имеет соответствия в псалме, зато ее первый стих прямо отсылает к Ломоносову, к его «Оде, выбранной из Иова» (1751), где Бог вопрошаet человека: «Твоей ли хитростью взлетает / Орел, на высоту паря...». В духовных одах Ломоносова говорится о величии Бога и ограниченности знаний и возможностей человека: для него создана вся вселенная, но он не может ни до конца познать ее, ни управлять ей³⁰. В одах Крылова эта идея в каком-то смысле подразумевается, но большее значение в них имеют вопросы нравственные, чем чисто богословские (и гносеологические). Коснувшись проблемы веры и знания, он в конечном счете переходит к теме смирения и гордыни, которая в его одах является одной из ведущих тем. Не восставая против разума (в отличие от Николева), Крылов на первое место все-таки ставит чистое сердце. В его «Оде первой, выбранной из псалма 17-го», в ее последней строфе (полностью оригинальной), вопросы литературно-теоретические, богословские, философские и нравственные сведены воедино, на них дан общий ответ:

Но где есть слово человека
Тебя обильно превознесть?
В ком долгота найдется века
Твои все чудеса исчесть?
Пади, мой дух, в смирены многом
И свой не устремляй полет
В пучины, коим меры нет.
Чтоб Бога знать, быть должно Богом;
Но чтоб любить и чтить Его,
Довольно сердца одного.

[16, 465]

Читая именно это стихотворение, Крылов в 1832 г., когда уже были написаны почти все его басни, проливал слезы (по воспоминанию И.П. Быстрова, см. выше).

В его творчестве духовные оды занимают особое место: ими практически завершается литературная деятельность Крылова в XVIII в., и они оказались главными его произведениями, созданными в тот период, когда он имел повод критически пересмотреть свою прошлую жизнь и прежние литературные опыты и начал

поиск новых путей в литературе, помимо журналистики и драматургии, – тот поиск, в результате которого он в конечном счете сделается баснописцем.

Духовные оды Крылова стоят как бы в преддверии его басенного творчества и оказались его высшим достижением как лирического поэта. Так, очевидно, считал и он сам в то время, когда составил из них единый цикл и поместил его в начале предполагаемого сборника стихотворений. По ряду параметров и, в особенности, по оригинальности композиции цикл крыловских переложений псалмов – выдающееся и совершенно уникальное явление в русской псалмодической лирике XVIII века, которое нам еще предстоит по достоинству оценить.

¹ Крылов И.А. Стихотворения / Вступ. статья, подгот. текстов и примеч. А.П. Могилянского. Л.: Сов. писатель, 1954. С. 462–480. (Б-ка поэта, бс. Изд. 2-е).

Далее *переложения псалмов Крылова цитируются по этому изданию (номера страниц указываются в тексте статьи)*. Композиция цикла сохранена также в подготовленном нами изд.: «Благослови, душа моя!..»: Псалмы русских поэтов / Сост., предисл., примеч. В.Л. Коровина. М.: Эксмо, 2019. С. 243–256. (Б-ка всемирной литературы). Некоторые положения данной статьи уже формулировались в нашей предшествующей публикации, посвященной крыловским переложениям псалмов (см.: Коровин В.Л. И.А. Крылов – автор духовных од // Русская словесность. 2019. № 4. С. 69–78).

² См.: Бабинцев С.М. Тетрадь стихов Крылова // Крылов И.А. Исследования и материалы. М.: Гослитиздат, 1947. С. 252–267. В настоящее время рукопись находится в Российской национальной библиотеке в С.-Петербурге.

³ Крылов И.А. Полн. собр. сочинений: [в 3 т.]. Т. 3: Басни. Стихотворения. Письма / Ред. Д.Д. Благого; Подгот. текста и примеч. Н.Л. Степанова (басни), Г.А. Гуковского (стихотворения), С.М. Бабинцева (письма). М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. С. 263–276, 541–545 (примеч.).

⁴ См., например: Крылов И.А. Собр. сочинений: в 3 т. / Сост., автор вступ. ст., прил., comment. Д.П. Ивинский. М.: ДАРЬ, 2014. Т. 1. С. 28–42. (Русская классическая библиотека). Особенностью данного издания является, в частности, то, что духовные стихотворения Крылова в нем выделены в особый раздел, открывающий все собрание. В изданиях его сочинений советского времени после 1946 г. печатались лишь избранные переложения псалмов.

⁵ Крылов И.А. Полн. собр. сочинений / С биографией его, написанной П.А. Плетневым: [в 3 т.]. Т. 2: Поэзия. СПб.: Тип. Военно-учебных заведений, 1847. С. 3–5, 55–76.

- ⁶ Плетнев П.А. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // Крылов И.А. Полн. собр. сочинений: [в 3 т.]. СПб., 1847. Т. 1. С. XXXV. Сходную оценку переложениям псалмов Крылова в недавнее время дал и В.М. Живов (едва ли не единственный исследователь, уделивший им специальное внимание): «Псалтырные переложения Крылова, не издававшиеся автором при жизни, относятся, видимо, к начальному периоду его творчества, к тем *Lehrjahren*, когда знаменитый баснописец овладевал техникой русского стиха» (Живов В.М. К предыстории одного переложения псалма в русской литературе XVIII века <1993> // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 547 [в данной работе речь идет о переложении 14 псалма]).
- ⁷ Быстров И. Отрывки из записок моих об Иване Андреевиче Крылове // Северная пчела. 1845. № 203, 11 сентября. С. 812. Ср.: И.А. Крылов в воспоминаниях современников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.М. Гордина, М.А. Гордина. М.: Худож. лит., 1982. С. 237. (Серия литературных мемуаров).
- ⁸ Крылов И.А. Подражание Псалму XVII // Северная пчела. 1845. № 208, 17 сентября. С. 831–832. Здесь приведены также варианты чтения ряда стихов по рукописи поэта.
- ⁹ Комета Белы, альманах на 1833 год. СПб.: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833. С. 371–376.
- ¹⁰ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Книжка 1. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1796. С. 36–40.
- ¹¹ Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским: [в 6 ч.]. Ч. 1: Оды. М.: Унив. тип., 1810. С. 99–102; Пантеон русской поэзии, издаваемый Павлом Никольским. М.: Имп. Акад. наук, 1814. Ч. 2. Кн. 4. С. 139–143; Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах / Изданное Обществом Любителей Отечественной Словесности: [в 6 ч.]. Изд. 2-е, испр., умнож. Ч. 1. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1821. С. 58–61.
- ¹² Крылов И.А. Полн. собр. сочинений / С биографиею его, написанною П.А. Плетневым: [в 3 т.]. Т. 2: Поэзия. С. 3–5. В сноске значится, что текст «Подражания псалму 37» взят из «Пантеона русской поэзии» (1814) (выходные данные см. выше), однако на самом деле в нем есть исправления, скорее всего, принадлежащие Плетневу, т.е. он отнесся к нему не с большим писетом, чем к другим опубликованным им «мелким стихотворениям» Крылова (где также обнаруживаются следы редакторской правки). Изменены несколько стихов: в «Пантеоне» – «Хладнее льдов, тяжчае гор», «В сем зле, как в треволненном море», «Воззвал – и сердцем встрепетался»; в изд. Плетнева – «Хладнее льдов, тяжеле гор», «В сем зле, как бы в тревожном море», «Воззвал – и сердцем колебался». Эти варианты Плетнева не находят соответствия ни в «Аонидах», ни в рукописном сборнике с правкой Крылова.
- ¹³ См.: Гордин М.А. Крылов Иван Андреевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3 (К–М). М., 1994. С. 179.

- ¹⁴ Крылов И.А. Полн. собр. сочинений: [в 3 т.]. Т. 3: Басни. Стихотворения. Письма. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. С. 343.
- ¹⁵ «Я встал, дал успокоиться моей памяти и протолкал, так сказать, из головы все мои несчастия, и теперь опять весело продолжаю мое письмо: иначе я бы замучил Вас Еремииным своим плачем» (Там же. С. 343).
- ¹⁶ Гуковский Г.А. Примечания <к стихотворениям> // Крылов И.А. Полн. собр. сочинений: [в 3 т.]. Т. 3: Басни. Стихотворения. Письма. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. С. 544.
- ¹⁷ Гордин М.А., Гордин Я.А. Театр Ивана Крылова. Л.: Искусство, 1983. С. 93.
- ¹⁸ Погодин М.П. Из «Дневника» // И.А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 246.
- ¹⁹ Николев Н.П. Творении: [в 5 ч.]. Ч. 1: Духовные стихотворения. М.: Унив. тип., 1795. С. 1–67. О библейских переложениях Николева и его состязании на этом поприще с Ломоносовым см.: Коровин В.Л. Книга Иова в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века. М.: Водолей, 2017. С. 147–172.
- ²⁰ Гордин М.А., Гордин Я.А. Указ соч. С. 80. Об отношении Крылова к Николеву см. также: Альтшулер М.Г. Николай Петрович Николев («Русский Мильтон») // Альтшулер М.Г. В тени Державина: Литературные портреты. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2014. С. 352–359.
- ²¹ В письме «Автор к издателю», помещенном в третьей части «Творений», Николев жаловался на хулигов первой части, а среди прочего засвидетельствовал о любопытном упреке в свой адрес: «Одни кричали: как осмелился я передразнить *Ломоносова* и *Сумарокова*, преложа те же *Псалмы*, кои и они прелагали? будто я в угодность их обязан лишиться простительного самолюбия; обязан думать, что между *Ломоносовым*, *Сумароковым* и мною более расстояния, нежели между ими и *Давидом*, устами коего возглашал к самому Себе Бог» (Николев Н.П. Автор к Издателю // Николев Н.П. Творении: [в 5 ч.]. Ч 3. М.: Унив. тип., 1796. С. III).
- ²² Живов В.М. Указ. соч. С. 550–552.
- ²³ В цитируемом изд. 1954 г. вместо «в облистваньях» ошибочно напечатано «во блистваньях»; это слово из текста псалма: «От облиствания пред Ним облацы проиоша, град и углие огненное» (Пс 17:13). Ранее везде, начиная с «Аонид» (1796), это печаталось правильно, в том числе в упоминавшемся полном собрании сочинений 1946 г. (Т. 3. С. 266).
- ²⁴ См. об этом: Клейн И. Державин и религия: Ода «Успокоенное неверие» (1779) // Вивлиофика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. Vol. 2 (2014). Р. 47–59. Режим доступа: <https://vivliofika.library.duke.edu/article/view/15029/6491>
- ²⁵ Сумароков А.В. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе: [в 10 ч.]. 2-е изд. Ч. 1. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. С. 49.
- ²⁶ Крылов И.А. Полн. собр. сочинений: [в 3 т.]. Т. 3: Басни. Стихотворения. Письма. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. С. 343.

- ²⁷ См., например: *Десницкий А.В.* Иван Андреевич Крылов: Книга для учащихся. М.: Просвещение, 1983. С. 74; *Степанов Н.Л.* Крылов. М.: Молодая гвардия, 1963. С. 79.
- ²⁸ *Николев Н.П.* Творения: [в 5 ч.]. Ч. 1: Духовные стихотворения. С. 2 («Ода 2, из псалма 2»).
- ²⁹ О переложениях псалмов Николева см.: *Коровин В.Л.* Указ. соч. С. 147–172.
- ³⁰ Подробней о духовных одах Ломоносова и, в частности, о его переложениях псалмов см.: *Коровин В.Л.* Книга Иова в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века. С. 29–60.

Д.П. Ивинский
ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СТИХАМ
КН. П.А. ВЯЗЕМСКОГО НА ЮБИЛЕЙ И.А. КРЫЛОВА

Аннотация. Статья посвящена стихотворению Вяземского «Песнь в день юбилея И.А. Крылова», которое рассматривается в связи с общими проблемами интерпретации отношений поэтов. Предпринята попытка описать систему неявных подтекстов стихотворения и осмыслить ее в связи с отношением Вяземского к Крылову как многопланового и сложного, исключающего прямолинейные интерпретации.

Ключевые слова: Крылов; Дмитриев; Вяземский; Пушкин; литературная жизнь.

Ivinskiy D.P. From the commentary on verses Prince P.A. Vyazemskiy on the anniversary of I.A. Krylova

Summary. The article is devoted to Vyazemskiy's poem «A Song on the anniversary of I.A. Krylov», which is considered in connection with the General problems of interpretation of poets' relations. An attempt is made to describe the system of implicit subtexts of the poem and to comprehend it in connection with the attitude of Vyazemskiy's to Krylov as multifaceted and complex, excluding straightforward interpretations.

Keywords: Krylov; Dmitriev; Vyazemskiy; Pushkin; the literary life.

Взаимоотношения литераторов редко развиваются в соответствии со схемами, удобными для исследователей: случаи прекрасной ясности, подразумевающей устойчивую взаимную непереносимость или, наоборот, склонность к заключению стратегических союзов в динамическом пространстве литературной борьбы, –

не редкость, но и не общее правило. Чаще литературные отношения выстраиваются по модели притяжения – отталкивания, когда моменты взаимопонимания, взаимного тяготения и даже единомыслия по каким-то вопросам сочетаются с менее (в одних случаях) или более (в других) выраженным разочарованием, разномыслием по вопросам другим, разобщенностью, обусловленной социально, биографически, психологически. И это не девиация, а норма или ее разновидность: если у поэта нет соперников, врагов, хулигов, то это обычно (за редчайшими исключениями) означает, что он лишен волевого начала, что его творчество никого не задевает и, следовательно, никого или мало кого интересует. К числу этих редчайших исключений относятся репутации живых классиков, существующих в атмосфере всеобщего признания.

Таков случай Крылова, вторая половина жизни которого, если оставить в стороне некоторые мелкие детали, прошла именно в такой атмосфере. У него не было явных противников и принципиальных критиков, он же, со своей стороны, почти не вмешивался в литературную жизнь напрямую, участвуя в ней почти исключительно тем, что создавал свои басни, содержащие многочисленные аллюзии на ее действующих лиц.

На этом фоне выделялась позиция Вяземского, который, отнюдь не претендую на роль зоила и гонителя Крылова, попытался укрепить в литературном сознании современников фигуру И.И. Дмитриева, настаивая на том, что признание заслуг одного поэта не должно приводить к забвению другого и что они могут не исключать, а дополнять друг друга в едином литературном пространстве.

Конструкция эта, с точки зрения Вяземского простая и естественная, оказалась то ли слишком сложной для тех современников и потомков, которые обсуждали и обсуждают его неспособность понять величие Крылова, то ли неактуальной в эпоху, когда в русской литературе усиливалась не объединительные, а разъединительные тенденции, обусловленные и литературно-эстетически, и идеологически. В данном контексте приобретает особое значение комплиментарное стихотворение Вяземского, написанное в январе 1838 г. к юбилею Крылова. Приведем его текст:

На радость полу-вековую
 Скликает нас веселый зов:
 Здесь с музой свадьбу золотую
 Сегодня празднует Крылов.
 На этой свадьбе все мы сватья
 И не к чему таить вину:
 Все за одно, все без изъятья,
 Мы влюблены в его жену.

Длись счастливою судьбою,
 Нить любезных нам годов!
 Здравствуй, с милою женою,
 Здравствуй, дедушка Крылов!

И этот брак был не бесплодный,
 Сам Феб его благословил!
 Потомству наш поэт народный
 Своё потомство укрепил.
 Изба его детьми богата,
 Под сенью брачного венца:
 И дети славные ребята!
 И дети все умны – в отца!

Длись судьбами всеблагими,
 Нить любезных нам годов!
 Здравствуй, с детскими своими
 Здравствуй, дедушка Крылов!

Мудрец игривый и глубокий,
 Простосердечное дитя,
 И дочкам он давал уроки,
 И батюшек учил шутя.
 Искусством ловкого обмана,
 Где и кольнет из-под пера:
 Так¹ Пётр кивает на Ивана,
 Иван кивает на Петра.

¹ В изд. Крылов, 1838 и Вяземский, 1862 вместо «так» напечатано «там».

Длись счастливою судьбою,
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с милою женою,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Где нужно, он навесть умеет
Своё волшебное стекло
И в зеркале его яснеет
Суровой истины чело.
Весь мир в руках у чародея,
Все твари дань ему несут:
По дудке нашего Орфея
Все звери пляшут и поют.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с детками своими,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Забавой он людей исправил,
Сметая с них пороков пыль;
Он баснями себя прославил
И слава эта – наша быль.
И не забудут этой были
Пока по-русски говорят:
Её давно мы затвердили,
Её и внуки затвердят.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с милою женою,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Чего ему нам пожелать бы?
Чтобы от свадьбы золотой
Он дожил до алмазной свадьбы
С своей столетнею женой.
Он так беспечно, так досужно
Прошёл со славой долгий путь,

Что до ста лет не будет нужно
Ему прилечь и отдохнуть.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с детками своими,
Здравствуй, дедушка Крылов!

(Вяземский, 4: 211–213)

Это стихотворение неоднократно перепечатывалось¹ и может рассматриваться как одно из самых известных у Вяземского, тем более что повторяющееся упоминание о «дедушке Крылове» вошло в культурную память и до сих пор эта формула Вяземского остается важнейшим элементом образа великого баснописца. Но прежде, чем мы что-то скажем о приведенном нами тексте, попробуем сформулировать суть проблемы.

Мы уже успели напомнить о том, что Вяземский не был безусловным поклонником Крылова, предпочитая ему И.И. Дмитриева, и спорил по этому поводу с Пушкиным. Начало серьезному обсуждению этой темы положил сам Вяземский, поместив в своем собрании сочинений две поздние «приписки» к статьям «Известие о жизни и стихотворениях И.И. Дмитриева» и «Жуковский. Пушкин. О новой пиитике басен» (Вяземский, 1: 161–166, 183–185); впоследствии к ней неоднократно возвращались специалисты, см. в частности: Томашевский, 1956: 520–521; Мордовченко, 1959: 298–304; Гилльсон, 1969: 125, 136–137. В сущности, остается признать, что основные факты, связанные с темой «Вяземский – Пушкин – Крылов», давно собраны, не раз обсуждены, и начинать новое их обсуждение, не имея на то серьезной причины, т.е. новых фактов, нецелесообразно: в этом случае все сведется, как и всегда

¹ Впервые: Русский инвалид. 1838. 4 февраля; первые перепечатки: С.-Петербургские ведомости. 1838. 5 февраля; Литературное прибавление к «Русскому инвалиду». 1838. № 7. 12 февраля; Крылов, 1838: 1–4 третьей паг.; вошло во все значимые собрания стихотворений Вяземского; кроме изд. Вяземский см.: Вяземский, 1862: 245–247; Вяземский, 1986: 262–264, примеч. 501. Везде, кроме последнего издания, под заглавием «Песнь в день юбилея И.А. Крылова»; в Вяземский, 1986 заглавие дано по первому стиху.

в подобных случаях, к попытке изложить «старое по-новому», что всегда признавалось занятием малопочтенным.

И все же по крайней мере один вопрос остается нерешенным и почти не обсужденным: это именно вопрос о том, как мог Вяземский, если он не любил Крылова, написать стихотворение, приведенное выше и представляющее собой вполне панегирический опыт. Ср.: «<...> ходячее выражение “дедушка Крылов”<...> восходит <...> к юбилейным стихам, написанным к юбилею Крылова его всегдашним антагонистом Вяземским» (Аверинцев, 2005: 204). Впервые на это противоречие, бросившееся в глаза С.С. Аверинцеву, обратил внимание Н.И. Греч, упомянувший в своих воспоминаниях о юбилейном обеде в честь Крылова, на котором впервые прозвучали стихи Вяземского: «Пели очень хорошие куплеты кн. Вяземского. За несколько лет до того Вяземский в одном послании своем воспевал трех баснописцев “Иванов”: Лафонтена, Хемницера и Дмитриева, а слона-то и не заметил; теперь же возгласил: “Здравствуй, дедушка Крылов”» (Греч, 1886: 501; ср.: Вяземский, 1986: 501; об этом юбилейном обеде см.: Крылов, 1838; Лобанов, 1847: 79–82; Лямина, Самовер, 2017). Можно было бы предположить, что отношение Вяземского к Крылову менялось и от отрицания его значения он пришел к его пониманию и утверждению. Однако никаких оснований для такого предположения не видим; более того, современный исследователь, представив собственный очерк истории вопроса, сочла нужным заметить: «С годами смягчалась позиция Пушкина по отношению к Дмитриеву. Мнение о Крылове не изменялось. Для Пушкина он навсегда остался “самым народным нашим поэтом”. Не изменил своего неприязненного отношения к Крылову и князь Вяземский. В “приписках” к своим старым статьям в 1876 г. Вяземский, скорее, даже усилил негативные черты Крылова и подчеркнул, что не принимал именно его идеологии (“мотива, направления”)» (Дрыжакова, 2009: 306). Но если принять эту точку зрения (требующую, на наш взгляд, серьезных уточнений), поставленный выше вопрос о юбилейном стихотворении 1838 г. приобретает еще большую выразительность и актуальность: если мнение Вяземского о Крылове с годами не менялось или менялось в худшую сторону, то тем более непонятно, зачем он написал свое комплиментарное стихотворение.

В принципе, возможны два ответа на этот вопрос. Первый: он покривил душой, имея в виду какие-то тактические соображения. Какие? Нам они неизвестны, и по этой причине, а также в силу того что способность лавировать и приспособливаться не входила в число ценимых им навыков взаимодействия с литературной средой, данную версию мы оставляем в стороне, считая ее неправдоподобной. Второй, гораздо более, если не единственно, уместный: неприязнь Вяземского к Крылову сильно преувеличена и соответствующие представления должны быть скорректированы. Для этого есть все основания: известные нам статьи Вяземского о Крылове содержат именно сложную оценку его творчества, когда наряду с недостатками (подлинными или мнимыми – вопрос отдельный) обсуждаются достоинства, а более прямолинейная позиция, предполагающая возможность однозначной оценки, отвергается как заведомо неадекватная сложности материала. Собственно, об этом и с полным основанием писал сам Вяземский, не скрывая своего недоумения по поводу именно прямолинейности мышления «литературных оценщиков». Напомним всем известные и почему-то редко воспринимаемые как в полной мере искренние строки из «приписки» 1876 г. к статье об И.И. Дмитриеве (1823):

«Продолжая проверять себя, т.е. прежнего я с нынешним я, после свыше пятидесятилетнего промежутка <...>, могу сказать, что в статье о Дмитриеве вообще остаюсь и ныне при тогдашних моих литературных понятиях и суждениях. Некоторые оттенки могли бы быть изменены или переправлены; но главная основа, главные краски остались бы те же. Те же встречаются и погрешности в слоге и в изложении; но характер и направление в настоящем очерке, может быть, получили развитие еще более определенное и полное, чем в очерке Озерова.

Если что из настоящей статьи могло сохраниться в памяти литературы нашей, и отозвалось гораздо позднее в некоторой части нашей печати, то разве впечатление, что я излишне хвалил Дмитриева и вместе с тем как бы умышленно старался унизить Крылова. Всею совестью свою и всеми силами восстаю против правильности подобного заключения: признаю его ошибочным предубеждением или легкомысленным недоразумением.

В самой этой статье говорю о Крылове с искренним уважением. Говорю, например, что он боролся с Дмитриевым, перерабатывая басни уже им (т.е. Дмитриевым) переведенные, и что мы благодарны ему за его смелость. Далее говорю: “Что, к общей выгоде, дорога успехов, открытая дарованию, не так тесна, как та дорога (т.е. дорога придворная и честолюбия), на коей, по замечанию остроумного Фонвизина, двое, встретясь, разойтись не могут и один другого сваливает”. Стало быть, я признаю Дмитриева и Крылова идущими свободно друг другу навстречу или попутчиками, которые друг другу не мешают и могут идти рядом. За Дмитриевым признаю одно старшинство времени: и, кажется, этой математической истины оспоривать нельзя. У нас многие еще не понимают отвлеченной, тонкой похвалы; давай им похвалу плотную, аляповатую, громоздкую, – вот это так. <...> Статья моя написана была вследствие предложения мне Санктпетербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности, коему Дмитриев подарил рукопись свою и передал право издать ее в пользу Общества. Уместно ли было бы, при такой обстановке, входить мне в подробное рассмотрение высшей или низшей степени дарования того и другого, а еще более признать неоспоримое преимущество Крылова над Дмитриевым. Как я уже сказал: такого безусловного преимущества не признаю. Каждый из них оделен превосходными достоинствами, ему сродными: вкусы могут быть различны и друг друга оспоривать; но общая нелицеприятная оценка здравой критики может и должна воздавать каждому ему подобающее. О бес tactности, о нарушении первых правил вежливости, которые оказал бы я, принося Дмитриева в жертву Крылову в статье, посвященной в честь Дмитриева и в благодарность за подарок его литературному обществу, я уже не говорю: условия и законы ребяческой вежливости (*civilite puerile*), общежитейского приличия, сметливости, литературного и нравственного такта давно уже вычеркнуты из уложения литературного: остается мне только пред новыми законодателями виниться в моей закоснелой отсталости. Не знаю, разделял ли Крылов с другими напущенное против меня предубеждение; но в довольно долгих и постоянно хороших отношениях моих с ним не имел я повода подозревать в нем ни малейшего злопамятства. Впоследствии воспевший и окрестивший дедушку Крылова, так что, с легкой руки моей, это

прозвище было усвоено всею Россиею, не считаю нужным оправдывать себя далее в поклепе, возведенном на меня, а именно, что я не умею ценить дарование великого и незабвенного баснописца нашего. <...> У нас никак в толк не берут, что можно любить одного и не ненавидеть соседа его. Он хвалит Дмитриева: следовательно, он ругает Крылова. Вам нравятся блондинки: следовательно, брюнеток признаете вы уродами. Вы пьете красное вино, стало быть, нечего и потчевать вас шампанским. Извините: я и от шампанского не отказываюсь. Хозяин дома спрашивает за обедом гостя своего, чего хочет он: рюмку ли старого токая или старого кипрского вина? I tego i drugiego, отвечал поляк. И я тоже говорю: давайте мне Дмитриева и давайте мне Крылова. Нельзя не удивляться способу мышления и домашней логике рецензентов наших. Узка глотка их, узко их и зрение: в одной сейчас запершил, другое не обнимает двух предметов в настоящем виде каждого из них. Пристрастие за или против есть своего рода хмель. Он отемняет или искаляет светлый и здравый рассудок и трезвую рассудительность. Может быть, ошибаюсь и льщу себе напрасно; но мне сдается, что я природою одарен этою трезвостью. <...> Просвещенный любитель живописи образует картинную галерею свою не из одних произведений одного и того же мастера, одной и той же школы. Он любит и умеет ценить разнообразие кисти. И в литературе найдутся охотники, которые прочтут с удовольствием басню Крылова, но прочтут с удовольствием и басню Дмитриева. Между таковыми знал я, например, Жуковского, Батюшкова, Дашкова, Блудова и других. Не ставлю Дмитриева выше Крылова; но не ставлю и Крылова выше Дмитриева. Сочувствия мои идут не пираидально».

(Вяземский, 1: 153–156, 165)

Итак, Вяземский заявляет, что в 1876 г., когда он набрасывал этот текст, он ни в чем не готов скорректировать свою позицию, заявленную им в 1823 г.; что в статье об одном поэте (Дмитриеве) похвалы другому поэту (Крылову) и тем более признание его превосходства над тем, кому посвящена статья, выглядели бы как всплюющая бестактность; что при этом, обсуждая Крылова и Дмитриева, он исходил и исходит не из необходимости признать превосходство одного над другим, а из понимания того, что они

«идут рядом», «не мешая» друг другу. Этую свою позицию, в которой, в отличие от современного исследователя, мы не видим ничего «достаточно нелепого» (Дрыжакова, 2009: 289), Вяземский подкрепляет не только замечанием о том, что злопамятность Крылова по отношению к нему никак себя не проявила, но и упоминанием об интересующем нас здесь комплиментарном стихотворении 1838 г., которое с очевидностью раскрывает подлинное отношение Вяземского к заслугам Крылова.

Разъяснив все это, Вяземский останавливается на тех особенностях басенного творчества Крылова, которые оставались Вяземскому чуждыми (не отменяя общей высокой оценки Вяземским его дарования), – и прямо говорит о том, чего же у Крылова *не любит*:

«В Крылове не люблю мотива, направления, морали или заключения некоторых из басней его. Например, басня: “Сочинитель и Разбойник”. В ней, конечно, есть некоторая доля правды; рассказана она живо и мастерски; конец ее превосходен:

*Сказала гневная Мегера –
И крышикою захлопнула котел.*

Последний стих поразительно хорошо удачен и живописен. Но, признаюсь, по моим понятиям, как-то неловко и неблаговидно сочинителю, т.е. поэту, выводить рядом на очную ставку разбойника и сочинителя, и еще с тем, чтобы отдать преимущество разбойнику перед сочинителем. Найдутся и без поэта люди, которые охотно выведут такое заключение и подпишут подобный приговор. Нам, людям пера, не подобает мирволить и потакать таким беспощадным осуждениям. По содержанию басни можно предполагать, что Крылов имел в виду Вольтера. Следующие стихи наводят на эту догадку:

*И вон опоена твоим ученьем,
Там целая страна
Полна
Убийствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до погибели доведена тобой.*

По счастью для Вольтера, если есть тут Вольтер, стихи, произносимые Мегерой, довольно плохи. Но будь они и лучше, все не

желал бы я видеть, что с согласия Крылова захлопнулась крышка котла над Вольтером или другим великим писателем, хотя и великим грешником. Питаю надежду, что в таком случае и сама Мегера могла найти некоторые обстоятельства, облегчающие вину того, который

Был славою покрытый сочинитель.

Заметим мимоходом, что и здесь не посчастливилось Крылову: стих нехорош и выражение покрытый славою неправильно и неживописно.

Не нравится мне, хотя и не в такой степени, как предыдущая, и другая басня: «Огородник и Философ». И здесь как будто есть тенденция. Не рано ли у нас смеяться над философами и теми, которые читают, выписывают, справляются, как указано в басне. Правда, автор говорит о недоученном философе. Но всякий ли поймет эту оговорку? Большая часть читателей зарубят себе на памяти одну мораль басни:

*А философ
Без огурцов, –*

и придут к заключению, что лучше, выгоднее и скорее в шляпе дело не быть философом. Два эти стиха, выражением и складом своим, так и просятся в пословицы. Тем хуже».

(Вяземский, 1: 161–162)

Как видим, претензии Вяземского к Крылову серьезны, имеют не только литературный, но и идеологический, характер¹, но при этом высказываются не без оговорок («если есть тут Воль-

¹ Другое дело, что выстраивать на этой основе соответствующий образ литературных отношений и, скажем, противопоставлять Пушкина и Крылова Вяземскому, как это сделано в недавней работе (Дрыжакова, 2009), вряд ли целесообразно хотя бы потому, что у идеологов «литературной аристократии» всегда будет больше общего, чем у кого-то из них с любым, сколь угодно почитаемым, литератором из другого круга. Разногласия Пушкина и Вяземского и по вопросу о «патриотизме», и по вопросу о «просвещении», при всей их важности, – это *внутренние, если угодно внутрикружковые* разногласия, причем отнюдь не антигностические, не отменяющие ни глубокого взаимопонимания, ни стратегического единства в литературно-общественной борьбе.

тер», «правда, говорит он о недоучившемся философе») и сочетаются с готовностью обсуждать Крылова «с искренним уважением». Во всяком случае, именно сложная, двойственная и при этом сочувственная к Крылову версия Вяземского разъясняет обратившую на себя внимание Н.И. Гречу готовность его и дистанцироваться от Крылова, и хвалить его.

Приведем теперь еще одно свидетельство, исходящее теперь из среды Вяземского (разъясняющее попутно и причины особой чуткости Грече к стихам Вяземского). 1 (13) мая 1838 г. из Рима Гоголь писал А.С. Данилевскому:

«На днях я получил письмо от Смирнова. Он упоминает, между прочим, об обеде, данном Крылову по случаю его пятидесятилетней литературной жизни. Я думаю, уже тебе известно, что государь, узнавши об этом обеде, прислал на тарелку Крылову Станислава 2-й степени. Но замечательно то, что Греч и Булгарин отказались быть на этом обеде, но, когда узнали, что государь интересуется сам, прислали тотчас просить себе билетов. Но Одоевский, один из директоров, им отказал, тогда они нагло пришли сами, говоря, что им приказано быть на обеде, но билетов больше не было, и они не могли быть и не были. Смирнов прибавляет, что Булгарин, на возвратном пути в Дерпт, был кем-то, вероятно, из дерптск^и студентов так исправно поколочен, что недели две пролежал в постели. Этого наслаждения я не понимаю. По мне, поколотить Булгарина так же гадко, как и поцеловать его. По случаю этого празднества были написаны и читаны на нем же стихи – одни, Бенедиктова, незамечательны, другие, кн. Вяземского, очень милы и очень умны и остроумны. Они были петы. Музыку написал Вельегурский. Вот они <...>».

(Гоголь, 11: 149)

Далее следовал текст Вяземского. Обратим внимание на два обстоятельства. Первое: Гоголь, который в 1838 г. был уже хорошо осведомлен в хитроспленииах литературных отношений своего времени, ничуть не удивлен ни тем, что именно Вяземский написал похвальную песнь Крылову, ни тем, что Булгарин, некогда печатно пенявший Вяземскому за недооценку Крылова и восторжен но оценивавший его сочинения, не был допущен на его праздник.

Второе: стихи Вяземского Гоголь находит не только «милыми» и «умными», но и «остроумными» – настолько, что считает нужным сообщить их адресату. Конечно, нам никогда не узнать, что именно показалось ему в этих стихах «остроумным», но самый факт признания их таковыми важен: у нас нет оснований думать, что Гоголь ограничивается дежурной похвалой, отсылающей к кружковой репутации Вяземского как «острослова и памфлетера», а следовательно, мы вправе истолковать его замечание и как указание на соотнесенность пьесы Вяземского с широко понимаемой традицией светского остроумия. Не предвосхищая выводов, просто зафиксируем эту возможность. Но как только мы ее зафиксировали, признавая ее тем самым по крайней мере не равной нулю, выясняется, что у нас появляется некоторое основание прочесть текст Вяземского с учетом возможного влияния этой традиции.

Есть и другое основание для поисков в этом направлении: важно понять, отразилась ли в этом тексте свойственная Вяземскому и им отрефлексированная *сложность* восприятия и оценки Крылова. Ясно, что в юбилейном стихотворении, да еще и рассчитанном на публичное исполнение, не может быть ни открытых, ни прикровенных полемических выпадов: сам избранный поэт жанр накладывает на него жесткие и общепонятные ограничения. Однако «фоновые», понятные немногим, как бы необязательные и во всяком случае не выдвигающиеся в центр смысловой конструкции, шуточные подтексты и в этом жанре вполне возможны. Присмотримся повнимательнее к тексту Вяземского.

Итак, избранные «святыя», т.е. поэты, присутствующие на юбилее Крылова, «влюблены» в его «столетнюю жену», которая является и его музой: прозрачное указание на 100 лет истории русской поэзии (за точку отсчета принимается, очевидно, ломоносовская ода на взятие Хотина: 1739 г., когда она была написана, и 1838 г. разделены именно столетием). Соответствующим образом, Крылов оказывается женат не только на своей музе, но и на музе русской поэзии, замыкая в этом качестве *мужа* всю ее столетнюю историю и выступая в роли главы российского Парнаса. Но в этой точке наивысшей (пусть и облеченной в игровую форму) похвалы начинают формироваться условия для эпиграммы: брак *дедушки* Крылова со *столетней* музой, все свои плоды, естественно, принес в прошлом, а сейчас он уже ничего не обещает. Но воз-

можная эпиграмма эта, будучи намеченной, или, лучше сказать, подготовленной не только объективными обстоятельствами (почтенный возраст Крылова), но и игрой Вяземского с темой престарелой музы, не только не реализуется¹, но и оборачивается своей противоположностью, т.е. очередной похвалой. Мало того что *столетняя* жена оказывается *милой*, *супругов* окружают *детки* и влюбленные в нее поклонники русской литературы и дарования Крылова, так вдобавок уже *пройденный путь* объявляется и *славным*, и в каком-то смысле длящимся, т.е. *пройденным* не до конца, и выясняется, что до своего столетия юбиляр не будет нуждаться в отдыхе. Так возникает ряд специфических двусмысленностей: путь «дедушки» пройден – но время для отдыха наступит не скоро; «дедушка» в прошлом, но принадлежит настоящему; его жене 100 лет – но в нее влюблены еще не состарившиеся поэты; эпиграмма сложилась – но обернулась градом комплиментов. На все это, в принципе, можно было бы закрыть глаза, если бы форма «минус-эпиграммы»² мелькнула один раз и на этом все закончилось. Но форма эта воспроизводится еще, как минимум, дважды, и едва ли не более изощренно.

В третьем куплете своей похвальной песни Вяземский варьирует тему басни Крылова «Зеркало и Обезьяна», упоминая о Петре и Иване, «кивающих» друг на друга. Здесь, как известно (Вяземский, 1986: 501), имеется в виду следующее место оригинала:

*Что Климыч на-руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают.
А он украдкою кивает на Петра.*

¹ В этом случае она неизбежно актуализировала бы выразительный контекст темы графа Д.И. Хвостова, в сознании литераторов круга Вяземского выступавшего именно в амплуа «престарелого поэта», которого еще юный Пушкин в лицейском послании «Моему Аристарху» (1815) называл «конюшим дряхлого Пегаса» и «родителем стареньких стихов».

² На этом названии обсуждаемой формы («приема») отнюдь не настаиваем; во избежание недоразумений отметим, что вводимый нами условный термин никак не связан с понятием «минус-приема»: последний предполагает, что нечто ожидаемое не реализуется, в нашем же случае речь идет о неявном, «фоновом» выстраивании *возможности* развертывания смысла, *которого никто не ждет*, после чего смысл этот переворачивается именно в план *ожидаемого и предписанного* жанровой традицией.

Процитировав эту басню и вызвав этот ее текст в памяти читателей, Вяземский в следующей строфе развивает тему зеркала, но уже в связи не с Обезьяной, а с автором басни, «передавая» это зеркало из лап первой в руки второго, который и оказывается (вторым после Обезьяны) владельцем зеркала («волшебного стекла») и наводит его, куда и «где нужно». Эпиграмма почти готова: ясно ведь, что, виртуозно обращаясь с зеркалом, поэт наводит его на других, но не на себя, и совет Мишки из «Зеркала и Обезьяны» («Не лучше ль на себя, кума, оборотиться») в этом смысле пропадает втуне. Но, опять-таки, вместо того чтобы оформить эпиграмму до конца, обратив текст Крылова против него самого, Вяземский, как и в рассмотренном выше примере, разрешает ситуацию новым списком похвал, и Крылов объявляется «чародеем», у которого «в руках» «весь мир», а в зеркале – если не лик, то «чело» «суровой истины». При этом сказанное о зеркале Крылова-чародея прямо перекликается со сказанным некогда о Дмитриеве, ср.: «На предрассудки и пороки // Зерцало басни наведи» (Вяземский, 3: 263) – другое дело, что вспомнить в 1838 г. текст посвященного Дмитриеву стихотворения Вяземского 1822 г. были способны немногие.

И тут же следует еще одна минус-эпиграмма, на этот раз двойная, если не тройная. Крылов уподобляется Орфею, и в этот момент возникает возможность отождествления его столетней музы, она же русская поэзия, с Эвридикой. Далее в эту сторону Вяземский не делает ни шагу, понимая и то, что Эвридике, согласно общезвестному мифу, полагалось бы не сопровождать Орфея до его / ее столетия, а умереть вскоре после замужества, оставив его безутешным, и то, что в случае хотя бы намека на возможность развития темы в этом направлении комплиментарная песнь неизбежно взорвется откровенной издевкой в роде «арзамасских» или посильнее. Зато выясняется, что этот Крылов-Орфей играет на «дудке», слушая которую «все звери пляшут и поют», подчиняясь мелодии подобно жертвам Крысолова из немецкой легенды, зафиксированной и в сборнике Арнима и Брентано (1805), и из «Крысолова» Гёте (1803). И вновь повторяется известная нам последовательность: как только возникают условия для формирования эпиграммы, она оборачивается похвалой: в данном случае игра Крылова-Орфея лишь подтверждает его виртуозность, покоряющую

мир. Наконец, одновременно со всем перечисленным, возникает третья проекция темы Орфея, на этот раз – на крыловское «Послание о пользе страстей» (впервые: Драматический Вестник. 1808. Ч. 5). Здесь находим: «Чтоб приобресть внимание людей, // На трех струнах поет богов Орфей». У Вяземского Крылов-Орфей поет не богов, а зверей, и приобретает их же, а не людей, внимание, и они же, звери, выступают в роли «пляшущих и поющих» его почитателей. Нужно ли говорить о том, что и эта эпиграмматическая проекция не была реализована и, подобно всем прочим, в *проясненном* виде выглядит произвольной? Собственно, только регулярная воспроизведимость формы минус-эпиграммы позволяет уверенно «диагностировать» само ее наличие в пьесе Вяземского.

Но зачем Вяземскому понадобилась игра с именами Петр и Иван? Почему он воссоздает ситуацию крыловской басни «Зеркало и Обезьяна», пересматривая ее текст (никакого Ивана, как мы помним, в ней не было) именно таким образом, а не как-нибудь иначе? Законность этого вопроса обусловлена, в частности, тем фактом, что имена эти не просто и даже просто не имена каких-то басеных персонажей, а имена самих Вяземского и Крылова. Поэтому вернемся к цитате из Грече о трех Иванах. Греч имел в виду, конечно, послание Вяземского «Ивану Ивановичу Дмитриеву (В день его именин)» (1822) (см. о нем: Дрыжакова, 2009: 287–299), запомнившееся именно Гречу не только потому, что в свое время он напечатал его в своем журнале (см.: Вяземский, 1822): через год, когда из печати вышли две части собрания стихотворений Дмитриева с предисловием Вяземского (Дмитриев, 1823), Булгарин счел нужным перевести вопрос о Крылове и Дмитриеве из литературной сферы в публичную и в своей рецензии на это издание предпринял попытку защиты Крылова от Вяземского (Булгарин, 1824: 81–83), который отвечал ему (и, вероятно, не только ему, но и А.А. Бестужеву, на которого в какой-то мере ориентировался Булгарин [Гиллельсон, 1969: 135–136]) в журнале Грече (Вяземский, 1824). Позднее Булгарин, не имевший оснований считать, что ему удалось взять верх над Вяземским, подробно изложил всю эту историю, разумеется со своей точки зрения, и попытался опереться на Крылова, будто бы солидаризировавшегося с его, Булгарина, мнением и даже написавшего на Вяземского басню «Прихо-

жанин» (см.: Булгарин, 1844: 34–35; Кеневич, 1868: 194–195; то же: Кеневич, 1878: 207–208).

Неизвестно, соответствует ли последнее утверждение истине¹, но если да, то появляются некоторые основания считать, что Вяземский в разбираемых здесь стихах на юбилей Крылова постарался подвести черту под прежними разногласиями и обидами, то ли подлинными, то ли мнимыми (нет оснований полагать, что он пытался объясняться с Крыловым напрямую), а потому, отметив его способность «кольнуть из-под пера», поиграл своим и его именами, благо они принадлежали к числу наиболее распространенных и не могли рассматриваться как серьезное свидетельство его намерения указать на их личные отношения, и свел весь «конфликт», не придавая ему принципиального значения, к комическому басенному и общечеловеческому «киванию»: Петр *кинулся* на Ивана (или Иванов, выделив одного и не поторопившись воздать должное и другому), Иван *кинулся* на Петра – эпиграммой, лишенной прозрачного биографически-литературного подтекста и в этом смысле не требующей дешифровки как непременного условия понимания текста. Но точно так же Вяземский построил свой опыт с «мерцающими» и необязательными эпиграммами в похвальной «песне» Крылову. Разумеется, ни искренность, ни жанровая адекватность этой «песни» никак не пострадали, будучи лишь слегка подсвечены почти неразличимой «арзамасской» веселостью. Только это отделяет стихи Вяземского от, скажем, напечатанной в «Современнике» панегирической не без патетики статьи П.А. Плетнева, попытавшегося обсудить особенности литературного пути Крылова в связи с его юбилеем (Плетнев, 1838).

¹ Вяземский откликнулся на статью Булгарина резкой эпиграммой «К усопшим льнет, как червь, Фиглярин неотвязный», в которой сравнил его с гоголевским Чичиковым, скучающим мертвые души (Вяземский, 2: 492); судя по письму Вяземского к Жуковскому от 30 января 1845 г., он был всерьез рассержен рассказом Булгарина о Крылове, задетом нападками Вяземского и утешенном сочувствием такого тонкого ценителя изящного, как Булгарин, однако понять, поверил ли Вяземский Булгарину, из этого письма трудно (см.: Гилльсон, 1980: 51). Версию Булгарина поддерживает свидетельство В.А. Олениной (Оленина, 1902: 75; об отношениях Крылова с Олениными см.: Речицкий, 1996); и, косвенно, – наличие в его архиве «автографа Крылова» – «двух первых строчек этой басни» (Крылов, 4: 427).

Между тем статья эта была напечатана сразу после другой, авторства того же Плетнева, посвященной «литературным утратам» и содержавшей столь же панегирические рассуждения о Карамзине, Дмитриеве и Пушкине (Плетнев, 1838 а: 42–56). Становится очевидным, что именно в этот ряд встраивался Крылов «пушкинским» – в недавнем прошлом – «кругом», и «юбилейный обед» со стихами Вяземского стал своего рода наглядной демонстрацией данной позиции: никто из них, и Вяземский в особенности, не собирался «отдавать» Крылова ни его давнему поклоннику Булгарину, ни Полевому, за несколько месяцев до того отметившемуся юбилейной статьей о Крылове (Полевой, 1837). Стихи Вяземского стали важнейшим элементом всей конструкции: они полностью снимали вопрос о его разногласиях с Крыловым, остававшихся единственным и, как выяснилось, незначительным препятствием для ее создания, уводя их на периферию слабо (или даже не) различимых смыслов.

-
1. *Аверинцев, 2005 – Аверинцев С.С. Собр. соч.: Связь времен. Киев, 2005.*
 2. *Булгарин, 1824 – Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева, издание шестое, исправленное и уменьшенное <...> Литературные Листки. 1824. № 2. С. 59–64. Подпись: Ф.Б.<улгарин>.*
 3. *Булгарин, 1844 – Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений. Ф.Б.<улгарина> // Северная Пчела. 1844. № 8. С. 30–32; № 9. С. 34–36.*
 4. *Вяземский – Полн. собр. соч. Князя П.А. Вяземского. Издание Графа С.Д. Шереметева. Т. 1–12. СПб., 1878–1896.*
 5. *Вяземский, 1822 – Ивану Ивановичу Дмитриеву. (В день его именин) // Сын Отечества. 1822. № 48. С. 82–83. Подпись: К.<нязь> Вяземский.*
 6. *Вяземский, 1824 – Несколько вынужденных слов // Сын Отечества. 1824. № 14. С. 308–312. Подпись: К.<нязь> Вяземский.*
 7. *Вяземский, 1862 – В дороге и дома. Собрание стихотворений князя П.А. Вяземского. М., 1862.*
 8. *Вяземский, 1986 – Вяземский П.А. Стихотворения. Л., 1986 (Библиотека поэта: Большая серия: Издание третье).*
 9. *Гилльсон, 1969 – Гилльсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969.*
 10. *Гилльсон, 1980 – Гилльсон М.И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 51.*

11. Гоголь – Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). <М.; Л.> 1937–1952.
12. Греч, 1886 – Записки о моей жизни Н.И. Греча. СПб., 1886.
13. Дмитриев, 1823 – Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева. Издание шестое, исправленное и уменьшенное. Ч. 1–2. СПб.: В типографии Н. Греча, 1823.
14. Дрыжакова, 2009 – Дрыжакова Е.Н. Вяземский и Пушкин в споре о Крылове // Пушкин и его современники: Сб. научных трудов. Вып. 5 (44). СПб., 2009. С. 285–307.
15. Кеневич, 1868 – Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. Составил В. Кеневич. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1868.
16. Кеневич, 1878 – Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. Составил В. Кеневич. Второе издание, с приложением материалов для биографии И.А. Крылова, им же собранных. СПб., 1878.
17. Крылов – Полн. собр. соч. И.А. Крылова. Т. 1–4 / Редакция, вступительная статья и примечания В.В. Каллаша. СПб., 1904–1905.
18. Крылов, 1838 – Приветствия, говоренные Ивану Андреевичу Крылову в день его рождения и совершившегося пятидесятилетия его литературной деятельности, на обеде 2 февраля 1838 г. в зале Благородного Собрания. СПб., 1838.
19. Лобанов, 1847 – Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова. Сочинение Академика Михаила Лобанова. СПб., 1847.
20. Лямина, Самовер, 2017 – Лямина Е.Э., Самовер Н.В. Крылов и многие другие: генезис и значение первого литературного юбилея в России // Новое литературное обозрение. 2017. № 3 (145). С. 158–177.
21. Мордовченко, 1959 – Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959.
22. Оленина, 1902 – Оленина В.А. Иван Андреевич Крылов // Литературный архив, издаваемый А.А. Карташовым. СПб., 1902. С. 73–77.
23. Полевой, 1837 – Иван Андреевич Крылов // Живописное обозрение достопамятных предметов наук, искусств, художеств, промышленности и общежития <...>, издаваемое Августом Семеном. 1837. Ч. 3. С. 22–24. Без подписи.
24. Плетнев, 1838 – Праздник в честь Крылова // Современник. 1838. Т. 9. С. 57–70. Без подписи.
25. Плетнев, 1838 а – О литературных утратах // Современник. 1838. Т. 9. С. 27–56. Без подписи.
26. Речицкий, 1996 – Речицкий И.Х. Крылов и Оленины // XVIII век. Сб. 20. СПб., 1996. С. 241–248.
27. Томашевский, 1956 – Томашевский Б.В. Пушкин. Книга первая (1813–1824). М.; Л., 1956.

И.В. Логвинова, Е.М. Орлова

М.П. ПОГОДИН ОБ И.А. КРЫЛОВЕ*

Аннотация. В статье проанализированы две статьи М.П. Погодина об И.А. Крылове, написанные в 1868 г. и опубликованные в газете «Русский». В этих статьях историк и собиратель русских древностей М.П. Погодин предстает перед нами вдумчивым и внимательным читателем.

Ключевые слова: М.П. Погодин; русская литература; И.А. Крылов; басни; критика; теория литературы.

Logvinova I.V., Orlova E.M. M.P. Pogodin about I.A. Krylov

Summary. The article analyzes two M.P. Pogodin's articles about I.A. Krylov, written in 1868 and published in the newspaper «Russkij». In these articles, the historian and collector of Russian antiquities M.P. Pogodin appears before us as thoughtful and attentive reader.

Keywords: M.P. Pogodin; Russian literature; I.A. Krylov; fables; criticism; theory of literature.

М.П. Погодин, известный в основном как историк и журналист (издатель журналов «Московский Вестник» (1827–1830) и «Москвитянин» (1841–1856), газеты «Русский» (1867–1868)), преподаватель истории в Императорском Московском университете, автор многочисленных некрологов выдающимся современникам (например, Н.В. Гоголю, А.С. Пушкину, Е.И. Вельтману, Л.Н. Га-

* Статья печатается при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 19–012–00310 «М.П. Погодин. Полное собрание историко-филологических трудов: в 9 т. Т. 1–3».

гарину и др.), не просто написал статью, посвященную столетнему юбилею И.А. Крылова, а представил краткий обзор всего его творчества.

М.П. Погодин так и начинает свою первую статью об И.А. Крылове (1769–1844), «Поминки по Иване Андреевиче Крылову»¹: «Намереваясь сказать несколько слов в память о славном русском, с головы до ног, человеке, Иване Андреевиче Крылове, я взял в руки его басни, и начал перебирать их для обновления в своей памяти. Поверят ли читатели? Мне показалось, что я читаю их в первый раз: так они свежи, такими красотами языка и ума русского они блещут, такие непреложные истины в себе заключают! Кажется – вчера, третьего дня, они написаны нарочно по поводу тех происшествий, о которых в городе только что начала распространяться молва. К настоящему времени басни Крылова пристали еще больше, чем к прежнему. Нет сословия, нет ведомства, нет места, которое не нашло бы себе поучения в этой сокровищнице, нет того частного человека, который не должен бы был намотать себе на ус того или другого замечания. Это свод (кодекс) житейской мудрости, вроде золотых стихов Пифагоровых. Дедушка Крылов² – это общий наш учитель, к которому всякий должен прибегать время от времени за советами, и всякий найдет в его сочинениях, чему поучиться. Наконец, это русский человек по преимуществу»³. Он пишет свою статью 5 февраля (продолжение опубликовано 12 февраля), а 13 февраля 1868 г. отмечалось столетие со дня рождения И.А. Крылова.

В первой статье М.П. Погодин сравнивает Крылова с Пушкиным, который «по справедливости завидовал замечанию Булгарина, прежде всех, что у Крылова медведь есть русский медведь»⁴, и приводит басни о науках, просвещении, литературе, критике и цензуре. Злободневность этих басен для него очевидна: «Я начал выбирать басни наиболее характеристические, и должен был отмечать почти споряд. Вот где именно выбор затруднителен!»⁵ В качестве наиболее характерных басен на тему пользы просвещения и против злоупотребления просвещением приводятся «Червонец» и «Свинья под дубом». О критике и цензуре приводятся слова из басни «Мирская сходка», которые также вызвали у Погодина ассоциацию с современным состоянием дел в литературе и критике: «На днях где-то попались мне в газетах имена членов, заседавших

в комиссиях о сочинении цензурного устава. Журналисты, газетёры жалуются на сочиненный устав. Крылов как будто предчувствовал, что их не позовут на совещание, и сказал:

*Да что же овцы говорили?
На сходке ведь они уж верно были?
Вот то-то нет! Овец-то и забыли:
А их-то бы всего нужней спросить*⁶.

К злободневным басням о критиках Погодин относит «Свинья на барский двор когда-то затесалась» и «Осел и соловей». Надо отметить, что басня «Осел и соловей» не одному Погодину показалась очень актуальной. В 1973 г. А. Хржановский снял мультфильм «В мире басен», в котором фигурируют басни Крылова «Любопытный», «Осел и Соловей», «Кукушка и Петух». Как верно отметил Погодин, басни Крылова во все времена читаются как только что написанные, их можно приложить к любому времени, поскольку пороки, в них высмеиваемые, неискоренимы в русском обществе. Наверное, секрет актуальности басен в том, что их образы ассоциируются с современными пороками русского общества. М.П. Погодин верно уловил эту ассоциативность, которую можно использовать при изучении творчества Крылова в современной школе, приводя какие-то конкретные примеры из жизни и различных источников информации, не привязывая эти басни к истории XVIII–XIX вв., а выстраивая ассоциативный ряд от современности в глубь веков, как это сделал Погодин.

Вторая статья (продолжение первой), «Крылов из-за гроба о взятках», написана о баснях Крылова, отражающих пороки общественной жизни, в частности баснях о взяточничестве. И эта статья, как и басни Крылова, очень актуальна и современна. Взяточничество продолжает процветать и в наше время, приобретая все более изощренные формы, как об этом писал и Погодин: «В “Военном сборнике” <...> сказано между прочим: “Прежде всего (реформы) должны были коснуться устранения недостатков в законодательстве, медленности в судопроизводстве, продажности бюрократии, казнокрадства и непомерного увеличения государственных расходов”. Все эти язвы, несмотря на все благие желания и меры, не только не уменьшились, но увеличились и

увеличиваются до колоссальных размеров. Взятки от сотен поднялись до тысяч и миллионов, хотя, разумеется, вместе с сим, они значительно и утончились, ухитрились, полудились, нарядились, нарумянились и набелились и, главное, укрылись в своих началах, что твои начала и источники Нила. Ни начал их, ни концов, никакая тайная полиция найти бывает не в состоянии»⁷. В качестве примера автор статьи приводит басни «Крестьяне и река», «Волк и пастухи», «Волк и Мышонок», «Лиса-строитель», «Пастух» и «Рыбы пляски», и заключает: «Великого учителя имеет русский народ в лице Крылова. Вечная ему память и благодарность!»⁸ Так можно сказать о любом писателе, чье творчество остается актуальным спустя 100 и более лет. Отсюда вместе с Погодиным можно сделать вывод о важности перечитывания старых книг и обновлении в памяти однажды прочитанного.

Статьи о Крылове – пример своеобразного стиля Погодина. Он всегда писал четко, логично, метко и по существу, не начиная издалека и не томя своего читателя в ожидании развязки или выводов. Так и публикации, посвященные столетнему юбилею Крылова, он тоже начинает с того, что этот писатель, русский с головы до ног, актуален как никогда, и приводит несколько ярких примеров в доказательство современности Крылова. В этих статьях на нескольких страницах заключается исчерпывающий очерк творчества Крылова, после прочтения которого захочется взять в руки томик его басен и перечитать их самому.

¹ Поминки по Иване Андреевиче Крылове // Русский. Газета политич. и лит. – 5 февр. 1868. – С. 161–164.

² Впервые дедушкой Крылова назвал в 1838 г. 2 февраля на праздновании 50-летия его литературной деятельности князь П.А. Вяземский в поздравительных куплетах с припевом «Здравствуй, дедушка Крылов!». Куплеты были опубликованы: «На радость полувековую...» // Впервые: газета «Санкт-Петербургские ведомости», 1838, № 29, 5 февраля. Перепечатано в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», 1838, № 7, стр. 125, вместе со стихотворениями Бенедиктова и Гребенки, под общим заглавием: «Стихотворения, сочиненные для пятидесятилетнего юбилея И.А. Крылова». В зале Дворянского собрания был устроен по подписке обед на 300 человек. За этим обедом Жуковский и В. Одоевский говорили речи, Блудов прочитал юбилейные стихи Бенедиктова, О. Петров спел стихи Вяземского, положенные на

музыку М. Въельгорским. В 1823 г. Вяземский, работавший тогда над статьей «Известие о жизни и стихотворениях И.И. Дмитриева», принял участие в полемике вокруг Дмитриева и Крылова в качестве сторонника Дмитриева; басни Крылова Вяземский тогда считал «грубыми». Пушкин, уже в начале 1820-х годов высоко ценивший Крылова, был крайне недоволен позицией Вяземского (эти разногласия между Пушкиным и Вяземским отразились в их переписке 1823–1825 гг.). К 1838 г. Вяземский полностью пересмотрел свое отношение к Крылову. Н. Греч, описывая в своих «Записках» юбилей Крылова, язвительно заметил: «Пели очень хорошие куплеты кн. Вяземского. За несколько лет до того Вяземский в одном послании своем воспевал трех баснописцев-“Иванов”: Лафонтена, Хемницера и Дмитриева, а слона-то и не заметил; теперь же возгласил: “Здравствуй, дедушка Крылов”» (Н.И. Греч. Записки о моей жизни. СПб., 1886, стр. 501). На это обвинение Вяземский отвечает в «Приписке» 1876 г. к статье «Известие о жизни и стихотворениях И.И. Дмитриева» (Полное собрание сочинений, т. 1). (Режим доступа: <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/stihi/stih-165.htm>).

³ Там же. С. 161.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Крылов из-за гроба о взятках // Русский. Газета политическая и литературная. 12 февр. 1868. С. 179–181. – Подпись М.П.

⁸ Там же. С. 181.

А.С. Курилов И.А. КРЫЛОВ И В.Г. БЕЛИНСКИЙ

Аннотация. В статье говорится о влиянии И.А. Крылова на В.Г. Белинского – критика, теоретика и историка отечественной литературы.

Ключевые слова: критика; теория басни; сатирик; сатирическое направление.

Kurilov A.S. I.A. Krylov and V.G. Belinskiy

Summary. The article deals with the influence of I.A. Krylov on V.G. Belinskiy – critic, theoretician and historian of Russian literature.

Keywords: critics; theory of fable; satire; satirical trend.

Проблема «kritiki и писатели» имеет три составляющие. Две из них у всех на виду – *суждения критиков* о писателях, их творчестве, конкретных произведениях и *высказывания писателей* по поводу этих суждений, роли того или иного критика в их творческих судьбах. Третья составляющая – феномен *влияния писателей* на критиков, на их оценочный инструментарий, теоретико- и историко-литературные взгляды – заметна только при обращении к этим сторонам деятельности критиков. Первые две составляющие показывают, что критики *дали писателям*, третья – что писатели *дали критикам*.

При решении проблемы обычно не выходят за рамки первых двух ее составляющих. Проблема «В.Г. Белинский и писатели» – не исключение. Начиная с «Очерков гоголевского периода русской литературы» Н.Г. Чернышевского, где впервые говорилось о дея-

тельности Белинского, историки отечественной критики и писатели-леведы обходили вниманием вопрос о том, как и каким образом наши авторы на него влияли, что он извлек для себя из созданного ими. А извлек он немало – и при формировании содержания своих понятий о народности литературы и народном писателе; и при определении задачи «реальной поэзии... извлекать поэзию жизни из прозы жизни и потрясать души верным изображением этой жизни»; и при обосновании назначения «натуральной школы»; и т.д. С творчеством А.Д. Кантемира было связано изменение историко-литературной концепции Белинского. Вместе со стихами А.В. Кольцова приходит к нему понимание «поэзии жизни простолюдинов» (крестьян). Н.В. Гоголь и М.Ю. Лермонтов, каждый по-своему, помогли ему определиться с представлением об общественном назначении литературы. Не остался в стороне и И.А. Крылов.

Что же дал он Белинскому – критику, теоретику и историку отечественной литературы?

1

«Множество стихов Крылова, – заметил Белинский, – обратились в пословицы и поговорки, которыми часто можно окончить спор и доказать свою мысль лучше, нежели какими-нибудь теоретическими доводами»¹. Пословицы и поговорки – «житейская, обиходная мудрость», «бесценные» правила («уроки») поведения в семейной и общественной жизни, получившие наглядное, образное отражение в баснях Крылова (2: 297). И Белинский охотно пользовался этим оружием, оценивая поведение и поступки людей на полях словесности, в литературной жизни, писательской среде. Именно там они пригодились ему как критику. К оценке конкретных произведений и творчества «тружеников пера» они никак не подходили. Здесь у Белинского были свои выработанные и выстраданные уже собственно художественные критерии определения достоинств и недостатков (но это предмет особого разговора).

Первым под оценку в соответствии с такими «бесценными» крыловскими «правилами» попадает М.Т. Каченовский. Будучи редактором «Вестника Европы», выступая там как «литературный деятель и судья», он «восстановил против себя пушкинское поколение», а в следующем поколении нашел «защитников как ученый,

как исследователь отечественной истории». Отметив, что «всеобъемлемость ума и многогранность таланта дается немногим избранным», Белинский советует «помнить латинскую поговорку: *si uim cuique* (всякому свое), а более всего мудрое правило нашего великого баснописца:

*Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник»*
(«Щука и Кот»; I: 112).

Подчеркнув, что «повести г. Гоголя народны в высшей степени» именно потому, что он за народностью не гонится, а просто «верно изображает нравы, обычаи и характер» народа (а «если изображение жизни *верно*, то и *народно*»), Белинский пишет: «...народность очень похожа на Тень в басне Крылова (“Тень и Человек”):

*Шалун какой-то тень свою хотел поймать:
Он к ней, она вперед; он шагу прибавлять,
Она туда ж; он, наконец, бежать.
Но чем он прытче, тем и тень скорей бежала,
Все не даваясь, будто клад.
Вот мой чудак пустился вдруг назад;
Оглянется, а тень за ним уж гнаться стала.*

Она подобна фортуне:

*Иной лишь труд и время губит,
Стараяся настичь ее из силы всей;
Другой, как кажется, бежит совсем от ней:
Так нет, за тем она сама гоняться любит».*

И фортуна «улыбается» Гоголю, который о народности «никогда не думает, и она сама напрашивается к нему, тогда как многие из всех сил гоняются за нею и ловят – одну тривиальность» (I: 172).

Процитировав слова В.А. Ушакова из повести «Пилюша», где был карикатурно представлен Белинский: «Висяша судил и рядил о Фихте и о Гегеле и был убежден в тождестве миров идеального

и реального, что смело называл презренными невеждами тех, которые не понимали знаменитого тождества. В особенности пленился Висяша Шеллинговым *Я*, – Белинский иронизирует: «Почтеннейшие, за что такая ненависть к философии?» Не потому ли, что она вам не по зубам: «...хорош виноград, да зелен – набьешь оскомину?» («Лисица и Виноград»). И добавляет: «Перестаньте подрывать у дуба корни, поднимите ваши глаза вверх, если только вы можете поднимать их вверх, и узнайте, что на этом-то дубе растут ваши желуди...» (I: 237).

Коснувшись восторженного отзыва В. Строева в «Сыне Отечества», утверждавшего, что для автора «Литературной летописи» (отдела в «Библиотеке для чтения») «“ни гроша не стоит ни Менцель, уступающий ему в обширности и глубокости сведений”, ни “Жюль Жанен, который славится остроумием и не имеет сотой доли насмешливости критика” “Библиотеки для чтения”», Белинский пишет: «В мире физическом есть существа столь маленькие, что для них все горы да утесы», и продолжает: «...вы помните басню Крылова, в которой крыса извещает свою куму, что враг их, кошка, попала в когти льву, но кума не поверила, говоря, что сильнее кошки зверя нет» («Мышь и Крыса»). Так и для Строева авторитетнее и значительнее критика – автора «Литературной летописи» – никого нет (I: 247).

Завершая свои «Литературные мечтания», Белинский воскликал: «...нам нужно ученье! ученье! ученье!.. нам нужно просвещенье!» (I: 125). Спустя два месяца, в начале марта 1835 г., вернувшись к этому вопросу, скажет: «Цель одна – распространение просвещения; а средства к достижению этой цели... Боже мой! как различны!» По-своему старались распространить просвещение О.И. Сенковский, Н.И. Греч, И.И. Лажечников, Ф.В. Булгарин, авторы «Грамматик», историки и другие деятели нашей литературы. Они, «по-видимому», полагает Белинский, действительно «стремятся к какой-то общей определенной цели, а между тем бегут в разные стороны; суетятся и бросаются туда и сюда, и между тем ни на полшага вперед», – совсем как в басне Крылова:

Поклажа хоть невелика.
Да лебедь рвется в облака,
Рак тянет взад, а шука в воду!
(I: 368)

Делу просвещения должно было послужить предпринятое книгопродавцем Ф. Ротганом издание «Библиотеки романов и исторических записок». «...Каким бы драгоценным подарком для публики, — пишет Белинский, — была бы многотомная книга, состоящая из мемуаров, романов и повестей!.. Необходимым достоинством такой книги, — подчеркивает он, — должен быть строгий выбор сочинений, входящих в ее состав, тем более строгий, что есть из чего выбирать». Однако Ротган выбрал для дебюта посредственный роман ирландской писательницы Марии Эджеоурт «Елена» — «длинное» («1301 страница») и «убийственно скучное поучение о том, что *девушка должна вести себя в свете с крайнею осторожностью и благородствием*», чтобы «*непременно получить награду*, т.е. выйти замуж за богатого человека». Потом шла повесть Ж. Жанена «Дебюро», которую также «не следовало бы помещать в “Библиотеке романов”»; она не имеет у нас большого значения, ибо это есть насмешка над современным французским театром»; и т.д. «Не знаю, — замечает Белинский, — будет ли иметь успех это литературное предприятие г. Ротгана; знаю только то, что если оно не будет иметь успеха, то не публика будет в том виновата...» И советует, что ему, как и «большой части наших затейщиков», не «худо помнить... бесценное правило великого нашего баснописца:

*Услуга нам при нужде дорога,
Да за нее не всяк умеет взяться!»*
(1: 427–428)

«Истинное осуществление басни Крылова о Полкане и Барбосе» («Собачья дружба») Белинский находит в отношениях газеты «Северная пчела» Булгарина с журналом «Библиотека для чтения» Сенковского и Гречи.

Полкан и Барбос — два сторожа одного двора — решили прожить день «без драки», явить «пример дружбы», стали «обниматься» и «целоваться», величать друг друга Орестом и Пиладом — именами двоюродных братьев героев древнегреческой мифологии, что сделались символом верной дружбы. Но стоило повару кинуть «из кухни кость», как «новые друзья» из-за нее отчаянно «грызутся, — лишь только клочья вверх летят». Подобно Полкану и Барбосу

«Пчела» и «Библиотека для чтения» дружили, пока дело не дошло до подписки. И тут они повели себя как персонажи басни. «Да и чему тут дивиться, — язвительно вопрошают Белинский. — Разве этого не должно было ожидать?.. Разве подписчики не такая жирная кость, за которую бы нельзя было оным Орестам и Пиладам не пожалеть зубов и нескольких клочков шерсти?» (1: 437).

Белинский более 80 раз обращался к «бесценным» и «мудрым» правилам Крылова. Способы обращения, их характер, приемы, детали имели, как видим, самые разные формы и назначение и заслуживают специального отдельного исследования.

2

На баснях Крылова формируется представление Белинского о сущности этого «рода поэзии» и его разновидностях.

Отталкивался он от современных ему теоретико-литературных понятий: «Басня есть пийтическое повествование, в котором урок благоразумия или опыта представляется в виде какого-либо действия или картины. Каждая басня должна заключить в себе действие и урок или нравоучение. Нравоучение есть собственная цель Автора, а действие только средство для изображения онного. Действующими лицами басни могут быть люди, животные и неодушевленные предметы, которые получают на то время разсудок и дар слова. Введение животных и неодушевленных предметов доставляет Стихотворцу большую выгоду: он может говорить свободнее о слабостях и страстиах людей и не имеет надобности толковать читателю характер каждого лица; так например лисица всегда хитра, осел ленив, камень нечувствителен и пр.»². И поначалу Белинский соглашается с таким понятием о басне, отметив, что Крылов «возвел у нас» ее «до nec plus ultra [крайних пределов (лат.)] совершенства» (1: 86).

В июне 1838 г., откликаясь на статью П.А. Плетнева «Праздник в честь Крылова», Белинский выступает уже со своим собственным мнением о басне «как роде поэзии»: она «есть поэзия конечного рассудка, поэзия ходячей, житейской, практической философии народа». Он полагает, что басня, хотя и поэтическое произведение, произведением искусства, произведением художественным не является: «...не чувство бесконечности порождает

этую поэзию, и не таинства жизни составляют ее содержание» (2: 297).

Белинский еще не может отойти от положений своих «литературных мечтаний», представления о назначении и цели искусства: «*Изображать, воспроизводить в слове, в звуке, в чертах и красках идею всеобщей жизни природы*», быть «*выражением великой идеи вселенной в ее бесконечно разнообразных явлениях!*» (1: 58, 60). Ничего такого нет и не могло быть в басне: «...ее одушевление есть веселость, ее содержание есть житейская, обиходная мудрость, уроки повседневной опытности в сфере семейного и общественного быта» (2: 297).

Да, басня тоже поэзия, но только потому, что «говорит об образами». Однако поэт-баснописец отличается от поэта-художника тем, что пользуется в основном уже существующими, понятными для всех образами, в то время как поэт-художник «мыслит образами», каждый раз создавая новые. Басня «рисует и осла, и лисицу, и льва, и соловья; первый у нее добродушно глуп, вторая увертливо хитра, третий грозно могущ, а четвертый... – и здесь Белинский уже непосредственно обращается к Крылову, – портрет четвертого вот как изобразил дивный живописец:

Защелкал, засвистал,
На тысячу ладов тянул, переливался,
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался» (там же).

«Введение животных» – бесспорная отличительная черта басни, которая «так верно, так характеристически рисует животных», что Белинский и подтверждает. Но «еще лучше, вернее, – как это следует из басен Крылова, – рисует она людей – толстого откупщика, который не знает, куда ему деваться от скуки с деньгами, – и бедного, но довольною своею участью сапожника; повара-резонера и недоученного философа, оставшегося без огурцов от излишней учености; мужиков-политиков и пр.» (2: 297–298; о баснях «Откупщик и Сапожник», «Кот и Повар», «Огородник и Философ», «Три мужика»).

При этом необходимым условием басни остается действие.

Поэт-художник создает образы людей-персонажей, которые со временем становятся нарицательными: Отелло, Гамлет, Фамусов, Молчалин и т.д. (1: 173). Поэт-баснописец тоже создает «образы», которые практически сразу же становятся по-своему также нарицательными, – «образы» действия, поведения, поступков: «А Васька слушает, да ест», «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать», «А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь», «А ларчик просто открывался» и т.д. В этом Белинский видит «поэтическую (т.е. образную. – А. К.) сторону басни: она есть маленькая драма, в которой находятся свои типические характеры, свои оригинальные индивидуальности». Основа любой драмы, как известно, действие.

Вместе с тем, считает Белинский, у басни «есть еще другая сторона, столь же важная и характеристическая, – сторона рассудка, которая рассыпается лучами остроумия, сверкает фейерверочным огнем шутки и насмешки... и в этом есть своя поэзия, как во всяком непосредственном, образном передавании истины». Это поэзия народной, житейской мудрости, что рождает «пословицы и поговорки», которые «суть поэзия, или, лучше сказать, суть начало, первая точка отправления поэзии». И заключает: «Басня, в отношении к поговоркам и пословицам, есть высший род, высшая поэзия» (2: 298).

Для Белинского конца 30-х годов басня – самостоятельный «род поэзии», который существует отдельно от известных и общепризнанных родов – эпоса, лирики и драмы, с ними не соприкасается и находится как бы на стыке фольклора, устного народного творчества, и литературы, творчества письменного, располагаясь на вершине особой, смешанной системы поэтических видов, основанием – «началом», «точкой отправления» – которой являются пословицы и поговорки.

Такой взгляд на сущность басни сохранится у Белинского и в дальнейшем.

Май 1840 г. Отмечая выход «сороковой тысячи» «Басен Ивана Крылова», он, чтобы далеко, как говорится, не ходить, повторяет, с некоторыми дополнениями, уже сказанное им о басне. Она «есть поэзия рассудка» и «не требует глубокого вдохновения, которое производится внезапным проникновением в таинство абсолютной мысли» (а не «чувством бесконечности» и «таинством

жизни», как он считал ранее), а «требует только того одушевления, которое так свойственно людям с тихою и спокойною натурою, с беспечным и в то же время наблюдательным характером и которое бывает плодом природной веселости духа» (3: 395). Беспечность, наблюдательность и «веселость духа» – главные условия рождения басни. Всем этим Белинский объясняет ее содержание, которое «составляет житейская, обиходная мудрость, уроки повседневной опытности в сфере семейного и общественного быта».

При первом разговоре о сущности басни в 1838 г. Белинский не касается непосредственно вопроса о том, какова ее цель. Точно так же он поступает и на сей раз, повторяя дословно сказанное им ранее о «содержании басни» (2: 297). Правда, из его слов о ее «содержании» уже следовало, что ее цель – давать «уроки повседневной опытности в сфере семейного и общественного быта» – т.е. «уроки» поведения людей в семье и обществе. Считает ли сам Белинский это целью басни или нет – непонятно. Во всяком случае, такие «уроки», а также примеры «житейской, обиходной мудрости», он называет не «целью», а «содержанием басни», что не одно и то же: «цель» определяет «содержание», а не наоборот, бесцельного содержания не бывает. В то же время о наличии «цели» и о том, в чем она состоит, судят по «содержанию» произведения. Но всегда «цель» первична.

Белинский это почувствовал и не мог о цели не вспомнить. Однако заговорил он при этом не о том, какую «цель» преследует басня, какова она по своей сути, а о том, как она в басне реализуется, выражается и какими путями, средствами достигается. «Иногда, – пишет он, – басня прямо высказывает свою цель, но не холодным резонерством, не бездушными моральными сентенциями (что, надо полагать, присутствует в ней всегда, не “иногда”. – А. К.), а игривым оборотом, который обращается в пословицу, поговорку» (3: 395).

Ярый противник «резонерства» и «моральных сентенций» в «художественно-словесных произведениях», к которым он тогда не относит басню, Белинский понимает, хотя и не хочет признавать, что басни пишутся в назидание людям и не могут обойтись без известной доли того и другого. Не обходятся без них и басни Крылова. Слова же о «холодном резонерстве» и «бездушных моральных сентенциях» навеяны Белинскому скорее подражателями

баснописца: ничего «холодного» и «бездушного» в баснях Крылова нет, – как и последующие слова: «басня не аллегория и не должна быть ею, если она хорошая, поэтическая басня». Именно «хорошими, поэтическими» были и басни Крылова.

Опыт Крылова показывает Белинскому: чтобы басня была «поэтической», с одной стороны, они «должна быть маленькою повестью, драмою, с лицами и характерами, поэтически очекнутыми», на что он указывал и ранее (2: 298), а с другой – «самые олицетворения в басне должны быть живыми, поэтическими образами» (3: 395); хотя он и не объясняет, что значит быть «поэтическими образами поэтически очекнутыми», лишь приводя в качестве примера басеные образы Крылова.

«Так, у Крылова, – подчеркивает Белинский, – всякое животное имеет свой индивидуальный характер, – и проказница мартышка, участвует ли она в квартете, ворочает ли из трудолюбия чурбан или примеривает очки, чтобы уметь читать книги (“Квартет”, “Обезьяна”, “Мартышка и Очки”. – *A. K.*); и лисица у него везде хитрая, уклончивая, бессовестная и больше похожа на человека, чем на лисицу *с пушком на рыльце* (“Лисица и Сурок”. – *A. K.*), и косолапый мишка везде – добродушно честный, неповоротливо сильный; лев – грозно могучий, величественно страшный» (3: 395–396). И тут же переходит к жанровой разновидности басен.

«Столкновение этих существ (т.е. “животных”. – *A. K.*) у Крылова всегда образует маленькую драму, где каждое лицо существует само по себе и само для себя». А там, где «героями – толстый откупщик, который не знает, куда ему деваться от скуки с своими деньгами, и бедный, но довольный своею участью сапожник; повар-резонер; недоученный философ, оставшийся без огурцов от излишней учености; мужики-политики и пр., – тут уже настоящая комедия!» (3: 396).

И пересказав сказанное в 1838 г. (да простится мне эта тавтология) о том, в чем состоит «поэзия» басни, подтвердив, что «в отношении к поговоркам и пословицам» она «есть высший род, высшая поэзия», Белинский добавит, уточняя свое представление о сущности басни, что она – «поэзия народных поговорок и пословиц, дошедшая до крайнего своего развития, дальше которого она идти не может» (3: 396). Отсюда следовало, что для Белинского басня является не просто особым «родом поэзии», который нахо-

дится на стыке устного народного творчества и профессиональной письменной словесности, собственно литературного творчества, а пределом развития «поэзии пословиц и поговорок», итогом этой области отечественного фольклора, у которой вне басенного литературного творчества уже нет никакого будущего.

Однако не пройдет и года, как мнение о месте басни в системе «фольклор – литература» у Белинского изменится, и уже в феврале 1841 г., работая на статьей «Разделение поэзии на роды и виды», продолжая еще считать басню «родом поэзии», в котором «опоэтизирована проза жизни и практическая обиходная мудрость житейская», он уже относит ее к «эпической поэзии» (3: 330).

К разговору о сущности, специфике и назначении басни Белинский обращается еще раз январе 1845 г., когда пишет статью о Крылове. Он возвращается к представлению о басне как особом «роде поэзии», но уже считает ее не вершиной «в отношении к пословицам и поговоркам», а произведением особого рода, которое «может заключать в себе элементы высших родов поэзии». «...Басни Крылова, – пишет он, – не просто басни: это повесть, комедия, юмористический очерк, злая сатира, словом, что хотите, только не просто басня». Да, она «тоже басня, но, сверх того, еще и нечто больше, нежели басня» (7: 267, 266, 264). Однако ответа на вопрос: а что же такое «просто басня»? – мы у него не найдем.

Белинский вводит понятие «новая басня», которая отличается от «старой», «нравоучительной», своей сатиричностью. «Басня, как нравоучительный род поэзии, – скажет он, – в наше время – действительно ложный род... Но басня, как *сатира*, есть истинный род поэзии, она «была и будет всегда прекрасным родом поэзии...» (7: 267, 268). Он понимает, что басни без «морали и сентенций» не бывает, и, не признавая «сентенций» в принципе – т.е. чистого морализаторства, – не возражает против «морали» в басне-сатире, «потому что всякая сатира, которая кусается, богата моралью» (7: 267).

Но главное для басни – все-таки не мораль как таковая, а верность действительности. Именно это делает из басни сатиру, в которой уже заведомо, изначально заложена «богатая мораль». В качестве примера Белинский приводит басню «Крестьянин и Овца», где нет морали в виде «нравоучения», «сентенций». Она «просто – поэтическая картина одной из сторон общества, маленькая

комедийка, в которой удивительно верно выдержаны характеры действующих лиц и действующие лица говорят каждое сообразно с своим характером и своим званием» (7: 266). Однако эта «поэтическая картина» по своей сути сатира на отечественное правосудие, где Судья-Лиса, воспользовавшись невежеством Крестьянина, подавшего в суд на Овцу, якобы съевшую ночью у него двух кур, приговаривает « казнить Овцу », потому что « куры очень вкусны », – Судье-Лисе это дополнительно известно, и нельзя «утерпеть», чтоб их «не съесть». А то, что Овца не ест мясо и что в ту ночь она спала и на то есть свидетели, во внимание не принимается. «По справке же явствует, что в сказанную ночь – Овца от кур не отлучалась прочь», – значит, она их и съела.

Басня становится сатирой – т.е. «новой», современной басней, когда не только верна действительности, но и касается исключительно социальных вопросов, «общественного быта», и иной, считает Белинский, она быть не может. Басня, что затрагивает преимущественно вопросы «нравственной философии», «семейного быта», т.е. «старая», «нравоучительная басня, уже по самой своей сущности, скучный род, и тратить на нее талант – все равно, что стрелять из пушек по воробьям», и «для нашего времени... не годится». Не годится, потому что в ней «современную нам действительность, – пишет Белинский, – невозможно изобразить». И подчеркивает: «Езоп не годится для нашего времени». И хотя «выдумать сюжет для басни теперь ничего не стоит, – продолжает он, – да и выдумывать не нужно: берите готовое, только умейте *рассказать и применить*»: как и любое литературное произведение, басня должна отражать «современную действительность, изображение которой не может не быть сатирой на эту действительность». И хотя таких басен Белинский находит у Крылова чуть более 20, но именно их он и считает «прекрасным родом поэзии», каковым и «должна быть современная басня» (7: 268, 270).

3

Сатирические басни Крылова оказали Белинскому неоценимую услугу. Во-первых, они показали ему, что в его время сатира может реализовываться и существовать только в форме басни, что и получило отражение в его теории басни. Во-вторых, они помогли

ему окончательно определиться с новой концепцией истории отечественной литературы, согласно которой ее развитие с самого начала XVIII в. шло по двум направлениям – *сатирическому и реторическому*, где сатирическое возникло раньше.

Начиная с «Литературных мечтаний» и до появления «Стихотворений» (1840) и «Героя нашего времени» (1841) М.Ю. Лермонтова и «Мертвых душ» (1842) Н.В. Гоголя Белинский считал, что у нашей литературы было только одно направление, заданное М.В. Ломоносовым, – схоластическое, педантическое, реторическое. И хотя он тогда же отметил, что Русь, несмотря на такое «всеобщее» направление литературы, «смеялась над побасенками», но не видел в том особого литературного направления, как и в «прославленных сатирах» А.Д. Кантемира – «иностраница», чуждого нашему народу. Не видит он «комика» и в Д.И. Фонвизине, чьи «дураки очень смешны и отвратительны», но «не создание фантазии, слишком верные списки с натуры». Крылова, а также Г.Р. Державина, А.С. Пушкина и А.С. Грибоедова вообще считает «случайными явлениями» в нашей литературе (1: 67, 69, 76, 124).

Появление Гоголя и Лермонтова с их откровенно критическим отношением к современной им действительности заставило Белинского обратиться к истокам такого отношения – сатирам Кантемира. И вот уже забыто, что он был чуждый народу иностранец, и признается, что его поэзия «явление жизненное и органическое», что «ничего нет естественнее, как явление сатирика» в обществе, которое вело «борьбу с “умирающей стариной”», и что «с легкой руки Кантемира сатира внедрилась... в нравы русской литературы», положив начало в ней критическому, «сатирическому направлению» (6: 91–92).

И тут заявляет о себе «натуральная школа», в которой преобладающим было «отрицательное направление» – «изображение отрицательных явлений жизни» (8: 307). Нужно было показать ее естественность для нашей литературы и закономерность именно такого изображения «явлений жизни», что эта «школа» возникла не случайно, а была «результатом всего прошедшего развития нашей литературы и ответом на современные потребности нашего общества», и «сам Гоголь, ее основатель», тоже был «результатом всего прошедшего развития нашей литературы и ответом на современные потребности общества» (8: 311).

Оказалось, что это невозможно сделать, когда в основу представления об историко-литературном процессе положен принцип периодизации, где каждый период определялся творчеством какого-то одного писателя, а смена периодов связана с отказом новых писателей продолжать начатое предшественниками и с утверждением в художественной практике иных понятий о творчестве и другой системы художественных ценностей. *Карамзинский* период отрицал *Ломоносовский*, *Пушкинский* – *Карамзинский*, что исключало какую-либо творческую преемственность в литературно-художественном развитии. А ее необходимо было найти и тем самым доказать, что «натуральная школа» занимается не «клеветой» на российскую действительность, как это заявляли, например, славянофилы, а продолжает традиции отечественных писателей «изображать отрицательные явления жизни», с которыми нужно было бороться и которые нужно было изживать во имя торжества в будущем «положительных явлений».

Белинский такую преемственность находит и раскрывает ее на примере сатиры, которая от Кантемира до Гоголя только теми занималась, что изображала «отрицательные явления» в жизни нашего общества. Он вспоминает всех писателей, кто хоть раз в своем творчестве обращался к сатире, даже «жалкого, – как он считал, – писаку» А.П. Сумарокова, чтобы хронологически детально обозначить моменты исторического движения у нас «сатирического направления». В XVIII в. самой заметной и значительной вехой был для него Д.И. Фонвизин; в XIX в. эстафету, как говорится, «изображения отрицательных сторон жизни» он передал, если не сказать вручил, Гоголю и последовавшим за ним писателям «натуральной школы», именно Крылов своими сатирическими баснями. Для Белинского он явился необходимым естественным звеном в процессе исторического развития «сатирического направления», имевшего «столь важное и столь благородительное, столь живое и действенное для общества» значение (7: 284).

Если в первых статьях Пушкинского цикла Белинский еще представляет историю отечественной литературы как смену периодов – Ломоносовский, Карамзинский – и Крылов назван лишь «ближайшим деятелем Карамзинского периода» (6: 105, 109, 110), то во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» он уже пишет: «...мы вправе сказать, не искажая фактов и не делая натя-

жек, что русская поэзия при самом начале своем потекла... двумя параллельными друг другу руслами... В лице Кантемира русская поэзия обнаружила стремление к действительности, к жизни, как она есть, основала свою силу на верности натуре. В лице Ломоносова она обнаружила стремление к идеалу, поняла себя, как оракула жизни высшей, высенней, как глашатая всего высокого и великого... В баснях Крылова сатира делается вполне художественною; натурализм становится отличительной характеристическою чертою его поэзии. Это был первый великий натуралист в нашей поэзии», басни которого были верны действительности, «натуре», «истине и реальности» (8: 347).

Крылов – уже не «случайное явление» в нашей литературе, а один из творцов ее истории, заметная веха в ее «благодетельном» сатирическом направлении.

¹ Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. М., 1981. С. 266. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома (курсивом) и страницы.

² Греч Н.И. Учебная книга Российской словесности. Ч. IV. СПб., 1822. С. 190.

А.М. Ранчин

**БАСНЯ «ВОРОНА И ЛИСИЦА» И СТИХОТВОРЕНИЕ
ИОСИФА БРОДСКОГО «РАЗВИВАЯ КРЫЛОВА»**

Аннотация. В статье рассматривается стихотворение Иосифа Бродского «Развивая Крылова». Показано, что Бродский пишет свое произведение, отталкиваясь от басни Крылова «Ворона и Лисица», реинтерпретируя ее. Из крыловской басни взят Бродским принцип абстрагирования, отстраненный взгляд на жизненную ситуацию. Бродский «переписывает» крыловский текст в соответствии с поэтической установкой, характерной для барокко. Рецепция басни Крылова соединяется с рецепцией поэтических принципов, характерных для Джона Донна.

Ключевые слова: поэзия Иосифа Бродского; стихотворение Бродского «Развивая Крылова»; басня Крылова «Ворона и Лисица»; интерпретация; оппозиции; барокко.

Ranchin A.M. Krylov's fable «The Crow and the Fox» and the poem of Joseph Brodsky «Developing Krylov»

Summary. The article discusses the poem of Joseph Brodsky «Developing Krylov». The analysis demonstrates, that Brodsky writes his work, starting from Krylov's fable «The Crow and the Fox», reinterpreting it. From the Krylov fable of Brodsky borrowed the principle of abstraction, a detached view of the life situation. Brodsky «rewrites» Krylov's text in accordance with the poetic setting characteristics of the Baroque. The reception of Krylov's fable is combined with the reception of poetic principles inherent in John Donne's poetry.

Keywords: poetry of Joseph Brodsky; the poem of Joseph Brodsky «Developing Krylov»; Krylov's fable «The Crow and the Fox»; interpretation; opposition; baroque.

Аллюзии на знаменитую крыловскую басню содержатся в нескольких стихотворениях Бродского. Самый интересный в этом

отношении поэтический текст – «Развивая Крылова» (1964): несмотря на отсылку к имени автора басни в заглавии, точную цитату «каркнула во все воронье горло» и варьирование ряда мотивов (вороны, сидящие высоко над землей, вороний крик как реакция на слова или действия другого), семантическая соотнесенность с «Вороной и Лисицей» затемнена, а стихотворение в целом выглядит довольно загадочным. Насколько мне известно, стихотворение это ни разу не было объектом целостной интерпретации. Попробуем истолковать его.

Развивая Крылова

М.Б.

Одна ворона (их была гурьба,
но вечер их в ольшанник перепрятал)
облюбовала маковку столба,
другая – белоснежный изолятор.
Друг другу, так сказать, насупротив
(как требуют инструкций незабудки),
контроль над телефоном учредив
в глухи, не помышляющей о бунте,
они расположились над крыльцом,
возвысившись над околицей белесой,
над сосланным в изгнание певцом,
над спутницей его длинноволосой.

А те, в обнимку, думая свое,
прижавшись, чтобы каждый обогрелся,
стоят внизу. Она – на острие,
а он – на изолятор загляделся.
Одно обоим чудится во мгле,
хоть (позабыв про сажу и про копоть)
она – все об уколе, об игле...
А он – об «изоляции», должно быть.
(Какой-то непонятный перебор,
Какое-то подобие аврала:
ведь если изолирует фарфор,
зачем его ворона оседлала?)

И все, что будет, зная назубок
(прослыvший знатоком былого тонким),
он высвободил локоть, и хлопок
ударил по вороным перепонкам.
Та, первая, замешкавшись, глаза
зажмурила и крылья распростерла.
Вторая же – взвилась под небеса
и каркнула во все воронье горло,
приказывая издали и впредь
фарфоровому шарику (над нами)
помалкивать и взапуски белеть
с забредшими в болото валунами.

17 мая 1964¹

В черновой тетради поэт сделал приписку к тексту: «Это своего рода памятник Ивану Андреевичу Крылову», добавив: «На место литературоведов можно пригласить детективов. Но главное – можно не приглашать! От 17 августа 1964 г.»² Эти пояснения указывают на энigmatичность текста, впрочем с долей иронии: «детективов»-интерпретаторов «можно пригласить», а можно и «не приглашать».

Истолкование стоит начать не с литературного, а с автобиографического подтекста. Стихотворение посвящено М. Б. – Маринне (Марине) Басмановой, возлюбленной автора. Написано оно в период пребывания Бродского в ссылке в деревне Норенской, Басманова приехала к Бродскому в Норенскую 22 апреля 1964 г., а уехала в начале мая³. Стихотворение написано как воспоминание о совсем недавнем свидании, поданные в его тексте отстраненно «он» и «она» соответствуют самому поэту и Маринне Басмановой.

В тексте отчетливо прослеживаются два семантических плана: эротический и политический. Острье столба, игла, о которой думает героиня, наделены фаллической символикой, а укол может быть в этом контексте понят как метафора коитуса. «Изоляция», о которой размышляет ее возлюбленный, может означать, например, контрацепцию, изолятор – приобретать коннотации с женскими половыми органами. Такое истолкование – не проявление извращенной фантазии интерпретатора: оно соответствует установке на метафоризацию сексуальных отношений, характерную

для поэзии Бродского⁴. Что же в таком случае означает «позабыв про сажу и про копоть»? По-видимому, одно из значений этой метафоры – любовная страсть как испепеляющий огонь (в узко секуальном значении, может быть, коитус как трение – «добытие огня»). В психологическом аспекте это аллюзия на возможную катастрофу любви двух персонажей, сажа и копоть ассоциативно отсылают к цвету вороньего оперения, а ворона – птица, предвещающая горе. Одной из коннотаций «изоляции» может быть ‘расставание с возлюбленной, одиночество’.

Еще более очевиден подтекст политический. Ворона, распластавшая крылья, соотносится с блоковской метафорой из поэмы «Возмездие»: «Победоносцев над Россией / Простер совиные крыла»⁵. Строки «контроль над телефоном учредив, / в глухи, не помышляющей о бунте» отсылают к известному приказу большевистского вождя овладеть телефоном, почтой и телеграфом⁶. «Изоляция» в этом контексте прочитывается, во-первых, как контроль над информацией, который как бы осуществляют вороны, взгромоздившиеся на телефонный столб, и, во-вторых, как ссылка и возможное будущее тюремное заключение автобиографического героя.

Семантика образов ворон, несомненно, двойственная. В поэзии Бродского, с одной стороны, ворона и ворон ассоциируются с негативным началом, с насилием и контролем, осуществляемым властью, или с ее абсолютным приятием и поддержкой, а также с советским милитаризмом: «Только ворона не принимает снега, / и вы слышите, как кричит ворона / картавым голосом патриота» («Эклога 4-я (зимняя)», 1980 [II: 74]); «Ветер свищет. Выпь кричит. / Дятел ворону стучит» («Представление», 1986 [II: 156]); «В Министерстве Обороны громко каркают вороны» (там же [II: 157]). Такие негативные коннотации поддерживаются употреблением омонима «ворон» («воронок»): «подкатывали вороны к сыскной» («Зофья (поэма)», 1962)⁷, «карканье воронка» («Черные города...», 1962–1963)⁸.

Зловещая семантика традиционна для ворон в мировой культуре, присуща она этим птицам и в поэзии Бродского. Ворона – предвестница беды (двойного убийства) в стихотворении «Холмы»:

*Руками обняв колени,
смотрели они в облака.
Внизу у кино калеки
ждали грузовика.
Мерцала на склоне банка
возле кустов кирпича.
Над розовым шпилем банка
ворона вилась, крича (I: 126).*

Здесь же сказано: «Смерть – это крик вороний, / черный» (I: 129). По характеристике В. Сонькина, в этом стихотворении «вороны – спутницы смерти»⁹.

Ворона соотносится с неудачей благодаря использованию глагола «проворонить»:

*о что-то проворонил ты:
чтоб сътно есть и пить,
ты должен постороннему
на горло наступить
(«Шествие», 1961)¹⁰.*

Крики ворон воплощают злое, опасное начало в «Петербургском романе» (1961): «Гоним. Пролетами Пассажа, / свистками, криками ворон»¹¹. Зловещими чертами наделен крик вороны также в «Прощальной оде», написанной за несколько месяцев до стихотворения «Развивая Крылова», в январе 1964 г.

*Только двуглавый лес – под неподвижным взглядом
осью избрав меня, ствол мне в объятья втиснув,
землю нашей любви перемежая с Адом,
кружится в пустоте, будто паук, повиснув.*

*Так что стоя в снегу, мерзлый ствол обнимая,
слыша то тут, то там разве что крик вороны,
будто вижу, как ты – словно от сна немая –
жаждешь сном отделить корни сии от кроны¹².*

С другой стороны, ворона соотнесена с Я самого автора. Как заметил Л.В. Лосев, Бродский «иногда <...> ассоциирует ворону с самим собой по внешним признакам: картавость, “птичий” профиль (см., например, “Воронью песню”). <...> Две вороны как персонификация двух героев лирического текста, кроме этого стихотворения, возникают в очерке “В полутора комнатах” <...>»¹³.

В «Вороньей песне» (январь 1964), содержащей, как и «Развивая Крылова», отсылки к басне «Ворона и Лисица», эта птица символизирует мужчину (в том числе, и прежде всего, – самого автора), а лиса – женщину, его возлюбленную, как искушительницу: «Снова пришла лиса с подведенной бровью»¹⁴. При этом лексема «песня» отсылает к поэтическому дару самого автора. В басне о даре вороны петь льстиво и хитро говорила Лисица: «Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица, / При красоте такой, и петь ты мастерица»¹⁵. В языке классической европейской и русской поэзии пение – метафора поэтического творчества, а певец – синоним стихотворца. Бродский переводит крыловские лексемы «спой» и «петь» из сатирического контекста басни в контекст русской поэзии Золотого века, и в «Вороньей песне» (в отличие от крыловской басни) «пение» вороны, являющееся метафорой стихотворства, лишено иронических коннотаций.

Любовный автобиографический мотив, отсылающий к истории романа поэта с Басмановой – разрыв с возлюбленной, ее измена, – и литературный подтекст, связанный с басней «Ворона и Лисица», лежат в основе и более позднего стихотворения Бродского «Послесловие к басне» (1992). Стихотворение строится как диалог между вороной и не конкретизированным, условным собеседником.

«Еврейская птица ворона,
зачем тебе сыра кусок?
Чтоб каркать во время урона,
терзая продрогший лесок?»

«Нет! Чуждый ольхе или вербе,
чье главное свойство – длина,
сыр с месяцем схож на ущербе.
Я в профиль его влюблена».

Собеседник вороны, как и пронырливая крыловская Лисица, нахваливает красоту птицы, однако в этих словах нет лести, фальши:

*«Точней, ты скорее астроном,
ворона, чем жертва лисы.
Но профиль, присущий воронам,
пожалуй не меньшей красы».*

Лиса у Бродского разрушает некий союз между вороной и лисой. Ворона в стихотворении подобна традиционному в мировой поэзии певцу луны и любви, символизирующему поэта, – словью. Соблазн страсти, который исходит от лисы, наносит урон поэзии и разрушает мечты вороны, которая признается:

*«Я просто мечтала о браке,
пока не столкнулась с лисой,
пытаясь помножить во мраке
свой профиль на сыр со слезой»*
(II: 164–165)¹⁶.

Вариации автобиографического любовного мотива и мотива творчества как птичьего пения также в сочетании с аллюзией на крыловскую басню представлены в стихотворении «Дни расплетают тряпочку, сотканную Тобою...» (опубл. 1980): «То ли сыр пересох, то ли дыханье сперло. / Либо: птица в профиль ворона, а сердцем – кенар. / Но простая лиса, перегрызая горло, / не разбирает, где кровь, где тенор» (II: 40). Кенар метафорически означает поэта-певца, спрятное дыхание – оскудение поэтического дара.

Ворона в поэзии Бродского может быть наделена именно свойством петь: «В каждой дубовой кроне / сотня ворон поет» («Диалог», 1962)¹⁷. Загадочный герой «Диалога» наделен связью с небесным миром и «птичьими», в том числе вороньими, чертами. При этом принадлежность к «вороньему» миру понимается как знак избранности (рифма «короной – вороной»), хотя «вороньи» черты – в этом таинственном незнакомце лишь внешнее; показательна оппозиция «ворона – птица»: «“Неужто он был вороной”. // “Птицей, птицей он был”»¹⁸.

В «Большой элегии Джону Донну» с птицами, и конкретно с воронами, соотнесен Джон Донн – один из любимых поэтов Бродского, противопоставленный серой толпе обывателей – обитателей домов-«скворешен», подражателей, имитаторов наподобие скворцов:

*Подобье птиц, он спит в своем гнезде,
свой чистый путь и жажду жизни лучшей
раз навсегда доверив той звезде,
которая сейчас закрыта тучей.
Подобье птиц, душа его чиста;
а светский путь, хотя, должно быть, грешен,
естественней вороньего гнезда
над серою толпой пустых скворешен (I: 119–120).*

В последних строках «Прощальной оды» образ вороны, сначала наделенный пейоративной семантикой, превращается в персонификацию поэтического Я. Речь начинает переходить в птичью глоссолалию, в том числе в вороний крик:

Карр! чивичи-ли-карр! Карр, чивичи-ли... струи
снега ли... карр, чиви... Карр, чивичи-ли... ветер...
Карр, чивичи-ли, карр... Карр, чивичи-ли... фьюи...
Карр, чивичи-ли, карр. Каррр... Чечевицу видел?
Карр, чивичи-ли, карр... Карр, чивичири, чири...
Спать пора, спать пора... Карр, чивичи-ри, фьере!
Карр, чивичи-ри, каррр... фьюри, фьюри, фьюрири.
Карр, чивичи-ри, карр! Карр, чивиче... чивере¹⁹.

«Вороний» черты героев Бродского – свидетельство их маргинальности, отчужденности, отверженности; они – внешняя сторона их двойственного Я (оппозиция: внешне, «в профиль» ворона ↔ внутренне, «сердцем» кенар).

Вообще образы птиц у Бродского соотнесены с образом поэта как птицы, характерным для европейской поэзии начиная по крайней мере с Горация (ода «К Меценату», кн. II, ода 20), а в русской – с Державина – автора подражания Горациевой оде (стихотворение «Лебедь»). У Бродского наиболее известный пример произведения, в котором птица символизирует Я поэта, – «Осенний

крик ястреба» (1975), поэтический текст, варьирующий, в частности, мотив одного из стихотворений Ж.-М. Эредиа, где есть аналогичный символ²⁰.

Амбивалентную семантику образы ворон приобретают в творчестве Бродского уже в первой половине – середине 1960-х годов, как раз в тот период, когда было написано и стихотворение «Развивая Крылова». Ворон в стихотворении две, и это дурное удвоение – удвоение, может быть, зловещее. С ними связаны мотивы изоляции / ссылки, обрыва коммуникации (вороны словно контролируют телефонные провода). Спугнуть ворон по-настоящему оказывается невозможно, отвадить беду не удается: одна словно затмит собою мир внизу («крылья распостерла»), в то время как другая как будто подчиняет себе небо («взвилась под небеса») и повелевает, господствуя («Каркнула во все воронье горло»), веля изолятору «помалкивать», не пропускать звук / слово – изолировать. Эта ворона пытается остановить движение, приказывая изолятору «взапуски белеть». Это семантически абсурдное выражение, переиначивающее правильное «взапуски бежать». «Забредшие в болота валуны» – аллюзия на рассказ И.С. Тургенева «Бежин луг». У Тургенева: «Лощина эта имела вид почти правильного котла с пологими боками; на дне ее торчало стоймя несколько больших, белых камней, – казалось, они сползлись туда для тайного совещания, – и до того в ней было немо и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось»²¹. В «Бежином луге» камни словно наделены даром речи, они как будто совещаются, а в «Развивая Крылова» они этого дара как бы лишены, так как уподоблены изолятору, которому ворона велит молчать. И мир вокруг (камни в болоте), и мир вверху («фарфоровый шарик» «над нами», полугротескное подобие небесного светила) безголосы, обречены на молчание. Унылый колорит тургеневского пейзажа переносится на пространство стихотворения Бродского.

В басне Крылова традиционное представление о прозорливости ворон подано иронически: поэт именует свою Ворону «вещуньей» («Вещуньина с похвал вскружилась голова»²²), хотя глупая птица не способна разгадать даже простейшую хитрость Лисицы. Бродский же приписывает это свойство своему герою, тем самым неявно соотнося его с воронами: «И все, что будет, зная назубок / (прослыvший знатоком былого тонким)». Что означает

это знание? Вероятно, возможны два ответа. В плане истории: неизбывность деспотизма, который царил в стране в прошлом и будет властствовать в будущем. В личном плане – это знание (по своему прежнему и чужому опыту) о неизбежности расставания, разрыва. Жест героя, отстраняющегося от героини, чтобы хлопком прогнать ворон («он высоводил локоть», освободил от обнимавшей его женской руки), – знак такого грядущего разрыва.

В стихотворении две пары персонажей – он и она и две вороны. И герой, и героиня соотнесены с двумя птицами. При этом женщина и мужчина словно соотносят себя с разными птицами: она, думающая об «игле», – с вороной, сидящей на маковке столба, он, размышляющий об «изоляции», – с птицей, оседлавшей изолятор.

Хлопок в ладоши приводит к тому, что птицы расстаются. Одна остается сидеть на прежнем месте. Другая взмывает в небеса и каркает – т.е. проявляет себя именно как зловещая птица, хотя герой, задумав согнать ворон с их мест, очевидно, как раз хотел избавиться от них как от мрачных символов беды. Для хлопка пришлось освободить свою руку от женской руки – и это действие, призванное отогнать вестниц зла, парадоксальным образом как раз становится мрачным предзнаменованием, знамением расставания.

Если искать в стихотворении Бродского какой-то обобщающий смысл, хотя бы отдаленно напоминающий басенний, то это будет в общем-то банальная идея о невозможности изменить предназначеннное. Мысль тривиальная, но именно по этой причине вполне уместная и естественная в басенном жанре.

Вспугнутые вороны ведут себя по-разному. Одна остается в мире земном, другая взлетает в небо и кричит. Они разлучаются, как в будущем он и она. Можно предположить, что взмывающая вверх птица ассоциируется с героем как с поэтом и что перед нами иронический вариант того же мотива, который будет через 10 лет воплощен в «Осеннем крике ястреба», – птица (поэт), взмывающая в небо и оглашающая его своим криком. Его длинноволосая спутница соотнесена в таком случае с другой птицей. И, видимо, – иронически – с крыловской Вороной. Казалось бы, избыточная деталь, ее характеризующая, – длинноволосая» – может быть истолкована как отсылка к поговорке «волос долог, да ум короток». А недалекость выразила как раз крыловская Ворона. В чем же заключена «недалекость» героини? Может быть, в прикованности

к своему месту, в неспособности меняться, в неумении выразить себя в крике / слове?

Если в басне Крылова проявлением глупости Вороны был именно ее крик, из-за чего злополучная «вещунья» выронила сыр, то в стихотворении Бродского крик вороны может быть понят как проявление прозорливости и / или поэтического дара. Соотношение молчания и звука (крика) в этом стихотворении инвертировано по отношению к басеному.

С крыловской басней у стихотворения Бродского очень мало общего. Нет ни свойственного басне обобщения в форме аллегории, ни присущих этому жанру сатирической установки и моральной сентенциозности. Л.В. Лосев, хорошо знакомый с Бродским, свидетельствовал: «Крылова Бродский ценил очень высоко»²³. Однако его басни, конечно, уже не воспринимались будущим Нобелевским лауреатом как часть актуальной поэтической традиции. «Цитирую по дедушке Крылову» (I: 228), – скажет один из персонажей поэмы Бродского «Горбунов и Горчаков» (1965–1968). Использование трюизма «дедушка Крылов» весьма красноречиво.

Однако сюжет и персонажи крыловской басни привлекли Бродского как элементы претекста, с которым, именно по причине его хрестоматийной известности и как будто бы семантической одномерности, можно было играть, «переписывая», реинтерпретируя. В стихотворении нет интроспекции во внутренний мир ворон, им не приписаны никакие реплики. Их образы порождают различные толкования, не заданные текстом жестко. При этом использование басни как архетипического претекста позволяло отстраненно описать ситуации и перипетии собственной жизни, перевоплотить их в полупритчу без моральных выводов.

Первая половина 1960-х – середина 1960-х годов – время увлечения Бродским английской барочной метафизической поэзией XVII в.²⁴ Барочная поэзия культивировала такой вид образа, как эмблема. «Под понятием эмблемы поэтики понимают композиционное единство из трех частей: надпись или девиз (*inscription, motio, lemma*), изображение (*picture, icon, imago*) и подпись в стихах или в прозе (*subscription, explication picture*). <...> Эмблема основана на внутренних символических связях между элементами ее триады, поэтому смысл ее не исчерпывается ни одной из составляющих частей, он обретается только в их взаимодействии. Значение всех

элементов проясняется через сводящее их воедино диалектическое соположение»²⁵. На основе изобразительных эмблем сложилась эмблема в барочной литературе. Басенная поэтика глубоко родственна именно эмблеме: в басне есть сюжет с аллегорическими персонажами, соответствующий эмблематическому изображению, мораль, аналогичная подписи, а часто еще и остроумное изречение, сходное с надписью.

Барокко любило неожиданное сопряжение, столкновение смыслов, «остроумные», непредсказуемые метафоры (концепты, кончетти). «В предельной степени столкновение <...> осуществляется в аллегории. С одной стороны, аллегория – это условное обобщение некоторых жизненных явлений, вытяжка самого характерного, что им присуще. С другой – это представление о реальном, вещественном виде сил природы, стихий, их персонификации. В аллегории, видимо, в наибольшей степени сказалась тенденция стянуть воедино противоположности, вещь и понятие, реализовать в материальных образах идеальное, идеализировать материальное»²⁶.

Барокко контрастно соединяло конкретное и абстрактное. В их столкновении барочный писатель «пытается представить мир одновременно как нечто реальное, всем знакомое, и в то же время как условную его схему»²⁷. Этот принцип лежал и в основе аллегории.

Но в отличие от басни, в которой соотношение между образами и их аллегорическими смыслами было задано традицией, восходящей к античности²⁸, в барочной эмблематике соотношение между знаками и смыслами более прихотливо и непредсказуемо: «Можно сказать, что в эмблеме отразился общий кризис семантики, когда знак все более трудно становилось соотнести с означаемым, но тем интереснее игра их соотнесения»²⁹. Бродского, создававшего свои первые стихотворения в эпоху нарождающегося постмодерна, эта барочная игра манила и привлекала. Барокко культивировало «остроумие, устанавливающее связи между понятиями, далекими по своей ценности и по своей природе, а следовательно, захватывающими огромное смысловое пространство»³⁰. Эта семантическая игра наиболее выразительно проявилась в барочной метафорике – в концептизме: «В концепте предельно выразилась столь характерная для того времени тяга к неожиданному сочета-

нию, к противопоставлению, к стяжению воедино далеко отстоящих друг от друга понятий. Он – не словесная фигура, не “остроумное высказывание или забава”, как пишет М.К. Сарбевский, не украшение. Он не облекает произведение или его мысль, как одежда тело, а сам является сутью произведения, его телом, его мыслью»³¹.

Стихотворение Бродского «Развивая Крылова», открытое для толкований, семантически многомерное и загадочное, побуждает вспомнить о барочном конспетизме. С точки зрения барочных авторов, «всякое явление действительности <...> обязательно имеет <...> скрытый смысл, и задача художника состояла в его раскрытии. Это внутреннее, скрытое значение явления, предмета не совпадало с тем обычным его значением, которое оно имело в повседневной жизни, было иным, зачастую совершенно неожиданным. И оно соотносило явление или предмет с миром в целом, ставило в ряд других, вскрывало связи между ними. Художник должен был сам определить новое значение. Он мог обнаружить их не одно, а несколько. Уже в том, что значение зависело от решения художника, была заложена идея многозначности, столь характерная для барокко»³².

«Развивая Крылова» тоже допускает различные и даже взаимоисключающие интерпретации. Поэзии Бродского вообще свойственна намеренная противоречивость, семантическая конфликтность, иногда даже в рамках одной развернутой метафоры; это наиболее радикальное проявление семантического конфликта я назвал поэтикой самоотрицания³³. Установка на затемненность и противоречивость смысла роднит стихотворение «Развивая Крылова», например, с сочинениями поэта-метафизика Джона Донна. «Чтобы понять такие стихотворения, требовалось немалое усилие ума, – замечает А.Н. Горбунов. – Строки Донна были в первую очередь обращены к интеллекту читателя. Отсюда их порой намеренная трудность, пресловутая темнота, за которую столь часто упрекали поэта. <...> Но трудность как раз и входила в “умысел” поэта, стремившегося прежде всего пробудить мысль читателя. Работа же интеллекта в свою очередь будила и чувства»³⁴. Но у Бродского семантическая неопределенность и противоречивость, конечно, значительнее, чем у английского поэта: образы, казавшиеся темными и трудными для понимания, удивлявшие и будив-

шие мысль два века назад, теперь уже не были бы столь же неожиданными и оригинальными.

В стихотворении «Развивая Крылова» рецепция Бродским «Вороны и Лисицы» причудливо соединилась с еще одной чертой поэтики, характерной для Джона Донна. Как и «Развивая Крылова», «почти каждое стихотворение» английского барочного стихотворца «представляет собой маленькую сценку с четко намеченной ситуацией. <...> Герой и его возлюбленная прогуливаются в течение трех часов, но вот наступает полдень, они останавливаются, и герой начинает лекцию о философии любви (“Лекция о тени”); проснувшись на рассвете, герой насмешливо приветствует “рыжего дурня” – солнце, которое разбудило его и его возлюбленную (“К восходящему солнцу”); собираясь в путешествие за границу, герой прощается с возлюбленной, умоляя ее сдержать потоки слез (“Прощальная речь о слезах”); обращаясь к тем, кто будет хоронить его, герой просит не трогать прядь волос, кольцом обвившую его руку (“Погребение”), и т.д. Знакомясь со стихами Донна, читатель почти всякий раз становится зрителем маленького спектакля, разыгранного перед его глазами³⁵. Однако в стихотворениях Джона Донна рассказ ведется от первого лица. Отстраненным изображением лирической ситуации Бродский несомненно обязан Крылову-баснописцу. Бродский не следует за Крыловым, он его, как сказано в заглавии текста, «развивает». Стихотворение «Развивая Крылова» оказалось, наверное, самым оригинальным памятником автору «Вороны и Лисицы».

¹ Бродский И. Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. Л.В. Лосева. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Издательство «Вита Нова», 2011. Т. 1. С. 157. Далее при цитировании произведений Бродского по этому изданию том (римскими цифрами) и страница (арабскими цифрами) указываются в скобках в тексте статьи.

² Цит. по комментарию Льва Лосева: Лосев Л.В. Примечания // Бродский И. Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 469.

³ См.: Полухина В. Эвтерпа и Клио Иосифа Бродского: Хронология жизни и творчества. Томск: ИД СК-С, 2012. С. 93.

⁴ См. о ней: Лосев Л. Иосиф Бродский: эротика // Russian Literature. Amsterdam, 1995. Vol. XXXVII. No. 2/3. P. 289–301. – (Joseph Brodsky. Special issue. Жанровая клавиатура Иосифа Бродского / Ed. by V. Polukhina); Лосев Л. Иосиф

- нов И. Компаративистика и / или поэтика: Английские сюжеты глазами исторической поэтики. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2010. С. 238–274. См. также: *Bethea D.* Joseph Brodsky and the Creation of Exile. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994. Р. 74–119, 284; *Иванов Вяч.Вс.* Бродский и метафизическая поэзия // Звезда. 1997. № 1. С. 194–199; *Несторов А.* Джон Донн и формирование поэтики Бродского: за пределами «Большой элегии» // Литературный сборник «Духовное наследие»; рисованный интернет-журнал «Образы мира». – Режим доступа: http://www.niworld.ru/Statei/annesterov/J_Donne_Brodsk/J_D_Br.htm (Дата посещения: 23.01.2019.); *Снегирев И.А.* Формирование метафизического стиля в поэзии И. Бродского: «Большая элегия Джону Донну» // Проблемы истории, фольклора, культуры. 2011. № 1. С. 233–238; *Снегирев И.А.* Английские метафизические поэты в переводах Иосифа Бродского (статья первая) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. № 2. С. 151–154.
- 25 *Сазонова Л.И.* Литературная культура России: Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 262.
- 26 *Софронова Л.А.* Поэтика славянского театра XVII – первой половины XVIII в.: Польша, Украина, Россия. М.: Наука, 1981. С. 20.
- 27 Там же. С. 20.
- 28 Оригинальность Крылова проявляется не в общей семантике басен, а в языке и стиле и в характерологии персонажей.
- 29 *Шайтанов И.* Уравнение с двумя неизвестными. С. 262.
- 30 Там же. С. 252.
- 31 *Софронова Л.А.* Поэтика славянского театра XVII – первой половины XVIII в. С. 12.
- 32 Там же. С. 22.
- 33 См.: *Ранчин А.* На пиру Мнемозины. С. 40–43.
- 34 *Горбунов А.Н.* Поэзия Джона Донна, Бена Джонсона и их младших современников // Английская лирика первой половины XVII века / Под ред. А.Н. Горбунова. М.: Издательство МГУ, 1989. С. 26.
- 35 Там же. С. 23–24.

А.Н. Николюкин

**КРЫЛОВСКОЕ СЛОВО В УСТАХ РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ**

Аннотация. В статье рассматриваются цитаты из басен Крылова в сочинениях русских писателей.

Ключевые слова: басня; И.А. Крылов; А.С. Пушкин; П.А. Вяземский; В.Г. Белинский; Д.И. Писарев; Л.Н. Толстой; В.В. Маяковский.

Nikolyukin A.N. Krylov's fables in Russian writers' writings

Summary. The article deals with the quotations from Krylov in the works of Russian writers.

Keywords: fable; I.A. Krylov; A.S. Pushkin; P.A. Vyasemskiy; V.G. Belinskiy; D.I. Pisarev; L.N. Tolstoy; V.V. Majakovskiy.

Известные слова В.А. Жуковского: «Переводчик в *прозе* есть раб, переводчик в *стихах* – соперник» были произнесены при выходе первой книги басен И.А. Крылова в 1809 г., у которых нередко «и вымысел, и рассказ» заимствованы из Лафонтена.

Крыловские строки встречаются в письмах А.С. Пушкина. Осенью 1830 г. Пушкин пишет из Болдина П.А. Вяземскому: «Здесь я кое-что написал. Но досадно, что не получал журналов. Я был в духе ругаться и отдал бы их на их же манер. В полемике, мы скажем с тобою, и нашего тут капля меду есть» (перефразировка из басни «Орел и Пчела»: «И моего хоть капля меду есть»).

К статье «Собрание насекомых» (1830) Пушкин поставил эпиграфом строки из крыловского «Любопытного»:

Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.

Вяземский в 1838 г., когда в Петербурге официально праздновалось 50-летие баснописца – первый писательский юбилей, отмечавшийся в России, – написал стихи «На радость полувековую...», в которых использовал строку из басни «Зеркало и Обезьяна»:

Искусством легкого обмана
Где и колынет из-под пера:
Так *Пётр кивает на Ивана,*
Иван кивает на Петра.

В письме Пушкина Вяземскому около 7 ноября 1825 г., которое в советские времена целиком не печаталось из-за «нелитературных слов и выражений», приводится строка из басни «Совет Мышей»: «Ты уморительно критикуешь Крылова; молчи, то знаю я сама, да эта крыса мне кума. Я назвал его представителем духа русского народа».

Ко времени вступления в литературу В.Г. Белинского стало очевидно, что Крылов воплощает в себе дух русского народа. Широким потоком хлынули крыловские строки из его басен в статьи Белинского, печатавшиеся в «Отечественных Записках», «Современнике» и других журналах, которые читала вся Россия. С этих пор крыловские словеса и поговорки окончательно вошли в русскую речь.

Самой любимой крыловской строкой было у Белинского выражение: «А Ларчик просто открывался». Оно встречается в рецензии на «Очерки русской литературы» (1840) Н. Полевого, в статье о «Повестях» (1840) В.Ф. Одоевского, в «Обзоре русской литературы в 1841 году». В статье «Сочинения князя В.Ф. Одоевского» о его «Русских ночах» Белинский снова обращается в этой поговорке: «Великое дело видит Фауст в том, что наша поэзия началась сатирою – судом народа над самим собою. А Ларчик просто открывался! Так как наша поэзия была заимствование, нововведение, то наши поэты и пустились подражать, кто кому задумал, то какой-нибудь Сумароков был и трагик, и комик, и лирик, и баснописец, писал и оды на иллюминации, и сатиры на подъячих».

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник!

Так писал Белинский в статье «Менцель, как критик Гёте (1840)». Конечно, Белинский не был первый, кто обратил внимание на эту строку. Еще в 1825 г. в «Московском Телеграфе» (№ 16, с. 17 прилож.) Н. Полевой в полемике приводит контаминированную строку «Беда, коль пироги начнет печи сапожник».

Снова вернулся Белинский к тому же двустишию в статье о «Тарантасе» В.А. Соллогуба (1845): «Из страха или из корысти русский человек возьмется за все, вопреки мудрому правилу:

Беда, коль сапоги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник».

Одна из самых знаменитых строк Крылова:

Ай Моська! – знать, сильна,
Коль лает на Слона!

Использована Белинским в рецензии на десятый том «Современника».

В «Ответе Москвитянину» (1847) Белинский использует два крыловских образа:

Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

И тут же из «Квартета»:

Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова!

В 1860-е годы восприятие крыловских басен заметно меняется. Д.И. Писарев в статье «Мотивы русской драмы» (1864) представил целое социологическое исследование на основе крылатых строк из трех басен Крылова («Пустынник и Медведь», «Музыканты», «Вельможи»): «В истории есть очень много услугливых медведей, которые очень усердно били мух на лбу спящего чело-

вечества увесистыми булыжниками; однако смешон и жалок был бы тот историк, который стал бы благодарить этих добросовестных медведей за чистоту их намерений. Встречаясь с примером медвежьей нравственности, историк должен только заметить, что лоб человечества оказался раскроенным; и должен описать, глубока ли была рана и скоро ли зажила, и как подействовало это убийство мухи на весь организм пациента, и как обрисовались вследствие этого дальнейшие отношения между пустынником и медведем. Ну, а что такое медведь? Медведь ничего; он свое дело сделал. Хватил камнем по лбу – и успокоился. С него взятки гладки. Ругать его не следует – во-первых, потому что это ни к чему не ведет; а во-вторых, не за что: потому – глуп. Ну, а хвалить его за непорочность сердца и подавно не резон; во-первых – не стоит благодарности: ведь лоб-то все-таки разбит; а во-вторых – опять-таки он глуп, так на какого же черта годится его непорочность сердца? Так как я случайно напал на басню Крылова, то мимоходом любопытно будет заметить, как простой здравый смысл сходится иногда в своих суждениях с теми выводами, которые дают основательное научное исследование и широкое философское мышление. Три басни Крылова, о медведе, о музыкантах, которые “немножечко дерут, зато уж в рот хмельного не берут”, и о судье, который попадает в рай за глупость, – три эти басни, говорю я, написаны на ту мысль, что сила ума важнее, чем безукирзенная нравственность… Пусть они (критики) держатся за дедушку Крылова, путь проводят в своих исследованиях о нравственных достоинствах человека простую мысль, выраженную такими незатейливыми словами: “Услужливый дурак опаснее врага”».

Иногда Писарев лишь намекает на крылатые строки басен, предоставляя читателю возможность самому вспомнить крыловскую образность. В статье «Реалисты» (1864, гл. 2), обращаясь к басням «Лягушка и Вол» и «Муха и Дорожные», он пишет в связи с образами Базарова и Рахметова: «Мы – люди обыкновенные, и если бы мы захотели выбросить из нашей жизни отдых и чисто личное наслаждение, то мы сделали бы себя мучениками и, кроме того, повредили бы даже общему делу; мы бы надорвались, мы бы отняли у себя возможность принести ту малую долю пользы, которая соответствует размерам наших сил; поэтому нам не следует надуваться, потому что до вола мы все-таки не дорастем, а если

лопнем, то вместо экономии окажется чистый убыток. Когда вы отдыхаете и наслаждаетесь, тогда никто не имеет права посыпать вас на работу; общее дело человечества подвигается вперед не барщинною работою, и сгонять на этот труд ленивых или утомленных людей – значит изображать суетливую муху, помогавшую лошадям вытаскивать в гору тяжелый рыдван».

Тот же крыловский образ возникает в статье Писарева «Прогулка по садам Российской словесности» (1865): «Хорошо это было, что неглупые молодые люди, способные сделаться хорошими хозяевами, честными конторщиками, смышлеными машинистами, изображали своими особами лягушку, желающую раздуться до размеров вола?» В этой же статье Писарев применяет к своим литературным противникам крыловские строки: «Как ни садитесь, а все в музыканты не годитесь».

Почти все русские поэты и романисты привлекали строки из басен – Некрасов, Достоевский, Чехова и десятки других. То же продолжалось в советские времена. В агитпропе В. Маяковского пригодилась басня «Стрекоза и Муравей». В 1920 г. (№ 109) «Окна РОСТА» выставили на всеобщее обозрение стихи:

Если ты все лето пела,
так зимою попляши!
Надо
летом делать дело,
чтоб зимой сидеть в тиши.
Чтоб в тепле зимою быть,
Надо
Летом лес рубить!

Время отражается в баснях Крылова. Басни отразили время.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

А.Н. Николюкин

ПУТЕШЕСТВИЕ С.П. ШЕВЫРЁВА ПО РОССИИ^{*}

Аннотация. В 1847 г. профессор Московского императорского университета С.П. Шевырёв во время отпуска посетил Кирилло-Белозерский монастырь. Он посетил Александров, Ростов, Ярославль и Вологду, где встретился с душевно-больным поэтом К.Н. Батюшковым. Описал он и Ферапонтов монастырь, но тогда замечательные фрески Дионисия еще не были открыты.

Ключевые слова: С.П. Шевырёв.; Вологда; К.Н. Батюшков; путешествие; фрески Дионисия.

Nikolyukin A.N. Shevyryov's travel across the Russia

Summary. In 1847 the Russian writer and professor of Moscow Imperial university S.P. Shevyryov on his vacation visited Kirillo-Belosersky monastery. On his way there he attended some towns, among them Alexandrov, Rostov, Yaroslavl and Vologda, where he met mentally deranged poet K.N. Batuschkov. Shevyryov visited also Ferapontov monastery but the famous fresco by Dionisy had not been found in those years.

Keywords: P.S. Shevyryov; Vologda; K.N. Batuschkov; travelling; fresco by Dionisy.

«Нужно проездиться по России», – писал Н.В. Гоголь графу А.П. Толстому. Эта глава в книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) была исключена цензурой и увидела свет лишь через 20 лет во втором издании книги. Издавая в 1850 г.

* Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18–012–00150.

свою книгу «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырёва в 1847 году», автор, даже будучи другом Гоголя, едва ли мог читать эту главу, заканчивающуюся словами: «Монастырь ваш – Россия». Однако сама мысль Гоголя была близка Шевырёву.

Во время поездки он посетил города Александров, Ростов, Ярославль, Вологду и описал жизнь и нравы провинции тех лет. Приехав в Вологду, он пишет: «Наружность Вологды поразила меня своею древностью. Но в этой древности было и что-то мрачное. Особенно стены и башни ее с черными куполами бросились мне в глаза прежде всего. Вологда издревле была городом торговым, который позднее связывал Москву с Архангельском. Английские посольства всегда проезжали через нее. Она стояла на богомольном пути древних царей наших в Кириллов монастырь. Всегда была исстари и местом изгнания»¹.

Шевырёва издавна интересовал Кирилло-Белозерский монастырь. «Давно желал я взглянуть на прелести нашего севера. Особенно хотелось мне посетить белозерские места, с которыми связана память преподобного Кирилла, одного из просветителей тамошних краев в пору татар. Летом 1847 года удалось мне выполнить это желание. Краток по времени был мой отдых и путь; но многое впечатлений прошло по душе» [I, 2].

Как бы отвечая на требование Гоголя «проездиться по России», Шевырёв продолжает: «У нас есть люди, готовые осмеять даже мысль о путешествии по России. Выдавая себя за строгих поклонников Запада, они в этом случае однако позволяют себе отступить от него, потому что Запад не только не пренебрегает такими путешествиями, но ввел их в моду и беспрерывно обогащает свою литературу их описаниями» [I, 3].

Но, считает Шевырёв, существует и другая причина невозможности путешествовать по России. «Она состоит в недостатке комфорта, великого плода европейской цивилизации, столько лестного самолюбию нашей человеческой натуры. Справедливо говорят: в России можно только ездить по делам, а путешествовать нельзя. В самом деле, вы путешествуете только за границей: путешествие там сопровождалось, по крайней мере прежде, каждый день, прекрасным завтраком, вкусным обедом, мягкой постелью. Странствуя по России, вы беспрерывно подвергаетесь тем лише-

ниям, которые для иного, скованного привычками воспитания, просто невыносимые несчастья, удары судьбы; вы на самих себе, и ночью и днем, чувствуете почти всякий час, как отстали мы в комфорте жизни перед другими – и выносите чувство неприятное, могущее повредить всякой пользе, если бы эта польза была даже возможна» [I, 3].

Наибольший интерес в первом томе книги Шевырёва представляет в главе «Вологда» раздел «Встреча с Батюшковым». В 1833 г. К.Н. Батюшков, как душевнобольной, получив пожизненную пенсию от Государя, переезжает в Вологду и поселяется в доме Соковикова, где занимает пять комнат. С 1835 г. в одной из комнат жил компаньон поэта – штаб-ротмистр Львов. Через 10 лет, в 1845 г., Батюшкова перевезли в дом, где жил со своим семейством его племянник Григорий Абрамович Гривенс. 8 июля 1847 г. Шевырёв приехал к Гривенсу рано утром. Никто не встретил его. «Я вошел тихо. Дверь, ведущая в залу, была немного отворена, и когда я взглянул туда: мне мелькнула какая-то белая фигура, ходившая из угла в угол по комнате. Я взгляделся: это был старишок, небольшого росту, в белом полотняном сюртуке; на голове у него была бархатная темномалиновая ермолка; в руках белый платок и серебряная табакерка; на ногах черные спальные сапоги. Я старался, как можно скорее, рассмотреть с ног до головы этого старишечка: мне почему-то казалось, что это Батюшков; и в самом деле это был он. Я глядел на него только один миг. Он сейчас услыхал шум в передней, подошел к двери, взглянул на меня и быстро повернувшись ушел» [I, 111].

Дожидаясь, что кто-нибудь войдет, Шевырёв сел на стул около зеркала. И вдруг «раздались шаги, и в залу вошел тот же бенький старишок. Не глядя на меня, он пошел прямо к зеркалу; я увидел там его лицо и страшные глаза, дико сверкавшие из-под густых бровей, как будто бы он сердился; он также увидел меня; два раза окинул меня глазами; потом взглянул опять в зеркало, снял ермолку, взъерошил волосы, совершенно белые и низко подстриженные, надел опять ермолку, быстро повернулся и скорыми шагами вышел, или, можно сказать, выбежал вон» [I, 111].

Вошедший хозяин пояснил, что Батюшков не любит, когда приходят его смотреть. Когда сели пить чай, он сел рядом с Шевырёвым. «В это время он нисколько не походил на сумасшедшего.

Как ни вглядывался я: никакого следа безумия не находил на его смиренном, благородном лице. Напротив, оно было в ту минуту очень умно» [I, 112]. Днем Шевырёв наблюдал, как молчаливый Батюшков рисует картинки красками и отдает нарисованное детям. «На картинках его всегда одно и то же изображение: белая лошадь пьет воду; с одной стороны деревья, раскрашенные разными красками – желтой, зеленою и красной; тут же досталось иногда и лошади на долю; с другой стороны замок; вдали море с кораблями, темное небо и бледная луна» [I, 114].

Краткое описание жизни поэта завершается словами: «Это был первый сумасшедший, которого я видел... и какой человек! И какой урок человеку!.. Мне часто приходит на память это славное лицо, эти глаза, из которых иногда как нарочно сверкает что-то, напоминающее ум, навеки улетевший из даровитой головы... Я живо вижу эту белую фигуру у окна, с руками, сложенными крест-накрест, с лицом, обращенным к небу; кажется, я слышу, как он шепчет что-то, как бы молитву, и мне хочется спросить: если ты молишься, о чем ты молишься, старик?..» [I, 115].

Во второй части книги наибольший интерес представляют главы, посвященные Кириллову монастырю и упраздненному Ферапонтову монастырю. Шевырёв вспоминает, как жил здесь сосланный патриарх Никон, как в озере ловил рыбу сетью, связанной собственными руками, как возделывал он огороды вокруг озера. Но ни слова не сказал великий знаток русских древностей о фресках Дионисия. Наверное, не заходил он в храм или фрески не были еще открыты. Только в 1899 г. И.И. Бриллиантов напечатал свою книгу о Ферапонтовом монастыре и его фресках.

Купание в озере стало для Шевырёва необычным. «Чтобы не слишком разгоряченному от солнечного зноя прийти к воде, я надел белую, полотняную блузу и светлую соломенную шляпу, но после в том раскаялся, – пишет Шевырёв. – Крестьяне, собравшиеся многочисленною толпою, падали всюду ниц, где я ни проходил, творили огромное знамение креста и целовали мне ноги. Они, казалось мне, считали меня за высокую духовную особу, потому что я весь был в белом» [II, 106]. Шевырёв ускорил шаги, а некоторое время спустя понял, что то было 23 июня, день Владимирской

иконы Богоматери, когда был ход с образами, и он все молитвенные поклоны народа святым иконам принимал на свой счет.

Как филолог Шевырёв обратил внимание на язык местного населения. «Все время употребив на обитель и ее памятники, я не мог посвятить ни минуты городу Кирилову. Но в нем наиболее любопытное есть его наречие, которым говорят самые грубые простолюдины, чуждые образования. Оно имеет много сходства с малороссийским и доказывает южное население края» [там же]. И он приводит несколько примеров, собранных от человека, знающего хорошо разнообразные наречия всего окрестного края.

Посетив Нилосорскую пустынь, Шевырёв описал немногое, что осталось от XV столетия. Когда он возвращался из скита, то «у ворот какой-то деревни встретил пешехода-странника, который шел поклониться гробу преподобного Нила. Странник служил во флоте, но вышел в отставку, отправился по богомольям. Весь оброс бородой, другой год как уже ходит. Был у Соловецких; вытерпел бурю; судно разбилось под странниками; но ему то было уже не впервые. А в Петров день монастырь Соловецкий кормил от 4-х до 5-ти тысяч богомольцев. Так говорил мне очевидец, бывший одним из них, направляя ровные шаги свои в пустынь Нилосорскую» [II, 102].

В библиотеке путешествий по России, от Н. Карамзина и А. Радищева до В. Розанова («Русский Нил») и М. Пришвина («В краю непуганых птиц»), книга Шевырёва «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь», забытая нашим читателем и литературоведением, займет положенное ей достойное место.

¹ Шевырёв С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырёва в 1847 году: в 2 ч. – М.: В Университетской тип., 1850. – Ч. 1. – С. 105. Далее цитаты по этому изданию приводятся в тексте с указанием части (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

БИБЛИОГРАФИЯ

ЕВГЕНИЙ ЛЬВОВИЧ МАРКОВ (1835–1903): Материалы к библиографии

За прозаиком Евгением Львовичем Марковым прочно закрепился титул «провинциальный писатель». Да и сам талантливый беллетрист относил себя к литераторам средней руки, пишущим из глубины России, из самых деятельных ее недр, где во всю мощь господствовал родной язык и крепко еще держался русский дух, формирующий национальный характер. Страна богатела провинцией, наращивала свою мощь и жизненный потенциал. Из провинции же выдвигались и одаренные во всех сферах искусства художественные таланты, возвеличивая родные места в краях близких и отдаленных от столиц. Марков, по словам Василия Васильевича Розанова, «был писателем редкого здравомыслия и уравновешенности и верности нравственного чувства. Он не подымал новых тем, но когда около какой-нибудь темы происходила литературная свалка, слышались голоса резкие и противоположные, начинали замешиваться нечистые чувства, – раздавался вдруг чистый великорусский его голос... и тогда на него невольно все оглядывались и часто поправлялись в крайностях своих взглядений». Касаясь общей характеристики произведений Маркова, Розанов замечает: «Отсутствие очень большой новизны и оригинальности поставило его во второй ряд. Но что дало ему в этом втором ряду место твердое, никогда не меняющееся, положение видное и очень уважаемое?» (НВ, № 9714 от 21 марта (3 апреля) 1903). Место писателя в жизни общественных явлений страны определяли его гражданская позиция и любовь к своему народу, подкрепленные глубоким историзмом и верой.

Наш беллетрист – уроженец отцовской усадьбы Александровки, Щигровского уезда Курской губернии. Родился в помещичьей семье, верной патриархальному укладу домашнего быта. О том, как строились семейные отношения в доме Марковых, весьма колоритно пишет сам Евгений Львович в повествовании «Барчуки. Картины прошлого». Свежий взгляд и тонкая наблюдательность оживляют нарисованные бытовые сцены, пронизывая их педагогическими размышлениями. К воспоминаниям детства Марков впоследствии вернется не один раз. Воспитывался барчук сперва в Харьковской, затем в Курской гимназии. Образование закончил в Харьковском университете в 1857 г. со степенью кандидата естественных наук. Для усовершенствования своих познаний совершил путешествие за границу, где слушал лекции видных ученых. Тогда же и состоялся литературный дебют писателя: в октябре 1858 г. в журнале «Русский Вестник» был опубликован его рассказ «Ушан». Помечен автором как отрывок из воспоминаний детства. В основу рассказа положено простонародное поверье оочных страхований нечисти; с подобных быличек начинали свое творчество А.К. Толстой и С.А. Рачинский, внесшие свою лепту в русскую гофманиаду.

Первой серьезной прозой Е.Л. Маркова надо считать его очерк «Коренная» (ОЗ, 1864, № 9), посвященный празднованию чудотворной иконы «Курская Коренная». Праздник выпадал на девятую пятницу после Пасхи. Автор с малых лет бывал на этом торжественном богослужении, а затем и на красочной и веселой ярмарке, развернутой вблизи монастыря. С душевным подъемом описывает молодой писатель как само церковное торжество, так и городские гуляния праздной публики. К Курской Коренной Марков обратится еще не раз.

К этому же времени относится начало педагогической деятельности Е.Л. Маркова; с энтузиазмом он включился в распространение образования в своем Отечестве, начав свой путь с должности учителя в Тульской гимназии. Школьное дело целиком захватило просвещенного педагога, он внимательно присматривался к практике Яснополянской школы Л.Н. Толстого, ведущей обучение детей произвольно, по-своему. Евгений Львович пишет подробную статью с рассмотрением практики Яснополянской школы (1862). На публикацию обратили внимание в Министерстве

народного просвещения, и учителя Тульской гимназии пригласили в учебный комитет ведомства, его назначили директором Симферопольской гимназии и одновременно директором народных училищ края. Это вполне соответствовало его интеллектуальному кругозору и педагогическим стремлениям. В Симферополе Е.Л. Марков подружился с начальницей женской гимназии Анной Ивановной Познанской, дворянкой Полтавской губернии. В 1875 г. педагоги сочетались браком. К тому времени писатель был вдов, его первая жена, Надежда Николаевна Детлова, скончалась от скоротечной чахотки.

Симферопольскую гимназию Марков будет возглавлять пять лет (1865–1870). Энергичный и любознательный чиновник все свободное время отдавал изучению достопримечательностей Крымского полуострова, его исторических и культурных памятников. Е.Л. Марков пишет «Очерки Крыма» – публиковались в 1872 г. Очерки так полюбились читающей публике, что отдельной книгой были изданы несколько раз. Крым на страницах книг Е.Л. Маркова предстал краем увлекательных путешествий и ключом к познавательным паломничествам как внутри страны, так и далеко за ее пределами. Талантливым очеркистом будет создана целая полка очерковых книг с дневниковыми записями просвещенного паломника, с тонкими зарисовками изображаемых картин и живых встреч в странствиях по другим землям. К картинам крымской жизни, природы и истории края литератор вернется еще не раз. В 1880 г. выйдет в свет его роман из крымской жизни «Берег моря», до этого публиковавшийся частями в журнале «Дело» (1879). Следующий этап писательской жизни Евгения Львовича – публицистический.

В феврале 1874 г. в родной Александровке Марков пишет знаменитую полемическую статью «Софисты XIX века». Поначалу Евгений Львович направил ее в редакцию «Отечественных Записок» на имя Н.А. Некрасова. В письме, в частности, говорит, что в «Софистах» сделан лишь легкий анализ нашей адвокатской практики. «Если же статья покажется слишком откровенною или неподходящею под взгляды Вашего журнала – будьте так добры, не откажите уведомить меня о том одною строчкою, чтобы я имел время распорядиться иначе судьбою этой заметки». Материал не был принят, и автор отоспал статью в газету «Голос» А.А. Краев-

ского; напечатана там в номерах 36, 37 за 1875 г. Сразу же после выхода в свет она вызвала бурю толков. Ведь Е.Л. Марков открыто и едко ставил вопрос, связанный с практикой адвокатов и адвокатуры в целом. Этот юридический институт был введен в судебный процесс вместо земского суда, опиравшегося на совесть и признаки истины. А тут многое стало решаться за гонорар, проще сказать, за деньги. Впрочем, ни прокуратура, ни суды, опирающиеся на законы, кроме жалованья от государства, никаких личных выгод со стороны не получали. Не то адвокаты, вмешивающиеся в судебный процесс. Со стороны обвинения, как и со стороны защиты, все хотят благоприятных для себя доказательств в открытом деле. А доказательства лишь в какой-то степени объективны, и даже вообще могут пренебрегать истиной: все зависит от умения и говорливости адвокатов, и состязательность их в судебном процессе – непременное покупное ремесло. Евгений Львович Марков назвал таких адвокатов «прелюбодеями мысли». Затем пущенное им выражение будет обыграно Федором Достоевским в романе «Братья Карамазовы». В среде сочувствующих суждениям Маркова его стали называть «Златоустом Щигровского уезда».

Рассмотрению критики Е.Л. Маркова и его статьи «Софисты XIX века» посвящен ряд публикаций в литературных и юридических журналах: «Избиение адвокатов г. Марковым, по избиении литераторов г-м Катковым и Леонтьевым» (ВЕ, 1875, № 3); «О русской адвокатуре. Софисты XIX века г. Маркова и заметки об адвокатуре г. Арсеньева» (Журнал Гражданского и Уголовного Права, 1875, № 3); «Наша адвокатура» (Судебный Вестник, 1875, № 32, 34); «Современный вопрос об адвокатах» (Гражданин, 1875, № 11, 14); «Суд над русской адвокатурой» (Неделя, 1875, № 7) и др. Вопросы нравственного отношения судебных инстанций, поставленные Марковым, требовали прямых ответов, но их так и не дождались. Впоследствии сам Евгений Львович еще раз пробует осветить проблему. Свою статью «Суд совести. Мысли присяжного заседателя по поводу нападок на суд присяжных» он опубликует 15 апреля 1884 г. в аксаковской газете «Русь».

Во второй книжке «Отечественных Записок» 1865 г. появился критический этюд Е.Л. Маркова «По поводу Полного собрания сочинений гр. Л.Н. Толстого», и связан он с повестью «Казаки». В редакционной заметке говорится, что, несмотря на опублико-

ванную в этом журнале статью Евгении Тур о «Казаках» Л. Толстого, редакция посчитала нужным вернуться к этому произведению и поместить в своем журнале «превосходный этюд» Е. Маркова, поскольку он рассматривает повесть прежде всего как художник и уже потом – как публицист. Он видит типы художника, а не придерживается идеалов, против чего выступала Евг. Тур. «Превосходный анализ простого русского человека, сделанный Марковым, выкупает ту строгость, с которой он относится к массе... Он ничего не утаивает, так же как и гр. Толстой; ничего не преувеличивает, ни перед чем не плачется. Такова и должна быть трезвая, реальная критика, если она желает быть полезною; она дает чувствовать жизнь и не представляет ее иною, чем она есть, не ведет за собою утрированных тенденций в пользу одного класса народа. Космическая сила массы не является первенствующею; вы чувствуете, что возле нее должен быть руководитель».

Через год в тех же «Отечественных Записках» печатается автобиографическое повествование Е.Л. Маркова «Барчуки», в котором раскрывается без плана и связи быт крепостной сельской усадьбы, с ее строгостью, доходящей до жестокости, с господством в семье хозяина-самодура, при этом по-своему заботливого и распорядительного. Здесь много ярких страниц из жизни родной Александровки Щигровского уезда, где провел свое детство сам писатель. Собрав все очерки-воспоминания на эту тему, напечатанные поначалу в «Русском Вестнике», «Отечественных Записках», «Вестнике Европы», автор объединил «Картины прошлого» в большой том «Барчуков», выпущенный в свет петербургским издательством М. Стасюлевича в 1875 г. Произведение Евгений Львович посвятил своей матери. Позже, в ноябре 1884 г., Марков публикует в журнале «Новь» физиологический очерк «Барин» из «Учебных годов старого барчука». Отдельной книгой «Учебные годы» вышли в Санкт-Петербурге в 1901 г. «Собрание сочинений Е.Л. Маркова» в двух томах появилось в 1877 г., во многом оно подытожило основные публикации автора на ту пору. Издание украслено портретом писателя и посвящено «Моему лучшему другу и вдохновителю моих лучших мыслей – жене моей, Анне Ивановне Марковой». Анна Ивановна была поистине человеком необыкновенным. Обаятельная, просвещенная, она неутомимо сопровождала мужа во всех его познавательных путешествиях, делилась

с ним тонкими наблюдениями и оценкой ситуаций. Жена Евгения Львовича пережила его на 15 лет и скончалась зимой в революционное лихолетье.

С 1870 по 1887 г. Евгений Львович Марков с семьей живет в своем селе Александровке, занимается публицистикой, пишет книги. Постоянно ведет рубрику «Литературная летопись» в газете «Голос», откликаясь на многие явления общественной и культурной жизни. В «Русской Речи» Марков также ведет рубрику «Критические беседы», там в номерах 5 и 6 за 1879 г. он выступил с очерком «Романист-психиатр. По поводу сочинений Достоевского». Публикация важная, как и статья «Талмудизм в журналистике», там же (№ 2).

В 1878 г. в Москве в издании книготорговца М.О. Вольфа вышел в свет двухтомный роман Е.Л. Маркова «Чернозёмные поля». Роман нравонаблюдательный, объемный, представляющий собою как бы эпос современной провинциальной русской жизни. Занимательные эпизоды сменяются один другим, заслоняя основную ткань произведения. В НВ критик В.П. Буренин отнес «Чернозёмные поля» к категории дидактических романов. А Н.К. Михайловский в мартовской книжке «Отечественных Записок» (1878) заметил: «Как и все, что пишет г. Марков, он написал [роман] очень прилично, очень гладко, очень, скажем, “ловко”; в нем много чрезвычайно возвышенных мыслей, изложенных тем изящно-изысканным, немножко чересчур манерным языком, с неизбежными иллюстрациями из Священного Писания, который составляет в нашей литературе исключительную привилегию г. Маркова. <...> Правда, общая архитектура романа неуклюжа... Марков занялся реабилитированием “деревни” с точки зрения просвещенного либерала, который о невозможном не мечтает, в утопии не верит, благоразумен, умерен, аккуратен». Интересно, что С.А. Венгеров в «Неделе» (1878, № 6) назвал Маркова «благонамеренным либералом», подчеркнув его крепкую связь с землей.

В своем селе Александровке Евгений Львович создал цикл «Кавказские письма», печатал их в «Русской Речи» и «Голосе» с ноября 1880 г., описывая в очерках былое и настоящее Грузии и других областей Кавказа. Продолжение «Письма...» получат по-тому в «Новом Времени». В «Живописной России» Марков помещает общий очерк Кавказа, останавливаясь на особенностях степной

полосы края, исхоженной писателем-исследователем с дневником и карандашом.

Затем наступает другая жизнь, Воронежский период, – Е.Л. Марков становится управляющим в Воронежском отделении Дворянского и крестьянского поземельного банка. Воронежский период деятельности – самый заметный в биографии писателя. Марков стал культурным вождем этого замечательного губернского города. Литературные, исторические, духовные общественные начинания не обходились без его участия, всюду звучала его убедительная речь, изящная по форме и мудрая по смыслу. Марковский Воронеж притягивал к себе мыслящую Россию, ведь провинция жила полноценной жизнью, не хуже столиц, потому-то и прислушивались так к мнению, доносившемуся из глубин державы. Ряд поездок по России, Европе, Египту и Палестине Марков совершил из Воронежа и Курска.

Переезд в Воронеж по времени совпал с изданием книги Е.Л. Маркова «Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории» в 1887 г., объемом 700 страниц. В начале публикации автор пишет: «Этот первый плод моей любви к Кавказу посвящаю – как восприемному отцу – старому кавказцу и старому другу моему, верному спутнику моих странствований по далеким краям и по морю житейскому, брату Льву Львовичу Маркову. Автор». Со Львом Львовичем Марков паломничал по Швейцарии, Германии и Франции, ходил по горам Крыма и Кавказа. «С помощью его только и могло осуществиться с успехом и удобством мое последнее кавказское путешествие, давшее содержание настоящей книге». Евгений Львович с воодушевлением пишет: «Кавказ – это бесценный по богатству и разнообразию музей этнографических, археологических, и естественно-исторических сокровищ всякого рода. <...> Настоящая книга является одною из первых попыток набросать общую картину кавказской природы, истории и жизни». Очерки Кавказа Маркова состоят из четырех частей, в каждой от 11 до 19 глав. Это была последняя книга, созданная в родной Александровке Щигровского уезда. Воронежский период обогатит наследие писателя новыми трудами и путевыми дневниками. В этот период случится взлет творчества просвещенного путешественника и краеведа. И путешествовать по странам Евгений Львович

теперь будет не с братом, Львом Львовичем, а с женой, Анной Ивановной, неутомимой своей спутницей.

В 1890 г. в Санкт-Петербурге была издана замечательная книга Е.Л. Маркова «Путешествие на Восток. Царьград и Архипелаг. В стране Фараонов». Ее выход отмечен рядом положительных отзывов. Так в «Вестнике Европы» (1890, № 11) в приложении «Библиографический листок» сообщалось: «Настоящее путешествие может занять видное место как по наблюдательности автора, не мало искусившегося в деле странствования, так и по художественному изображению всего, что проходило перед его глазами». А в «Русском Обозрении» (1890, № 12) добавлялось: «Перед нами совершенно законченный цикл наблюдений и описаний, совершенно самостоятельный и отдельно стоящий труд. <...> Книга очень интересна. Евг. Марков обладает особым талантом описания. К подготовительным сведениям образованного человека, к специальным справкам посетителя известных исторических местностей, к наблюдательности опытного путешественника он присоединяет личное художественное чувство. <...> Задача художника состоит в том, чтобы при помощи своих описаний явиться на помощь громадному большинству, вызвать силою своего таланта живые, яркие, образные картины виденного им пред умственными очами тех, кто силою вещей, силою необходимости лишен возможности личного посещения великих культурных стран древности...». В заключение рецензент (С. Васильев) пишет о книге: «Автор оставил в ней часть своей души. Он совершенно искренно интересовался новым миром, какой открывался перед ним, и сумел мастерски передать и читателям этот интерес». В «Русском Вестнике» отмечалось, что у Маркова есть «достаточный запас энергии, необходимый для путешественника по странам еще довольно диким, и без которой многое любопытное и характерное так и рисковало бы остаться не осмотренным, ради избежания неудобств и затруднений. <...> Если мы прибавим к этому еще и любовь к природе, сильно развитую в авторе, возвышающую его до истинной поэзии, то хотя мы еще и не кончим с перечислением всех достоинств книги, но, надеемся, скажем достаточно».

Книга Евгения Львовича Маркова «Путешествие на Восток» была напечатана М.М. Стасюлевичем в двух томах: первый том «Царьград и Архипелаг. В стране Фараонов» издан в 1890 г., а второй

том «По Святой Земле» – в 1891 г. До этого Марков предполагал издать книгу у А.С. Суворина. В письме к этому издателю он, в частности, писал: «Вы восстановили своими изданиями не одну старую книгу, в которой чувствовалась потребность; к числу таких почтенных книг, давно уже ставших редкостью, бесспорно принадлежит и «Путешествие Муравьева ко Святым местам». Несмотря на то, что у нас существует не одно путешествие в Палестину, «Путешествия ко Святым местам» у нас все-таки еще нет. Быть может, мои очерки Палестины, Самарии и Галилеи несколько ближе подойдут к типу Муравьевской книги, давши читателю тот же сюжет в форме более живой и современной». Издание не состоялось (ХХ Фетовские чтения, Курск, 2006. С. 171–172). Двухтомник у М.М. Стасюлевича был полным изъявлением воли автора и, надо считать, законченным.

Из Курска, а затем из Воронежа Евгений Львович постоянно совершал путешествия по родным просторам – по служебным делам, или по личной инициативе. За 16 деятельных лет, проведенных Марковым в Воронеже, этот трудолюбивый, бодрый духом человек плотно занимался историческими и краеведческими разысканиями в родной земле. Им опубликованы: «Поездка в Дивногорье» (РВ, 1891, кн. 5, 6); «Червленый Яр. Путевые заметки» (там же, кн. 8); «Древний город Костенск. Из поездок по Дону» (там же, кн. 12); «Белогорские пещеры» (РВ, 1892, кн. 1); «Старая Донская пустынь и Донецкий казачий городок» («Памятная Книжка Воронежской губернии» за 1893 г.); «Поездка к камню Буилу. Из путевых очерков Дона» (там же, за 1894 г.); «Донская Беседа и соседние ей древние урочища Дона. Путевые заметки» (там же, за 1896 г.). В публикациях отражается далекое прошлое Воронежского края. За литературные труды Евгений Львович вскоре был избран почетным членом Губернского статистического комитета, членом особой Комиссии по устройству губернского музея, а 1 декабря 1900 г. он выдвинут в председатели Архивной комиссии, публикующей ценные труды.

В 1895 г. петербургский издатель В. Комаров опубликовал роман Е.Л. Маркова «Разбойница Орлиха», увлекательное чтение о давней истории Южнорусского края, оставленной в памяти населения. В нем описаны сцены диких нападений и расправ шайки грабителей, возглавляемых одной помещицей, над челядинцами

и рассказано о противоборстве им смелых людей. В предисловии автор писал, что его роман не сочинен, а основан на действительных событиях, информация о которых почерпнута из семейных и других преданий, слышанных в детстве от стариков. Память о помещице-разбойнице сохранялась и в архивах присутственных мест. Все это послужило главной цели – воспроизвести по возможности живую и характерную картину помещичьего быта конца XVIII в. и помещичьих нравов той поры в Курской земле. Впоследствии роман пополнился новыми главами, но вышел он в свет (1904) уже после кончины автора.

Прижизненное признание беллетриста и просвещенного исследователя было так велико, особенно в Воронеже, что там с размахом отметили сорокалетие его литературной и общественной деятельности. В городской газете «Воронежский Телеграф» (1898, № 12) отмечалось: «Ни одно крупное начинание культурного характера, ни одно общество в городе с гуманными задачами не обходится без живого и активного участия со стороны Евгения Львовича. У воронежской публики он постоянно на виду и как любимый лектор, и как участник разнообразных обществ... Основой его беллетристических произведений является любовь к деревне и народу. Деревня, по мысли его, восстановляет равновесие сил человека и дает им благотворный исход...» В течение длинного ряда лет своей сорокалетней писательской деятельности Е.Л. Марков громко призывал жизненные силы общества для дружной работы на благо Родины. В той же газете 16 октября на двух полосах рассказывалось о славном и видном литераторе и дворянском деятеле, умеренно либеральном и державнике по умонастроению.

Несмотря на солидный возраст, просвещенный путешественник был все так же свеж и энергичен. Вот его паломничество в Сербию, Далмацию и Черногорию, в дневниках путешествия зафиксировано столько подробностей жизни среди гор и теснин, что скучность природного достояния в среде трудолюбивого, добродушного народа здесь, право, и не чувствуется. Православие прослоило в душах и в истории народов, сделалось поистине основой жизни. Очерки этого цикла публиковались в 1898 г. в журнале «Вестник Европы». Свои педагогические и экономические размышления Евгений Львович помещает во влиятельной газете

Алексея Суворина «Новое Время», здесь же он и полемизирует с противниками его взглядов.

Завершающим трудом его странствований будет фундаментальный двухтомник «Россия в Средней Азии», изданный М.М. Стасюлевичем в 1901 г. В посвящении сказано: «...Повесть моих странствований по новым и дальним путям посвящается другу моему, брату Николаю Львовичу Маркову, строителю многих новых путей, доброе содействие которого не мало помогло мне одолеть и этот нелегкий путь в глубины Азии». А во вступлении к книге автор сетует, что мы, русские, во 100 раз лучше и основательнее знаем каждое мелкое местечко Италии, Швейцарии, Германии и Франции, ничем не касающееся наших государственных и народных интересов, чем свои собственные, не похожие ни на какие другие, земли. «Да и сама природа могучих азиатских гор, рек и пустынь представляет собою столько дикой прелести и непочатой девственности своего рода, что вполне может заменить ищущему свежих впечатлений путешественнику чересчур захваченные красоты Альп и Рейна». Евгений Львович Марков, путешествуя по Средней Азии, проехал эти края от берегов Каспия до подножий Памира, до границы китайского Кашгара. Странствовал писатель вместе с женой, Анной Ивановной, встречая везде «искреннее участие и деятельную помошь, везде спокойно наслаждался красотами природы и человеческого искусства, везде мог свободно наблюдать характерные особенности быта и нравов наших былых врагов». «Книги мои – не география, не история, не экономический трактат и не этнографическое исследование. Книги мои – безпритязательный дневник писателя-художника, для которого одинаково любопытны и удивительные явления незнакомой ему природы, и чудные создания восточного искусства, и загадочные памятники седой древности, и типические черты быта многочисленных чуждых племен».

Путешественники, оказавшись в Туркмении, побывали на Каспии, затем, преодолев пески Кара-Кум, переправились через Аму-Дарью, посетили Бухару. Впереди будут Фергана и подъем на взгорье Малый Алай. В длинном странствовании чета Марковых затем посетит Самарканд, увидит в нем мавзолей Тимура, и тогда же с интересом ознакомится с промыслами восточных ремесленников. Во время путешествий Евгений Львович много рисовал

с натуры, причем делал это вполне профессионально. Так что его рисунки, начиная с Крымского периода, остаются свидетельством талантливого очевидца; в этом же ряду и графика из среднеазиатского путешествия.

Возвращались Марковы домой через Дербент по Волге. Вдохновенные очерки волжских городов, начиная с Астрахани и заканчивая Нижним Новгородом, – непрерывная панорама русской жизни, развернутой во всю имперскую силу, переживающей буржуазный промышленный апогей. Волга-матушка, река-труженица, под стать великому народу с засученными рукавами, деятельна, неусыпна. Монисты груженых барж, нефтеналивные суда и цистерны переправляют из Баку в срединные губернии России железо, уголь, керосин и мазут. И на тех же волжских волнах красуются, покачиваясь, великолепные современные теплоходы и плоские беляны, наполненные саратовским зерном, а сверх палубы прихватив еще готовые срубы, доски и щепной товар. Всё в движении, во всем хозяйственный расчет. Моторы освоены, и электричество уже освещает ночами пристани и портовые эллинги и пакгаузы. Неостановим прогресс промышленных центров. Разумеется, нашим путешественникам близки, интересны природные, исторические и археологические памятники.

Последним странствованием Е.Л. Маркова, надо считать, путешествие по Греции. «У меня на сердце давно лежало, не скажу желание, а непобедимая потребность посетить страны и народы, связанные кровным родством своего рода с Россией и русскими. <...> Писатель-турист, обегавший и описавший столько южных стран: Крым, Кавказ, Среднюю Азию, Палестину, Египет и проч., – не мог ни в каком случае пропустить чудную страну, где как в фокусе сосредоточиваются и красоты южной природы, и сокровища самой поэтической и самой поучительной истории». Греция нам, русским, своего рода крестная мать, колыбель нашего православия, исток нашего просвещения. «А между тем Греция нам известна еще менее, чем Сербия и Черногория, Греции мы чуждаемся еще гораздо более, чем славян, и оказываем на нее еще менее влияния». Путевые очерки Е.Л. Маркова «Путешествие по Греции» увидели свет в Петербурге, в 1903 г., в год кончины автора. Книга объемом 600 страниц стала его лебединой песнью. Изложение и поныне впечатляет своей свежестью и насыщенностью

полезными сведениями. Впрочем, этими же качествами обладают и другие труды талантливого русского писателя.

До глубокого возраста Евгений Львович оставался деятелем, вполне крепким. Всему Воронежу он был известен как оратор и рассказчик, иногда на публике он читал отрывки из своих путевых дневников, неизменно вызывая интерес живостью описываемых сцен, художественной образностью. Современники вспоминали, что публичные лекции Маркова привлекали публику; она получала удовольствие, «слушая этого 65-летнего старика». Говоривший с кафедры казался полон энергии и таланта. Он все так же по-прежнему не желал поступаться свободой своего духа, искренностью своей мысли ради какого бы то ни было обязательного знамени или партийного катехизиса. «Поэтому, — говорил Е.Л. Марков, — статьи мои читатель мог встретить в журналах самого разнообразного направления... Очень может быть, что такое отношение мое к литературным направлениям составляет мою слабость, но во всяком случае это характерная черта моей литературной физиономии, от которой я не могу отречься».

Евгений Львович сделал много разысканий и лично освидетельствовал многие старинные памятники Воронежского края. На общем собрании членов Ученой архивной комиссии он был избран первым ее председателем. В трудах этой комиссии напечатаны его рефераты последних лет. Писал он и о подвижниках культуры Воронежа: известны его блестящие работы, посвященные поэтам Кольцову и Никитину. Нелишне напомнить, что Евгений Львович передал в распоряжение Комиссии 17 автографов Ивана Саввича Никитина, собранные им со рвением.

Марков по-настоящему был поборником народного просвещения. С возникновением в 1902 г. Воронежской комиссии народных чтений, слившейся тогда же с Обществом содействия начальному народному образованию, Евгений Львович с душой отдался чтению лекций для народа, вырабатывал программы чтений, вел кружок в бесплатной рисовальной школе. Как член совета Православного братства Воронежских святителей Митрофана и Тихона, он готовился сказать проникновенное слово на юбилейных событиях. Но не успел: скоротечное онкологическое заболевание прервало его жизнь. Евгений Львович Марков скончался в Воронеже

17 марта 1903 г., погребен в своем имении Потебник Щигровского уезда.

На кончину видного русского литератора широко откликнулась столичная и провинциальная печать, отмечалось, что он честно подавал голос в защиту справедливости и желал блага для народа. Ныне этот голос становится слышнее. Часть трудов Маркова переизданы, другие, полагаем, дождутся своего выхода в свет. Всё яркое и достойное возвращается народу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1858

Ушан. Отрывок из воспоминаний детства // РВ. 1858. Октябрь. Кн. 2. (Том 17). С. 691–704. Подпись: Ев. Марков.

По поводу статьи г. Ешевского «Руководство истории, Шульгина», в 38 № «Атенея» [Полемическая заметка против профессора С.В. Ешевского] // РВ. 1858. Октябрь. Кн. 2. (Том 17). Современная летопись. С. 298–304. Подпись: М. 10 октября 1858.

1859

Прощанье. (Рассказ из прошлого времени) // Московский Вестник. 1859. № 23 (25 июня). С. 277–284; № 24 (30 июня). С. 292–294. Подпись: Евгений Марков. 1859. 8 Генв. Москва.

1862

Теория и практика Яснополянской школы. Педагогические заметки тульского учителя. («Ясная Поляна». Журнал педагогический, издаваемый гр. Л.Н. Толстым. Москва. 1862) // РВ. 1862. Май. С. 149–189. Подпись: Евгений Марков. 1862. 14 апреля. Тула.

1864

Сомнения в школьной практике. Листки из вакационных заметок // ОЗ. 1864. № 8 (август). С. 632–667. (Содержание: I. Гос-

подство рассказа над делом. – II. Упреждение жизни книгою. – III. Чтó немцу здорово, тó русскому смерть. (По прочтении книги Фр. Фребеля «Die Pädagogie des Kindergartens». Berlin. 1862 г.)). Подпись: Е. Марков. Тула.

Коренная. Заметки с дороги // ОЗ. 1864. № 9 (сентябрь). С. 356–384. (Содержание: I. Коренская жизнь. – II. Панский ряд. – III. Внос иконы. – IV. Кладезная церковь). Подпись: Е.М. Июля 13-го 1864.

1865

Народные типы в нашей литературе. Критический этюд. По поводу «Полного собрания сочинений» гр. Л. Толстого. СПб. 1864 // ОЗ. 1865. Январь. Кн. 2. С. 335–367. (1. Наша критика. – 2. Дядя Ерошка. – 3. Казак Лука. – 4. Мамука – Марьянка); Февраль. Кн. 1. С. 455–482. (5. Оленин и тенденции романа. – 6. Цивилизация и лоно природы). Подпись: Евгений Марков. [Примечание редакции на С. 335: «Этот превосходный этюд мы с удовольствием помещаем в нашем журнале, хотя у нас уже была статья г-жи Ев. Тур о *Казаках* гр. Л. Толстого. Г. Марков рассматривает вопрос с другой стороны: прежде всего как художник и уже потом как публицист. Этим статья его значительно разнится от прежде нами напечатанной. Там, где г-жа Ев. Тур видела идеалы и ополчалась против них, там г. Марков видит типы художника, прежде всего, а потом уже судит автора как публициста, судит не менее строго, чем г-жа Ев. Тур. Превосходный анализ простого русского человека, сделанный г. Марковым, выкупает ту строгость, с которой оно относится к массе. Он не восторгается простым человеком, как славянофилы; он не бросает в него грязью, как в чудище, которое ничем не исправимо и которому могут пособить одни социальные реформы, – по мнению других прогрессистов; нет, взгляд его трезв, и он видит добро и зло; он ничего не утаивает, так же как и гр. Толстой; ничего не преувеличивает, ни перед чем не плачется. Такова и должна быть трезвая реальная критика, если она желает быть полезною; она дает чувствовать жизнь и не представляет ее иною, чем она есть, не ведет за собою утрированных тенденций в пользу одного класса народа. Космическая сила массы не является

первенствующею; вы чувствуете, что возле нее должен быть руководитель. *Ред.»*].

Дикие элементы педагогии. Листки из вакационных заметок // ОЗ. 1865. Июнь. Кн. 2. С. 568–588. ([Вступление]. – I. Против Прометеев. – II. Pas de zèle. – III. За шалунов). Подпись: Евгений Марков.

О русском люде и русском быте. Путевые мечтания // ОЗ. 1865. Ноябрь. Кн. 1. С. 99–118 (отд. пагинация страниц). (I. Что может сносить русская спина. – II. По поводу почтарей. – III. Иван Мелентьев); Декабрь. Кн. 2. С. 559–589. (IV. Земские собрания и земская неурядица). Подпись: Евгений Марков. Августа 28-го 1865 года. Тула.

1866

Барчуки: Картины прошлого, без плана и связи // ОЗ. 1866. Т. 168 (сентябрь–октябрь). С. 60–77. (I. Наш Илья-Муромец. – II. Обращение в Христианство. – III. Набег черкесов. – IV. Чикичики-чик!); С. 199–216. (V. Новый свет); С. 403–420. (VI. У караульщика на соломе. – VII. Бабушкина горница. – VIII. Приезд дяди); С. 617–653. (IX. Битва под Семибраткою. – X. На своих. – XI. Яичница. – XII. У Митрофания. – XIII. Под смоковницею своею и под виноградом своим). Подпись: Зареченский.

1867

По лесу. Этюд из народной зоологии // ОЗ. 1867. № 1 (январь). С. 197–212. Подпись: Зареченский.

Крымские впечатления. Страницы из путевого дневника // ОЗ. 1867. Август. Кн. 1. С. 433–472. (I. У хохлов. – II. Первая встреча. – III. Столица гиреев); Август. Кн. 2. С. 631–668. (IV. Мертвый город. – V. Тени Малахова Кургана. – VI. Горькое прошлое); Ноябрь. Кн. 2. С. 177–222. (VII. Трахейские святыни. – VIII. Инкерман. – IX. Пустыня и море); Декабрь. Кн. 1. С. 385–421. (X. Поход на Кастель. – XI. В горах и лесах); Декабрь. Кн. 2. С. 611–640. (XII. Пещеры Чатырдага. – XIII. Ночь в облаках). Подпись: Е. Марков.

1869

С чужой стороны. (Письма в Щигровский уезд) // ОЗ. 1869. № 6 (июнь). С. 225–250. (I. Мещанский город. – II. На родине Телля); № 7 (июль). С. 1–32. (III. Альпийское паломничество. – IV. Ледники); № 8 (август). С. 313–344. (VII. Горные мечты. – VIII. У памятника Ж.-Ж. Руссо). Подпись: Е. Марков.

1871

Поездка в древний Сурож. (Из Крымских впечатлений) // ОЗ. 1871. № 3 (март). С. 137–167. (I. Обломки и обрывки истории); № 4 (апрель). С. 285–316. (II. Благодеяния христианской цивилизации неверному татарину). Подпись: Е. Марков.

1872

Пещерные города Крыма: Путевые впечатления // ВЕ. 1872. № 6 (июнь). С. 654–684. ([Вступление]. – Ч. I); № 7 (июль). С. 169–213. (Ч. II–IV). Подпись: Евгений Марков. Симферополь. [«Я с на-мерением сохранил в своей статье те живые элементы крымской природы и жизни, при которых я сам знакомился с пещерными городами, и без которых описание их было бы слишком мертвенно и неполно. Гораздо легче знакомиться с пылью архивов и камнями развалин, когда встречаешь их в разнообразии путевых впечатлений; к тому же страна пещерных городов и окружающая их природа в высшей степени характерны, и сами по себе уже стоят внимания»].

Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории. (*Посвящается моим крымским друзьям*). СПб.: Тип. К.Н. Плотникова. 1872. [8], 508 с. [Оглавление: I. На пути в Крым. (Домашняя поездка. – Хохлы и страна хохлов. – Степь); II. Первая встреча с Крымом. (Крымская весна. – Татары. – Долины Крыма. – Верблюды. – Земляк на чужбине); III. Столица гиреев. (Татарский Невский проспект, ханский дворец, мечеть и усыпальница); IV. Мертвый город. (Цыганская слобода. – Успенский Скит. – Чуфут-Кале и его древности. – Иосафатова Долина); V. Тени Малахова кургана. (Вид севастопольского разрушения. – Матрос-чичероне. – Посе-

щение поля битвы); VI. Горькое прошлое. (Заморский запад и Православная Русь. – Русский солдат. – Как мы ждали врага. – Кто был наш истинный враг. – Измена татар); VII. Трахейские святыни. (Общая картина трахейского полуострова и его история. – Херсонский монастырь. – Георгиевский монастырь. – Знакомство с морем); VIII. Инкерман. (Голгофа русской армии, день 24 октября. – Древний Инкерман. – Инкерманские пещеры и киновия. – Ветхозаветные мечты); IX. Пустыня и море. (Пейзаж берега. – Жизнь моря. – Свечение моря. – Ночи на море. – Историческое значение берега. – Влияние моря на дух человека. – Морское купанье); X. Поход на Кастель. (Утренняя прогулка. – Стены и циклопические постройки Кастеля. – Легенда о царице Феодоре. – Вид с Кастеля. – Кратер. – Горные спуски. – Цикада. – Афонский пустынник. – Камыш-бурун); XI. В горах и лесах. (Значение древнего Алустоса. – Корбеклы. – Внутренний быт татар. – Буковые леса. – Чагеры. – Татарский скот. – Въезд на Чатырдаг); XII. Пещеры Чатырдага. (Комбат Коба. – Пещера 1000 голов. – Наше смущение. – Холодная пещера, или Сулу-Коба); XIII. Ночь в облаках. (Гроза в заоблачном царстве. – Чобаны и их собаки. – Варенье сыру. – Ночное нападение. – Волынка. – Рассказы об Алиме-разбойнике. – Доене овец. – Кар Коба. – Завтрак на Трапезусе. – Возвращенье); XIV. Древности Сурожа. (Характер Судацких гор. – Судацкое виноделие. – Развалины Сурожа. – Данные для его истории и археологии. – Очерк истории Кафы. – Внутреннее устройство генуэзских колоний. – Турецкое разоренье); XV. Благодеяния христианской цивилизации неверному татарину. (Поездка в Кизильташ. – Памятник игумену Парфению. – История его жизни и смерти. – Кизильташский скит. – Притеснения татар. – Сравнение нынешнего положения Крыма с прежним. – Какою ценою мы купили и держим Крым. – Какую пользу мы, русские, принесли татарам); XVI. Южный берег. (Балаклава. – Байдарские ворота. – Значение южного берега для нас, русских, Жердень, скалы южного берега, гроза, область крымских дач: Орианда, Ливадия, Ялта, водопад Учан-Су, область виноделия, Гурзуф, окрестности Аю-Дага, парки и замок Алупе). – Пещерные города Крыма (I. Древняя столица готов. – II. От Черкес Кермена до Чуфута. – III. Дальнейшее путешествие до последнего пещерного крымского города).]

Путеводитель по Крыму. С подробной картой Таврической губернии, на которой помещены планы Симферополя и Севастополя. Составлено Е.Л. М[арковым]ъ. Одесса: Издание книжного магазина А.Е. Кехрибарджи. 1872. 120 с., карта. [Оглавление: Вместо предисловия. – Природа Крыма вообще. – Климат. – Жители, населенность, занятия. – Севастополь. – Окрестности Севастополя. – Ираклийский монастырь. – Георгиевский монастырь. – Инкерман. – Бахчисарай. – Успенский монастырь. – Чуфут-Кале. – Тенекермен. – Симферополь. – Кизиль-Коба. – Алушта. – Чатырдаг. – Демиерджи. – Буюк-Ламбат. – Аюдаг. – Айданиль. – Гурзуф. – Никитский сад. – Магарач. – Масандра. – Ялта. – Дерикой. – Ай-Василь. – Ливадия. – Орианда. – Алупка. – Ай-Петри. – Мисхор. – Ай-Тодор. – Лимена. – Мердвенъ. – Байдарская долина. – Балаклава. – Из Алушты в Феодосию. – Судак. – Из Симферополя в Феодосию. – Карасубазар. – Феодосия. – От Феодосии до Керчи. – Керчь. – От Симферополя до Перекопа. – Перекоп. – От Симферополя до Евпатории. – Евпатория. – Саки. – Исторический очерк Крыма. – Черноморское пароходство. – Важнейшие сочинения о Крыме.] [«...Для русского путешественника с истинно-поэтической душой лучше Крыма не найдется в мире места...»]

Признаки старой болезни в нашей педагогии // Беседа. 1872. № 3 (март). С. 300–332. Подпись: Е. Марков. [Примечания редакции на с. 310–311, 323].

1873

Всесословная вялость. Мысли по поводу *всесословной волости* // ВЕ. 1873. № 5 (май). С. 312–349.

Вена, Мюнхен, Венеция. Художественные заметки // ВЕ. 1873. № 8 (авг.). С. 433–468. Подпись: Евг. Марков. 1873 г.

1874

Барчуки. Картины и рассказы // ВЕ. 1874. № 9 (сент.). С. 5–72. [Содержание: [Вступление]. – I. Детская. – II. Святки. – III. Романка-ткач. – IV. Патепская церковь. – V. На воле]. Подпись: Евгений Марков. С. Александровка, 1874 г.

1875

Барчуки: Картины прошлого. (*Посвящается моей матери*). СПб.: тип. М. Стасюлевича. 1875. XII, 441 с. [Содержание: Несколько слов для вступления. [«В этой книге я собрал свои воспоминания детства. Они были напечатаны в разных журналах, в разное время, в “Русском Вестнике” – 58 года, в “Отечественных Записках” – 65 и 66 года, в “Вестнике Европы” – 74 года. Только один рассказ печатается в первый раз. Рассказы мои отрывочны; в них нет никакой внешней связи, никакой фабулы или интриги... Но все они – картины одной и той же жизни, одного и того же века, все они – портреты одной семьи. В этом их внутренняя связь. / В наши дни воспоминанья детства из 30-х годов звучат чем-то давно-прошедшем. Свежо предание, а верится с трудом. Эти воспоминанья относятся к эпохе крепостного помещичества, еще не потрясенного сомнениями и ожиданьями; они дышат тою целостностью настроения, которого уже не может быть в детях нашего времени – времени отрицанья, колебаний и переходов. / Бесхитростные впечатления ребенка чужды критического отношения ко злу своего века, и сладкими соками этого зла он наслаждается в полной наивности. Не дело его возраста и не дело откровенных воспоминаний принимать на себя обязанность обличенья и укоризны. Разве он виноват, если его детство было детством крепостной эпохи? Жизнь живется раз. Заря жизни – это “златая, с перстами пурпуровыми, Эос” – всходит всегда в розовом свете. – Радость первого трепетанья бытия не забывается сердцем, но никогда не бывает она такою жгуче-сладкою, как в воспоминаниях человека, который окончил подъем в гору жизни, перешагнул роковую границу и начинает с тихой печалью спускаться по ту сторону, к закату... / Человеку дороги его убежденья, его взгляды на образы людских дел... Его мысль неудержимо стремится судить настояще и прошлое. Но не менее дорога человеку и жизнь сама по себе – *an sich und für sich*, – без всякого отношения к направленью мысли, к практическим и умозрительным целям, та, о которой говорит поэт: “жизнь для жизни мне дана”. / Этой-то именно жизни посвящены мои воспоминанья – тому раю непосредственного детского бытия, когда человек еще питается плодами одного “древа жизни” – не искушаясь еще соблазнительными плодами “древа

познания”; когда все в мире кажется ему “добро зело”, потому только что “быть утро и быть вечер, день первый”. / Многие зрелые люди читали в свое время мои детские очерки с тем теплым чувством, которое диктовало их автору… Молодежь тоже встретила живым сочущием эти понятные ей, ей близкие и бесконечно правдивые рассказы. Это обстоятельство ободрило нас к тому, чтобы собрать отрывочные, в разных местах рассеянные рассказы в отдельную книгу… / Среди бедности и натянутой искусственности нашей детской литературы, быть может, будет не лишнею и эта книга, в которой во всяком случае будут звучать для детей одни простые и сердечным ноты. В ней нет никакой тенденции, как нет ее и в самой жизни. Она не навяжет детям какого-нибудь готового взгляда, не возьмет на себя претензии изобразить им мир лучше, чем он есть, утайкой одного, подменою другого… Но она, быть может, поднимет в сердце ребенка ту радугу детской поэзии и любви, без которых так жестка и себялюбива бывает жизнь… / Автор был бы вполне награжден, если бы и зрелому читателю, подавленному суровыми “злобами дня”, книга эта могла сколько-нибудь живо напомнить те невозвратные мгновенья детского счастья, “когда еще нам были новы все впечатленья бытия”, – беспечальные радости той жизни, про которую Гёте сказал устами умирающего Вертера: “Прекрасная жизнь! Сладкая привычка бытия и порывов!”. Евгений Марков. С. Александровка. 20-го февраля 1875 года». С. VII–Х. – Часть I: 1. Наш Илья Муромец. – 2. Обращение в христианство. – 3. Набег черкесов. – 4. Чики-чикичик! – 5. Новый свет. – 6. У караульщика на соломе. – 7. Бабушкина горница. – 8. Приезд дяди. – 9. Битва под Семибратькою. – 10. На своих. – 11. Яичница. – 12. У Митрофания. – 13. Под смоковницею своею и под виноградом своим; Часть II: 1. Детская. – 2. Святки. – 3. Романка-ткач. – 4. Патепская церковь. – 5. На воле; Часть III: 1. Ушан. – 2. Вечер на постоялом. – 3. По лесу. – 4. Коренная.]

Софисты XIX века. (Критическая заметка) // Голос. 1875. № 36 (5/17 февр.). С. 1–2; № 37 (6/18 февр.). С. 3–4¹.

¹ Из Примечания Г.Г. Коростиной к статье «Е.Л. Марков. Переписка с издателями»: «Статья Е.Л. Маркова “Софисты XIX века” не была принята для публикации в “Отечественных Записках”. Причины, по которым Н.А. Некрасов отклонил статью, неизвестны. Спустя год ее опубликовал А.А. Краевский в своей

За и против. Доктрина и жизнь. (Ответ «Судебному Вестнику») [на статью в № 36, 37 за 1875] // Голос. 1875. № 73 (14/26 марта). С. 4–5. Подпись: Евгений Марков.

Упразднители современного общества. (Критический этюд) // Голос. 1875. № 251 (11/23 сент.). С. 1–2. [Предисловие. – 1. Принципы партии и ее образ действий. – 2. Состав партии]; № 252 (12/24 сент.). С. 1–3. [3. Законное в идеале утопистов. – 4. *Conditio sine qua non*. – 5. Источник заблуждения]; № 253 (13/25 сент.). С. 1–2. [6. Расчищение позиции]. Подпись: Евгений Марков. Село Александровка.

Магия под крылом науки. [По поводу письма профессора Вагнера о спиритизме в апрельской книге «Вестника Европы»] // Голос. 1875. № 152 (3/15 июня). С. 1–2. Подпись: Евгений Марков. Село Александровка. 28 мая 1875 г.

Последние могикане русской педагогии. (По поводу статей гр. Л.Н. Толстого и К.И. Цветкова) // ВЕ. 1875. № 5 (май). С. 291–360. (С. Александровка).

Владенная запись. (Заметка из житейской практики) // Голос. 1875. № 334 (3/15 дек.). С. 1–3. Подпись: Евгений Марков. Село Александровка.

Наш подземный союзник. (Беседа с моими детьми [О животных, в том числе о кроте]) // Семья и Школа. 1875. № 10 (октябрь). Кн. I. Семейное чтение. С. 198–214.

1876

Черноземные поля. Роман в двух частях // Дело. 1876. № 1. Январь. (Часть I. Гл. I–III). С. 89–124; № 2. Февраль. (Часть I. Гл. IV–VI). С. 108–153; № 3. Март. (Гл. VII–X). С. 1–60; № 4.

газете “Голос” (1875, № 36, 37). “Софисты...” имели успех: статья вызвала широкий общественный резонанс и снискала автору славу “Златоуста Щигровского уезда”. В ней Е.Л. Марков обратил внимание на институт адвокатуры, который стал вводиться в судебную практику вместо земского суда в 1870-е годы. Анализируя общественное нововведение с точки зрения его нравственной ценности и пользы, автор пришел к выводу о циничности и продажности, скрытых в самой сути распространяющейся адвокатской практики. Выражение “прелюбодеи мысли”, использованное Е.Л. Марковым в статье, было впоследствии обыграно Ф.М. Достоевским в романе “Братья Карамазовы”».

Апрель. (Гл. X–XIII). С. 184–241; № 5. Май. (Гл. XIV–XVII). С. 52–113; № 6. Июнь. (Гл. XVIII–XX). С. 1–51; № 7. Июль. (Часть I. Гл. XXII–XXV) С. 115–170; № 8. Август. (Оконч. I-й части. Гл. XXVI–XXXI). С. 75–135; № 9. Сентябрь. (Часть II. Гл. I–III). С. 264–302; № 10. Октябрь. (Гл. IV–VI). С. 91–132; № 11. Ноябрь. (Часть II. Гл. VII–X). С. 1–63; № 12. Декабрь. (Часть II. Гл. XI–XII). С. 1–66.

Истребление лесов. [В ответ на статью г. Заломанова в № 54 «Голоса»] // Голос. 1876. № 78 (18/30 марта). С. 1–2; № 79 (19/31 марта). С. 1–3. Подпись: Евгений Марков. С. Александровка.

Идея и цифры. (Ответ на вопрос: готовы ли мы?) // Голос. 1876. № 249 (9/21 сент.). С. 1–3. Подпись: Евгений Марков. Село Александровка. 12-го августа 1876 года.

Военноконская повинность // Голос. 1876. № 285 (15/27 окт.). С. 2–3.

Земские письма // Голос. 1876. № 304 (3/15 ноября). С. 1–2. [I. Канцелярия, вместо хозяйства]; № 307 (6/18 ноября). С. 1–3. [II. Халатные взгляды земства]; № 319 (18/30 ноября). С. 1–2. [III. Управа и собрание].

Критические беседы. (Вопрос искусства) // Голос. 1876. № 339 (8/20 дек.). С. 1–2. [I. Искусство для жизни. – II. Художественность и поэзия]; № 340 (9/21 дек.). С. 1–2. [III. Критериум литературного произведения]; № 344 (13/25 дек.). С. 1–3. [IV. Сила творчества].

Критические беседы. Тургенев и граф Л.Н. Толстой в основных мотивах своего творчества // Голос. 1876. № 346 (15/27 дек.). С. 1–2. [Тургенев. I.]; № 347 (16/28 дек.). С. 1–2. [Тургенев. II, III.]; № 351 (20 дек. / 1 янв. 1877). С. 1–3. [Тургенев. IV–VIII.]; № 354 (23 дек. / 4 янв. 1877). С. 1–3. [Тургенев. IX–XVI.].

1877

Собрание сочинений Евгения Маркова. (С портретом автора). (Публицистика и критика). Т. 1. СПб.: В.И. Белый, 1877. [8], 449 с., 1 л. фронт. (портр.). Т. 2. 1877. [6], 521 с.

Собрание сочинений Евгения Маркова, с портретом автора. Том I (Публицистика и критика). СПб.: Тип. и хромолитография А. Траншеля. 1877. (Посвящается моему лучшему другу и вдохно-

вителю моих лучших мыслей – жене моей Анне Ивановне Марковой.) [Содержание: От издателя. С. I–II. – Несколько слов от автора. («...Очерки, составившие эту книгу и появлявшиеся, в свое время, в различных журналах: в “Вестнике Европы”, в “Русской Беседе”, в “Голосе”, представляют таким образом как бы листки внутреннего дневника, который вела совесть автора, чутко вникавшего в жизненные вопросы настоящего...» Подпись: Евгений Марков. Александровск. 29 сентября 1876 г.). С. 1. – Всесословная волость. Мысли по поводу русской всесословной волости. С. 3. – Софисты XIX века. (Критические заметки). (Впервые опубл.: «Голос» № 36, 37). С. 63. – Доктрина и жизнь. (Ответ «Судебному Вестнику» [Передовые статьи в № 32 и 34]). С. 95. – Упразднители современного общества. (Критический этюд). С. 113. – Магия под крылом науки. С. 170. – Владенная запись. (Заметка из житейской практики). С. 183. – Крестьянин и общество. С. 213. – Истребление лесов. (По поводу статьи г. Заломанова в № 54 «Голоса»). С. 240. – О русском люде и русском быте, путевые мечты. С. 283. – Народные типы в нашей литературе. Критический этюд. – По поводу «Полного собрания сочинений гр. Л. Толстого». СПб., 1864 г. С. 360–449].

Собрание сочинений Евгения Маркова с портретом автора. Том II. (Публицистика и критика). СПб.: Тип. и хромолитография А. Траншеля. 1877. [Содержание: С чужой стороны. Письма в Щигровский уезд: I. Вавилон. С. 1. – II. Мещанский город. С. 46. – III. На родине Телля. С. 66. – IV. Альпийское паломничество. С. 83. – V. Ледники. С. 102. – VI. Горные мечты. – С. 130. – VII. У памятника Ж.-Ж. Руссо. С. 155. – VIII. Вена. С. 178. – IX. Мюнхен. С. 193. – X. Венеция. С. 202. – Последние могикане русской педагогии. (О народном образовании, гр. Л.Н. Толстого. «Отечеств. Зап.» 1874, сентябрь. – Новые идеи в нашей школе, К.И. Цветкова. «Рус. Вест.», 1874, сентябрь). С. 232. – Теория и практика Яснополянской школы. («Ясная поляна». Журнал педагогический, изд. гр. Л.Н. Толстым. М., 1862). С. 337. – Признаки старой болезни в нашей педагогии. С. 390. – Сомнения в школьной практике, листки из вакационной практики. С. 435. – Дикие элементы педагогии. Листки из вакационных заметок. С. 489–521].

Черноземные поля. Роман в 2-х частях. СПб.: Тип. Г.Е. Благосветлова. 1877. 2 т. Ч. I. 444 с.; Ч. II. 498 с.

Черноземные поля. Роман. Часть III // Дело. 1877. № 1. Январь. С. 89–139. (Часть III. Гл. I–IV); № 2. Февраль. С. 1–71. (Гл. V–IX); № 3. Март. С. 1–49. (Гл. X–XIII); № 4. Апрель. С. 1–46. (Гл. XIV–XVII; Эпилог).

Земская школа // Голос. 1877. № 5 (5/17 янв.). С. 1–2. (I. Участие земства в школе); № 12 (12/24 янв.). С. 1–2. (II. Поучения истории); № 19 (19/31 янв.). С. 1–2. (III. Система недоверия); № 24 (24 янв. / 5 февр.). С. 1–2. (Оконч. IV. Грамотность, вместо проповеди).

Критические беседы. Граф Л.Н. Толстой // Голос. 1877. № 26. (26 янв. / 7 февр.). С. 1–3. (Ч. I, II); № 28 (28 янв. / 9 февр.). С. 1–2. (Ч. III, IV); № 33 (2/14 февр.). С. 1–2. (Ч. V, VI); № 40 (9/21 февр.). С. 1–2. (Ч. VII–IX); № 45 (14/26 февр.). С. 1–2. (Ч. X).

Труженики Русской народности. (Письмо в редакцию). [О П.В. Шейне, авторе «Сборника великорусских песенъ», «Сборника белорусских песенъ», «Сборника русских исторических песенъ» и проч.] // Голос. 1877. № 96 (8/20 апр.). С. 1–2. Подпись: Евгений Марков. Село Александровка, 5-го апреля 1877. [Е.Л. Марков, возмущаясь тем фактом, что Географическое общество (в 1874 г.) отказалось г. Шейну в напечатании 2 тома его «великорусских песенъ» – «по его значительному объему», того самого тома, «драгоценности которого г. Костомаров так нетерпеливо желал видеть в печати еще в 1872 году и который считал важнее 1-го тома», пишет: «Пусть же, по крайней мере, это наше хваленое самобытное образование... само окажется в силах напоить в своем родном ключе всех жаждущих. Пока же оно будет отталкивать их, как оно делает теперь, его проповедь народности будет звучать пустою насмешкою. Спасать славянство, возрождать всю Европу, и, в то же время, не быть в состоянии, в течение целого ряда лет, издать важного памятника своей собственной народности – поневоле скажешь: “Врачу, исцелися сам!..”»].

С кем нам воевать // Голос. 1877. № 101 (13/25 апр.). С. 1–2; № 102 (14/26 апр.). С. 1–2. Подпись: Евгений Марков. Александровка, 7-го апреля. [За эту публикацию газета была остановлена на полтора месяца, до 25 мая / 6 июня].

Земские письма. Народный учитель // Голос. 1877. № 117 (8/20 июня). С. 1–2; № 124 (15/27 июня). С. 1–2; № 131 (22 июня / 4 июля). С. 2–3. Подпись: Евгений Марков. Село Александровка.

Шейлок европейской политики // Голос. 1877. № 222 (21 сент. / 3 окт.). С. 1–2; № 223 (22 сент. / 4 окт.). С. 1–2.

Монархия или республика утвердится во Франции? // Голос. 1877. № 251. (20 окт. / 1 ноября). С. 1–3. Подпись: Евгений Марков. 1877 года, 14-го октября. С. Александровка.

Пленные турки. (Житейская заметка) // Голос. 1877. № 267 (5/17 ноября). С. 1–2. Подпись: Евгений Марков. Село Александровка. 24-го октября.

Черезполосица. (Из земских писем) // Голос. 1877. № 299 (7/19 дек.). С. 1–3. Подпись: Евгений Марков. 24-го ноября 1877. Село Александровка.

Русский роман в ряду других. (По поводу «Анны Карениной» графа Л.Н. Толстого) // Голос. 1877. № 301 (9/21 дек.). С. 1–2; № 306 (14/26 дек.). С. 1–2; № 308 (16/28 дек.). С. 1–3. Подпись: Евгений Марков. Село Александровка.

Стремление в Индию. (Drang nach Indien). (По поводу статьи г. Весселя «Политическое положение Англии и Европы» в № 283 «Голоса») // Голос. 1877. № 313 (21 дек. / 2 янв.). С. 1–2; № 314 (22 дек. / 3 янв.). С. 1–2. Подпись: Евгений Марков. Село Александровка.

1878

Черноземные поля. Роман Евгения Маркова. Ч. 1–2. СПб.; М.: Издание книгопродавца М.О. Вольфа. 1878. 2 т. Т. I. (Примечание: в РГБ том первый сплетен из журнальных публикаций, с раздельной пагинацией страниц); Т. II. 498 с.

Заместители. (Житейская заметка) // Голос. 1878. № 11 (11/23 янв.). С. 1. Подпись: Евгений Марков. Село Александровка.

Литературная летопись. («Внутренние обозрения» в «Вестнике Европы». – Стеснения печати. – Будущность славянства. – Болгария во время войны. – Экономическое состояние России. – В духе времени. – Переводы и сокращения художественных произведений) // Голос. 1878. № 19 (19/31 янв.). С. 1–2.

Литературная летопись. (Задачи ежемесячного журнала. – Тип «Revue de Deux Mondes». – Основной грех «Дела». – Значение биографий. – Энциклопедисты. – В недрах родной земли. – Дешевые

романы. – Доде и Диккенс) // Голос. 1878. № 23 (23 янв. / 4 февр.). С. 1–2.

Литературная летопись. (Особенность «Московских Ведомостей» и «Русского Вестника». – Без фельетона и хроники. – Вестник по преимуществу русский. – Жизнь растений. – Происхождение романа. – Владимир Соловьев. – Konsequenz macherei. – Путевые впечатления. – Герцеговинское восстание. – Злобы дня. – Замоскворецкая политическая философия. – Мадонна [Гр. Салиаса]. – Камень Сизифа [Леонтьева]) // Голос. 1878. № 28 (28 янв. / 9 февр.). С. 1.

Литературная летопись. (Парадное «тепи» «Вестника Европы». – Разочарованные надежды. – Будничные истины о поэте. – Г. Тургенев в роли дуэйны юных талантов. – Плодотворность направления г. Сергеевича. – Екатерининская комиссия «Уложения». – «Выгодное предприятие» г. Потехина. – Пресность таланта г. Потехина. – Опасность житейских компромиссов для судеб литературы) // Голос. 1878. № 40 (9/21 февр.). С. 1–2.

Критические беседы. (Поэзия Некрасова) // Голос. 1878. № 42 (11/23 февр.). С. 1–2. [Примечание редакции: «Начало “Критических бесед” г. Маркова, посвященных вопросам искусства, появилось в 1876 году, когда были напечатаны его этюды о произведениях И.С. Тургенева, а в прошлом году о графе Л.Н. Толстом; сегодня начинаем печатание ряда “Критических Бесед”, посвященных поэзии Некрасова. Считаем необходимым заметить, что беседы о поэзии Н.А. Некрасова получены редакциею еще в апреле 1877 года. Ред.»]; № 46 (15/27 февр.). С. 1–2; № 47 (16/28 февр.). С. 1–2; № 54 (23 февр. / 7 марта). С. 1–2; № 88 (29 марта / 10 апр.). С. 1–3; № 89 (30 марта / 11 апр.). С. 1–3. Подпись: Евгений Марков. Село Александровка. Март 1877. [Е. Марков: «Мы признаем за Некрасовым очень важную историческую заслугу в том, что он ранее других и полнее других наших писателей перенес поэзию из мира мечты в область действительных интересов жизни, с точки зрения личной потребности на точку зрения серьезного общественного служения, что он расширил и усилил область творчества, отведя в ней такое большое место простому народу, обогатил поэтическую речь формами народной речи... Иначе сказать, в истории нашей литературы поэзия Некрасова останется весьма знаменательным явлением по своему содержанию и цели...»].

Литературная летопись. (Потемкин на Дунае. – Мысли XIX-го века языком XVIII-го. – Тайна исторических изображений. – Значение исторического романа в литературе. – Биография Байрона. – Англичанин о политике Англии. – Гражданское управление Болгарии. – Славяне о России. – Бюджет 1878 года. – Мирные завоевания. – Тяжеловесная игривость немца. – Задачи и положения рецензента. – «Вестник Европы» в роли обиженной институтки) // Голос. 1878. № 69 (10/22 марта). С. 1–2.

Литературная летопись. («Похвала непоследовательности» в подражание «похвале глупости». – Улица Нирваны, сооружаемая г. Никитиным в весях и градах российской словесности. – Покойный Решетников в положении медного змия среди литературной пустыни. – Преступление графа Л. Толстого в форме салонного романа. – Щекотливое положение редакции «Дела» между своим критиком и своим читателем. – Благополучный исход. – «Безпечальное житье». – Талант г. Каразина и его место в литературе. – «В пороховом дыму». – Натурализм Бальзака. – Спор о щите. – Общественное значение романов Э. Золá) // Голос. 1878. № 91 (1/13 апр.). С. 1–2.

Литературная летопись. (Новый бастион спиритизма, сооружаемый г. Бутлеровым. – Как сметь свое суждение иметь! – Эммануил Кант, привлекаемый в лжесвидетели спиритами. – Люди плоскости и люди объема. – Ангелоподобность «четырехмерных» фокусников, завязывающих курьезные узелки. – Средневековая тьма, напускаемая немецкими и русскими профессорами. – Научность гулливерова путешествия. – Математика, вопиющая против своих жрецов. – Свобода – обязывает. – Богатство мемуаров «Русского Вестника». – Этюд о национальностях г. Леонтьева. – Иностранные переводы) // Голос. 1878. № 96 (6/18 апр.). С. 1–2.

Литературная летопись. (Внутренний подвиг как плод внешнего. – К чему обязывает борьба с Европою. – «Фантастический проект» в пользу родных славян. – «Любушка». – Философия творчества в аптекарском рецепте. – Болгария под пером г. Пыпина. – Письма Золя и письма Пушкина. – Произведения минуты. – «Без таланта, но с доброю волею». – Общественно-хозяйственные отношения нашего народа) // Голос. 1878. № 103 (13/25 апр.). С. 1–2.

Литературная летопись. (Единодушие нашей печати перед серьезными задачами дня. – Настроение общества. – Твердыни и

армии наших домашних врагов. – Заговор на акциях. – Цифры беспорядка и цифры силы. – «Научное двуязычие». – Значение сборников. – Филантропические «печальники народного горя» и «человек народа» без примеси. – Ироническая хроника науки. – Либеральное ханжество. – Романы г. Каразина и г. Михайлова) // Голос. 1878. № 122 (4/16 мая). С. 1–2.

Литературная летопись. («Скрежет зубовный». – Наполеониды в общественной жизни. – Наука на службе мошенничества. – Где рубят, там и щепки летят. – Русские Писарро в ответе перед начальством. – Евангелие лорда Биконсфильда. – Князь Меньшиков. – Развитие национального сознания. Художественно-историческая живопись. – «Древняя и Новая Россия». – Отношения наши к славянам) // Голос. 1878. № 129 (11/23 мая). С. 1–2.

Литературная летопись. (Скрижали науки в руках толпы. – Популяризация, как злоба дня. – Наше невежество в силах природы. – Судьба естественноисторических журналов. – Единство мыслительного процесса. – Вечная загадка. – Историки революции. – Талант Тэна. – Люди-орлы и люди-кроты. – Этюды г. Станкевича о романе графа Толстого. – Положение народного образования в России) // Голос. 1878. № 136 (18/30 мая). С. 1–2.

Литературная летопись. («Идеалистка», г-жи Стәцевич. – Литература, не верящая в самое себя. – Молчалинское воспитание литературы. – Кабинетная мысль и потребности жизни. – «Кто во что горазд», г. Вологдина. – Безбрежное будирование вместо реальной критики. – Приемы исследования писателей-утопистов) // Голос. 1878. № 149 (31 мая / 12 июня). С. 1–2.

Литературная летопись. (Биография червонных валетов. – Практическая теория греха. – Цивилизованные деспоты школы Мидхата. – Диагностика в литературе. – Критик, рисующий Архипа Сидором. – Преступление романиста-графа. – Известные ошибки дороже известной правды. – Настоящие «салонные писатели». – Политическая хроника) // Голос. 1878. № 163 (14/25 июня). С. 1–2.

Литературная летопись. (Летний характер майской книжки «Русского Вестника». – Каменный острог и соломенная деревня. Пенсильвания и Царевококшайск. – Много эхо и мало голосов. – Курьезные литературные открытия и изобретения. – Сердоболие г. Де-Пуле к поэту Некрасову. – «Рассказы бабушки» [Толычевой]. – Бельлетрист и турист. – С одного вола по семи шкур. – «На горах»,

Печерского. – «Скрежет зубовный», г. Авсеенки) // Голос. 1878. № 171 (22 июня / 4 июля). С. 1–2.

Литературная летопись. (Бомба г. Каразина. – Старое поучение новому времени. – Новая профессия в старых веках. – Страх и скука, как принципы воспитания. – Косвенные налоги и тариф. – Новый труд г. Блиоха по торговой статистике. – «Картинки общественной жизни». – Журнальная грызня) // Голос. 1878. № 219 (10/22 авг.). С. 1–2.

Литературная летопись. (Публичный экзамен из рисования. – Зола, как последователь Прудона. – Третий гений Франции. – Историческая живопись и жанр. – Поэзия под остракизмом. – Экзамен другого рода. – Ташкентская цивилизация, ташкентское богатство. – Историческим ересиархам нашего раскола. – Старина в роли прогресса) // Голос. 1878. № 226 (17/29 авг.). С. 1–2.

Литературная летопись. (Царство крепостничества и ханжества. – Исторический кутеж польского панства. – Поучение себе и другим. – Ни старого, ни нового. – Гармонический человек. – Историческая заслуга Ж.Ж. Руссо. – Наши внутренние неурядицы) // Голос. 1878. № 233 (24 авг. / 5 сент.). С. 1–2.

Литературная летопись. (Герои человечества и толпа. – Мещанская драма и трагедия. – Прудон, как целая партия. – «Мольер», г. Веселовского. – Недостатки новой книги Тэна. – Критика русского ученого и французского бельетриста. – «Скоропечатная фабрика коллежских асессоров». – Умные мысли по поводу глупых толков. – Болгарский вопрос) // Голос. 1878. № 185 (6/18 июля). С. 1–2.

Литературная летопись. (Бельетристика «Слова». – Современные Гамлеты. – Мир, а не вражда. – Чего не делать. – Свободная любовь. – Прудоновский «зверь». – Отсталость «новейшего» принципа любви. – *Laissez faire*. – Просто истина и новая истина. – Причтанья, вместо романа) // Голос. 1878. № 193 (14/2 июля). С. 1–2.

Литературная летопись. («Новости литературы», как новость в «Русском Вестнике». – Отражение либеральных профессоров в зеркале московского журнала. – Публичный экзамен князя Васильчикова и публичное его наказание. – Цеховые ученые и «дилетанты». – Православная Русь, обрабатывающая свои таланты. – «Слово и дело!» – на чьей стороне действительный авторитет. –

«Не дальше сапогов!») // Голос. 1878. № 206 (27 июля / 8 авг.). С. 1–2.

Литературная летопись. (Вялость критической мысли, как признак вялости наших убеждений. – *Multa sed non multum*. – Грехи исторической драмы, обличенной г. Боборыкиным. – Хромота бельетристики «Слова». – Новые стремления в «староверии». – Рационализм, вместо обрядности. – Раскольники и церковники. – Школа бурсы. – Подсудимые, изрекающие суд своим судьям. – Иллюзии и действительность. – Задача будущего) // Голос. 1878. № 261 (21 сент. / 3 окт.). С. 1–2.

Литературная летопись. (Фиктивность панславизма в его настоящем и перспектива его в будущем. – Национальность, как признак жизненной энергии. – Судьба Штрауса в стране свободной мысли. – Шаткость экономической математики. – Небо Олимпа и небо христианства. – Идеалы философов. – Религия одиннадцатой заповеди: не зевай! – Добродетель, уличенная в бесполезности. – Арифметическое большинство, как идол новейшей цивилизации) // Голос. 1878. № 282 (12/24 окт.). С. 1–2.

Литературная летопись. (Хронический дефицит нашего земледельческого сословия. – Закон Мальтуса, обращенный к русскому законодательству. – Бродячий и спящие земли. – «Желтый вопрос» – праздный вопрос. – Китаец не удивит русского. – Довлеет дневи злоба его. – «Зоологический патриотизм». – Розыск о поведении воронежского классика. – Халатная развязность г. Каразина в пере и карандаше. («Дело»)) // Голос. 1878. № 290 (20 окт. / 1 ноября). С. 1–2.

Литературная летопись. (Фокусы «Русского Вестника» в сезон подписки. – Героиня г. Авсеенко. – Самобытные стихии русского народа. – Помещичья коммуна. – Русские пиэтисты. – «Сионское радение». – Утешительная сторона рассказов Печерского. – Новость литературы в «Русском Вестнике». – Риторические фантазии Дизраэли и политические фантасмагории Бэконс菲尔да. – Рассказ русского человека о русских людях. – Тайна силы русской) // Голос. 1878. № 298 (28 окт. / 9 ноября). С. 1–2.

Литературная летопись. (Сократическая беседа об искусстве г. Кавелина. – Уместность азбуки там, где не знают азов. – Воспитательное значение искусства. – Ключ к его возрождению. – Славянство, как нация. – Опасности национального принципа. –

Русские отношения к славянским идеям. – Штраус, как поэт. – Оригинальная помощь учебному делу со стороны учебного ведомства) // Голос. 1878. № 319 (18/30 ноября). С. 1–2.

Литературная летопись. (Значение антропологии в ряду наших «гуманных» наук. – Гений и метод. – Детоубийство, как общественный принцип человечества. – «Испытание зрелости». – Современная школа в своих первобытных зачатках. – Педагогия кожаного кончуга. – Какова жизнь, таково и ученье. – Фантастическая математика. – Гражданские мотивы в экономических этюдах. – Внутренняя политика Франции и внешняя политика Англии) // Голос. 1878. № 333 (2/14 декабря). С. 1–2.

Библиография. «История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах». Составил Владимир Зотов. Том II. Литература Рима, Италии, Испании и Португалии. Издание Вольфа. СПб. 1878 года // Голос. 1878. № 342 (11/23 дек.). С. 1. Подпись: М-въ¹.

Литературная летопись. (Генеральная атака против русской литературы. – Притча о науке и литературе. – Философия социализма и мещанского государства г. Соловьёва. – Общий грех. – Разгадка «Камня Сизифа» г. Леонтьева. – Рассказы г. Гамулецкого о недавнем прошлом. – Позор от славы. – Обращики мученичества героев) // Голос. 1878. № 344 (13/25 декабря). С. 1–2.

Литературная летопись. («Податная десятина», г. Трирогова. – Село и государство. – Саванарола русского застоя в своей автобиографии. – Картины темного царства, которое нам выдают за «землю обетованную». – Сила нашего истинного варварства и бессилие нашего напускного образования. – «Молодые побеги» г. Потехина и свойства его таланта. – Э. Зола, как изобразитель жизни и как обобщитель ее. – Русские студентки дома и на чужбине. – Клевета и правда. – Критические заметки г. Барсова. – Хитроумность наших грамматеев и простота народного взгляда) // № 347 (16/28 декабря). С. 1–3.

На рубиконе // Голос. 1878. № 26 (26 янв. / 7 февр.). С. 1–2. [О победе над Турцией и о взаимоотношениях России с другими европейскими державами].

¹ В «Словаре псевдонимов» ФЭБ ЭНИ <http://feb-web.ru/feb/masanov/map/0.htm?cmd=0> (интернет-ресурс) отсутствуют данные о принадлежности криптоимени «М-въ» за 1878 г. к газете «Голос».

Война кошельком // Голос. 1878. № 131 (13/25 мая). С. 1–2.

С Южного берега. (Путевые письма) // Голос. 1878. № 302 (1/13 ноября). С. 1–2. [Новороссия, Ялта]; № 303 (2/14 ноября). С. 1–2.

1879

Критические беседы // РР. 1879. № 1 (янв.). С. 252–270. (I. Талмудизм в журналистике); № 2 (февр.). С. 233–260. (II. Литературная хандра); № 3 (март). С. 209–248. (III. Книжка и жизнь); № 5 (май). С. 243–275. (IV. Романист-психиатр. По поводу сочинений Достоевского); № 6 (июнь). (IV. Романист-психиатр. По поводу сочинений Достоевского. (Оконч.)); № 7 (июль). С. 200–238. (V. Буржуазные идеалы); № 8 (авг.). С. 276–317. (VI. Мораль поэтов. По поводу сочинений Г. Гейне); № 9 (сент.). С. 229–278. (Мораль поэтов. По поводу сочинений Г. Гейне. (Оконч.)); № 11 (ноябрь). С. 309–344. (VII. Литературный сыск); № 12 (дек.). С. 241–287. (VIII. Сатира и роман в настоящем году).

Берег моря. Роман из крымской жизни в двух частях // Дело. 1879. № 1. Январь. (Часть I. Гл. I–V). С. 1–63; № 2. Февраль. (Гл. VI–X). С. 1–63; № 4. Апрель. (Гл. XI–XIV). С. 1–50; № 5. Май. (Гл. XV–XIX. Конец I части). С. 99–144; № 6. Июнь. (Часть II. Гл. I–V). С. 1–45; № 7. Июль. (Гл. VI–X). С. 41–88; № 8. Август. (Гл. XI–XVII). С. 1–45; № 9. Сентябрь. (Гл. XVIII–XXII. Оконч.). С. 1–49.

Тени грядущего. (Мысли на новый год) // Голос. 1879. № 17 (17/29 янв.). С. 1–2. Подпись: Евгений Марков.

На своем поле... (Посвящается памяти Н.П. Кладищева) // Голос. 1879. № 50 (19 февр. / 3 марта). С. 1–2. Подпись: Евгений Марков. Щигры, 9-го февраля 1879.

Литературный сшибай*. (Психологический этюд) // Голос. 1879. № 73 (14/26 марта). С. 1–2. Подпись: Евгений Марков. [* – Примечание: «Сшибай – мелкий базарный кулак, которого лавочники посыпают “сшибать” цены у продавцов»].

Земская халатность // Голос. 1879. № 169 (20 июня / 2 июля). С. 1–3. Подпись: Евгений Марков.

Враги и друзья. (К вопросу минуты) // Голос. 1879. № 176 (27 июня / 9 июля). С. 1–3. Подпись: Евгений Марков.

Горе от ума. (По поводу высших женских курсов) // Голос. 1879. № 224 (15/27 авг.). С. 1–3; № 227 (18/30 авг.). С. 1–3. Подпись: Евгений Марков. Село Александрово.

1880

Берег моря. Роман из крымской жизни. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. 1880. СПб. 2 т. (Том первый: Часть I. [4], 339 с.; Том второй: Часть II. [4], 292 с.)

Критические беседы // РР. 1880. № 1 (янв.). С. 310–349. (I. Романтизм и научная формула. Очерк первый. Низвержение кумиров); № 2 (февр.). С. 324–366. (II. Романтизм и научная формула. Очерк второй. Условия творчества); № 3 (март). С. 294–336. (Вопрос крестьянской общины в нашей литературе. («Отечественные Записки» 1879 года, «Слово» 1879 года)); № 4 (апр.). С. 325–349. (III. Московская школа в литературе. («Русская Мысль», ежемесячный журнал 1880 года)); № 5 (май). С. 379–406. (IV. Комедия Островского. I.); № 6 (июнь). С. 309–335. (IV. Комедия Островского. II. Добролюбов, как критик Островского); № 7 (июль). С. 283–312. (IV. Комедия Островского. II. Добролюбов, как критик Островского. (Оконч.)); № 8 (авг.). С. 181–224. (IV. Комедия Островского. Очерк третий. Островский, как народный художник); № 12 (дек.). С. 203–237. (V. Мужиковствующие сочинители).

Когда детям жить? (Педагогическая заметка) // РР. 1880. № 10 (окт.). С. 277–314.

Будущее нашей народной школы. I. Вожди школы // РР. 1880. № 11 (ноябрь). С. 326–367.

Кавказские письма (I. Наши прерии) // Голос. 1880. № 316 (15/27 ноября). С. 1–2.

1881

Религия в народной школе // РР. 1881. № 1 (янв.). С. 191–226.

Знание в народной школе // РР. 1881. № 2 (февр.). С. 244–277.

Хозяйственная политика. (Р. Орбинский. «О хлебной торговле Соединенных Штатов Америки» С. Петербург, 1880 г.) // РР. 1881. № 3 (март). С. 216–244.

У Голгофы. (По поводу Первого марта) // РР. 1881. № 4 (апр.). С. 171–191.

Природа и утопия. («Русь», еженедельная газета И. Аксакова, 1881 года) // РР. 1881. № 5 (май). С. 241–272.

Этюды о французском романе // РР. 1881. № 6 (июнь). С. 270–297. (I. Культ плоти); № 10 (окт.). С. 369–412. (II. Альфонс Додэ).

Сельское правосудие. (К вопросу крестьянского устройства) // РР. 1881. № 7 (июль). С. 203–239.

Уездное управление // РР. 1881. № 9 (сент.). С. 266–315.

Из Кавказских писем // РР. 1881. № 11 (ноябрь). С. 220–252. (I. Сурамский перевал. II. Ворота в Азию); № 12 (дек.). С. 197–227. (Долина Риона. III. Город Медеи. IV. Святыни Грузии).

Продажа земли крестьянам // Московский Телеграф. 1881. № 257 (17/29 сент.). С. 1–2; № 258 (18/30 сент.). С. 2–3; № 259 (19/31 сент.). С. 2. [Ошибочно указано 31 сентября вместо 1 октября]. Подпись: Евгений Марков. С. Александровка.

Народное искусство. По поводу народного пьянства. (Письмо в редакцию) // Порядок. 1881. № 316 (16 ноября). С. 1–2; № 317 (17 ноября). С. 1–2.

Кавказские письма // Голос. 1881. № 7 (7/19 янв.). С. 1–2. (Казбек); № 15 (15/27 янв.). С. 1–2. (Долина Арагвы); № 19 (19/31 янв.). С. 1–2. (Саранча); № 43 (12/24 февр.). С. 1–2. (Кура и Гори); № 54 (23 февр. / 7 марта). С. 2–3. («Божья крепость»); № 70 (11/23 марта). С. 1–3. (Осетины); № 80 (21 марта / 2 апр.). С. 1–3. (Осетины).

Египетские Казни. [О земском собрании в Курске] // Голос. 1881. № 28 (28 янв. / 9 февр.). С. 1–2; № 38 (7/19 февр.). С. 1–2. Подпись: Евгений Марков. Село Александровка.

Немецкий сплетник в должности критика. (Письмо в редакцию) // Голос. 1881. № 74 (15/27 марта). С. 2.

1882

Барчуки: картины прошлого. Издание 2-е, без перемен. СПб.; М.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. 441 с. [Посвящается моей матери].

Смута умов // РР. 1882. Кн. 1. Январь. С. 239–272.

Обетованные земли. (К вопросу крестьянских переселений) // РР. 1882. Кн. 2. Февраль. С. 223–253; Кн. 3. Март. С. 231–304. (Оконч.).

Ответ Г. Денскому на его лекцию о логике и полемике. («Русская Мысль» 1871 г. [опечатка: правильно 1881 г. – М. Б.] Кн. XII. «Полемика и логика г. Евгения Маркова» В.Е. Денского) // РР. 1882. Кн. 2. Февраль. Внутреннее обозрение. С. 96–102.

Кавказские письма. Крестьянство и дворянство Имеретии // РР. 1882. Кн. 4. Апрель. С. 251–289.

Грех сведущих людей. (Ответ «Московским Ведомостям», № 106 от 17 апр.) // НВ. 1882. № 2217 (2/14 мая). С. 2–3. Подпись: Евгений Марков. С. Александровка.

Кавказские письма. В Мингрелии // НВ. 1882. № 2224 (9/21 мая). С. 2–3; № 2227 (12/24 мая). С. 2. Подпись: Евгений Марков. С. Александровка.

Земские увлечения. (По поводу проекта Щигровской железной дороги) // НВ. 1882. № 2260 (15/27 июня). С. 2; № 2261 (16/28 июня). С. 2. Подпись: Евгений Марков. С. Александровка.

Кавказские письма. (I. Азиатский Теплиц) // НВ. 1882. № 2286 (11/23 июня). С. 2–3. (Тифлис); № 2298 (23 июля / 4 авг.). С. 2–3. (II. Древности Тифлиса); № 2304 (29 июля / 10 авг.). С. 2–3; № 2309 (3/15 авг.). С. 2–3. (III. Былое и настоящее Тифлиса). Подпись: Евгений Марков. С. Александровка.

В чужом пиру. (Pro domo sua) // НВ. 1882. № 2317 (11/23 авг.). С. 2; № 2326 (20 авг. / 1 сент.). С. 2; № 2337 (31 авг. / 12 сент.). С. 2. [Полемика Е.Л. Маркова с критиком «Вестника Европы» по поводу статьи Е.Л. Маркова в газете «Порядок»].

Суэзское торжество. (Мысли русского о политике иностранцев) // НВ. 1882. № 2407 (9/21 ноября). С. 2–3; № 2412 (14/26 ноября). С. 2.

Красный петух. (По поводу сельских пожаров) // НВ. 1882. № 2429 (1/13 дек.). С. 2–3; № 2443 (15/27 дек.). С. 2.

Татьянин изба. (Из святочных досугов) // НВ. 1882. № 2456 (30 дек. / 11 янв. 1883 г.). С. 2–3; № 2457 (31 дек. / 12 янв. 1883 г.). С. 2. (*Продолжение следует*).

1883

Не сведущий человек о «сведущих людях». Письмо в редакцию. [О критике в № 12 журнала «Дело» за 1882 г.] // НВ. 1883. № 2473. (16/28 января). С. 2–3. Подпись: Евгений Марков.

Крестьянский банк. (К очередному вопросу) // НВ. 1883. № 2489 (1/13 февр.). С. 2; № 2496 (8/20 февр.). С. 2–3. Подпись: Евгений Марков. С. Александровка.

Деревенская идиллия. [Окончание рассказа «Татьянина изба» (НВ. 1882. № 2456, 2457)] // НВ. 1883. № 2517 (2/14 марта). С. 2–3. Подпись: Евгений Марков.

Иван на свободе. (К забытому вопросу) // НВ. 1883. № 2584 (10/22 мая). С. 2–3. Подпись: Евгений Марков.

Додэ в своем последнем романе. (Критическая заметка). [О романе «L’Évangéliste»] // НВ. 1883. № 2646 (12/24 июля). С. 2.

Власть земли. (Из жизни и из книги) // НВ. 1883. № 2698 (2/14 сент.). С. 2.

Промахи природы. (Новые погудки на старую песню о лесоистреблении) // Русь. 1883. № 19 (1 окт.). С. 45–51.

В теплице и на воздухе. (Заметка по поводу слухов о Кахановской Комиссии. «Новое Время», 27 сентября) // Русь. 1883. № 21 (1 ноября). С. 15–20. Подпись: Е. Марков. С. Александровка.

Через Киев. Путевая заметка // Русь. 1883. № 23 (1 дек.). С. 34–39.

Общий очерк Кавказа в его прошлом и настоящем (1. Седая древность Кавказа. – 2. Кавказ – ворота народов. – 3. Кавказ как исторический музей. – 4. Карта Кавказа. – 5. Степи Север. Кавказа. – 6. Горец Кавказа) // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общей ред. П.П. Семенова. Том IX. Кавказ. СПб.; М.: Товарищество М.О. Вольф. 1883. С. I–XLVIII.

1884

Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории. СПб.; М.: Товарищество М.О. Вольф. 1884. [6], VIII, 594, IV с.

Нетрубежская церковь. (Из воспоминаний детства) // Задушевное Слово. (Старший возраст, от 10–14 лет). 1884. № 4. (Т. VIII). С. 49–54.

Микула Селянинович. Рассказ из деревенской жизни // Задушевное Слово. (Старший возраст). 1884. Т. IX. № 1. С. 1–7.

Дикая натура. Из воспоминаний детства // Задушевное Слово. (Старший возраст). 1884. Т. IX. № 18. С. 319–322; № 19. С. 355–357.

Учебные годы старого барчука. (Физиологический очерк прошлого). Барин // Новь. 1884. № 2 (15 ноября). С. 248–259.

Суд совести. Мысли присяжного заседателя по поводу нападок на суд присяжных // Русь. 1884. № 8 (15 апр.). С. 15–28. Подпись: Евгений Марков. С. Александровка.

Земля и человек земли // Русь. 1884. № 11 (1 июня). С. 27–37. [Примечания редакции на С. 30, 36, 37].

Глиняные приобретения. (Письмо русского деревенщины об азиатской политике) // Русь. 1884. № 13 (1 июля). С. 26–34. [Примечания редакции на С. 26: «Помещая эту статью талантливого автора, мы заранее оговариваем, что во многом не согласны с нею и предполагаем посвятить затронутому ею вопросу несколько слов в следующем или в одном из следующих №№ “Руси”. Ред.»].

Храм Спасителя в Москве. (Из московских впечатлений) // Русь. 1884. № 23 (1 дек.). С. 37–48. [Примечание ред. на С. 48]. [«Храм Спасителя, по моему мнению, именно и есть великий дальнейший шаг нашего церковного зодчества по древнему его историческому пути. Тесноту он заменил простором, темноту светом, робкую придавленность религиозного чувства радостным и доверчивым стремлением человеческого духа к Богу любви, милости и правды. <...> Храм Спасителя – это истинный храм народного торжества и славы, светлый, радостный и торжественный как победа, храм не личной жизни с ее суетою и горем, а храм великого исторического события. <...> Мы, Русские, не умеем гордиться своим и понимать свое, не умеем верить в себя. Мы для всего своего ждем одобренья наших старших европейских братьев, весьма мало интересующихся нами и весьма мало расположенных поощрять нас. Мы ездим за несколько тысяч верст, бросая большие деньги, любоваться на Нотрдамы и Страсбургские соборы, а родное свое чудо искусства без случайной оказии не поедем посмотреть даже из Тулы или Калуги. Кажется, у нас не найдешь ни раскрашенного изображенья нашего храма Спасителя, ни порядочной фотографии. Я был во всех углах Европы, видел, кажется,

все ее чудеса, и все-таки не помню, чтобы какой-нибудь из ее храмов произвел на меня такое поразительное впечатление, как этот Храм спасенья России от нашествия целой Европы...»].

Новая сельская община. По поводу отчета Управляющего Крестьянским банком // Русь. 1884. № 24 (15 дек.). С. 31–42. Подпись: Евгений Марков. С. Александровка.

1885

Хрюковский банк. Комедия в четырех действиях. СПб. (Живописное Обозрение). 1885. 86 с.

Казаться и быть. (По поводу «Посмертных записок Н.И. Пирогова», «Русская Старина» 1885 года, январь, февраль, март) // НВ. 1885. № 3320 (28 мая / 9 июня). С. 2; № 3326 (3/15 июня). С. 2–3. Подпись: Евгений Марков. Село Александровка.

Учебные годы старого барчука. Сборы в дорогу // Новь. 1885. № 6 (15 янв.). С. 228–239.

Учебные годы старого барчука. Путешествие «на своих» // Новь. 1885. № 24 (15 окт.). С. 575–584.

Бабушкина сохранная казна. (Вольные мысли дворянина о дворянском горе) // НВ. 1885. № 3446 (1/13 окт.). С. 2–3.

Дипломатическая Каносса. (По поводу Болгарских дел) // Русь. 1885. № 20 (16 ноября). С. 5–9. [Примечание ред. на с. 5].

1886

Европейский Восток. Путевые очерки // ВЕ. 1886. № 3 (март). С. 116–176. (I. На рубеже. – II. Босфор. – III. Святая София. – IV. Обломки византийского величия. – V. Улицы Константинополя. – VI. Султанские мечети. – VII. Гробы старых владык); № 4 (апрель). С. 517–580. (VIII. Семибашенный замок. – IX. Стены Византии. – X. Среди турецких кладбищ. – XI. Вертящиеся дервиши. – XII. Принцевы Острова. – XIII. Дарданеллы. – XIV. Воды Греции и боги Греции. – XV. Цикладский Архипелаг).

Кровавая месть. (Из Кавказских писем) // Новь. 1886. № 22 (15 дек.). С. 97–109.

Классная война. (Из учебных годов старого барчука) // КН. 1886. № 1 (январь). С. 77–102.

Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.; М.: Издание Товарищества М.О. Вольф. 1887. [6], VI, 694, II с. [«Этот первый плод моей любви к Кавказу посвящаю – как восприемному отцу – старому кавказцу и старому другу моему, верному спутнику моих странствований по далеким краям и по морю житейскому брату Льву Львовичу Маркову. Автор»]. [Содержание: Вступление. С. I–V. – Часть первая. Через хребет: I. Родная бездомовщина. – II. Летописи степей. – III. Кабак-город. – IV. Наши прерии. – V. Рабство в горной вольнице. – VI. Наша земельная политика. – VII. Панорама гор. – VIII. Владикавказ. – IX. Дарьяльская теснина. – X. Казбек и его царство. – XI. Долина Арагвы. – XII. Древний Мцхет. – XIII. Саранча. – XIV. Кура и Гори. – XV. Божья крепость. – XVI. Осетины и их история. – XVII. Религиозные верования осетин. – XVIII. Поэзия и быт осетин. – XIX. Русская цивилизация в Осетии; Часть вторая. Долина Риона: I. Народ-крестоносец. – II. Сурамский перевал. – III. Ворота в Азию. – IV. Город Медеи. – V. Святыни Грузии. – VI. Дворянская усадьба в Имеретии. – VII. Крестьянское хозяйство имеретина. – VIII. Кулашский клан. – IX. Кочеванья по князьям. – X. Монастырь Большого Дуба. – XI. У развалин Археополиса; Часть третья. Тифлис и Кахетия: I. Азиатский Теплиц. – II. Древности Тифлиса. – III. Уличная жизнь Тифлиса. – IV. Былое Тифлиса. – V. Народное образование в Тифлисе. – VI. Степи Иоры. – VII. Обитель св. Нины. – VIII. В стране вина. – IX. Телав. – X. На развалинах Греми. – XI. Народный праздник в Натли-Семели; Часть четвертая. Дагестан: I. Подъем на хребет. – II. Дидойские орлы. – III. В Капучинских аулах. – IV. Наиб Захария. – V. Теснини Аварского-Койсу. – VI. Переправа через Томсы-Ор. – VII. Христианская святыня Дагестана. – VIII. Поход на Гуниб. – IX. Гнездо Шамиля. – X. Дагестанский горец. – XI. Внутренняя жизнь Дагестана. – XII. Возвращение]. [Вступление: «В наше время жгучих очередных вопросов экономической и социальной жизни, мало места остается для спокойного изучения природы, истории и быта многочисленных и крайне интересных народностей, составляющих стомильонный народ русский. / Вкус к путешествиям, к изучению памятников древности и своеобразных особенностей

племен, постепенно исчезающих под уравнивающим влиянием времени, – когда-то живой и у нас, до сих пор очень живой в Европе и Америке, – все более теряется среди современного русского общества, слишком односторонне погруженного в заботы дня. А между тем эта отчужденность читающего общества от объективного знакомства с своею страною – от спокойных интересов истории, археологии, природы и этнографии – неизбежно приводит общество к убыли знания, к упадку истинной образованности. / Кавказ – это бесценный по богатству и разнообразию музей этнографических, археологических и естественно-исторических сокровищ всякого рода. / Путешествие на Кавказ, живое знакомство с ним лицом к лицу – в состоянии доставить глубокое наслаждение и глубокое поучение наблюдающему и мыслящему человеку. Но многие ли у нас, даже среди просвещенной части общества, знают что-нибудь о Кавказе, кроме нескольких ходячих общих мест? / Европа, нам чуждая, изучена и рассмотрена нами во всех направлениях, в каждом ничтожном уголке своем; но свой, родной Кавказ, с которым нас связывает и общий народный интерес, и общая история, остается для огромного большинства русской публики таинственным и недоступным, как далекое сияние его вечных снегов. У нас совсем нет общих популярных книг о Кавказе, охватывающих его во всей его жизненной полноте, хотя существует специальная литература о Кавказе, да и то, сказать правду, больше иностранная, чем наша. / Настоящая книга является одною из первых, хотя, конечно, слабых, попыток набросать общую картину кавказской природы, истории и жизни; автор не задавался целью систематически описать все уголки Кавказа, все его особенности и достопримечательности. Он просто ездил по Кавказу, где ему приходилось, наслаждаясь им, поучался ему, искал объяснения его явлений в живой беседе людей и в книжном исследовании, и свои кавказские скитанья, впечатления, встречи, свое изучение Кавказа – постарался передать возможно искренно и живо на страницах этих очерков. В них вошел пока далеко не весь Кавказ, но автор не теряет надежды, с Божией помощью, в следующих частях этих очерков рассказать и о других уголках этого любопытного мира, которых он не успел описать при издании этой первой своей книги о Кавказе. / Многое в этой книге может показаться неверным и неполным для местных знатоков края. Автор слишком скромен,

чтобы оспаривать их взгляды, конечно, более авторитетные. Автор просит читателя помнить, что он является в этой книге не ученым, вносящим новое слово в науку о Кавказе, а простодушным странником по Кавказу, который, в изумлении к многообразным чудесам его, передавал в своих путевых заметках, не мудрствуя лукаво, все то, что видел и слышал кругом себя, без малейшего притязания на глубокомыслие и непогрешимость своих замечаний. <...> Книгу свою я назначаю не для ученых исследователей, которым в ней нечего отыскивать, не для сухих житейских практиков, которым нечего из нее выводить; я отдаю ее под ласковый покров тех теплых сердцем друзей природы и исторической любознательности, воображение которых еще не утратило своих молодых порывов, которые еще способны, отбросив на время в сторону прозаические заботы дня, искать новых впечатлений в столкновении с незнакомыми им племенами и неведомою страною. Живая и поэтическая школа путешествий издревле была для человека и лучшею школою знания. / “Человек, который видел только одну свою страну, прочел только одну главу из жизни”, – сказал Байрон, этот гениальный поэт-скиталец. / Труд этот, в который я во всяком случае вложил много любви, я посвящаю по праву старому другу своему и брату, неразлучному товарищу моих странствований по Швейцарии, Германии, Франции, по горам Крыма и Кавказа. С помощью его только и могло осуществиться с успехом и удобством мое последнее кавказское путешествие, давшее содержание настоящей книге. Евгений Марков. С. Александровка»].

Из учебных годов старого барчука // КН. 1887. № 1 (январь). С. 1–51. (I. Турнир на двуногих конях. – II. Иван Николаевич); № 2 (февраль). С. 53–83. (III. Пансионская больница). (Отд. пагинация страниц).

В глуби народной // КН. 1887. № 10 (октябрь). С. 1–32. (Отд. пагинация страниц).

Монастырь-могила. (Из очерков Палестины) // КН. 1887. № 11 (ноябрь). С. 1–22. (Отд. пагинация страниц).

Деревенский колдун // ИВ. 1887. Т. XXVIII. Апрель. С. 5–24.

1888

В библейской стране // РВ. 1888. № 2 (февраль). С. 48–76. (Гл. 1. Допотопный город. – 2. Ночлег в Аримафее); № 3 (март). С. 79–98. (Гл. 3. В стране Филистимлян).

Очерки Палестины // РВ. 1888. № 8 (август). С. 192–212. (I. Памятники Царя-Псалмопевца. – II. Крестный путь).

Очерки Палестины // Север. 1888. № 17 (дозв. цензурой 14 апреля). С. 12–15. (I. Мертвая страна); № 18 (дозв. ценз. 21 апреля). С. 8–12. (II. Мертвое море); № 19 (дозв. ценз. 28 апреля). С. 6–11. (III. Купель Иорданская).

История и География. (Из учебных годов старого барчука) // КН. 1888. № 2 (февраль). С. 1–26.

Четвертый класс. (Из учебных годов старого барчука) // КН. 1888. № 3 (март). Отд. III. С. 1–19. (Отд. пагинация страниц).

1889

В Галилее // РВ. 1889. № 3 (март). С. 3–41. (I. Выезд из Иерусалима. – II. Родина пророка. – III. Ветхозаветные святыни. – IV. Наплус, древний Сихем); № 4 (апрель). С. 27–56. (V. Равнина Эздрелонская. – VI. Гора Фавор. – VII. Тивериада); № 5 (май). С. 78–123. (VIII. Генисаретское озеро. – IX. Кана Галилейская. – X. Город Святой Девы. – XI. Гора Кармил).

В стране фараонов // РВ. 1899. № 10 (октябрь). С. 3–40. (I. У берега Африки. – II. Город Птоломеев. – III. Через дельту Нила); № 11 (ноябрь). С. 17–54. (IV. Каирская толпа. – V. Остатки «нового Вавилона». – VI. Мечети Каира); № 12 (декабрь). С. 47–74. (VII. Нильская долина. – VIII. Подъем на великую пирамиду).

Город Бугорск // КН. 1889. № 3 (март). С. 1–38. (I. В эпоху варварства); № 4 (апрель). С. 33–69. (II. В период цивилизации). (Отд. пагинация страниц).

Классическое образование. (Из учебных годов старого барчука) // Север. (Альманах). Издание Всеволода Соловьева. Бесплатное приложение к журналу «Север» за 1889 г. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева. 1889. С. 71–101. [На с. 73 портрет и автограф Е.Л. Маркова].

1890

На Ниле // РВ. 1890. № 1 (январь). С. 55–92. (Гл. I. В недрах гробниц Фараоновых. – II. Сфинкс Гор-эм-ху. – III. Дворцы хедива); № 2 (февраль). С. 11–45. (Гл. IV. Мавзолеи халифов. – V. Поездка к развалинам Мемфиса. – VI. Памятники Саккары); № 3 (март). С. 43–79. (Гл. VII. Булакский музей Мариетта. – VIII. По Суэцкому каналу).

1890–1891

Путешествие на Восток. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1890–1891. 2 т. [Во 2-м т. общее заглавие: Путешествие по Святой Земле; в сигнатуре: Путешествие на Восток]. Т. 1. Царьград и Архипелаг. В стране фараонов. 1890. XVI, 414 с.; Т. 2. Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии. 1891. [4], 523 с. [Содержание: Том 1. Царьград и Архипелаг. В стране фараонов.

Часть I. Царьград и Архипелаг

Посвящение. [*«Книга эта – скромный плод наших общих трудов и общих радостей, посвящается верной спутнице моих странствований по морям и пустыням земли и по морю житейскому. Автор»*]. – Несколько слов для вступления: «Мне посчастливилось в течение прожитых мною лет посетить и изучить не один любопытный уголок нашего юга. Автора “Очерков Крыма” и “Очерков Кавказа”, писателя-туриста, имевшего уже случай знакомить своего читателя и с Швейцарией, и с Италией, с югом Франции и Германии, давно неудержанно манило на юг еще более характерный и более для него новый, в теплые голубые моря, омывающие древние центры цивилизации Египетской, Финикийской, Эллинской, Византийской и Арабской. / Редкое путешествие дает столько драгоценной пищи любознательному духу и впечатлительному сердцу образованного человека, как путешествие, мною избранное и описанное в предлежащих томах. Здесь, сравнительно на небольшом пространстве и в небольшой срок времени, внимательный турист, сколько-нибудь основательно подготовивший себя к предстоящим ему задачам, может встретить в высшей степени выразительных представителей самых несходных между

собою и вместе с тем крайне интересных для наблюдения народностей, разнообразнейшие и величайшие памятники истории и поразительнейшие по своей оригинальности картины природы. Путешествие это, если оно совершается с подобающею ему серьезностью, делается еще тем поучительнее, что ведет наблюдателя почти к той же последовательности, как история вела когда-то человечество, от одной ступени цивилизации к другой, и знакомство с художественным миром язычества, с фанатическим и роскошным миром мусульманства, заканчивает глубокими впечатлениями Евангельских и Библейских стран – этой священной колыбели той высоко-человечной христианской культуры, которая господствует теперь над всеми исторически-живучими народами земли. / Царьград, Египет, Греция – служат естественным подготовлением к Палестине и Галилее, составлявшими и в сердце автора главную цель всего его восточного путешествия. Не видать своими глазами, не ощущать своими руками Святых мест, где жил, исповедывал и страдал 20-ть веков тому назад Божественный Учитель людей в любви и истине, – прискорбно для сердца Христианина, в наше время, когда путешествие в Палестину вовсе не составляет, как в недавнем прошлом, самоотверженного подвига. То, что оказывается под силу скромной деревенской старушке, сберегающей какой-нибудь мешочек медных пятаков из своего трудового заработка, – без всякого сомнения, оказалось бы без труда доступно каждому хотящему, если бы он только захотел этого вполне серьезно. / Автор почел бы себя вполне награжденным за свой труд, если бы искренние впечатления скромного странника, не имеющие притязания ни на ученость, ни на полноту разработки предмета, – зажгли бы в сердце сочувствующих ему читателей то же страстное влечение к посещению чудных далеких стран, какое с детства волновало и двигало автора этой книги. / Жизнь меряется не арифметическим числом дней, а тем запасом переживаемых сердечных впечатлений, тем богатством духовных радостей, которые даются ему в течение скромно отмеренного ему житейского поприща его. / Человек, умеющий жить жизнью былых веков и далеких народов, оставляющий часть своей души и на берегах древнего Нила, и в библейских пейзажах Палестины, и среди цветущих рощ поэтической Греции, – конечно, живет несравненно более широкою жизнью, чем те достойные сожаления люди, которые, подобно рас-

тениям, неподвижно прикрепленным к своему корню, доживают до старости среди усыпляющего однообразия все одних и тех же давно изведанных и преевшихся явлений своей будничной жизни. Евгений Марков».

I. На рубеже. (Одесса Пушкинского времени. – Европейские интересы. – Город-биржа. – В гавани. – На пароходе).

II. Босфор. (Туманы ночи. – Ворота в рай. – Замки и виллы Босфора. – Башня Леандра. – Панорама Стамбула).

III. Святая София. (Турецкая осада русского парохода. – Галата. – Мечеть Аия София. – Константинов храм Премудрости Божией. – Исторические реликвии. – Благочестивые легенды).

IV. Обломки Византийского величия. (Августеон. – Памятники древнего искусства на Ат-Майдане. – Варварские подвиги заступников христианства. – Золотая Палата Византийских императоров. Подземелье 1001 колонны).

V. Улицы Стамбула. (Стамбул вблизи. – Турецкий прекрасный пол. – Ослики и носильщики Стамбула. – В народной харчевне. – Крытые ряды. – На турецкой каланче. – Собачье население базаров. – Патриархия. – Казнь патриарха Григория).

VI. Султанские мечети. (Джамия Ахмета 3-го. – Фонтаны и дворы мечети Баязета. – Священные птицы. – Общественный и воспитательный характер турецких мечетей. – Мечети Магомета 2-го и Сулеймана Великолепного).

VII. Гробы старых владык. (Роскошь султанских «тюрбе». – Музей янычаров. – Старая Турция. – Султан реформатор. – Своевольство «одчака». – Истребление янычаров).

VIII. Семибашенный замок. (Окрайны столицы. – «Илимень Галатская». Стены и башни Эди-Куля. – Владыка мира и его первая летопись. – Темницы древности. – Золотые ворота и их легенды).

IX. Стены Византии. (Исторические останки «Великого Града». – «Полое место». – Ворота св. Романа. – «Зеновьянин князь Зустунея». – Русский летописец о падении Византии. – Геройская смерть последнего Палеолога).

X. Среди турецких кладбищ. (Мертвая Турция, осадившая мертвую Византию. – Дерево смерти. – Благоговейное отношение турок к умершим. – Похоронная процессия. – Живоносный источник Балуклы. – Аггиазма св. Тройцы. – Мечеть Эюба. – Мозаики «обители Хоры». – Развалины Влахерна).

XI. Вертящиеся дервиши. (Мусульманская молельня среди Европейского квартала. – Молитва шейха. – Безумная музыка и безумная пляска).

XII. Принцевы острова. (Улица Перы. – «Сладкие Воды». – Султанская полиция. – Виллы и монастыри острова Принципо. – Раззолоченная тюрьма. – Ночь на Босфоре).

XIII. Дарданеллы. (Отъезд из Константинополя. – Дельфины, хозяева моря. – Остров Мармора и Мраморное море. – Дарданельские крепости. – Курганы Трои).

XIV. Воды Греции и Боги Греции. (Младенческая космогония народа-младенца. – Очеловечение природы фантазией Грека. – Любовь как основа мировоззрения Эллина. – Тенедос и Лесбос. – Сафо. – Подводный мир в образах мифологии).

XV. Цикладский Архипелаг. (Вид на Сиру. – Делос, остров Феба. – Парос и Наксос. – Историческая роль Архипелага. – Мифы о Геркулесе. – Псара. – Подвиги Колокотрони и Миаули. – Остров Кандия. – Средиземное море).

Часть II. В стране фараонов

I. У берега Африки. (Скифы и Эллины. – Хамсин, «ветер 50 дней». – Первое впечатление Африки. – Гавань Александрии. – Египетская толпа).

II. Город Птоломеев. (Остров Фарос. – Рас-ель-Тин, летний дворец Хедива. – Торговое положение Александрии. – Колонна Помпея. – Катакомбы. – Развалины древности. – Канал Махмудия. – Сады Александрии).

III. Через Дельту Нила. (Дачи Рамле – встреча с старым товарищем. – Озеро Мареотис. – Полевые колодцы Египтян. – Египетские дороги. – Дамангур. – Мост через Нил. – Жилища и поля феллахов. – Дромадеры. – Бенга-Ель-Ассаль).

IV. Каирская толпа. (Суэта улиц Каира. – Жители пустыни. – Хамово племя. – Одежда мужчин и женщин в Египте. – Каирские ослики. – Европейский Каир. – Поездка к «дереву Богородицы». – Развалины древнего Гелиополиса).

V. Останки «Нового Вавилона». (Базары Каира. – Мечеть Амру. – Римская крепость. – Коптский квартал. – «Абу-Моалакка». – Нилометр и остров Рода).

VI. Мечети Каира. (Исторический характер Каирских мечетей. – Мечеть Гуссейна, сына Алиева. – Великая мечеть Гассана. – Духовная Академия мусульман в Эль-Азгаре).

VII. Нильская долина. (Мечта о пирамидах. – Гаремы Гизе. – Караваны верблюдов. – Нил как плодотворящий бог Египта. – «Египетская работа». – Первое впечатление великих пирамид. – Бедуинская деревушка. – У подножия Хеопсовской пирамиды).

VIII. Подъем на «Великую пирамиду». (Проводники Бедуины. – Русская женщина и римские мужи. – Москов, друг араба. – Торговля в воздухе. – На вершине Хеопсовой пирамиды. – Панорама пустыни. – Спуск с пирамиды. Плутовство бедуинов).

IX. В недрах гробниц Фараоновых. (Как была вскрыта пирамида Хеопса. – Спуск в погребальный колодезь. – Покой царицы. – Саркофаг Фараона. – Остроумные гипотезы археологов. – История пирамид. – Отдых среди бедуинов).

X. Сфинкс Гор-эм-ху. (Пирамиды Хефрена. – «Красная пирамида». – Легенда о Родопе. – Остатки древней дороги. – Могилы египтян. – Великий сфинкс. – Религиозное и художественное значение пирамид. – Алчущий дух человека. – Возвращение в Каир).

XI. Дворцы Хедива. (Цивилизаторы Египта. – Сад Шоколани. – Гуляние в Шубре. – Тевфик-паша. – Купальня гаремов. – Дворцы Гизере. – Дела англичан в Египте).

XII. Мавзолей халифов. (Город смерти. – Мечеть Тулуна. – Гробницы мамелюкских султанов. – Кладбище Каид-бей. – Боркук. – Мечеть Калауна. – Арабские похороны. – Цитадель Ель-Калá. – Колодезь Юсуфа. – Мечеть Мегмет-Али. – Истребление мамелюков. – Панорама Каира).

XIII. Поездка к развалинам Мемфиса. (Дервиши, едящие скорпионов. – Пальмовые леса. – Холмы древнего Мемфиса. – Деревушка Митрахени. – Коллес Рамзеса. – Озеро Ахерузское. – Связь Мемфиса с греческою мифологиею. – Царство Тифона).

XIV. Памятники Саккары. (Некрополис Саккары. – Натиск песков. – Ступенчатая пирамида. – Устройство древних гробниц. – Гробница Ти. – Барельефы, как летописи былого. – Гробница Онах. – Открытие Серапеума Марриетом. – Катаkomбы Аписа. – Возвращение).

XV. Булакский музей Марриета. (Заслуги Марриета. – Тайна гиероглифов. – Стеллы. – Статуи Шафра и Ра-ель-ке. – Характер

египетской скульптуры. – Пантеон египетских божеств. – Смысл многобожия. – Мумии Рамзесов. – Футляры и саркофаги. – Амулеты древних египтян).

XVI. По Суэцкому каналу. (Страна еврейского пленения. – Развалины Бубастиса. – Канал Сладких Вод. – Попытки древних к соединению морей. – Тель-ель-Кебир. – Измаилия. – Борьба воды и песков. – Ночной переход через Суэцкий канал. – Озеро Мензеле. – Порт-Саид. – Из истории канала. – На «своем» пароходе).

Том 2. Путешествие по святым местам

Оглавление: Часть I. Иерусалим и Палестина

I. Допотопный город (Пристань Святой земли. – Соломон и пророк Иона. – Шхеры. – Приют православных поклонников. – Память средних веков. – Базары Яффы. – Арабская толпа. – Наполеон в Яффе. – Ругня арабских матрон). С. 3.

II. Ночлег в Аримафее (Палестинские дилижансы. – Сады Армиды. – Саронская равнина. – За родным самоваром. – Родина Егория Победоносца. – Исторические памятники Рамле. – В гостях у Патриарха. – Церковная политика Иерусалимских Греков). С. 14.

III. В стране Филистимлян (Ночная встреча с Бедуинами. – Новые и старые разбои. – Латрун, разбойников. – На родине Маккавеев. – Уади-Али. – Оливковое дерево. – Долина Аиалонская и Иисус Навин. – Исторический взгляд на грехи прошлого. – Древняя Сопа. – Мокатал Али-Мехсин. – Деревня Абу-Гош. – Пророк Иеремия. – Земля филистимлян. – Место боя Давида. – Еммаус Евангелия. – Подъем к Иерусалиму). С. 33.

IV. У Святого Гроба (На своем дворе. – Немец драгоман. – Архимандрит Антонин. – Улицы Иерусалима. – Площадка Храма Господня. – Тюремщики Святого гроба. – Камень миропомазания. – Главная ротонда. – Часовня Ангела. – Верх Святого Гроба. – Собор Воскресения. – Алтари всех языков земли. – Голгофа. – Храм Св. Елены. – Место обретения Животворящего Креста. – Истинно-христианский характер храма Господня). С. 53.

V. Праздник Вознесения на горе Масличной (Пейзаж Масличной горы. – Азиатские становища. – Вифлеемские женщины. – Часовня Вознесения. – Ночное путешествие через Иерусалимские улицы. – Обедни на всех языках. – Археологические сокровища. –

Галлерея Молитвы Господней. – Вид на Иерусалим. – Долина Суда Божьего). С. 67.

VII. Кровавая летопись «города мира» (Осуществление библейских пророчеств. – Языческий Олимп на святынях Христианства. – Торжествующий Ислам. – Поклонники Св. Гроба в средние века. – Шествие крестоносцев на Гору Елеонскую. – Танкред Норманский. – Иерусалимское взятие. – Саладин и Христиане. – Юношеская поэзия Крестовых походов). С. 81.

VIII. Деревенские приюты Христа (Нелюбовь Христа к Иерусалиму. – Малая Галилея. – Исторические масленины Гефсиманского сада. – Храм кровавого пота. – Художник-реалист и художник-идеалист. – Гробница Пресвятой Девы. – Вифсагия. – Евангельский пейзаж и Евангельские воспоминания. – Селение Вифания. – Могила Лазаря. – Монастырь Св. Лазаря). С. 95.

VIII. Крестный путь («Купель Овчая». – Бани Св. Девы. – Дом Иоакима и Анны, родителей Богородицы. – Претория Пилата. – Арка «Се человек!». – Улица скорбного пути. – Судные ворота. – Служба у Гроба Господня. – Воспоминание о Готфриде, первом короле Иерусалима. – Развалины замка Иоаннитов). С. 110.

IX. Памятники царя псалмопевца («Замок Давида» и пруд Вирсавии. – Роль Сиона в истории Евреев. – «Сионская горница». – Гроб «Неби-Дауда». – Христианские веяния в библейской поэзии. – Дома Евангельских первосвященников Анны и Каиафы). С. 118.

X. Храм Соломонов («Лощина сырных торговцев». – Ерейский плач у подножия древнего святилища. – Вход в заповедные пределы. – Воспоминания о храме Соломоновом. – Гарам-эх-Шериф. – Куббет-эс-Сакра, или мечеть Омара). С. 136.

XI. В Святая Святых Ислама (Ворота великой мечети. – Негодование мусульманских фанатиков. – Богатство убранства мечети. – Скала Авраама. – Священные реликвии мечети. – Пещера пророка Захарии. – Взятие Гарама крестоносцами. – Мечеть Акса. – Подземелие 3000 колонн. – Золотые Ворота). С. 144.

XII. Долина смерти («Геенна огненная». – «Акелдама», земля крови. – Гробница пророка Исаии. – Купель Силоамская. – «Гора Соблазна». – Поэзия «Песни песней». – Русская баба в гробнице Фараоновой дочери. – Мавзолей Авессалома и памятники Иосафатовой долины. – «Поток Кедров»). С. 154.

XIII. Вокруг стен Иерусалима (Христианская Помпейя. – Развалины церкви Архидиакона Стефана. – Камень как орудие войны и казни. – Подземное странствование под Иерусалимом. – Пещера Иеремии. – Царские Гробницы). С. 167.

XIV. Путь к городу Давидову (Иудейское переселение. – «Колодезь волхвов». – Гробница Рахили. – Киновия Мар-Елиас. – Латинские паломники. – Равнина Еврафы. – Арабы и Арабки Давидова города. – Греческий монастырь). С. 176.

XV. Колыбель Христа (В палатах у митрополита. – Храм царицы Елены. – Пещера Рождества Христова. – Магометанские охранители яслей Спасителя. – Беседа с митрополитом. – Иноческая трапеза. – Обедня в Св. вертепе. – Русские богохульцы. – Отъезд. – «Долина Пастырей»). С. 185.

XVI. Мертвая страна (Шейх Абу-Диса и разбои бедуинов. – Каменистый путь. – Картина пустыни. – Хан-Гадрур и притча о Самарянине. – Вид на Иерихон. – Ущелье Вади-ель-Кельт. – Приезд в Рихи). С. 209.

XVII. Мертвое море (Ночной выезд. – Иерихонская пустыня. – Монастырь св. Герасима. – Мертвое море при восходе солнца. – Расцелина Эль-Гхор. – Исследования Американца Линча. – Свидетельство Библии. – Купание в асфальтовом море). С. 221.

XVIII. Купель Иорданская (Зимнее и летнее ложе Иордана. – Река чудес. – Исторический брод Вет-Фавара. – Водокрещение Иорданское в древности и теперь. – Бедуины у Иордана. – Купание в святой реке. – Значение воды на востоке. – Скит Иоанна Предтечи. – Погоня за коровой. – Тель-дель-Джуль, Галгал Библии). С. 233.

XIX. Иерихон (Проклятие Иисуса Навина на Иерихоне. – Былое богатство этого города. – Ирод Великий и его Иерихонские дворцы. – Русские постройки на месте дома Закхея. – Греки и Бедуины. – Содомские яблоки. – Иерихонская Роза. – Источник пророка Елисея. – Скрывшийся охранитель. – Сарандарь, или гора Сорокодневного Поста). С. 248.

XX. Ущелье Гозувиты (Провал Уади-Кельт. – Ущелье пещер. – Монастырь Св. Иоанна Гозувитского. – Остатки лавры Св. Ефимия. – Церковь Богоотцов Иоакима и Анны. – Отшелынические вкусы Иудеев. – Древняя усыпальница иноков. – Мать

Марина. – Беседа с игуменом. – Ночь над водопадом. – Римские путешественники). С. 263.

XXI. Монастырь-могила (Таборы бедуинов. – Головокружительная кручка. – Часовня Арабского святого. – «Юдоль плача». – Пещеры лавры Св. Саввы. – Полуденный отдых. – Недоступность монастыря для женщин. – Церкви и усыпальницы обители. – 14 000 черепов. – Жилище Св. Иоанна Дамаскина. – Пальма Св. Саввы. – Бедуины и монастырь. – Вера Арабов в Москву). С. 281.

Часть II. По Самарии, Галилее и берегам Малой Азии

I. Прощание с Иерусалимом (Сборы в дорогу. – Ночная прогулка через спящий город. – Мусульманские привратники Гроба Господня. – «Вавилонское пленение» Христианской святыни. – Выезд из Иерусалима). С. 303.

II. Родина пророка (Неби-Самуэль, родина Самуила. – Великое значение пророков в истории Евреев. – Психологическая сторона пророческого дара. – Чувство демократизма древних Евреев. – Школа и жизнь. – Караванная дорога из Аравии в Дамаск. – Евангельский Михмас. – Приезд в Рамле). С. 312.

III. Ветхозаветные святыни (Рефектория Латинского аббатства. – Французский кюре в земле арабов. – Бей-Тин, Вефиль Библии. – Религия «высот» и «дубрав». – Аин-Эбруд. – «Ущелье разбойников». – Замок Раймунда С.-Жиля. – Эфраимовы горы. – Древний Силом. – Долина Махна). С. 323.

IV. Наплуз, древний Сихем (Колодезь Св. Иакова. – Гробница Иосифа. – Древняя история Сихема, или Сихора. – «Гора Благословения» и «Гора Проклятия». – Раскол Самаритян. – Враждебное настроение Наплузцев. – Улицы Наплуга. – Ночлег у английского пастора. – Размышления о библейских людях и библейских временах). С. 335.

V. Равнина Эздрелонская (Развалины Себастии. – Самарийские горы. – Санур и Ветилуйя. – Наряды Самаритянок. – Дженин, библейский Энганим. – Гора Гельвуй. – «Великая равнина». – Зерин, город нечестивого Ахава, и Сунам, родина прекрасной Авизаги). С. 350.

VI. Гора Фавор (Характерный вид священной горы. – Кочевые Бедуины. – Ночное нападение. – Селение пророчицы Деборы. – Странствование по дебрям Фавора. – Вечер в православном

монастыре. – Храм Преображения Господня. – В гостях у брата Францисканца. – Древности Фавора). С. 362.

VII. Тивериада (Источники Фан-Туджара. – Котловина Тивериадского моря. – Равнина Карн-Гаттин. – Тивериада Иродовых времен. – В греческой обители. – Доктор Купа. – Отплытие в море). С. 376.

VIII. Генисаретское озеро (Страх Арабов к Тивериадскому морю. – Деревня Магдала. – Пещеры Кала-Маан. – Генисаретская долина. – Хан-Миние, Евангельская Вифсаида. – Грёзы на яву. – Евангельские воспоминания. – Развалины Капернаума. – Лунная полночь среди Генисаретского озера. – Возвращение в Тивериаду). С. 386.

IX. Кана Галилейская (Места, освященные стопами Христа. – «Гора пяти хлебов». – Генисаретские проповеди Христа. – «Гора Блаженств». – Сады Каны Галилейской. – Католическая церковь. – Древний храм с брачными сосудами. – В гостях у арабского священника. – Кейф под Смоковницами). С. 401.

X. Город Св. Девы (Европейский вид Назарета. – Колыбель христианства. – Русский дом. – Католический храм на месте Благовещения. – Дом Богородицы и плотничья мастерская Иосифа. – Храм-синагога. – Колодезь Пресвятой Девы). С. 412.

XI. Гора Кармил (Яффа Назаретская. – Римская дорога. – Хребет Кармила и Киссонский поток. – Могучий образ Илии Пророка. – Город Кайфа. – У русского консула. – Немецкая колония в Азии. – Монастырь кармелитов. – Придел Абиссинцев. – «Школа Пророков»). С. 423.

XII. Бейрут, древний Берит (Ночной отъезд на пароходе. – Утро перед Бейрутом. – Историческая роль Финикиян. – Европейский характер Бейрута. – Привольная жизнь юга. – Культ любви. – Ночь на кровле. – В русском агентстве. – Прогулка по окрестностям. – Друзы и Марониты Ливана. – Памятники Георгия Победоносца). С. 441.

XIII. Берега Финикии (Победоносное воинство Порты Отоманской. – Город Триполи. – Безденежная торговля. – Водолазы. – Руад, древний Финикийский Арад. – Пристань Св. Павла. – Филимон и Бавкида. – Гражданин Франции среди азиатских варваров. – Город Александра Македонского. – Культ Астарты в окрестностях Антиохии. – Воспоминания об Ионе Пророке). С. 464.

XIV. Вокруг Малой Азии (Древняя Киликия. – Домашний бунт и домашняя расправа. – Адалийский залив. – Гнезда первых Христиан. – Развалины великих городов древности. – Турецкий Паша и Европейский ученый. – Кос, родина Гиппократа. – Острова Патмос и Самос. – Золотоносная Лида. – Остров Хиос. – Столица малой Азии. – В русском консульстве. – Праздник тела Господня. – На дачах Смирны. – Ченак-Кале. – Пожар Стамбула). С. 486].

Князь и генерал. (Из учебных годов старого барчука) // Север. 1890. № 3 (14 янв.). С. 47–54; № 4 (21 янв.). С. 70–71.

Святая простота. Этюд с натуры // КН. 1890. № 1 (январь). С. 1–21. (Отд. пагинация страниц).

Из столицы баронов. [«Отличный город эта Рига...»] // КН. 1890. № 5 (май). С. 1–14. (Отд. пагинация страниц).

Демьянова уха. (Этюд из крепостной эпохи) // КН. 1890. № 6 (июнь). С. 1–30.

1891

Предисловие. О значении исторических древностей. – Рисунки с натуры // Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии: Исслед. члена-секретаря Воронежского Губернского Статистического Комитета Л.Б. Вейнберга. (С предисловием и рисунками Е.Л. Маркова). Воронеж: Типо-литография Губернского правления. 1891. [4], IV, 98, [2] стб., 16 л. ил. [Предисловие. С. 2–8. Рисунки Е.Л. Маркова на вкладках: I. Тюнинское Селище. Курганы и обрушившаяся пещера на «Старом Погребище», под скитом св. Тихона, близ г. Задонска. – II. Вид на р. Дон с высоты «Донской Беседы». – III. Скалы «Донской Беседы» на правом берегу р. Дона, у с. Паниковца. – IV. «Червленный Яр» у устья р. Воронежа. – V. «Казарское городище» под городом Воронежем, вид с балкона дачи Михайлова. – VI. «Казарское городище» на «Белой горе», на р. Воронеже. – VII. «Большие Дива». Первые столпы, как они видны с дороги от г. Коротояка. – VIII. «Большие Дива». Первые столпы от дороги из Дивногорского монастыря. – IX. «Большие Дива», видные с высоты (сзади) Маяцкого городища. Вдали вид на г. Коротояк. – X. «Большие Дива». Дальние столпы, видные с монастырской дороги. – XI. «Большие Дива». Пещерная церковь в столпе, где обретена была икона

Сицилийской Божией Матери. – XII. «Шатрище» с древним пещерным храмом, на р. Дону. – XIII. «Белогорье». Вид пещерного монастыря с р. Дона].

Кавалер. Рассказ // РВ. 1891. № 1 (янв.). С. 127–154.

Поездка в Дивногорье // РВ. 1891. № 5 (май). С. 128–147.

(I. Через Донские луга. – II. «Большие Дивá»); № 6. Июнь. С. 157–182. (III. Маяцкое городище. – IV. Дивногорский монастырь. – V. Шáтище).

Разбойница Орлиха. (Из местных преданий XVIII века). Роман в трех частях. (*Посвящается автору «Курских Порубежников» – брату моему Владиславу Львовичу Маркову*) // РО. 1891. № 1 (январь). С. 94–150. (Гл. 1–5); № 2 (февраль). С. 525–558. (Гл. 6–8); № 3 (март). С. 228–286. (Гл. 9–14); № 4 (апрель). С. 546–586. (Часть II. Гл. 1–3); № 5 (май). С. 5–56. (Гл. 4–7); № 6 (июнь). С. 463–500. (Гл. 8–10); № 7 (июль). С. 5–37. (Часть III. Гл. 1–3); № 8 (август). С. 469–548. (Гл. 4–9); № 9 (сентябрь). С. 78–138. (Оконч.: Гл. 10–13).

Червленый яр. Путевые заметки // РВ. 1891. № 8 (август). С. 96–117.

Хозарские городища на реке Воронеже // РВ. 1891. № 11 (ноябрь). С. 124–135.

Древний город Костенск. (Из поездок по Дону) // РВ. 1891. № 12 (декабрь). С. 72–90.

В Придонских степях. (Из поездок по Дону) // Север. 1891. № 31 (4 авг.). Стб. 1827–1836; № 32 (11 авг.). Стб. 1883–1892.

1892

А.В. Кольцов как народный певец. (Произнесено на литературно-музыкальном вечере 19-го октября) // ВТ. 1892. № 123 (25 окт.). С. 2–3; № 124 (28 окт.). С. 2–3.

Значение поэзии А.В. Кольцова [как народного певца]. Речь, произнесенная Е.Л. Марковым на 50-летнем торжестве, прошедшем на литературно-музыкальном вечере в Воронеже 19 октября // Филологические Записки. 1892. Вып. V. С. 1–20 (Отд. пагинация). (Отд. оттиск. Воронеж: Тип. В.И. Исаева. 1892. [2], 20 с.). [«Кольцов любил говорить о себе: “Какой я поэт? Я просто песенник!” Он действительно был песенник, но при этом, конечно,

и поэт, потому что песенник-поэт по преимуществу. Как песни соловья навеяются весенним солнцем и зеленеющим лесом, так и песни Кольцова навеяны были на него привольными степями, широкошумными дубравами, могучими потоками вод, среди которых прожил он свою юность – поэтическую юность пастуха и степного наездника. Ведь и библейский псалмопевец настраивал струны своей псалтири и пел свои чудные гимны – под поэтическим впечатлением пастушьей жизни, среди безмолвия палестинских пустынь. Песня Кольцова зародилась среди неоглядных равнин его бедной родины и вынесла из них и их могучую ширь, и таинственное влечение в загадочную даль, и тихую радость мира Божьего, и смелую готовность терпеть и бороться со всякими невзгодами, со всякими опасностями. / Песня, Господа, не пустая вещь. Песня – это основа народной жизни. ... Никакая другая форма поэзии не трогает так сильно, не действует так повсеместно, как песня. <...> Здоровым и радостным чувством жизни проникнуты все песни Кольцова... Но Кольцовская песня не была бы народною песнью, не была бы русскою песнью, если бы она не была в то же время насквозь проникнута горячою верою в Бога. Поэт – простолюдин, поэт – пастух не мог быть неверующим поэтом, поэтом отрицанья и сомнений. <...> Благодаря своей крепкой “крестьянской” вере, Кольцов остался Кользовым – самобытным голосом в хоре русских поэтов, непохожим ни на какого другого, а не обратился в бесцветное эхо, повторяющее с чужого голоса чужие напевы...»]

Западня. Повесть из крымской жизни // КН. 1892. № 9 (сентябрь). С. 57–107; № 10 (октябрь). С. 25–84.

В Туркмении. (Путевые очерки) // РО. 1892. № 4. Апрель. С. 478–529. (I. На Каспии. – II. Оазис Ахал-теке. – III. Текинский Севастополь); № 5. Май. С. 47–109. (IV. Асхабад. – V. Базары Мерва. – VI. В кибитке у Мурад-хана. – VII. Аул Гуль-Джемал-Ханым); № 6. Июнь. С. 453–507. (Оконч. VIII. На развалинах древнего Меру. – IX. Пески Кара-Кум. – X. Переправа через Аму-Дарью).

Белогорские пещеры // РВ. 1892. № 1 (январь). С. 248–277. (I. До Павловска. – II. Синий Дон. – III. Белогорская обитель. – IV. История пещер).

Побережья Кавказа. (Путевые очерки) // РВ. 1892. № 7 (июль). С. 179–212. (Гл. I. У казаков. – II. Новороссийск и его область); № 8 (август). С. 90–117. (III. У берегов Абхазии и Колхиды. – IV. Батумский порт и его окрестности); № 9 (сентябрь). С. 70–99. (Гл. V. Через Сурамский туннель. – VI. В Тифлисе); № 10 (октябрь). С. 3–32. (Гл. VII. Татарская столица. – VIII. В Плутоновом царстве); № 11 (ноябрь). С. 34–56. (Гл. IX. Черный городок).

Героический день. (Из учебных годов старого барчука) // Север. 1892. № 42 (18 окт.). Стб. 2149–2156; № 43 (25 окт.). Стб. 2197–2206; № 44 (1 ноября). Стб. 2253–2262; № 45 (8 ноября). Стб. 2317–2328.

1893

Кольцов как народный поэт (1842–1892). (Произнесено на литературно-музыкальном вечере 19-го октября) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. Воронеж. 1893. Отд. научно-литературный. С. 114–124. [Перепечат. из «Воронежского Телеграфа» 1892 г. № 123 и 124].

Старая Донская пустынь и Донецкой казачий городок. (Из путевых очерков Воронежской губернии) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. Воронеж. 1893. Отд. научно-литературный. С. 125–157.

Фергана. (Путевые очерки Кокандского ханства) // РВ. 1893. № 6 (июнь). С. 71–108. (Гл. I. В долинах Чирчика и Ахангрена. – II. Ходжент и Сыр-Дарья); № 7 (июль). С. 61–99. (Гл. III. Старая и новая столицы Ферганы. – IV. Настоящее и прошлое Кокандского ханства); № 9 (сентябрь). С. 3–46. (Гл. V. Ош и его обитатели. – VI. Подъем на Малый Алай. – VII. В кочевьях черных киргизов); № 11 (ноябрь). С. 4–37. (Гл. VIII. Киргизские женщины. – IX. Родовой быт киргиза. – X. Спуск через Ленгар).

Курьезный судебный процесс. (Письмо в редакцию) // НВ. 1893. № 6253 (27 июля / 8 авг.). С. 2.

Ответ на объяснение Щигровского судебного следователя. (Газ. «Новости», № 245) // НВ. 1983. № 6336 (18/30 окт.). С. 2–3. [«В 245 номере газеты “Новости” помещено объяснение на мое письмо в “Новое Время” судебного следователя Щигровского

округа г. Родиславского, перепечатанное *in pleno* и в 37 номере “Судебной газеты”. К сожалению, газеты эти только недавно были доставлены мне, почему я и не мог ранее сделать некоторых поправок в объяснению г. Родиславского, существенно необходимых для правильного освещения дела, о котором идет речь. <...> Если же мне случалось в разное время, как случилось и теперь, указывать на некоторые недостатки судебного дела, весьма естественные в каждом, не только новом, но и старом учреждении, и проводить мысль об улучшении той или другой частности их, то это только свидетельствует о моем искреннем желании содействовать их успешному развитию, которое путем искренней критики достигается гораздо вернее, чем попытками зажать рот всякому честному суждению и тащить в кутузку всякого, кто считает долгом совести заявлять обществу о поражающих его случаях неумелого служения святому делу правосудия».]

Отлет на Родину. (Из учебных годов старого барчука) // Север. 1893. № 46 (14 ноября). Стб. 2403–2408; № 47 (21 ноября). Стб. 2467–2478; № 48 (28 ноября). Стб. 2531–2542.

Исповедь Парашы. (Очерк с натуры) // КН. 1893. № 12 (декабрь). С. 83–109.

1894

Поездка к камню Буилу. (Из путевых очерков Дона) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. Воронеж. 1894. С. 127–146.

Долина Заравшана. (Из путевых очерков Туркестана) // РВ. 1894. № 1 (январь). С. 9–49. (Гл. I. Выезд из Ферганы. – II. Через воды и броды. – III. Разноситель золота); № 2 (февр.). С. 50–81. (Гл. IV. Медресе Ригистана. – V. Биби-Ханым и «железный Хромец». – VI. Мавзолеи Тимура); № 4 (апрель). С. 3–24. (Гл. VII. Промыслы самаркандцев. – VIII. Геройская цитадель). [«Русский город разделяет от туземного – Самаркандская цитадель, поместному “арк”. <...> На обширном пустыре между крепостью и зелеными аллеями русского города – могилы русских воинов, павших при защите цитадели в 1868 году. Каменный памятник с крестом, но без надписей, возвышается над прахом храбрецов. <...> Маленький русский гарнизон заперся в старой бухарской

цитадели, которую еще не успели приспособить к надежной защите. <...> Убедившись в измене жителей и видя приближение к городу многочисленных полчищ шехри-зябцев, начальник гарнизона полковник Штемпель целую ночь исправлял стены, насыпал парапеты, проделывал в стене отверстия для ружей. <...> [Это был] поистине гомерический семидневный бой ничтожной кучки русских героев с пятидесятитысячною азиатскою ордою... Я позволил себе рассказать о нем с такими подробностями, потому что читающая публика наша слишком мало знакома с событиями наших далеких окраин, а такая славная страница русской истории не должна быть и не может быть забыта русскими людьми...»]; № 5 (май). С. 3–31. (Гл. IX. Калай-Афросиаб. – Х. Гробница Даньяра. – XI. Возвращение).

Рабочий поезд. (Рассказ) // КН. 1894. № 8 (август). С. 12–54.

Проводы. Рассказ // Труд. 1894. № 1 (янв.). С. 137–157.

1895

Разбойница Орлиха. (Из местных преданий XVIII века). Роман в трех частях. СПб.: тип. В.В. Комарова. 1895. 386 с.

На Ладоге. Из путевых впечатлений // КН. 1895. Февраль. IV. С. 39–68. (С юга на север. – По Неве. – Орешек. – Чортова Лахта); Март. IX. С. 103–125. (Конь-Камень. – Обитель преподобного Арсения); Апрель. VIII. С. 109–131. (Буря на Ладоге. – Финские леса); Май. VIII. С. 93–106. (Водопад Иматра. – Прогулка в Валинкоске).

Домой по Волге. (Путевые очерки) // РО. 1895. № 1 (январь). С. 172–195. (I. Дербент – «город железных ворот». – II. Устье Волги); № 2 (февраль). С. 585–609. (III. Древняя столица Хозар. – IV. Исторические памятники Астрахани); № 3 (март). С. 27–58. (V. Волжский народ. – VI. Царицынский плес. – VII. Бугры Стеньки Разина); № 4 (апрель). С. 611–641. (VIII. Саратов. – IX. Самарская лука. – X. Жигулевы горы); № 5 (май). С. 29–54. (XI. От Симбирска до Казани. – XII. Татарская столица); № 6 (июнь). С. 617–645. (XIII. Между Казанью и Нижним. – XIV. Древне-русские памятники Нижегородского кремля. – XV. Заключение).

1896

На своей борозде. (Записки деревенщины). Повесть // РВ. 1896. Т. 242. Январь. № 1. С. 201–226. (Вступление. – Гл. I–V); Т. 243. Март. № 3. С. 121–150. (Гл. VI–X); Т. 244. Май. № 5. С. 81–112. (Гл. XI–XIII); Т. 244. Июнь. № 6. С. 1–21. (Гл. XIV–XV); Т. 245. Июль. № 7. С. 23–51. (Гл. XVI–XVIII); Т. 245. Август. № 8. С. 75–111. (Гл. XIX–XXII); Т. 246. Сентябрь. № 9. С. 75–103. (Гл. XXIII–XXV); Т. 246. Октябрь. № 10. С. 133–162. (Гл. XXVI–XXIX); Т. 247. Ноябрь. № 11. С. 12–40. (Гл. XXX–XXXII); Т. 247. Декабрь. № 12. С. 65–100. (Гл. XXXIII–XXXVII. – Эпилог).

Донская Беседа и соседние ей древние уроцища Дона. (Путевые заметки) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 год. Воронеж. 1896. Отд. III (литературно-научный). С. 108–135.

По поводу народного образования // НВ. 1896. № 7314 (9/21 июля). С. 2.

1897

Очерки современного Пелопоннеса // ВЕ. 1897. № 2. Февраль. С. 640–661. (I. От Корциры до Патраса. – II. Поездка на развалины Олимпии); № 3. Март. С. 126–161. (III. Олимпия и ее Священная роща. – IV. На арене Олимпийских игр. – V. Мраморные боги и божественные мраморы); № 4. Апрель. С. 627–682. (VI. В долинах Алфея. – VII. Заоблачный храм Аполлона. – VIII. Поход в Дьяволицу. – IX. Монастырь Вуркано и развалины древней Мессены. – X. Страна майнотов); № 5. Май. С. 173–210. (XI. По Лакедемонии. – XII. Спарта средневековая и Спарта классическая. – XIII. Триполица); № 6. Июнь. С. 437–501. (XIV. В древнем царстве Атридов. – XV. Микенский Акрополь. – XVI. Тигинф – крепость циклопов. – XVII. Наполи-ди-Романия. – XVIII. Святилище Эскулапа в Эпидавре. – XIX. Через Коринфский перешеек).

В храме Св. Владимира в Киеве. (Путевые заметки) // РВ. 1897. Т. 248. Март. (№ 3). С. 122–136.

Аттика. Путевые очерки // РВ. 1897. Т. 249. Май. № 5. С. 35–57. (Гл. I, II); Т. 250. Июль. № 7. С. 19–42. (III. Въезд в Афины. – IV. Среди древностей Адрианова города); Т. 250. Август. № 8.

С. 15–37. (V. Художественные сокровища Акрополя); Т. 251. Сентябрь. № 9. С. 61–79. (VI. Останки древних Афин. – VII. Национальный музей); Т. 251. Октябрь. № 10. С. 123–135. (VIII. Гавань Пирея. – IX. Православные уголки Афин); Т. 252. Декабрь. № 12. С. 71–86. (X. Галлерея героев. – XI. Поле Марафонское).

Остров Корфу. Путевые очерки // КН. 1897. № 10 (октябрь). С. 85–125. (I. На родине Навзикаи и Алкиноя. – II. Отставная столица Ионической республики. – III. В лесах и горах Корфу).

Переселенцы. Рассказ. (Из воспоминаний деревенского жителя) // КН. 1897. № 1 (январь). С. 13–58.

В защиту молодости // НВ. 1897. № 7777 (21 окт. / 2 ноября). С. 2–3.

Идиллия и действительность. (По поводу статьи г. Меньшикова «О любви святой». «Неделя», ноябрь 1897 г.) // НВ. 1897. № 7826 (9/21 дек.). С. 2.

От Киева до Бриндизи. Путевые очерки // РО. 1897. № 2 (февр.). С. 750–773. (I. В Киеве. – II. Через «Забранную» Русь); № 3 (март). С. 247–261. (III. Собор Св. Стефана в Вене. – IV. Переход Зёмеринг); № 4 (апр.). С. 645–662. (V. Триест. – VI. Замок Мирамар и Адриатика).

1898

Крым и его особенности // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общей ред. П.П. Семенова. СПб.; М.: Издание Товарищества М.О. Вольф. 1898. Том 5. Малороссия и Новороссия. Часть 2. Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии. С. 187–260.

У Геликона и Парнаса. Путевые очерки // РВ. 1898. Март. № 3. С. 105–136. (I. Из Аттики в Беотию. – II. Семивратные Фивы. – III. У Лепты, реки забвения); Апрель. № 4. С. 91–122. (IV. В дебрях Парнаса. – V. Город Пифийского Аполлона); Май. № 5. С. 81–100. (VI. Коринфский канал).

В братской земле. (Очерки путешествия по Сербии) // РВ. 1898. Август. № 8. С. 23–47. (1. Салоники, древняя Солунь. – 2. По Вардару и Мораве); Сентябрь. № 9. С. 61–79. (3. Поле битвы под Алексинцем. – 4. Крушевац и «Белый Двор» царя Лазаря);

Октябрь. № 10. С. 7–29. (5. Монастырь Любостыно и «баня» Вранци. – 6. Жича, место венчания кралей сербских); Ноябрь. № 11. С. 10–53. (7. Сквозь ущелья Ибара. – 8. Поход в Студеницу. – 9. В Шумадии); Декабрь. № 12. С. 35–66. (10. Старая столица Милоша Обреновича. – 11. «Слава» в монастыре Раванице. – 12. Крепость и обитель Высокого Стефана Деспота).

Славянская Спарта. Очерки путешествия по Далмации и Черногории // ВЕ. 1898. № 7 (июль). С. 85–138. (I. Далматское побережье. – II. Дубровник, итальянская Рагуза. – III. Бокка-Каттарская. – IV. Подъем на Черную Гору); № 8 (август). С. 445–480. (V. Негоши и Цетинье. – VI. Река Черноевича и град Обод. – VII. На Скадрском Блате); № 9 (сентябрь). С. 48–98. (VIII. Народный праздник Черногории. – IX. Русские симпатии черногорцев. – X. Подгорица и развалины древней Диоклеи. – XI. Долина Зеты); № 10 (октябрь). С. 601–652. (XII. Никшич и Дужское ущелье. – XIII. «Горний острог». – XIV. Встреча с владыками Черногории. – XV. Возвращение на родину).

Деревенский ночлег. (Из очерков провинциальной жизни) // КН. 1898. № 12 (декабрь). С. 21–48.

Ученая близорукость. (По поводу статьи академика И.И. Янжула) // НВ. 1898. № 7923 (19/31 марта). С. 2–3. [«В январской книжке одного из симпатичнейших наших журналов помещена была первым номером маленькая статейка, под заглавием “Мы все слишком падки на даровщинку”, подписанная очень почтенным и авторитетным именем – академика И.И. Янжула...»].

Крестьянские переселения. (Заметки деревенского человека) // НВ. 1898. № 8171 (25 ноября / 7 дек.). С. 2; № 8181 (5/17 дек.). С. 2–3.

Экономическая сантиментальность. (По поводу статьи «Крестьянский банк» В.Р. «Русское Богатство». Сентябрь 1898 г.) // НВ. 1898. № 8156 (10/22 ноября). С. 2; № 8158 (12/24 ноября). С. 2–3; № 8159 (13/25 ноября). С. 2.

Брожение духа в народе. (Заметки из провинции) // СПб. Вед. 1898. № 271 (3/15 окт.). С. 1–2. Подпись: Евгений Марков.

Отголоски. («Народный праздник в Черногории», отрывок из статьи «Славянская Спарта») // Свет. 1898. № 263 (6 окт.). С. 3. Подпись: С*.

Отголоски. [«Заимствуем из статьи г. Евг. Маркова “Славянская Спарты” подробности праздника в день св. апостолов Петра и Павла близь Цетинской церкви»] // Свет. 1898. № 266 (9 окт.). С. 3–4. Подпись: С*.

Отголоски. (Отрывки из статьи «Славянская Спарты») // Свет. 1898. № 267 (10 окт.). С. 3; № 269 (12 окт.). С. 3; № 291 (3 ноября). С. 2–3; № 292 (4 ноября). С. 2–3; № 316 (28 ноября). С. 3. Подпись: С*.

Отголоски. (Отрывки из очерка «В братской земле») // Свет. 1898. № 275 (18 окт.). С. 2–3; № 318 (30 ноября). С. 3; № 320 (2 дек.). С. 2–3; № 321 (3 дек.). С. 2–3; № 331 (14 дек.). С. 2–3; № 333 (16 дек.). С. 3–4; № 335 (18 дек.). С. 2–3; № 338 (21 дек.). С. 2–3. Подпись: С*.

Отчет Комитета Воронежского кружка любителей рисования за 1897 год // ВТ. 1898. № 13 (30 янв.). С. 2. [Среди подписавших: Член-секретарь Марков].

По поводу отъезда К.К. Федяевского. (Заметка) // ВТ. 1898. № 61 (31 мая). С. 2.

[Речь Е.Л. Маркова на торжестве в Общественном собрании 11 октября, в честь его 40-летней литературной деятельности] // ВТ. 1898. № 119 (16 окт.). С. 2.

Теория и практика яснополянской школы. (Ясная поляна. Журнал педагогический, издаваемый гр. Л.Н. Толстым. Москва. 1862 г.) // Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. Хронологический сборник критико-библиографических статей. Часть 1. Собрал В. Зелинский. Изд. 2-е. М.: Тип. И.А. Баландина. 1898. С. 185–207.

1899

Значение Пушкина в истории русского просвещения. (Речь, сказанная в торжественном собрании Воронежского общества в доме дворянства в день столетней годовщины рождения А.С. Пушкина, 26 мая 1899 г.) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1900 год. Воронеж. 1899. С. 53–65. (Отд. пагинация страниц).

Столпный град Сербии. Путевые очерки Сербии // РВ. 1899. № 6 (июнь). С. 567–590. (Гл. 1. Белград и его интеллигенция. – 2. Топчидерский парк); № 7 (июль). С. 81–109. (Гл. 3. У вождей

политических партий. – 4. Среди деятелей литературы и науки); № 8 (август). С. 569–588. (Гл. 5. Калимайдан и Белградская крепость. – 6. Отъезд из Сербии).

Зловредная идиллия. (По поводу статьи: «Голос из Заволжья» «С.-Петерб. Ведомости» № 237, 31-го августа 1899 года) // НВ. 1899. № 8586 (12/24 окт.). С. 2. [«Заволжский автор свои злостные нападки на просвещение покрывает еще другим священным авторитетом – также все и чуть не на каждой строчке поминая в восточно-лыстивых выражениях имя Самодержавного Царя; но и это дорогое русскому сердцу имя служит только новым обличениям темных противонародных усилий автора опорочить в глазах своих читателей ту самую школу, которой Высоким Защитником и ревностным насадителем является наш молодой Император...»].

Письмо в редакцию. [По поводу письма г. Скворцова в редакцию газеты «Свет» о статье Е.Л. Маркова «Брожение духа в народе»] // СПб. Вед. 1899. № 1 (1/13 янв.). С. 1.

Ответ Е.Л. Маркова [в № 1 СПб. Вед., на письмо редактора «Миссионерского Обозрения» г. Скворцова, опубликованного в газете «Свет», в связи со статьей Е.Л. Маркова «Брожение духа в народе» (СПб. Вед. 1898)] // ВТ. 1899. № 5 (10 янв.). С. 2.

Пушкинский «Народный дом» в Воронеже // ВТ. 1899. № 13 (29 янв.). С. 2.

Проводы Н.П. Петерсона // ВТ. 1899. № 50 (5 мая). С. 2–3.

Над свежею могилою. [О кончине А.Г. Столль, бывшей начальницы училища слепых детей] // ВТ. 1899. № 101 (3 сент.). Подпись: Евгений Марков. Воронеж.

Речь Е.Л. Маркова, представителя Воронежской Комиссии народных чтений, на торжественном акте Воронежской дух[овной] семинарии 26 сентября [в честь 150-летнего юбилея Воронежской духовной семинарии] // ВТ. 1899. № 112 (29 сент.). С. 2.

Ф.Д. Чертков. (Некролог) // ВТ. № 140 (3 дек.). С. 3. Подпись: М.

Честный земец. (По поводу смерти Ф.Д. Черткова) // ВТ. 1899. № 142 (8 дек.). С. 2–3. Подпись: Евгений Марков. 3 декабря 1899 г.

П. Николаев. Никитинский день. [Речь Е.Л. Маркова над могилой И.С. Никитина, 21 сентября 1899 г.] // ВТ. 1899. № 110 (24 сент.). С. 2.

1900

Грехи и нужды нашей средней школы. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1900. [4], 131 с. [Содержание: «Живая душа в школе». (Мысли и воспоминания старого педагога). С. 1. – Книжный измор. (В защиту детей). С. 33. – Классическое суеверие. (Мысли старого педагога о нашей школе). С. 49. – Какая школа нужна нашим детям? (Мысли старого педагога). С. 72. – Не балуйте детей! (Мысли старого педагога). С. 116–131].

«Живая душа» в школе. Мысли и воспоминания старого педагога // ВЕ. 1900. № 2. Февраль. С. 565–587.

По Швеции. Путевые очерки и заметки // ВЕ. 1900. Март. № 3. С. 209–263. (I. Чрез Финляндию. – II. Первые впечатления в Стокгольме. – III. Монументы шведской славы. – IV. Дьюргорден и его сокровища. – V. Древности Скандинавии); Апрель. № 4. С. 429–485. (VI. Историческое ядро Стокгольма. – VII. Замок шведского короля. – VIII. Окрестности Стокгольма. – IX. Через шхеры. – X. На Готском канале); Май. № 5. С. 93–134. (XI. Озеро Веттер. – XII. Водопады Трольгеттана. – XIII. На морском рубеже Швеции).

Поездка в Далекарлию // ВЕ. 1900. Декабрь. № 12. С. 598–667. (I. Шведский Оберланд. – II. Святой город Швеции. – III. На могилах Одена и Тора. – IV. Старое гнездо далекарлийцев. – V. Среди мест, освященных подвигами Густава Вазы. – VI. «Медный город» и возвращение на Родину).

На родине норманнов // РВ. 1900. № 9 (сентябрь). С. 175–185. (I. Христиания); № 10 (октябрь). С. 423–435. (II. Доисторический корабль); № 11 (ноябрь). С. 205–214. (III. Старые гнезда викингов); № 12 (декабрь). С. 464–477. (IV. В горах и снегах Телемаркена).

Японские картины // ВТ. 1900. № 25 (1 марта). С. 3.

Книжный измор. (В защиту детей) // НВ. 1900. № 8608 (11/23 февр.). С. 2–3.

Классическое суеверие. (Мысли старого педагога о нашей школе) // НВ. 1900. № 8623 (29 февр. / 13 марта). С. 2–3.

Какая школа нужна нашим детям? (Мысли старого педагога) // НВ. 1900. № 8645 (22 марта / 4 апр.). С. 2–3; № 8651 (28 марта / 10 апр.). С. 2.

Хлеба и зрешиц. [По поводу ст. В. Розанова в «Новом Времени» от 4-го октября «Спор об убитом ребенке»] // НВ. 1900. № 8849 (15/28 ноября). С. 2–3. [«Все жалкие романы бедных погибающих девушек большею частью коренятся на той же губительной почве беспринципного стремления к наслаждению, блеску и праздности, на почве отвращения от скромного труда и сурового долга; наша общественная жизнь делает все возможное, чтобы привить молодым поколениям эти вкусы, чтобы подорвать в них всякие другие. Очнемся же по крайней мере над безвременными трупами своих детей и сознаем наконец, что без нравственной семьи мы никогда не создадим нравственного общества»].

Жестокая чувствительность. (По поводу одного судебного оправдания) // НВ. 1900. № 8865 (31 окт. / 13 ноября). С. 2–3.

Народные типы в нашей литературе (отрывки) // Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. Хронологический сборник критико-библиографических статей. Часть 2. Собрал В. Зелинский. Изд. 2-е. М.: Тип. И.А. Баландина. 1900. С. 210–238.

1901

Учебные годы старого барчука: (Рассказы из прошлого). *[Эти рассказы далекого детства посвящаются незабвенной для меня памяти брата Алексея...].* СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1901. VIII, 677 с. [Содержание: От автора. («Очерки, собранные в этой книге, при полной самостоятельности своей, составляют как бы естественное продолжение других моих очерков более раннего детства тех же героев деревенской “Семибратьки”, изданных под заглавием “Барчуки”, и хорошо известных многим моим читателям. Эти новые рассказы мои, точно так же как и “Барчуки”, – не биография и не автобиография в строгом смысле слова, а свободная переработка свободною кистью художника живых и подлинных материалов давнего былого в характерные картины и типы, какие сложились в его художественном представлении сквозь поэтический туман невозвратного прошлого, до сих пор дышащего на меня бодрящими воспоминаниями детской удачи, детских шалостей, детского горя, любви и радости...»). – 1. Барин. – 2. Сборы в дорогу. – 3. Путешествие на своих. – 4. Первое знакомство. –

5. Экзамены. – 6. Во чреве китовом. – 7. Турнир на двуногих конях. – 8. Иван Николаич. – 9. Пансионская больница. – 10. Классная война. – 11. Четвертый класс. – 12. История и География. – 13. Классическое образование. – 14. Князь и генерал. – 15. Говенье. – 16. Лунатик. – 17. Героический день. – 18. Отлёт на родину].

На родине норманнов (продолжение) // РВ. 1901. № 4 (апрель). С. 441–453. (V. Рёрдальский спуск); № 8 (август). С. 446–460. (VI. Гардангер-фиорд и Берген); № 9 (сентябрь). С. 173–185. (VII. Нёрдаль и Согне-фиорд); № 10 (октябрь). С. 452–460. (VIII. Долина Ромсдаля); № 11 (ноябрь). VI. С. 113–122. (IX. Город святого Олафа).

Россия в Средней Азии. Очерки путешествий по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. В 2 т. и 6 ч. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1901. [*Эта длинная повесть моих странствований по новым и дальним путям посвящается другу моему брату Николаю Львовичу Маркову, строителю многих новых путей, добroе содействие которого не мало помогло мне одолеть и этот нелегкий путь в глубины Азии... Евгений Марков.*] Том 1. XII, 541 с. Том 2. IV, 516 с. [Содержание: Том 1. Несколько слов для вступления: («...Мы, русские, во сто раз лучше и основательнее знаем каждое мелкое местечко Италии, Швейцарии, Германии и Франции, ничем не касающееся наших государственных и народных интересов, чем свои собственные многоценные и крайне любопытные приобретения в Средней Азии, которые к тому же в смысле новизны, оригинальности и выразительности характера несравненно привлекательнее, чем давно всем приевшиеся, и всем заранее ведомые, похожие одно на другое, как капли воды, шаблонные условия ежедневно посещаемых туристами европейских местностей. Да и сама природа могучих азиатских гор, рек и пустынь представляет собою столько дикой прелести и непочатой девственности своего рода, что вполне может заменить ищущему свежих впечатлений путешественнику чересчур захватанные красоты Альп и Рейна. / В русской литературе мне неизвестны книги, посвященные художественному изображению с натуры стран и народов русской Средней Азии, популярно знакомящие нашу образованную публику с общею картиною этих любопытнейших мест, их природою, историою и жизнью, их глубоко самобытными племе-

нами, их высоко интересными памятниками древности; так что эти далекие окраины в глазах даже просвещенного большинства до сих пор представляются какими-то недоступными и непривлекательными пустынями, – опасными гнездами дикости и азиатского варварства. Я проехал эти страны из конца в конец, от берегов Каспия до подножия Алая и Памира, до границ китайского Кашгара, вместе с женою своею, безопасно, как по русским почтовым дорогам, встречая везде искреннее участие и деятельную помошь, везде спокойно наслаждался красотами природы и человеческого искусства, везде мог свободно наблюдать характерные особенности быта и нравов наших былых врагов и поработителей, – и могу смело сказать, что редко какое другое путешествие способно дать мыслящему странствователю, достаточно подготовившему себя к этому делу, столько поучительных, богатых и разнообразных впечатлений, сколько дает их осмысленное посещение наших среднеазиатских владений. / Поэтому я думаю, что издаваемые теперь мною книги о Средней Азии будут вполне своевременны и ответят существенной потребности нашего общества иметь наконец в своих руках популярное и живое описание этой народившейся на наших глазах новой Азиатской России. / Книги мои – не география, не история, не экономический трактат и не этнографическое исследование. Книги мои – безпритязательный дневник писателя-художника, для которого одинаково любопытны и удивительные явления незнакомой ему природы, и чудные создания восточного искусства, и загадочные памятники седой древности, и типические черты быта многочисленных чуждых племен, среди которых он странствует, и поучительные воспоминания истории всевозможных времен, которыми освящен едва не каждый шаг в этих ветхозаветных странах, где еще до сих пор живы имена Александра Македонского и первых сподвижников Магомета. / Мои живые встречи, знакомства, разговоры нашли в этих книгах такое же место, как и характерные отзывы старинных средневековых путешественников, и все мною виденное собственными глазами, слышанное собственными ушами в области промышленной и торговой деятельности нашей родной русской народности в этих непочатых азиатских окраинах я сообщаю, не мудрствуя лукаво, рядом с рассказами о том геройском мужестве, той выносливости и моци родного русского воинства, которые сделали грозным

русское имя во всей Азии и слили под мирным скипетром могущественного Царя русского все эти полные усобиц, злодейств и неправды варварские ханства. <...> Характер народа, физиономия страны, общий дух жизни, в которую со всем увлечением мысли и сердца погружался художник, вырежутся и в впечатлениях читателя несравненно ярче и осязательнее, когда он будет иметь перед собою подлинный оттиск их, в том неприкосновенном виде, в каком они отпечатились в свое время в живом и чутком мозгу наблюдателя-художника...»). – Часть I. Побережья Кавказа: 1. У казаков. – 2. Новороссийск и его область. – 3. У берегов Абхазии и Колхиды. – 4. Батумский порт и его окрестности. – 5. Через Сурамский перевал. – 6. В Тифлисе. – 7. Татарская столица. – 8. В Плутоновом царстве. – 9. Черный городок; Часть II. В Туркмении: 1. На Каспии. – 2. Оазис Ахал-теке. – 3. Текинский Севастополь. – 4. Асхабад. – 5. Базары Мерва. – 6. В кибитке у Мурадхана. – 7. Аул Гуль-Джемал-ханым. – 8. На развалинах древнего Меру. – 9. Пески Кара-Кум. – 10. Переправа через Аму-Дарью; Часть III. На Оксусе и Яксарте: 1. Русская сила в Бухаре. – 2. Мечети и медресе Бухары-Ель-шериф. – 3. Базары и их публика. – 4. Нравы и обычаи священного города. – 5. Голодная степь. – 6. Кудуки Тамерлана. – 7. Светлая заутреня в столице Туркестана. – 8. Сартская «Ураза». – 9. Русский Ташкент и его общественные учреждения. – 10. У сартов. – 11. Камеланские ворота. – Том 2. Часть IV. Фергана: 1. В долинах Чирчика и Ахангрена. – 2. Ходжент и Сыр-Дарья. – 3. Старая и новые столицы Ферганы. – 4. Настоящее и прошлое Кокандского ханства. – 5. Ош и его обитатели. – 6. Подъем на Малый Алай. – 7. В кочевьях Черных Киргизов. – 8. Киргизские женщины. – 9. Родовой быт киргиза. – 10. Спуск через Ленгар; Часть V. Долина Заравшана: 1. Выезд из Ферганы. – 2. Через воды и броды. – 3. «Разноситель золота». – 4. Медрессе Ригистана. – 5. Биби-Ханым и «Железный Хромец». – 6. Мавзолей Тимура. – 7. Промыслы самаркандцев. – 8. Геройская цитадель. – 9. Калай-Афросиаб. – 10. Гробница Данъяра. – 11. Возвращение; Часть VI. Домой по Волге: 1. Дербент, «город железных ворот». – 2. Устье Волги. – 3. Древняя столица Хозар. – 4. Исторические памятники Астрахани. – 5. Волжский народ. – 6. Царицынский плес. – 7. Бугры Стеньки Разина. – 8. Саратов. – 9. Самарская лука. – 10. Жигулевы горы. – 11. От Симбирска до

Казани. – 12. Столица Казанского царства. – 13. Между Казанью и Нижним. – 14. Древне-русские памятники Нижегородского кремля. – 15. Заключение]. [«Может быть, нигде в другом месте и ни при каком другом случае русский человек не ощущает всеми инстинктами своими так живо, как здесь, на рубеже Азии и России, что самое Русское в Руси – это ее православие. Золотые маковки православных храмов и торжественный звон их колоколов будят родное чувство жарче и сильнее, чем все остальное, что видит глаз, что слышит ухо. И тогда понимаешь, почему в течение всей своей длинной и суровой истории русский народ самоотверженно ложился костьми, защищая прежде всего церкви Божии, и в одной только вере православной всегда видел тот общий государственный стяг, который в годины бедствий стягивал к себе в одну тесную народную семью разрозненных усобицами князей и враждовавшие друг с другом города и области. Православие – было патриотизмом русского человека...»].

Черноземные поля. Роман Евгения Маркова. Изд. 2-е. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1901. 2 т. Т. 1. 384 с.; Т. 2. 429 с.

Русская Армения. Зимнее путешествие по горам Кавказа // ВЕ. 1901. Май. № 5. С. 107–137. (I. Через снеговой перевал. – II. Долина Акстафы и озеро Гокча); Июнь. № 6. С. 484–538. (III. У Араката. – IV. Эчмиадзин. – V. Ущелье Гарни-Чая. – VI. Ке-гарт, пещерный монастырь св. Копия); Июль. № 7. С. 5–52. (VII. Через Абаранское ущелье. – VIII. Развалины Ани, древней столицы царства Армянского. – IX. Ночлег в армянской сакле); Август. № 8. С. 433–468. (X. По полям кровавых битв. – XI. На батареях Карадага).

Пора остановиться. (Мысли о политике неполитического человека) // Россия. 1901. № 961 (30 дек. / 12 янв. 1902 г.). С. 1–2. Подпись: Евгений Марков.

Поэт-богатырь. (Речь, сказанная на литературном вечере 15-го марта 1901 г., в г. Воронеже, по поводу 25-летия со дня смерти гр. Алексея Толстого, в пользу Никитинской публичной библиотеки) // НВ. 1901. № 9016 (6/19 апр.). С. 2–3.

Поход за классицизм. (По поводу статей гр. Павла Капниста «Учебная реформа», «СПб. Вед.») // НВ. 1901. № 9218 (1/14 ноября). С. 2–3.

М.А. Веневитинов [Некролог] // ВТ. 1901. № 107 (19 сент.). С. 2. Подпись: М.

Памяти М.А. Веневитинова // ВТ. 1901. № 108 (21 сент.). С. 2. Подпись: Евгений Марков. 18 сентября 1901 г.

К уходу от нас Н.А. Репина // ВТ. 1901. № 131 (14 ноября). С. 2.

Обед в честь Н.А. Репина. [Речь Е.Л. Маркова] // ВТ. 1901. № 136 (25 ноября). С. 2.

1902

Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории. СПб., М.: Товарищество М.О. Вольф. Ценз. 1902. XIV, 520, IV с., 1 л. фронт., илл.

Клады Старой Северщины. Местные заметки на древнюю рукопись о кладах // Памятная книжка Воронежской губернии на 1902 год. Воронеж. 1902. Отд. III. Научно-литературный. С. 1–18.

Древние Татарские шляхи Воронежской губернии. (Программа для некоторых археологических исследований местного края. Читано на собрании Воронежской архивной ученой комиссии 11 декабря 1900 г.) // Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. Воронеж: Т-во «Печатня С.П. Яковлева». 1902. Выпуск I. Отд. I. С. 36–51.

Несколько слов в память М.А. Веневитинова. (27 сент. 1901 г.) // Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. Воронеж: Т-во «Печатня С.П. Яковлева». 1902. Выпуск I. Отд. III. Журналы заседаний Воронежской Губернской Ученой Архивной Комиссии. С. XXXV–XL.

Скудное богатство. (По поводу критических приемов журнала «Русское Богатство», дек. 1901 г.) // НВ. 1902. № 9322 (15/28 февр.). С. 2.

Наше хлебное горе. (Глас вопиющего в черноземной пустыне) // НВ. 1902. № 9610 (4/17 дек.). С. 2–3.

Пасынки нашего закона. (Слово правды о русских сельских хозяевах) // НВ. 1902. № 9562 (17/30 окт.). С. 2–3.

Горькие мысли о горьких явлениях литературы. (По поводу сочинений Максима Горького) // НВ. 1902. № 9417 (24 мая / 6 июня). С. 2–3.

1903

Путешествие по Греции. Путевые очерки. СПб.: Тип. М. Стасюлевича. 1903. [4], 606 с. [Содержание: От Киева до Бриндизи. С. 1. – Остров Корфу. С. 68. – Очерки современного Пелопоннеса. С. 110. – Аттика. С. 377. – У Геликона и Парнаса. С. 508–606]. [«Вступление: У меня на сердце давно лежало, не скажу желание, а непобедимая потребность посетить страны и народы, связанные кровным родством своего рода с Россией и русскими. Мы, русские люди образованья и достатка, следя безраздумно табунному влечению, целыми годами, десятками лет тремся по гостиницам и пансионам Европейских городов и курортов, перевевывая в сотый раз все одни и те же, давно всем приевшиеся впечатления, в ленивой привязанности своей к хорошо протоптанным дорожкам, к привычным условиям внешнего комфорта, и оставляем в итоге миллионы русских рублей иностранцам, не извлекая из этого для себя никакого нового знанья, не завязывая этим никаких полезных нам отношений. А между тем ближе всяких Италий, Парижей, Баденов и Остенде – чуть не рядом с нами лежат почти совсем нам неведомые, нисколько не менее прекрасные и для нас несравненно более интересные страны, населенные народами, которые говорят нашим языком и молятся нашими молитвами, в жилах которых течет родная нам кровь. / Мы как невежды чуждаемся этих природных членов семьи нашей, единене с которыми должно было бы составлять самую естественную и самую надежную силу нашу, и безрассудно отдаем их без всякой борьбы влиянию всевозможных враждебных и нам, и им народностей. / Сербия, Черногория, Далмация, Кроация, Галиция, Буковина и всякие другие славянские страны Балканского полуострова и Австрийской Империи – для большинства из нас знакомы чуть ли не также мало, как какой-нибудь Афганистан или Пенджаб. Кроме немногих наших ученых славистов, кучки дипломатов, да военных людей, побывавших в Болгарии и Сербии по случаю войны, – почти никто из русских не посещал этих родных нам стран. Частный русский путешественник в этих местах до сих пор такая же редкость, как китайский путешественник в России; русского торговца, русской торговли там вовсе нет. Между тем Немцы, Австрийцы, Французы, Англичане, даже Американцы интересуются гораздо более нас

этими странами и настойчиво изучают их. Мудрено ли, что какая-нибудь Сербия, не имеющая никаких постоянных и тесных сношений с русским народом, помимо обычных дипломатических отношений к русскому правительству, поддается мало-помалу энергическому натиску немецких элементов Австрии, австрийской культуре, австрийской промышленности, даже австрийскому языку, на котором говорит каждый мало-мальски образованный серб. / При том непростительном забвеньи, в котором русское общество оставляет своих славянских братьев, нужно удивляться, как еще могло сохраниться в этих народах глубокое чувство привязанности к России и непоколебимая вера в нее, как в опору славянства, – которое проникает собой всякого Балканского славянина, и которого нельзя не заметить на каждом шагу, даже при беглом путешествии по Балканским странам. / В итоге такого ложного положения вещей выходит то, что славяне до сих пор не знают России, а Россия до сих пор не знает славян. Поэтому мне казалось, что даже моя слабая попытка познакомиться в качестве скромного туриста с наиболее близкими нам славянскими народностями Балканского полуострова и познакомить с ними моих читателей рядом безпритязательных очерков того, что мне пришлось бы видеть, – была бы не бесполезна, по крайней мере, как пример, способный, быть может, вызвать на то же дело других наших туристов и других наших писателей. / В этих своих стремлениях путешественника я невольно присоединил Грецию, Греков, к славянским народностям Балканского полуострова. Не потому, чтобы я держался своеобразных взглядов Фальмерайеера, признавшего, как известно, современных греков не за потомков Эллинов, а почти за славянских наследников Морей и Эллады, – но просто потому, что Греция – колыбель нашего православия, нашего духовного просвещения, следовательно та же близкая родня нам, русским, своего рода наша крестная мать. А между тем Греция нам известна еще менее, чем Сербия и Черногория, Греции мы чуждаемся еще гораздо более, чем славян, и оказываем на нее еще менее влияния. / Кроме того, Греция, понятно, влекла меня к себе и другими своими сторонами. Писатель-турист, обегавший и описавший столько южных стран: Крым, Кавказ, Среднюю Азию, Палестину, Египет и проч., – не мог ни в каком случае пропустить чудную страну, где как

в фокусе сосредоточиваются и красоты южной природы, и сокровища самой поэтической и самой поучительной истории...»].

Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории. Изд. 3-е. СПб., М.: Товарищество М.О. Вольф. [1903]. XIV, 520, IV с., 1 л. фронт. (протр.), илл.

Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки. СПб.: Тип. М. Стасюлевича. 1903. [4], 493 с. [Содержание: В братской земле. С. 1. – Стольный град Сербии. С. 170. – Славянская Спарт. С. 256–493].

Царица Адриатики. Из путешествия по европейскому югу // ВЕ. 1903. № 1. Январь. С. 216–275.

Поэзия зоологической любви // НВ. 1903. № 9673 (7/20 февр.). С. 2–3. [«Редко я что читаю в газетах с таким удовольствием, часто и с наслаждением, как “Письма к ближним” г. Меньшикова, редко какому из современных публицистов я так искренно сочувствую, как этому талантливому писателю, мысли которого, всегда полные глубины и сердечности, в то же время вполне самобытны. <...> Кроме содержания своего, статьи г. Меньшикова мне в высшей степени симпатичны своею художественною формою, тонкостью и меткостью своих определений, яркою пластичностью своих образцов и картин; и что всего дороже – своим поэтическим настроением. <...> В настоящую минуту меня задел собственно не он, а его “философ”, беседовавший с ним на петербургских улицах в № 9654 “Нового Времени”, от 19-го января...»].

Памяти М.Д. Свербеева. (Речь, сказанная в заседании Воронежской ученой архивной комиссии 28 янв. 1903 г. председателем ее Е.Л. Марковым) // ВТ. 1903. № 14 (31 янв.). С. 2.

Местные известия и заметки. [Адрес, поднесенный Д.А. Ткаченко, бывшему секретарю Воронежской комиссии народных чтений. В числе подписавших – Е.Л. Марков] // ВТ. 1903. № 22 (21 февр.). С. 2.

1904

Разбойница Орлиха. (Из местных преданий XVIII в.). Роман в трех частях. Значительно дополненное издание. СПб.: Издание А.С. Суворина. 1904. VI, 549 с. [«Несколько слов в объяснение. От автора: Роман мой “Разбойница Орлиха” – не есть плод одной

фантазии. Почти все события, в нем рассказанные, случились в действительности; я почерпнул их большую частью из своих семейных и других местных преданий, еще в детстве слышанных мною от старых стариков; а о некоторых из них до сих пор можно найти сведения в архивах наших старых присутственных мест. / Память о помещице-разбойнице, – правда, под другим прозваньем, – пока еще жива в населенье нашего уезда, хотя с каждым днем стирается все больше и больше, как все вообще местные предания, в молодом поколении, мало интересующемся стариною. / Главные характеры романа тоже воспроизведены с лиц действительно живших, – большую частью, предков моих разных степеней и их близких родных, – насколько автор мог усвоить себе их психические и физические черты по рассказам знативших их людей. / Нечего говорить, однако, что как события, так и лица, заимствованные из действительной жизни, послужили только матерьялом для художественной фантазии и были переработаны и комбинированы по свободному замыслу романиста, не стеснявшегося теми или другими рамками, а желавшего лишь воспроизвести в своем романе по возможности живую и характерную картину помещичьего быта и помещичьих нравов нашей Курской стороны в конце 18-го века, – в интересную эпоху начинавшегося перехода нашего полуазиатского общества к европейскому строю жизни... Настоящее издание моего романа пополнено 13-ю новыми главами, не печатавшимися ранее»].

Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. С одной акварелью, 310 картинами и рисунками. Изд. 2-е. СПб. и М.: Товарищество М.О. Вольф. Ценз. 1904. [6], VI, 591 с., илл., 1 л. фронт.

Валы защитной черты по реке Тихой Сосне. (Местное исследование) // Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. Воронеж: Т-во «Печатня С.П. Яковлева». 1904. Выпуск 2. С. 115–142.

В старых Итальянских Республиках. Путевые очерки и заметки // ВЕ. 1904. № 5 (май). С. 168–217. (I. «Bononia-Docët». – II. Итальянские Афины).

1910

Письмо В.А. Гольцеву от 24 дек. 1896 г. // Памяти Виктора Александровича Гольцева. Под ред. А.А. Кизеветтера. М.: Издание Н.Н. Клочкова. 1910. С. 301.

1911

Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории. Изд. 4-е. СПб., М.: Товарищество М.О. Вольф. [1911]. XIV, 520, IV с., 1 л. фронт. (портр.), илл.

1913

Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. С одной акварелью, 310 картинами и рисунками. Изд. 2-е. СПб., М.: Товарищество М.О. Вольф. 1913. [3], III, 591 с., илл.

1915

Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. С одной акварелью, 310 картинами и рисунками. Изд. 3-е. СПб., М.: Товарищество М.О. Вольф. [1915]. [6], VI, 591 с., илл., 1 л. фронт.

1916

Письмо к Н.А. Некрасову от 23 июля 1870 г. // Архив села Карабихи. Письма Н.А. Некрасова и к Некрасову. М.: Изд-во К.Ф. Некрасова. 1916. С. 127–128. [«Прилагаю при этом письме статью свою *Поездка в древний Сурож*, отрывок из *крымских впечатлений*. <...> Я на опыте убедился, какое глубокое невежество существует в нашей даже образованной публике касательно истории родных местностей. Крымские жители и Крымские туристы не знают ничего точного об обитаемых ими и посещаемых городах, о старинных развалинах, приводящих их в наивное удивление. Материалы для истории Сурожа так скучны и рассеяны в таких труднодоступных публике изданиях, что мой опыт – представить

их читателю в системе и проверенными собственными моими наблюдениями – не будет, кажется, излишним. Вторая глава <...> – это сравнительный взгляд на материальное и нравственное положение крымского татарина в настоящее и в прежнее, т.е. ханское, время...»].

1949

Письмо к Н.А. Некрасову от 23 июля 1870 г. // ЛН. Т. 51–52. Н.А. Некрасов. II. М.: Издательство АН СССР. 1949. С. 379–380.

1991

Очерки Крыма. Главы из книги. [Об Авторе. – Столица Гиреев. (Татарский Невский проспект, Ханский дворец, мечеть и усыпальница). – Мертвый город. (Цыганская слобода. – Успенский скит. – Чуфут-кале и его древности. – Иосафатова долина)] // Брега Тавриды. Симферополь. 1991. № 2. С. 139–162.

Очерки Крыма. Главы из книги. [Тени Малахова кургана. (Вид Севастопольского разрушения. – Матрос-чичероне. – Посещение поля битвы). – Горькое прошлое. (Заморский запад и Православная Русь. – Русский солдат. – Как мы ждали врага. – Кто был наш истинный враг. – Измена татар)] // Брега Тавриды. Симферополь. 1991. № 3. С. 208–234.

1992

Очерки Крыма. Главы из книги: Инкерман. (Голгофа русской армии. – День 24 октября. – Древний Инкерман. – Инкерманские пещеры и киновия. – Ветхозаветные мечты) // Брега Тавриды. Симферополь. 1992. № 1. С. 149–159.

Очерки Крыма. Главы из книги: Трахейские святыни. (Общая картина Трахейского полуострова и его история. – Херсонесский монастырь. – Георгиевский монастырь. – Знакомство с морем) // Брега Тавриды. Симферополь. 1992. № 3. С. 235–248.

Очерки Крыма. Главы из книги: Южный берег. (Балаклава. – Байдарские ворота. – Значение южного берега для нас, русских. – Мердвень, скалы южного берега, гроза, область крымских дач,

Ореанда, Ливадия, Ялта, водопад Учан-Су, область виноделия Гурзуф, окрестности Аю-Дага, парки и замок Алупки) // Брега Тавриды. Симферополь. 1992. № 5. С. 218–254.

1994–1995

Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы. (*Посвящается моим крымским друзьям.*) Симферополь: Таврия: Культура. 1994. 544 с., ил. (Библиотека редкой книги о Крыме). [На титульном листе указан 1995 год].

1996

Южный берег. Симферополь: Бизнес-Информ. 1996. 47, [1] с., ил. [Примеч.: Фрагмент кн. «Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы». СПб. 1902].

2002

Романист-психиатр. [О романе «Бесы» Ф.М. Достоевского] // Критика 70-х годов XIX века. Сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. С.Ф. Дмитриенко. М.: ООО «Издательство “Олимп”»: ООО «Издательство АСТ». 2002. С. 163–206.

2006

Путешествие по Сербии и Черногории. (Отрывок). (Публ. и примечания А.Л. Шемякина) // А.Л. Шемякин. Никола Пашич в записках русского путешественника. (К вопросу об идейной природе Сербской народной радикальной партии) / Славянский альманах 2005. М.: Индрик. 2006. С. 436–439.

Очерки Крыма. (Картины крымской жизни, истории и природы). (Предисл., биография Е.Л. Маркова и comment. П.В. Конькова). Киев: Стилос. 2006. 511 с., ил., портр. [Библиография Е.Л. Маркова: С. 508. (23 назв.)].

Южный берег. Симферополь: Бизнес-Информ. 1996. 47, [1] с., ил.

Е.Л. Марков: переписка с издателями. [Письма Е.Л. Маркова: 1. К Н.А. Некрасову от 25 февр. 1874. – 2. К М.М. Стасюлевичу от 29 дек. (б. г.). – 3. К А.А. Голенищеву-Кутузову от 8 ноября 1894. – 4. К Д.Н. Церетелеву от 23 дек. 1889; от 16 янв. 1890; от 16 июня 1890; от 23 сент. 1890; от 9 окт. 1890; от 16 окт. 1890; от 7 ноября 1890; от 20 дек. 1890; от 31 дек. 1890; без указания даты (вероятно, 1890); от 29 янв. 1891; от 25 февр. 1891; от 23 сент. 1891; от 30 авг. 1891; от 14 янв. 1892; от 3 марта 1892; от 4 мая 1892; от 3 июня 1892; от 7 июня 1892. – 5. К А.С. Суворину от 3 мая 1882; от 25 мая 1882; от 31 окт. 1882; от 8 февр. 1883; от 21 марта 1885; от 1 дек. 1889; от 24 янв. 1890; от 7 дек. 1901; от 5 мая 1901; от 28 янв. 1902; от 13 апр. 1882; от 1 авг. 1882; от 3 февр. 1898; от 13 апр. 1898]. (Публ. Г.Н. Коростиной) // Пространство культуры и стратегии исследования. Статьи и материалы о русской провинции. XX Фетовские чтения (Курск, 15–18 сентября 2005 г.). Курск. 2006. С. 147–179.

Земские увлечения. (По поводу проекта Щигровской железной дороги). [В сокращении]. (Новое Время. 1882. № 2261). Публ. Г.Г. Коростиной (Девяниной) // Курский край. 2006. № 1–2 (76–77). С. 83–85.

2007

В стране белых гор. Поездка в Дивногорье. Науч. ред. проф. А.В. Бережной // Воронеж: Творческое объединение «Альбом». 2007. 64 с. (Библиотека Творческого объединения «Альбом»). [http://ru.wikisource.org/wiki/Поездка_в_Дивногорье_\(Марков\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Поездка_в_Дивногорье_(Марков))

Краеведческие очерки Е.Л. Маркова о Воронежском крае: Донская беседа и соседние ей древние урочища Дона. – Хазарские городища на реке Воронеж. – Червлений яр. – Древний город Костенск. – Валы защитной черты по реке Тихой Сосне. – Поездка в Дивногорье. – Белогорские пещеры. – Поездка к камню Буилу. – Старая Донская пустынь и Донецкий казачий городок // Марков Евгений Львович и его краеведческие очерки о Воронежском крае. [Сборник]. Сост.: А.В. Бережной, Т.В. Бережная; РосНОУ (ВФ), АНОО ВИВТ. Воронеж: Научная книга. 2007. С. 30–308.

Общий очерк Кавказа в его прошлом и настоящем (1. Седая древность Кавказа. – 2. Кавказ – ворота народов. – 3. Кавказ как

исторический музей. – 4. Карта Кавказа. – 5. Степи Северного Кавказа. – 6. Горец Кавказа) // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общей ред. П.П. Семенова. Том IX. Кавказ. [Репр. изд.]. М.: Изд. Надыршин. 2007. С. 3–67.

2015

Очерки Крыма. [Отрывок] // Война за Крым в рассказах и мемуарах. Антология. (Серия: Сокровища русской литературы). Изд. «Олма медиа групп». 2015. С. 316–328.

Купель Иорданская. (Глава из книги «Путешествие по Святой Земле» (СПб., 1891). Публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // <https://www.proza.ru/2018/12/26/1993>

Народный праздник Черногории. (Из книги «Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки». (СПб., 1903). Публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // <https://www.proza.ru/2018/12/14/443>

Город Святой Девы. (Глава из книги «Путешествие по Святой Земле» (СПб., 1891). Публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // <https://www.proza.ru/2018/12/23/1735>

Колыбель Христа. (Глава из книги «Путешествие по Святой Земле» (СПб., 1891). Публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // <https://www.proza.ru/2018/12/23/1698>

2019

Русская Армения. (Серия: Великие путешествия). Изд. Т8 RUGRAM. 2019. 278 с.

У Святого Гроба. (Глава из книги «Путешествие по Святой Земле» (СПб., 1891). Публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // <https://www.proza.ru/2019/02/05/2260>

Крестный путь. (Глава из книги «Путешествие по Святой Земле» (СПб., 1891). Публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // <https://www.proza.ru/2019/02/05/2311>

Деревенские приюты Христа. (Глава из книги «Путешествие по Святой Земле» (СПб., 1891). Публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // <https://www.proza.ru/2019/02/05/2289>

Ночлег в Аримафее. (Глава из книги «Путешествие по Святой Земле» (СПб., 1891). Публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // <https://www.proza.ru/2019/02/05/378>

Коренная. (Публ. М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва) // <https://www.proza.ru/2019/01/14/114>

Татьянина изба. (Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/01/01/128>

Земля и человек земли. («Русь», 1884, № 11). (Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/03/15/156>

Храм Спасителя в Москве. (Из московских впечатлений). («Русь», 1884, № 23). (Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/03/12/2128>

Устье Волги. (Глава из книги «Россия в Средней Азии...»). (СПб., 1901). Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/04/01/2290>

Древняя столица Хозар. – Исторические памятники Астрахани. (Глава из книги «Россия в Средней Азии...»). (СПб., 1901). Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/04/02/2271>

Волжский народ. (Глава из книги «Россия в Средней Азии...»). (СПб., 1901). Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/04/03/2027>

Царицынский плес. (Глава из книги «Россия в Средней Азии...»). (СПб., 1901). Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/04/03/2056>

Бугры Стеньки Разина. (Глава из книги «Россия в Средней Азии...»). (СПб., 1901). Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/04/11/1966>

Саратов. (Глава из книги «Россия в Средней Азии...»). (СПб., 1901). Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/04/11/1977>

Самарская лука. (Глава из книги «Россия в Средней Азии...»). (СПб., 1901). Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/04/11/1990>

Жигулевы горы. (Глава из книги «Россия в Средней Азии...»). (СПб., 1901). Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/04/11/2001>

От Симбирска до Казани. (Глава из книги «Россия в Средней Азии...». (СПб., 1901). Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/04/17/24>

Между Казанью и Нижним. (Глава из книги «Россия в Средней Азии...». (СПб., 1901). Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/04/21/88>

Столица Казанского ханства. (Глава из книги «Россия в Средней Азии...». (СПб., 1901). Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/04/21/98>

Древние русские памятники Нижегородского Кремля. – Заключение. (Глава из книги «Россия в Средней Азии...». (СПб., 1901). Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/04/21/106>

У казаков. – Новороссийск и его область. (Глава из книги «Россия в Средней Азии...». (СПб., 1901). Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/07/30/34>

Софисты XIX века. (Критические заметки). (Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/07/16/1615>

ЛИТЕРАТУРА О Е.Л. МАРКОВЕ

1862

Толстой Л.Н. Прогресс и определение образования. (Ответ г-ну Маркову. Русский Вестник 1862 г., № 5) // Ясная Поляна. 1862. № 12. Декабрь. С. 5–38.

1865

Писарев Д.И. Прогулка по садам российской словесности. [Отклик на статью Е.Л. Маркова «Народные типы в нашей литературе»] // Русское Слово. 1865. № 3 (март). Отд. П. С. 47–50.

1872

Недоумение. [Полемика на статью Е.Л. Маркова «Признаки старой болезни в нашей педагогии» в № 3 «Беседы»] // Беседа. 1872. № 5 (май). Внутреннее обозрение. С. 128–132. Подпись: Один из почитателей «Беседы». 10 апреля, 1872 г.

[Редактор-издатель «Беседы» С.А. Юрьев]. Разъяснение. [На полемическую статью «Недоумение» в № 5 «Беседы» по поводу статьи Е.Л. Маркова «Признаки старой болезни в нашей педагогии» в № 3 «Беседы»] // Беседа. 1872. № 5 (май). Внутреннее обозрение. С. 133–147. Подпись: Ред.

1873

[Рец.] Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и истории. Евгения Маркова. СПб. 1873. Стр. 506. Ц. 3 р. // ВЕ. 1873. № 1 (янв.). С. 481 (С. 3 обложки). Библиографический листок. [Б. п.] [«Наши читатели знакомы отчасти с автором, его манерою изложения и даром наблюдательности по напечатанному в нашем журнале этюду: “Пещерные города Крыма”, вошедшему ныне, как небольшая часть, в “Очерки Крыма”. Автор в своих “Очерках” соединяет характер дневника с трудом исследователя, а потому у него встречаются вместе и живописные изображения природы, современной жизни, и изучение следов жизни давно прошедшей, как человека, так и природы, рядом с личными наблюдениями, добытыми автором на месте, также и наблюдения других времен. Одним словом, этот труд отличается и всеми достоинствами научного знакомства с описываемым предметом, и интересом дня»].

[Рец.] Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и истории. Евгения Маркова. СПб. 1873 // Гражданин. 1873. № 2 (8 января). С. 54. [Б. п.] [«“Очерки Крыма” Маркова не только могут читаться с большим интересом путешествующими по Крыму с разумною целью, но даже и небольшими охотниками до чтения разных очерков и картин. Живость и поэтичность изложения придают книге г. Маркова занимательность даже и помимо несомненного внутреннего ее интереса. <...> Книга эта представляет значительное приобретение в нашей особенно бедной описательной литературе»].

Книжная хроника. Очерки Крыма, картины крымской жизни, природы и истории. Евгений Марков. Цена 3 р. // Неделя. 1873. № 4 (28 января). Стб. 143–144. [Б. п.]

Библиография. «Очерки Крыма», Евгения Маркова. СПб. 1873 г. // НВ. 1873. № 39 (8/20 февр.). С. 2. Подпись: Н.Р.О. [«Чтоб познакомить нас с Крымом, с его дикой красотой и оригинальными

условиями быта, нужен был именно талант г. Маркова. Это не только наблюдатель, но и художник, не только художник, но и поэт. Впечатления, воспринимаемые им, сильны и глубоки, и потому так ярки, жизненны и колоритнее его описания»].

1874

[Рец.] Литература и жизнь. (Нечто о фотографической литературе...). [О продолжении «Барчуков» Евгения Маркова («Вестник Европы», сентябрь)] // Голос. 1874. № 259 (19 сент. / 1 окт.). С. 1. [Б. п.]

[В.Г. Авсеенко]. Очерки текущей литературы. «Вестник Европы», сентябрь // Русский Мир. 1874. № 263 (25 сент.). С. 1–2. Подпись: А.О. [«По части беллетристики есть нечто весьма хорошее, именно “Барчуки” г. Евгения Маркова... Мы прочитали с величайшим удовольствием новые главы “Барчуков”... Мы смело рекомендуем “Барчуков” тем, кто ищет в литературе художественного, согретого теплым чувством воспроизведения действительной жизни, здоровой мысли, остроумия и тонкого, благодушного юмора...»].

1875

[Н.К. Михайловский]. Записки Профана. Нечто о г. Маркове. [Марков и Л. Толстой о педагогике] // ОЗ. 1875. № 6 (июнь). Современное обозрение. С. 300–311. Подпись: Н.М.

Громницкий М. Адвокат об адвокатах // Неделя. 1875. № 52 (26 декабря). Стб. 1758–1765. [Отклик на статью «Софисты XIX века»].

[Чебышев-Дмитриев А.П.]. Письма о текущей литературе и еще кое о чем. (Х.) // НВ. 1875. № 49 (1/13 марта). С. 1–2. Подпись: Эксъ. [О статье «Софисты XIX века»].

Суд над русской адвокатурой. [По поводу статьи Маркова «Софисты XIX века» и книги К. Арсеньева] // Неделя. 1875. № 7 (16 февр.). С. 232–237. [Б. п.]

Очерки литературы. («Барчуки», картины прошлого, г. Евг. Маркова) // Голос. 1875. № 175 (26 июня / 8 июля). С. 1–3. Подпись: X.Y.Z. [«Хорошая книга, да еще и летом – приятная

неожиданность! <...> Без шуток, книга г. Евг. Маркова написана с большим талантом и читается с живейшим удовольствием. Г. Марков хорошо знает детей и много наблюдал их...»].

По поводу статьи «Владенная запись» [в № 334 газеты «Голос»] // Голос. 1875. № 358. (29 дек. / 10 янв. 1876). С. 2–3. Подпись: П.Ш.

Наша адвокатура. (По поводу ст. г. Маркова [«Софисты XIX века»] в № 36 и 37 «Голоса») // Судебный Вестник. 1875. № 32 (9 февр.). С. 1–2; № 34 (12 февр.). С. 1. [Б. п.]

Еще о присяжных поверенных. (По поводу ответа г. Маркова [на статью «Наша адвокатура»] в № 73 «Голоса») // Судебный Вестник. 1875. № 58 (16 марта). С. 1. [Передовая статья. Б. п.].

С. Платонов. О русской адвокатуре. «Софисты XIX века» г. Маркова и «Заметки об адвокатуре» г. Арсеньева // Журнал Гражданского и Уголовного Права. 1875. № 3. С. 182–236; № 4. С. 240–291; № 5. С. 129–194.

Евгений Белов. Современный вопрос об адвокатах. (Заметка не-юриста). («Софисты XIX века». Критическая заметка Евгения Маркова, в № 36 и 37 газеты «Голос», за 1875 год) // Гражданин. 1875. № 11 (16 марта). С. 272–274; № 14 (6 апр.). С. 350–354.

Внутреннее обозрение. Избиение адвокатов г. Марковым, по избиении литераторов г-м Катковым и Леонтьевым // ВЕ. 1875. № 3 (март). С. 416–422. [Б. п.]

Внутреннее обозрение. Мнение одного отставного чиновника о современном прогрессе и о том, как этот прогресс проявляется в жизни, – в земстве, – в судебных и других учреждениях, – в адвокатуре, – в отношении современного общества к делу, – в крестьянском вопросе, – в литературе. [По поводу статьи Е.Л. Маркова «Софисты XIX века»] // ОЗ. 1875. № 10 (октябрь). Отд. II. С. 252–260. [Б. п.]

1876

Юридическая журналистика. «Журнал Гражданского и Уголовного Права» за 1875 год. [По поводу статей С. Платонова «О русской адвокатуре», «Софисты XIX века» г. Маркова и «Заметки об адвокатуре» г. Арсеньева] // Судебный Вестник. 1876. № 18 (23 янв.). С. 1–2. Подпись: А.М.

[Н.К. Михайловский]. Записки Профана. О Шиллере и многом другом. [В т. ч. о романе Е. Маркова «Черноземные поля»] // ОЗ. 1876. № 4 (апрель). Отд. II. Современное обозрение. С. 302–306. Подпись: Н.М.

Внутреннее обозрение. Поход «Судебного Вестника» на защиту адвокатов. [Отклик на полемические статьи «Судебного Вестника»: «Наша адвокатура» и др., написанные по поводу статьи Е.Л. Маркова «Софисты XIX века»] // ОЗ. 1876. № 7 (июль). Отд. II. С. 119–122.

[Вс.С. Соловьев]. Современная литература. (Роман г. Маркова. – Поэзия «Дела». Июнь 1876 г.) // Русский Мир. 1876. № 182 (4/16 июля). С. 1–2. Подпись: Вс. С-въ.

[Венгеров С.А.] Литературные очерки. [Упоминается статья Е. Маркова «Софисты 19-го века», об адвокатах] // НВ. 1876. № 33 (1 апр.). С. 1–2. Подпись: Фауст Щигровского Уезда. [«Припомните то сочувствие, каким были встречены известные статьи Е. Маркова об адвокатах. Немного газетных статей за все время существования русской периодической печати может похвалиться таким успехом. Значит грозные тирады г. Евгения Маркова выражали собою чувство и мысли значительного большинства...»].

[Маркевич Б.М.] Листок. [О статье Е.Л. Маркова «Идея и цифры» в № 249 «Голоса»] // Голос. 1876. № 252 (12/24 сент.). С. 1–2. Подпись: Макс.

[Венгеров С.А.] Литературные очерки. (Как наши журналы печатают у себя романы. – Две стороны писательской физиономии г. Евг. Маркова. – Его односторонность. – Нечто о практической пригодности. – Параллель «Черноземных полей» и «Тесной рамки». – Помощь славянам. – «Дело», август 1876 г.) // НВ. 1876. № 205 (23 сент. / 5 окт.). С. 1–2. Подпись: Фауст Щигровского Уезда.

Листок. [О публицистических статьях Е.Л. Маркова] // Голос. 1876. № 322 (21 ноября / 3 дек.). С. 1–3. Подпись: Мыслет¹. [«Г. Марков, с своею обычною, хорошо знакомою читателям «Голоса» логичностью, эрудицией и красноречием, обрушивается на то именно учреждение, которому г. Баймаков посвящает свой

¹ В ЭНИ «Словарь псевдонимов» (<http://feb-web.ru/feb/masanov/default.asp>) указано, что в периодических изданиях 1883 г. псевдонимом «Мыслет» подписывал свои произведения Гребенщиков Михаил Григорьевич, сведений за 1876 г. не имеется.

талант. <...> Г. Марков громит *биржу* во всех ее проявлениях. <...> Гг. Усов-Баймаков поместили статью г. Маркова без всяких оговорок» (в № 319 «Санктпетербургских Ведомостей» – статья Е. Маркова «Биржевая мораль»)].

[А.М. Скабичевский]. Мысли по поводу текущей литературы. (Нечто о «Черноземных полях» Г.Евг. Маркова) // Биржевые Ведомости. 1876. № 299 (29 окт.). С. 1–2. Подпись: Заурядный читатель.

1877

[Марков В.В.] Книжные новости. Собрание сочинений Евгения Маркова. С портретом автора. Томы 1-й и 2-й. Публицистика и критика. СПб. 1877 г. // СПб. Вед. 1877. № 14 (14/26 янв.). С. 1–2. Подпись: В.М.

Литературная летопись. («Черноземные поля», г. Евгения Маркова) // Голос. 1877. № 34. (3/15 февр.). С. 1–2. Подпись: IV. [«Г. Евгений Марков как романист, принадлежит к писателям совершенно иного разряда [чем г. Каразин]. Он серьезный нравонаблюдатель, и в этом отношении его “Черноземные поля”, продолжение которых появилось в той же книжке “Дела”, представляют собою целую поэму, отличающуюся весьма крупными достоинствами и страдающую разве непомерным своим растяжением...»].

Литературная летопись. [«Дело», кн. 2-я и 3-я... «Черноземные поля», г. Евгения Маркова (продолжение)] // Голос. 1877. № 88. (31 марта / 12 апр.). С. 1–2. Подпись: IV. [«Даровитый автор как бы задался мыслью изобразить в романе своем полный эпос современной провинциальной русской жизни. Из-под пера его возникают все новые и новые эпизоды, занимательные сами по себе, но в которых основная ткань произведения мало-помалу исчезает... “Черноземные поля” г. Евгения Маркова принимают решительно какие-то исполинские пропорции...»].

[Михайловский Н.К.] Из дневника и переписки Ивана Непомнящего. Письма к Иванушке-Дурачку. (I) // ОЗ. 1877. № 3 (март). Современное обозрение. С. 130–151.

[Буренин В.П.] Литературные очерки. (Г.Е. Марков, как модный публицист, критик и беллетрист. Несколько слов по поводу дидактических романов вообще и по поводу одного героя в романе

«Черноземные поля») // НВ. 1877. № 364 (4/16 марта). С. 1–2. Подпись: Торъ.

Библиографический листок. Собрание сочинений Евгения Маркова. С портретом автора. Два тома. СПб. 1877. Стр. 449 и 521. Ц. 4 р. // ВЕ. 1877. № 3 (март). Обложка. С. 3. [Б. п.] [«Настоящему изданию предшествовала известность автора, как публициста и критика, имя которого появлялось не раз в различных повременных изданиях, под статьями, обращавшими на себя внимание в большинстве случаев свежестью таланта и всегда искренностью убеждений. <...> Сам автор весьма удачно характеризует свои труды, называя их “листками внутреннего дневника”; они действительно и представляют у него иногда все выгодные и невыгодные стороны дневника... Автора интересует одно, как он выражается: “самому уразуметь вещи отчетливо и беспристрастно”... У г. Маркова его личное беспристрастие принимает иногда форму односторонности...»].

[А.М. Скабичевский]. Мысли по поводу текущей литературы. (Г. Ев. Марков, как представитель карамзинского сентиментализма в наше время. Несколько заключительных слов о его романе и приговор г. Никитина над ним (см. «Дело» № 4)) // Биржевые Ведомости. 1877. № 107 (13 мая). Подпись: Заурядный читатель.

П. Никитин. [П.Н. Ткачев]. Уравновешенные души. («Новь»). Роман в двух частях. Сочинение Ивана Тургенева. «Вестник Европы», январь, февраль 1877 года). [О критических статьях в газете «Голос»] // Дело. 1877. № 2 (февраль). Современное обозрение. С. 283, 287, 295; № 4 (апрель). Современное обозрение. С. 35–60. [Автор сравнивает героев романов «Новь» И.С. Тургенева и «Черноземные поля» Е.Л. Маркова].

1878

В. Марков. Деревенский роман. [«Черноземные поля»]. – Теория общественной дремоты. [«Критические беседы»] // В. Марков. На-встречу. Очерки и стихотворения Василия Маркова. СПб.: Тип. и литография А.Е. Ландау. 1878. С. 290–303.

Н. Вессель. Стремление в Индию. (Ответ Е.Л. Маркову). [На статью Е. Маркова «Стремление в Индию»] // Голос. 1878. № 4 (4/16 янв.). С. 1. [«В № 313-м и 314-м “Голоса” за 1877 год напечата-

тана статья талантливого публициста, под заглавием “Стремление в Индию” (Dang nach Indien). Эта статья написана в опровержение нашей последней статьи “Политическое положение Англии и России”, помещенной в № 283 “Голоса”...». Подпись: Н. Вессель. 26-го декабря 1877 г.].

В. Буренин. Литературные очерки. (Письма Пушкина к жене. Г. Евгений Марков, требующий «воркующих песен Ромео и Юлии» в переписке поэта... [Мартовская книжка «Вестника Европы»]) // НВ. 1878. № 729 (10/22 марта). С. 2–3.

В. Буренин. Литературные очерки. (Критические статьи о Некрасове при его жизни и после смерти. – Два слова об этюдах г. Е. Маркова...) // НВ. 1878. № 824 (16/28 июня). С. 2–3. [«... Что бы ни толковали об этих [г. Маркова] этюдах слепые поклонники некрасовской поэзии, сколько бы они ни старались выставлять их несправедливыми (как, например, это сделали “Отеч. Зап.”), но все же нельзя не признать многое верным в критическом разборе почтенного автора. Разумеется, кой-что г. Е. Марков, по свойственной ему манере, разбавил фразистой болтовней, кой-что и даже очень важное просмотрел в поэзии Некрасова и в ее значении для русского общества. Однако же иные недостатки этой поэзии он оценил совершенно основательно и выставил их очень рельефно. Так, он очень правильно указал отсутствие художественной выдержки и меры в стихотворениях поэта, односторонний, озлобленно-хандрический взгляд на русскую народную жизнь, взгляд, при всем сочувствии поэта к народу, исключительно барский, а отнюдь не обще-национальный, взгляд, крайне болезненный, чуждый и даже враждебный здоровым, почвенным началам. Этюды г. Маркова были как бы первым сигналом отрицательной критики Некрасова...»].

[Михайловский Н.К.] Новые книги. Черноземные поля. Роман Е. Маркова // ОЗ. 1878. № 3 (март). Современное обозрение. С. 88–94. [«Как и все, что пишет г. Марков, он написал очень прлично, очень гладко, очень, скажем, “ловко”; в нем много чрезвычайно возвышенных мыслей, изложенных тем изящно-изысканным, немножко чересчур манерным языком, с неизбежными иллюстрациями из Священного Писания, который составляет в нашей литературе исключительную привилегию г. Маркова. <...> Правда, общая архитектура романа очень неуклюжа. <...>

Г. Марков не заурядный бытописатель, а пропагандист... Г. Марков занялся реабилитированием “деревни” с точки зрения просвещенного либерала, который о невозможном не мечтает, в утопии не верит, благоразумен, умерен, аккуратен...»].

Внутреннее обозрение. [Е. Марков о Некрасове] // ОЗ. 1878. № 3 (март). Современное обозрение. С. 134–141. [Б. п.]

С. Венгеров. Благонамеренные либералы. (Черноземные поля. Роман Евгения Маркова. СПб. 1878 г.) // Неделя. 1878. № 6 (5 февраля). Стб. 192–198.

1879

С. Бородаевский (Председатель Щигровской земской управы). За и Против. Ответ на статью «Земская халатность» в № 149-м «Голоса» [правильно – в № 169 – М.Б.] // Голос. 1879. № 269 (29 сент. / 11 окт.). С. 5.

[Михайловский Н.К.] Литературные заметки. «Критические беседы» Евгения Маркова («Русская Речь») // ОЗ. 1879. № 11 (ноябрь). Современное обозрение. С. 58–81. Подпись: Н.М.

В. Буренин. Литературные очерки. (Новый журнал «Русская Речь». [О статье Е. Маркова «Талмудизм в журналистике»]) // НВ. 1879. № 1025 (5/17 янв.). С. 2–3.

В. Буренин. Литературные очерки. (Пример, подтверждающий мораль басни о неудобстве для пирожника тачания сапогов. – Новый роман г. Е. Маркова «Берег моря». – Нечто о критических промахах автора романа. – Реторика описаний г. Маркова и неестественность диалогов героев его романа. – Заезженный конек – благотворность для современного человека жизни на лоне природы. – «На лоне природы и соленой рыбы» – подражание роману г. Маркова) // НВ. 1879. № 1053 (2/14 февр.). С. 2–3.

[С.А. Венгеров]. Литературные очерки. (Принцип «Чего изволите» в нашей журналистике. – «Берег моря» г. Евгения Маркова...) // Русский Мир. 1879. № 2 февр. С. 2. Подпись: С. Веди.

В. Буренин. Литературные очерки. (...Упреки и жалобы г. Евгения Маркова) // НВ. 1879. № 1073 (23 февр. / 7 марта). С. 2–3. [О статье Е. Маркова в февральской книжке «Русской Речи» и его последнем романе, печатанном в «Деле»].

В. Буренин. Литературные очерки. (...Г. Евгений Марков, или «блаженный муж» Щигровского уезда, испускающий сплетни и брань на рецензентов его романа [«Берег моря»] (в газете «Голос»)) // НВ. 1879. № 1094 (16/28 марта). С. 2–3.

В. Буренин. Литературные очерки. (Воспоминание о походе г. Евгения Маркова против рецензентов, неблагосклонно отзывавшихся о его романе. – Моя решимость молчать о «Береге моря» г. Маркова и перемена этой решимости. – Комические примеры из романа. – Два слова о ликвидациях и разрушениях в «Деле») // НВ. 1879. № 1175 (8/20 июня). С. 2–3.

В. Буренин. Литературные очерки. (Приглашение читателя окунуться в водах критики и философии. – Критическая «беседа» г. Евгения Маркова о Гейне. – Открытие критика отчего у слонов и горилл нет поэзии. – Смеющиеся и наслаждающиеся тучи, скворцы и чижи, запряженные в телегу. – Взгляд г. Маркова на Гейне, как на певца поэзии для поэзии и поэта дляamatеров...) // НВ. 1879. № 1245 (17/29 авг.). С. 2–3.

В. Буренин. Литературные очерки. (...Мнение г. Евгения Маркова о «Братьях Карамазовых») // НВ. 1879. № 1357 (7/19 дек.). С. 2–3.

[А.М. Скабичевский]. Мысли по поводу текущей литературы. (...«Берег моря» г. Евг. Маркова) // Молва. 1879. № 52 (23 февр.). С. 1. Подпись: Заурядный читатель.

1880

Берег моря. Роман из крымской жизни. Сочинение Е. Маркова. Части I, II. СПб., 1880 // ОЗ. 1880. Т. CCLI. № 8 (август). Отд. II. Современное обозрение. С. 225–229. [Б. п.]

Горшков А. [Протопопов М.А.] В защиту мертвца // РБ. 1880. № 11 (ноябрь). Отд. II. С. 1–26. (Полемика с Е. Марковым о Н. Добролюбове).

Нам пишут. Из Курска. (Курское губернское земское собрание 8-го декабря) // Неделя. 1880. № 51 (21 декабря). Стб. 1701–1703. [Б. п.] [О предложении и сообщениях Е.Л. Маркова на собрании и др.].

Журнальные очерки. [О декабрьской книжке «Русской Речи» и статье Е.Л. Маркова «Мужиковствующие сочинители»] // Неделя. 1880. № 51 (21 декабря). Стб. 1705–1709. [Б. п.]

1881

Казанский П.И. В защиту русского духовенства: по поводу статьи Е. Маркова: Религия в народной школе. (Русская речь. Январь 1881 г.). М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°. [1881]. 45 с.

[Михайловский Н.К.] Записки современника // ОЗ. 1881. Т. CCLVII. № 8 (авг.). Современное обозрение. С. 229–244. Подпись: Н.М.

Критические заметки. («Шатание мысли», как признак времени. – «Природа и утопия», г. Евгения Маркова («Русская Речь», май) <...>) // Порядок. 1881. № 137 (20 мая). С. 1–2. Подпись: А. В в.

Критические заметки. (<...> Золá и Евгений Марков) // Порядок. 1881. № 157 (10 июня). С. 1–2. Подпись: А. В в.

В.Е. Денский. Полемика и логика г. Евгения Маркова. (Евгений Марков: «Сельское правосудие», Русская Речь, июль 1881 г.; «Уездное управление», Русская Речь, сентябрь 1881 г.) // Русская Мысль. 1881. № 12. Отд. II. С. 17–27.

1882

А.А. Навроцкий. От редакции. [О закрытии журнала «Русская Речь»] // РР. 1882. № 5 (май). С. I–VIII. [«...Почтенные ежемесячные труды нашего постоянного сотрудника, хорошо и давно уже известного всему русскому читающему обществу, как беллетриста, критика и публициста, Евгения Львовича Маркова, без сомнения, не окончатся с прекращением журнала “Русская Речь” и будут продолжаться в тех органах печати, в которых г. Марков участвовал и до сих пор, одновременно с работами для “Русской Речи”»].

Введенский А.И. Литературные мечтания и действительность. По поводу литературных мнений о народе. (IV. Влияние ново-славянофильской агитации. – Гг. Евгений Марков, Ор. Миллер и пр.) // ВЕ. 1882. № 9 (сентябрь). С. 152–159. (Марков и славянофильские тенденции).

Ф. Решилов [К.М. Станюкович]. Журнальные заметки. «Смута умов», Е. Маркова («Русская Речь», январь) // Дело. 1882. № 2 (февраль). Современное обозрение. С. 53–66.

Вопрос о народном искусстве. По поводу народного пьянства // ВЕ. 1882. № 2 (февраль). С. 774–790; № 3 (март). С. 329–348. Подпись: А. В-нъ. [По поводу статьи Е.Л. Маркова «Народное искусство. По поводу народного пьянства. Письмо в редакцию» (Порядок, 1881, № 316–317)].

Арс. Введенский. Литературная летопись. («Мужиковствующая литература»...) // Голос. 1882. № 168 (24 июня / 6 июля). С. 1.

1884

[И.С. Аксаков]. Москва, 15 июля. – Москва, 1 апреля. [Возражения редакции газеты «Русь» на статью Е.Л. Маркова «Глиняные приобретения»] // Русь. 1884. № 14 (15 июля). С. 2–12; № 15 (1 апр.). С. 2–12. [Б. п.]

Суд совести и право помилования. (По поводу статьи Е.Л. Маркова «Суд совести...» (Русь. 1884, № 8)) // Киевлянин. 1884. № 87 (19 апр.). С. 1–2; № 88 (20 апр.). С. 1. [Передовая статья. Б. п.].

Англия и наши средне-азиатские завоевания, по поводу статей г. Маркова и [редакции] «Руси». Письмо к И.С. Аксакову // Русь. 1884. № 24 (15 дек.). Подпись: Л.С. 24 ноября 1884. Петербург. (В Оглавлении номера подпись: Л.Н.С.).

1886

Систематический Указатель статей, помещенных в ниже-поименованных изданиях с 1830 по 1884 год. Сост. фл.-адъют. полковник Попов. Отдел общий. СПб.: Изд. книжного магазина А.Ф. Цинзерлинга. 1886. 261 с. По указ. – Марков.

1887

Портретная галерея современных русских писателей. «Евгений Львович Марков», с фотографии Левицкого // Новь. 1887. № 17 (1 июля). С. 127–128. [Б. п.] Фотопортрет Е.Л. Маркова на вкладке между страницами 4 и 5.

1890

Дворянские роды, внесенные в общий Гербовник Всероссийской Империи. Сост. Гр. Александр Бобринский. Часть II. (От начала XVII стол. до 1885 года). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1890. С. 22–23, 206–207. (Марковы).

[Рец.] [Васильев С.] Евгений Марков. Путешествие на Восток. Царьград и Архипелаг. В стране Фараонов. СПб. 1890. // РО. 1890. № 12 (декабрь). Критика и библиография. С. 897–899. [«Перед нами совершенно законченный цикл наблюдений и описаний, совершенно самостоятельный и отдельно стоящий труд. <...> Книга эта очень интересна. Г. Евг. Марков обладает особым талантом описания. К подготовительным сведениям образованного человека, к специальным справкам посетителя известных исторических местностей, к наблюдательности опытного путешественника он присоединяет личное художественное чувство... <...> Задача художника состоит в том, чтобы при помоши своих описаний явиться на помошь этому громадному большинству, вызвать силою своего таланта живые, яркие, образные картины виденного им пред умственными очами тех, кто силою вещей, силой необходимости лишен возможности личного посещения великих культурных стран древности... Книга г. Евг. Маркова достигает этой цели. Автор оставил в ней часть своей души. Он совершенно искренно интересовался новым миром, какой открывался перед ним, и сумел мастерски передать и читателю этот интерес...»].

[Рец.] Путешествие на Восток. Царьград и Архипелаг. В стране фараонов. Евгения Маркова. СПб. 90. Стр. 414 // ВЕ. 1890. № 11 (ноябрь). Библиографический листок. [С. 3 обложки, после С. 480]. [Б. п.] [«Настоящее путешествие может занять видное место как по наблюдательности автора, не мало искусившегося в деле странствования, так и по художественному изображению всего, что проходило перед его глазами»].

[Рец.] Евгений Марков. Путешествие на Восток. Царьград и Архипелаг. В стране фараонов. СПб. 1890 г. // РВ. 1890. № 12 (декабрь). Новости литературы. С. 320–323. [Б. п.] [«Автор этой интересной книги давно известен в нашей литературе, как замечательный турист, и в свое время его “Очерки Крыма” и затем “Очерки Кавказа” много читались русской публикой. Г. Марков кроме того

и публицист, и талантливый беллетрист. <...> Г. Марков имеет данные для того, чтобы быть хорошим туристом: у него есть наблюдательность, заставляющая его интересоваться даже мелочами, характерными по той или другой причине, но мимо которых легко мог бы пройти более поверхностный наблюдатель; у него есть основательная подготовка, есть знание истории описываемой страны, что и для него самого облегчает знакомство с нею, и для читателя делает труд более авторитетным, в то же время нисколько не умаляя его интереса; исторические, географические и прочие замечания не нагромождаются у него беспорядочной кучей, не давят друг друга, а рассыпаются, так сказать, попутно, незаметно, только иллюстрируя собою быт и настояще положение страны. Затем у г. Маркова есть достаточный запас энергии, необходимый для путешественника по странам еще довольно диким, и без которой многое любопытное и характерное так и рисковало бы оставаться не осмотренным, ради избежания неудобств и затруднений. И наконец, когда турист обращается в писателя и начинает записывать все наблюдения, то тут на помощь автору является блестящий талант, уменье живо и интересно рассказать самое по-видимому простое происшествие. Если мы прибавим к этому еще и любовь к природе, сильно развитую в авторе и местами возвышающую его до истинной поэзии, то хотя мы может быть еще и не кончим с перечислением всех достоинств книги, но, надеемся, скажем достаточно...»].

1891

[Рец.] Путешествие по Св. Земле. Евг. Марков. СПб. 91. Стр. 523 // ВЕ. 1891. № 1 (январь). Библиографический листок. [С. 3 обложки, после С. 488]. [Б. п.] [«Автор, хорошо, по-видимому, подготовленный к своему путешествию предварительным изучением литературы предмета, и привычный к делу, требующему наблюдательности, сообщил новый интерес фактам, описанным уже давно многократно и как бы общеизвестным; в то же время, все это вышло у него – не сухое исследование, а весьма картиное изложение предмета, вперемежку с теми личными детальными похождениями и впечатлениями, которые послужили иллюстрациею современного быта страны, служившей некогда театром величайших мировых событий и переворотов»].

1892

Из русских изданий. Путевые очерки г. Е. Маркова (В «Русском Вестнике») // КН. 1892. № 8 (август). С. 195–196. [Б. п.]

1893

Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы. 1848–1892 гг. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: Издание Ф. Павленкова. 1893. С. 292–297. [«... Типичным представителем либерально-тенденциозной беллетристики является Евгений Львович Марков. <...> Литературный талант пробудился в Маркове очень рано, и уже десяти лет он писал стихи. Печататься начал с 1858 года, когда в “Русском Вестнике” появились маленький рассказ его “Ушан” и полемическая статья против профессора Ешевского. <...> В качестве критика он оставался верным старым эстетическим теориям чистого искусства. <...> В качестве романиста он более всего известен романом “Черноземные поля”... В противоположность Боборыкину, рьяному западнику, меряющему русскую жизнь по масштабу парижской культуры, Евг. Марков смотрит на нее с народнической точки зрения: он до известной степени почвенник, проводящий ту мысль, что городская жизнь портит людей, нравственно калечит их и растлевает, и лишь возвращение в деревню или в родную усадьбу, в среду народа и на лоно природы, может спасти человека, восстановить равновесие его сил и дать им благоприятный исход. Мысль эта является основою беллетристических произведений Евг. Маркова»].

П. Пушкин (I); Г. Алякринский (II). Два ответа Е.Л. Маркову. [По поводу статьи Е.Л. Маркова «Курьезный судебный процесс»] // Судебная Газета. 1893. № 34 (22 авг.). С. 7–8.

Еще несколько замечаний по поводу щигровского инцидента. [По поводу статьи Е.Л. Маркова «Курьезный судебный процесс»] // Судебная Газета. 1893. № 41 (10 окт.). С. 5–6. Подпись: Юрист.

По поводу одного уголовного следствия. [Отклик на статью Е.Л. Маркова «Курьезный судебный процесс»] // Юридическая Газета. 1893. № 60 (1 авг.). С. 1–2. [Б. п.]

К вопросу о наших следственных порядках. [По поводу письма Е.Л. Маркова в «Новом Времени» «Курьезный судебный процесс»] // Киевлянин. 1893. № 220 (11 авг.). С. 1–2. Подпись: Н.Т.

А. Родиславский. И. д. судебного следователя 2-го участка Щигровского уезда. Письмо в редакцию. [Объяснение на статью Е.Л. Маркова «Курьезный судебный процесс»] // Новости и Биржевая Газета. 1893. № 245 (6/18 сент.) С. 2–3.

1894

Из жизни и литературы. Суд над печатью. [По поводу статьи Е.Л. Маркова «Курьезный судебный процесс»] // Северный Вестник. 1894. № 12. Отд. II. С. 65–72.

1896

С. Венгеров. Марков (Евгений Львович) // Энциклопедический словарь. СПб.: Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. 1896. Т. XVIII А. (Малолетство – Мейшагола). 1896. С. 659–660. [«Расцвет литературной деятельности М[аркова] относится к 70-м г. Он становится одним из плодовитейших публицистов и критиков и пробует также свои силы на поприще романа и повести. <...> Несмотря на то, что как критик он ожесточенный враг тенденциозности, М. в собственных романах писатель ярко-тенденциозный. Главный роман его – “Черноземные поля” – представляет собой почти сплошную проповедь того, что всего вернее можно назвать благонамеренным либерализмом мещанского счастья и какого-то совсем особенного народничества, ничего общего не имеющего с демократизмом. <...> Гораздо выше беллетристики М. его многочисленные путевые очерки, отчасти написанные в беллетристической форме. М. прекрасный стилист, у него есть живое чувство природы; в “Очерках Крыма” много страниц истинно поэтических. Как критик, М. стоит по преимуществу на эстетической точке зрения. <...> В 1881 г. гр. Игнатьев вызывал М[аркова] в СПб., в качестве “сведущего человека” по питейному и переселенческому делу, и он был одним из 6 лиц, избранных для защиты выработанных “сведущими людьми” проектов в заседании Государственного Совета. С конца 1880-х гг. М. состоит управляющим

воронежского отделения Дворянского и Крестьянского земельных банков»].

Поворинский А.Ф. Систематический указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству, гражданскому и уголовному. Т. 1. СПб., 1896. [Марков Евгений: ст. 1510, 2688, 2689, 4061, 4062, 9849 (по Указателю на С. 744); также указаны ответные статьи на публикации Е.Л. Маркова]. С. 85–86, 149–150, 225, 600.

1897

[Рец.] От Киева до Бриндизи. Путевые очерки Е.Л. Маркова (Русское Обозрение, кн. II, III и IV 1897 г.) // РВ. 1897. Май (№ 5). С. 307–310. [Б. п.]

1898

[Розенберг В.А.]. Г. Евгений Марков о крестьянском банке // РВ. 1898. № 12 (декабрь). Отд. II. С. 102–113. Подпись: В.Р. [«Мою статью о крестьянском банке почтил вниманием г. Евгений Марков. В трех номерах “Нового Времени” (№ 8156, 8158 и 8159) он беседует о ней с читателями, возражает мне, спорит. Нечего говорить, что в лице г. Евгения Маркова я имею дело с отменно галантным и просвещенным противником. <...> Еще приятнее, если вашим противником является человек, смотрящий на печать с широкой государственной точки зрения...»].

Литературный вечер 28 января в пользу Общества вспомоществования учащимся. [Объявление о лекции Е.Л. Маркова «Античная Греция», при пособии волшебного фонаря, в городском зимнем театре] // ВТ. 1898. № 10 (23 янв.). С. 3.

40-летие литературной и общественной деятельности [Е.Л. Маркова] // ВТ. 1989. № 12 (28 янв.). С. 2. Подпись: И.Ф. [«...Ни одно крупное начинание культурного характера, ни одно общество в городе с гуманными задачами не обходится без живого и активного участия со стороны Евгения Львовича. У Воронежской публики он постоянно на виду и как любимый лектор, и как участник разнообразных обществ. / “Священный дар” поэтического и художественного творчества и своего таланта Е.Л. Марков щедро

нес на благо дорогой ему родины, выступая то в качестве практического деятеля, то яркого публициста и критика, то вообще чуткого наблюдателя быта и жизни людской... Его перо неустанно работало в соответствии с теми или иными фактами и событиями русской жизни. <...> Он является одним из главных основателей в Курске земской учительской школы и реального училища. <...> Основой беллетристических произведений Евгения Львовича является любовь к деревне и народу. Деревня, по мысли его, восстанавливает равновесие сил человека и дает им благотворный исход. <...> Литературный талант пробудился в Евг. Л. очень рано, и уже десяти лет он писал стихи. / Печататься же начал с 1858 г., когда в "Русском Вестнике" появился рассказ его "Ушан" и полемическая статья против профессора Ешевского... Гражданским мужеством он всегда отличался. В 1858 г. он не побоялся выступить против известного проф. Ешевского, усматривавшего причину плохого состояния русских университетов в неподготовленности студенческой молодежи. Е.Л. Марков, напротив, упрекал профессорскую корпорацию в отсталости и в этом видел причину низкого уровня русских университетов. <...> В течение длинного ряда лет своей сорокалетней писательской деятельности Е.Л. Марков громко призывал жизненные силы общества для дружной работы на благо родины...»].

40-летие литературной деятельности Е.Л. Маркова // ВТ. 1898. № 116 (9 окт.). С. 2. Подпись: Wox.

Е.Л. Марков – в Воронеже. (По поводу сорокалетия его литературной деятельности 1858–1898 гг.) // ВТ. 1898. № 116 (9 окт.). С. 2. Подпись: N.

40-летие литературной деятельности Е.Л. Маркова // ВТ. 1898. № 117 (11 окт.). С. 2. Подпись: Wox.

П. Николаев. Е.Л. Марков как публицист // ВТ. 1898. № 117 (11 окт.). С. 3.

Чествование 40-летней литературной деятельности [Е.Л. Маркова] // ВТ. 1898. № 119 (16 окт.). С. 2–3.

Чем всего целесообразнее почтить Е.Л. Маркова Воронежцам? // ВТ. 1898. № 120 (18 окт.). С. 2. Подпись: Н.Н. П-ий.

[Празднование 40-летнего юбилея Е.Л. Маркова. (Заметка)] // ВТ. 1898. № 120 (18 окт.). С. 2. Подпись: Рослов.

Чествование 40-летней литературной деятельности [Е.Л. Маркова] // ВТ. 1898. № 120 (18 окт.). С. 2. [Б. п.]

Лекция о Белинском [Е.Л. Маркова, 21 декабря, в зале Городской Думы] // ВТ. 1898. № 149 (30 дек.). С. 3. Подпись: Н.

Отголоски // Свет. 1898. № 263 (6 окт.). С. 3. Подпись: С*. [«Ценным подарком для тех русских, которым дорого прошлое и настоящее славянских народностей, является статья г. Евг. Маркова в “Вестнике Европы” – Славянская Спарта»].

Отголоски // Свет. 1898. № 267 (10 окт.). С. 3. [«В статье г. Маркова “Славянская Спарта” необыкновенно трогательны некоторые подробности отношений Черногории к России»]; № 269 (12 окт.). С. 3. [«Очень симпатичными красками рисует г. Евг. Марков (“Славянская Спарта”) положение черногорской женщины»]. Подпись: С*.

Русаков В. [Либрович С.Ф.]. Евгений Львович Марков. К сорокалетию его литературной деятельности. – Опыт характеристики. Виктора Русакова // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф. 1898. № 1 (октябрь). Стб. 35–42. (На Стб. 41–42 приведен автограф Е.Л. Маркова, на Стб. 38 – фотопортрет). [«Как писатель, Е.Л. Марков безусловно принадлежит к числу известнейших беллетристов либерального лагеря, в котором он занимает место в одном ряду с Боборыкиным, Немировичем-Данченко, Саловым, Терпигоревым. Как автор путевых очерков, он имеет одного лишь соперника – в лице Немировича-Данченко, хотя, быть может, в отношении прелестного, красноречивого стиля и живого чувства природы вправе оспаривать пальму первенства у автора “Страны холода”. Как критик, он, оставаясь верным эстетической точке зрения на литературу, озлобил против себя многих, но тем не менее сумел удержать за собою вполне заслуженный эпитет “выдающегося критика”»].

В. Скворцов. Письмо в редакцию. [По поводу статьи «Брожение духа в народе» в № 271 «Пет. Вед.»] // Свет. 1898. № 333 (16 дек.). С. 3.

1899

Воронежский Кружок Любителей Рисования. [О деятельности Комитета Кружка в 1898 г., Е.Л. Марков – секретарь Комитета] // ВТ. 1899. № 15 (3 февр.). С. 3. [Б. п.]

Литературный вечер. [Объявление о литературно-музыкальном вечере в пользу воскресных школ, 21 марта, в Воронежском зимнем театре, где Е.Л. Марков прочтет, при помощи богатой коллекции видов, заказанных в Москве, и при помощи фонаря, выпи-санного из Англии, свою поездку в Дагестан] // ВТ. 1899. № 33 (19 марта). С. 3.

Анна Маркова. Отчет по литературно-музыкальному вечеру 21 марта 1899 г., в пользу двух воскресных школ муж. и жен. им. А.С. Пушкина // ВТ. 1899. № 40 (4 апр.). С. 3. Подпись: Учре-дительница воскресных школ Анна Маркова.

Памяти Пушкина. [Объявление о бесплатном литературном вечере в память 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, 27 мая, в зимнем городском театре, где Е.Л. Марков прочтет поэму Пуш-кина «Руслан и Людмила»] // ВТ. 1899. № 58 (23 мая). С. 2.

1900

Марков Евгений Львович // Большая Энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний. Под ред. С.Н. Южакова. СПб.: Тип. Товарищества «Просвещение». 1903. Т. 12 (Ландау – Меламед). С. 653–654.

Р.Л. Марков. Забытая деревня. (Из Воспоминаний моего отца) // ИВ. 1900. Том LXXXI. № 7 (июль). С. 62–71.

Память об А.И. Познанской (ныне – Марковой) [о жене Е.Л. Маркова; воспоминания ее воспитанниц из Симферопольской гимназии, в одном из недавних № газеты «Крым»] // ВТ. 1900. № 63 (4 июня). С. 2.

1901

Сотрудники «Нового Времени» (К 25-летию газеты). Порт-рет Е.Л. Маркова // НВ (Иллюстрированное приложение). № 8988 (7/20 марта). С. 7.

[Рец.] Е. Марков. Россия в Средней Азии. Очерки путешест-вия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской и др. об-ластям. 2 тома. СПб. 1901 // НВ. (Иллюстрированное приложение). 1901. № 9091 (27 июня / 10 июля). С. 11–12. Подпись: Ignoto. [«Не-утомимый путешественник и неутомимый писатель! Перед нами

два тома по 500 страниц... Видно сразу, что это... серьезно задуманная работа, потребовавшая внимательного изучения страны и ее жизни... Евгений Марков чуткий и страстный наблюдатель, истинный тип путешественника по призванию... Пытливый ум движется всегда в дальний путь с массой разных вопросов, и они вместе с ответами и составляют результат. Эта преднамеренность и самого путешествия и его интеллектуальной стороны и придают серьезное значение составляемому впоследствии описанию. Сам автор называет свою книгу “беспритязательным дневником писателя-художника”. Но это только его скромность. На самом деле в этих описаниях видна серьезная работа; автор предварительно изучал описываемые края в их далеком прошлом; исторические справки постоянно пестрят. Наряду с художественными картинками автор касается и политической судьбы страны в ее настоящем, выступая как убежденный публицист в защиту известных взглядов. Нет, от “беспритязательности” все это далеко»].

[Рец.] [Тихонов В.А.] Евгений Марков. Учебные годы старого барчука. СПб. 1901 // НВ (Иллюстрированное приложение). 1901. № 9245 (28 ноября / 11 дек.). С. 9–10. Подпись: Мордвин. [«Странное дело! В то время, когда писатели с очень сравнительно некрупным дарованием и с узким миросозерцанием приобретают широкую популярность среди читающей публики и завоевывают себе известность, – такой художник слова, такой образцовый стилист и глубокий наблюдатель, как Евгений Марков, остается как-то в тени. Писатель, проникнутый любовью к людям, свободолюбивый в лучшем смысле этого слова человек, мыслитель с широким кругозором, до сих пор еще по какой-то злой иронии судьбы не занял своего места в литературе. Автор “Черноземных полей”, “Барчуков” и других не менее прекрасных произведений, много лет уже тихо и бесшумно делает свое большое литературное дело. Несомненно, что придет время, когда наша критика, забыв свои партийные счеты, воздаст должное и этому замечательному русскому писателю. Не партийностью ли именно нашей критики объясняется не то преднамеренное замалчивание, не то какое-то уклончивое отношение к произведениям и имени этого писателя? Ев.Л. Марков чутко относился к самым разнообразным явлениям жизни, без узкой предвзятости, без партийной нетерпимости откликаясь на все доброе и осуждая все темное и злое, и в беспри-

страстии своем не раз, может быть, “знамени врага отстаивал честь”. Но, как человек свободолюбивый, он не примкнул ни к какому узкому приходу, и потому ни один из воинствующих приходов не славил его славу так, как славят они своих присных и излюбленных... Нечего и говорить, что “Учебные годы барчука” написаны тем же прекрасным, образным и необычайно простым языком, который так присущ и другим произведениям этого писателя. Есть главы, которые хочется выучить наизусть; есть страницы, которые умиляют вас до слез, и есть много такого, чего никогда не надо забывать, принимаясь за святое дело образования и воспитания молодого поколения...»].

История «Живописной России» // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Том 8. Среднее Поволжье и Приуральский край. Часть 2. Приуральский край. СПб.; М.: Издание Товарищества М.О. Вольф. 1901. Заключительный очерк. С. 307 (портрет Е.Л. Маркова), 309–310.

1902

Гоголевские поминки // ВТ. 1902. № 24 (27 февр.). С. 2. [«21 февраля в зале Дворянского собрания... Е.Л. Марков прочитал “о значении Гоголя в русской литературе...”»].

Мезьер А.В. Русская словесность с XI по XIX столетия включительно. Библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой. Часть II. СПб. 1902. С. 214–215.

В. Буренин. Литературная деятельность Тургенева. (СПб., 1894) // Собрание критических материалов для изучения произведений И.С. Тургенева. Вып. 1. Составил В. Зелинский. Изд. 4-е. М.: Типо-литография В. Рихтер. 1902. С. 397–398.

1903

Портрет и автограф Е.Л. Маркова. (Е.Л. Марков, писатель. Род. в 1835 г., ск. 17-го марта в Воронеже. См. 9711, 9713 и 9714 «Нов. Вр.») // НВ (Иллюстрированное приложение). 1903. № 9719 (26 марта / 8 апр.). С. 6.

Некролог. Е.Л. Марков // Правительственный Вестник. 1903. № 63 (19 марта / 1 апр.). С. 4. [Б. п.] [«17 марта скончался в Воронеже автор “Черноземных полей”, “Очерков Крыма” и многих других беллетристических и публицистических произведений, Евгений Львович Марков, в течение сорока пяти лет неустанно трудившийся на пользу русской литературы... До самого последнего времени имя его не сходило со страниц журналов и газет... Каждое произведение его носило на себе печать неподдельного дарования. Никому не подражая, Е.Л. не поддавался изменениям времени и всегда оставался писателем-идеалистом. В качестве публициста и критика, он до конца жизни сохранял душевную бодрость и откликался на самые животрепещущие вопросы общественной жизни и литературы. <...> Ряд публицистических фельетонов, появившихся в газете “Новое Время” за последние годы, свидетельствовал о том, что автор по-прежнему был предан литературе, волновался общественными вопросами и сохранял, несмотря на старость, молодой энтузиазм, которым были так богаты его давние литературные опыты»].

Е.Л. Марков. (Некролог) // НВ. 1903. № 9711 (18/31 марта). С. 3. [Б. п.] [«...Он был романистом, критиком, публицистом, и во все свои произведения вносил горячую проповедь добра, стремления к красоте и нравственной чистоте и любовь к природе. Отличаясь глубокой наблюдательностью, он обладал в то же время в высшей степени интересным способом изложения своих мыслей и наблюдений. В последние годы покойный уделял литературной работе только досуги своей службы, но служба и старость не мешали всегда горячо и бодро откликаться на животрепещущие темы текущей жизни. Еще не так давно (недели три назад) он напечатал в “Новом Времени” фельетон “Зоологическая любовь” и отстаивал чистоту семейных отношений и крепость семейных уз...»].

Памяти Е.Л. Маркова // НВ. 1903. № 9713 (20 марта / 2 апр.). С. 3. Подпись: Н.Р.

В. Розанов. Памяти Евг.Льв. Маркова // НВ. 1903. № 9714 (21 марта / 3 апр.). С. 3. [«...Марков был писателем редкого здравомыслия и уравновешенности и редкой точности и верности нравственного чувства. Он не подымал новых тем, но когда около какой-нибудь темы происходила литературная свалка, слышались голоса резкие и противоположные, начинали замешиваться нечистые

чувства, – раздавался вдруг чистый великорусский его голос, с отливом южной мягкости (покойный был уроженец и житель Курской губернии), и тогда на него невольно все оглядывались и часто поправлялись в крайностях своих воззрений. Я упомянул о точности и верности его нравственного чувства. Но его не все имеют мужество высказать. Иногда в общественной жизни накопляется, как по ранней весне грязи, около доброй цели, доброго намерения, доброго закона целая гора сорных человеческих дел и делишек. Из уважения к доброй сердцевине дела все молчат о покрывающей его грязи. Так было с судом присяжных... <...> Запутавшееся между сочувствием и антипатией общественное чувство или опасалось поторопиться с резким словом, или не умело его выразить так, чтобы с порицанием злу не было сказано и порицания добру, столь тесно с ним связанному. В “Софистах XIX века” Марков сказал нужное слово. Требовалось именно его здравомыслие и так сказать самоощущение этого здравомыслия, дабы произнести в 1875 г. то осуждение, которое повторили может быть и талантливее, но позднее Достоевский в “Братьях Карамазовых” (изображение суда над Дмитрием Карамазовым, с речами прокурора и адвоката Фетюкова) и Л.Н. Толстой (в “Воскресении”, общее изображение суда над Екатериною Масловой). / Уравновешенность его ума сказалась в стойкости его педагогических идей. <...> Резко восстав в 1862 г. против обобщения и приложимости яснополянских опытов, Марков остался не уступчив и в отношении к наступившей через восемь лет после этого системе Д.А. Толстого. Тут сказалась его благородная гордость, не позволившая небольшому чиновнику слиться с обширною системою. Директор Симферопольской гимназии и народных училищ в Крыму, он произнес в присутствии самого министра, посетившего в 1870 г. Крым, речь о среднем образовании, где отрицались несбыточные (и несбывающиеся) надежды классицизма, и принужден был подать в отставку. <...> Марков как спокойно не согласился с наступавшим непохвальным режимом, так сохранил это спокойствие и в стороне от учебных дел. В критике Л.Н. Толстого он стоял на почве западноевропейского опыта, не допускавшего таких личных порывов в учителе; оставшись в стороне от насаждавшегося у нас классицизма, он противодействовал слепому, не критическому пересаживанию к нам образцов прусской школы. <...> Его книга детских

и школьных воспоминаний: “Барчуки. Картины прошлого”, – полна самого ценного педагогического материала, данного не в рассуждениях, а в картинах. <...> Он был хорошим выразителем времени 81–94 годов, но без всяких подчеркиваний, без единой крайности, без всякого чувства мести (сильно в те годы разыгравшегося в литературе) по отношению к пережитому двадцатилетию 1861–1881 г. Точнее сказать, во все время царствования Александра III: спокойного и положительного отношения к родине, отношения уважительного, но без ослепления. Отсутствие нервности не сделало его первостепенным бойцом в которой-нибудь эпохе. Но от обоих он понес на себе спокойный и лучший свет»].

Некролог. Е.Л. Марков (ск. 17 марта 1903 г.) // РВ. 1903. № 4 (апрель). С. 842–843. Подпись: В.В. [«Литературный талант Е.Л. Маркова отличался поразительною многосторонностью. Статьи по педагогическим вопросам, критические этюды, романы и повести, путевые очерки, статьи по вопросам народного хозяйства, земским, общественно-злободневным и т.д.; и все писалось не как попало, а с несомненным талантом, добросовестностью, знанием дела и не крикливою, а если можно так выразиться, сосредоточеною страстностью. <...> Е.Л., будучи не только художником, но и публицистом с очень определенным своеобразным мироизмерением, стоял в стороне от журнальных партий. <...> Он говорил только то, что думал, и считал это главным условием работы. <...> Е.Л. обладал в высшей степени “конгениальностью”, способностью проникать в дух чужих народов, – и оттого, быть может, очерки Крыма и Кавказа навсегда останутся жемчужинами его творчества. Критические статьи Е.Л. о Тургеневе, Л.Н. Толстом, Достоевском, Островском, нескольких иностранных писателях можно цитировать как образцы критики честной, сериозной и благовоспитанной. Благовоспитанность была вообще типичною его чертой...»].

Некрологи. Марков Е.Л. // ИВ. 1903. № 5 (май). С. 790–792. [Б. п.]

Е.Л. Марков // Нива. 1903. № 13 (дозволено цензурою 26 марта). С. 254–255. [Б. п.]

Из общественной хроники. Евг.Л. Марков. [Некролог] // Вестник Европы. 1903. № 4 (апрель). С. 907–908. [Б. п.]

Памяти Е.Л. Маркова // ВТ. 1903. № 33 (19 марта). С. 2.
Подпись: V.

Памяти Е.Л. Маркова // ВТ. 1903. № 34 (21 марта). С. 2.
Подпись: Щ.

[О панихиде, отпевании в Воронежском кафедральном соборе преосвященным Анастасием, архиепископом Воронежским и Задонским тела Е.Л. Маркова; о похоронах Е.Л. Маркова] // ВТ. 1903. № 34 (21 марта). С. 2. [Б. п.]

Заметки. [Памяти Е.Л. Маркова] // ВТ. 1903. № 34 (21 марта). С. 2. Подпись: Горожанин.

Ученик об учителе Е.Л. Маркове. [Статья В. Гольцева в газете «Курьер»] // ВТ. 1903. № 35 (23 марта). С. 2.

В заседании комитета [Воронежского церковного историко-археологического комитета]. (Памяти Е.Л. Маркова) // ВТ. 1903. № 36 (26 марта). С. 2. [Б. п.]

В. Долгополов. Памяти Е.Л. Маркова // ВТ. 1903. № 37 (28 марта). С. 2.

Местные известия и заметки. [Панихида по Е.Л. Маркову в Воронежских воскресных школах им. А.С. Пушкина, 23 марта, в присутствии А.И. Марковой] // ВТ. № 37 (28 марта). С. 2.

В заседании ученой архивной комиссии. (Памяти Е.Л. Маркова) // ВТ. 1903. № 39 (2 апр.). С. 2.

«Р. Вед.» посвящают на днях скончавшемуся Е.Л. Маркову следующий некролог... [Некролог Е.Л. Маркова. Перепечатка из «Р. Вед.»] // СПб. Вед. 1903. № 78 (21 марта / 3 апр.). С. 5. [Б. п.]

1904

Фаддеев А.Д. Евгений Львович Марков // ТВУАК. Воронеж: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева». 1904. Вып. 2. «Памяти первого и незабвенного Председателя Воронежской Ученой Архивной Комиссии Евгения Львовича Маркова». С. I–VII.

Памяти Е.Л. Маркова. Речь Г.И. Можарова. (Произнесена в заседании Архивной Комиссии 28 марта 1903 г., посвященном памяти Е.Л. Маркова) // ТВУАК. Воронеж: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева». 1904. Вып. 2. «Памяти первого и незабвенного Председателя Воронежской Ученой Архивной Комиссии Евгения Львовича Маркова». С. VIII–X.

Памяти Е.Л. Маркова. Речь А.Д. Фаддеева. (Произнесена в заседании Архивной Комиссии 28 марта 1903 г., посвященном памяти Е.Л. Маркова) // ТВУАК. Воронеж: Т-во «Печатня С.П. Яковлева». 1904. Вып. 2. «Памяти первого и незабвенного Председателя Воронежской Ученой Архивной Комиссии Евгения Львовича Маркова». С. XI–XIV.

Памяти Е.Л. Маркова. Речь Д.Г. Тюменева. (Произнесена в заседании Воронежского Губ. Статистического Комитета) // ТВУАК. Воронеж: Т-во «Печатня С.П. Яковлева». 1904. Вып. 2. «Памяти первого и незабвенного Председателя Воронежской Ученой Архивной Комиссии Евгения Львовича Маркова». С. XV–XVII.

Памяти Е.Л. Маркова. Речь Л.М. Савелова (Произнесена в заседании 18 апреля 1903 г. в заседании Архивной Комиссии) // ТВУАК. Воронеж: Т-во «Печатня С.П. Яковлева». 1904. Вып. 2. «Памяти первого и незабвенного Председателя Воронежской Ученой Архивной Комиссии Евгения Львовича Маркова». С. XVIII.

В.В. Литвинов. Евгений Львович Марков. (1835–1903 г.) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1904 год. Воронеж. 1903. Отд. III – Научно-литературный. С. 107–116. (Подпись: В.В. Литвинов. Г. Новохоперск. Октябрь 1903 г.). [«...Литературная деятельность Евг. Льв. была замечательно разносторонняя; нет такой отрасли литературы, в которой он не подвизался бы: беллетрист, публицист, критик, путешественник-этнограф, историк, фельетонист, политик, педагог, экономист, писатель для юношества – все это соединялось в нем вместе. Правда, он не писал стихотворений, но все-таки поэтом был, и в этом нас убеждают многие глубоко поэтические места его путевых очерков. Несмотря на разнообразие видов литературных трудов и плодовитость, Евг. Льв. не обнаруживал в них диллентизма; напротив – в авторе их был виден человек, хорошо знакомый с трактуемым предметом, или вопросом, вносящий притом оригинальные мысли, оригинальные взгляды. <...> Евг. Льв. отличался выдающимся ораторским талантом... Его публичные лекции и чтения всегда привлекали массу публики... Доход с платных лекций Евг. Льв. всегда назначал в пользу какого-либо благотворительного или просветительского учреждения или общества»].

[Рец.] А. Налимов. Евгений Марков. Разбойница Орлиха. СПб., 1904 // Образование. 1904. № 7. Июль. Критика и библиография. С. 102–103.

[Рец.] В.Г. Короленко. Евгений Марков. Разбойница Орлиха. СПб., 1904 // РБ. 1904. № 5 (май). Новые книги. С. 18–20. [«Покойный Евгений Марков представлял в литературе явление довольно заметное; хлесткий стиль, некоторая (правда, довольно аляповатая) яркость изложения и значительная развязность – все это выдигало его писания, как выдигает человека резкий и звонкий голос в шумной толпе...»].

1905

П. Никитин. [П.Н. Ткачев]. Уравновешенные души. «Дело», 1877. № 2 (критика на «Новь» Тургенева). [О критических статьях в газете «Голос»] // Собрание критических материалов для изучения произведений И.С. Тургенева. Вып. 2. Ч. 2. Составил В. Зелинский. Изд. 4-е. М.: Типо-литография В. Рихтер. 1905. С. 41–48.

1906

Марков (Евгений Львович) – писатель, ум. в 1903 г. // Энциклопедический словарь. СПб.: Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Доп. Т. II. 1906. (Кошбух – Прусиц). С. 143.

1907

Н.К. Михайловский. Из дневника и переписки Ивана Непомнящего. (VIII. Письма к Иванушке-Дурачку (1877 г.)) // Н.К. Михайловский. ПСС. Т. 2. Изд. 4-е. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза». 1907. Стб. 856–880.

1908

Каталог книг Щигровской земской имени Евгения Львовича Маркова библиотеки. 1 сент. 1908 г. Курск, 1908. [1], 70 с.

Н.К. Михайловский. Записки современника (1881–1882 г.). (V. Медные лбы и вареные души) // Н.К. Михайловский. ПСС. Т. 5. Изд. 4-е, Н.Н. Михайловского. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1908. Стб. 460–478.

1909

Н.К. Михайловский. Записки профана. (IX. Нечто о г. Маркове. – Х. Десница и шуйца гр. Толстого; XIX. О Шиллере и многом другом) // Н.К. Михайловский. ПСС. Т. 3. Изд. 4-е, Н.Н. Михайловского. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1909. Стб. 471–490, 732–737.

Н.К. Михайловский. Литературные заметки 1879 г. VI. Теория внутреннего равновесия. (Критические беседы Евгения Маркова («Русская Речь»)) // Н.К. Михайловский. ПСС. Т. 4. Изд. 4-е, Н.Н. Михайловского. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1909. Стб. 801–827.

1911

Марков Евгений Львович. [Действительный член Общества с 29 января 1899 г.] // Словарь членов Общества любителей Российской Словесности при Московском Университете (1811–1911). М.: Печатня А. Снегиревой. 1911. С. 185.

Каталог книг Щигровской земской имени Евгения Львовича Маркова библиотеки. Курск: Тип Курского губернского земства. 1911. 81 с.

1913

Н.К. Михайловский. Рецензии из «Отечественных Записок». «Черноземные поля». Роман Евгения Маркова // Н.К. Михайловский. ПСС. Т. 10. Изд. 2-е, Н.Н. Михайловского. СПб. 1913. Стб. 843–851.

1914

Каталог книг Щигровской земской имени Евгения Львовича Маркова библиотеки. Курск, 1914. [2], 81 с.

1915

С.А. Венгеров. Марков Евгений Львович // Новый энциклопедический словарь. Под ред. К.К. Арсеньева. Петроград: Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон. 1915. Т. 25. С. 756–757.

1916

Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. П.-М.: Издание Т-ва М.О. Вольф. 1916. С. 22–23. [«Наездами в Петербург бывал на собраниях [литературного] “почти-клуба” Евгений Марков, которого направление министерства гр. Д. Толстого заставило оставить педагогическую службу и поселиться в глухи, в Щиграх, Курской губ., где он стал видным земским деятелем. В этой глухи Марков внимательно следил за всеми проявлениями жизни, за всеми литературными событиями и тщательно отмечал все более важное в своих фельетонах в “Голосе”, освещая каждое событие, каждое явление с критической точки зрения. Фельетоны Маркова, печатавшиеся в эпоху наибольшего развития и значения газеты Краевского, обратили на себя общее внимание и читались нарасхват, делая имя Маркова популярным в самых широких сферах. / Приезжая от времени до времени в Петербург из своей глухи, Марков каждый раз заходил в “почти-клуб”. Появление его придавало всегда особый, серьезный оттенок беседам. Марков держался довольно гордо <...> и старался давать разговорам характер политической полемики по волновавшим тогда общество вопросам. <...> Читал Марков очень много, и целыми тюками ему высыпались книги сначала в Щигры, затем в Воронеж (где он занял должность управляющего отделением дворянского и крестьянского банков»].

1923

Достоевский и Победоносцев. [Письмо Ф.М. Достоевского к К.П. Победоносцеву от 24 августа / 13 сентября 1879 г. (в ответ на письмо К.П. Победоносцева от 19 августа 1879 г.)]. Сообщ. Н. Бельчиков // Красный архив. 1923. II. С. 246.

1932

М. Клевенский. Марков Евгений Львович // Литературная энциклопедия: в 11 томах. Т. 6. (Ла Барт – Маркс). М.: ОГИЗ РСФСР, издательство «Советская Энциклопедия». 1932. Стб. 815–816. (Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/>).

1934

Письмо К.П. Победоносцева к Ф.М. Достоевскому от 19 августа 1879 г., с примечаниями Л. Гроссмана // Л. Гроссман. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов. Приложение I. Письма К.П. Победоносцева. ЛН. Т. 15. М.: Журнально-газетное объединение. С. 141–143. [Упоминается статья Е.Л. Маркова о высших женских курсах («Голос», № 227 от 18 августа 1879 г.)].

1936

Л.Н. Толстой. Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят? // Л.Н. Толстой. ПСС. Т. 8. М. 1936. С. 309.

Л.Н. Толстой. Прогресс и определение образования. (Ответ Г-ну Маркову. Русский Вестник 1862 г., № 5) // Л.Н. Толстой. ПСС. Т. 8. М. 1936. С. 325–355.

В.Ф. Саводник. Прогресс и определение образования. История писания и печатания статьи «Прогресс и определение образования» // Л.Н. Толстой. ПСС. Т. 8. М. 1936. С. 575–592.

Л.Н. Толстой. Редакционные заметки и примечания к журналу «Ясная Поляна» и к книжкам «Ясной Поляны» // Л.Н. Толстой. ПСС. Т. 8. М. 1936. С. 360.

Л.Н. Толстой. Варианты статьи «Прогресс и определение образования» // Л.Н. Толстой. ПСС. Т. 8. М. 1936. С. 440–454.

1938

Л.Н. Толстой. Письмо к С.А. Толстой (1863 г., ноябрь, Тула) // Л.Н. Толстой. ПСС. Т. 83. М. 1938. С. 25–26. [«Я у Маркова сижу и буду обедать...»].

1939

Н.К. Гудзий. История писания и печатания «Анны Карениной» // Л.Н. Толстой. ПСС. Т. 20. Анна Каренина. М. 1939. С. 633.

Б. Эйхенбаум. Толстой после «Войны и мира» (1870–1874) // ЛН. Т. 35–36. Л.Н. Толстой. И. М.: Издательство АН СССР. 1939. С. 256–262.

Л.Н. Толстой. Дневник 1864–1865 гг. Публ. А. Петровского // ЛН. Т. 37–38. Л.Н. Толстой. И. М.: Издательство АН СССР. 1939. С. 91, 99.

Встречи с Толстым. Из дневника А.В. Жиркевича. Первое посещение Толстого (20 декабря 1890 г.) // ЛН. Т. 37–38. Л.Н. Толстой. И. М.: Издательство АН СССР. 1939. С. 421–422, 440.

Дневник В.Ф. Лазурского (10 августа 1894 г.). Предисловие и примечания К. Шорох-Троцкого // ЛН. Т. 37–38. Л.Н. Толстой. И. М.: Издательство АН СССР. 1939. С. 482, 506. [«Потом стали читать повесть Маркова из “Недели” [“Рабочий поезд”, КН № 8 за 1894 г.]. Лев Николаевич сначала, пока шли описания и разговоры разных лиц четвертого класса в поезде, очень восхищался верностью изображения, а потом, когда на сцену явился старец с ветригами, сказал, что этого старца Марков сочинил и что это отвратительно»].

1949

Л.Н. Толстой. Письмо Министру народного просвещения Е.П. Ковалевскому (20 апр. 1861 г.). [Прошение о разрешении издания журнала «Ясная Поляна】 // Л.Н. Толстой. ПСС. Т. 60. Письма 1856–1862. М. 1949. С. 477–479. [Марков назван в числе предполагаемых сотрудников журнала].

Письма к Некрасову. Публ. В. Евгеньева-Максимова. Общ. ред. С. Макашина. [Комментарий и примечание к письму Е.Л. Маркова к Н.А. Некрасову от 23 июля 1870 г.] // ЛН. Т. 51–52. Н.А. Некрасов. И. М.: Издательство АН СССР. 1949. С. 75, 78, 379–380.

Письмо А.А. Буткевич к С.И. Пономареву от 6 мая 1878 г. // ЛН. Т. 53–54. Н.А. Некрасов. И. М.: Издательство АН СССР. 1949. К истории посмертного издания Собрания сочинений Некрасова. Письма А.А. Буткевич к С.И. Пономареву. Публ. М. Панченко. С. 169–170.

Гонорарные ведомости «Отечественных Записок». Публ. В. Евгеньева-Максимова // ЛН. Т. 53–54. Н.А. Некрасов. И. М.: Издательство АН СССР. 1949. С. 309, 310, 323.

1950

А.П. Сергиенко. «Хаджи-Мурат». История писания. – Список источников // Л.Н. Толстой. ПСС. Т. 35. М. 1950. С. 592, 632. [В числе книг-источников, которыми пользовался Л.Н. Толстой, названа книга Е.Л. Маркова «Очерки Кавказа». СПб. 1887. В письме дочери Л.Н. Толстого, Татьяны Львовны, от 29 ноября 1897 г. есть строки: «Посылаю тебе Мулла-Нур (40 к.) и книгу Маркова, которую мне рекомендовали»].

1952

Л.Н. Толстой. Дневники 1858–1880. 6 мая 1861 г. // Л.Н. Толстой. ПСС. Т. 48. М. 1952. С. 37. [«Марков отказался от соредакторства в журнале»].

Л.Н. Толстой. Дневники 1858–1880. 20 марта 1865 г. // Л.Н. Толстой. ПСС. Т. 48. М. 1952. С. 61. [«Критика Маркова – плохо. Дорожит мыслью и сердится. Сам-то ты что сделаешь? А силы, силы страшные!»]; С. 475. (Имеется в виду статья Е.Л. Маркова «Народные типы в нашей литературе», посвященная разбору «Казаков», «Отечественные Записки». 1865. Янв. и февр., кн. 1 и 2).

1953

Л.Н. Толстой. Письмо Т.А. Ергольской (2 марта 1865 г.) // Л.Н. Толстой. ПСС. Т. 61. Письма 1863–1872. М. 1953. С. 75–76. [«У нас все гости, то Фет с женой, то Марков с женой и сыном, то один...»].

Л.Н. Толстой. Письмо Е.Л. Маркову (март – начало апреля 1866 г.) // Л.Н. Толстой. ПСС. Т. 61. М. 1953. Список писем Л.Н. Толстого, не имеющихся в распоряжении редакции. С. 381. № 69. [Упоминается о письме Е.Л. Маркова к Л.Н. Толстому от 11 апреля: «Благодарю вас за ваше дружелюбное письмо, Лев Николаевич, которое было особенно дорого получить в Крыму»].

Л.Н. Толстой. Письмо Н.Н. Страхову (5 апреля 1877 г.) // Л.Н. Толстой. ПСС. Т. 62. Письма 1873–1879. М. 1953. С. 318–319. [«Вы мне писали, прислать ли мне статьи Маркова. А я по рассеян-

ности не отвечал, что не надо, и потому виноват, я их сжег не читая. Я боялся того расстройства, к[акое] это может произвести во мне»]. (Статьи Е.Л. Маркова в газете «Голос» № 26, 28, 33 за 1877 год).

М. Горький. О белоэмигрантской литературе. (Послесловие к книге Д. Горбова) // М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 24. Статьи, речи, приветствия 1907–1928. С. 338. [О «знатом черносотенце» Н.Е. Маркове: «Это сын или племянник Евгения Маркова, автора романов “Черноземные поля”, “Курские порубежники” и хорошей автобиографической книжки “Барчучки”»]¹.

1956

И.Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 1. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты. 1956. С. 389. [Псевдоним: Зареченский = Марков Евг. Львов.].

Д.И. Писарев. Прогулка по садам российской словесности // Д.И. Писарев. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Статьи 1864–1865. М.: Гос. издательство художественной литературы. 1956. С. 288–290, 295.

1957

И.Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты. 1957. С. 171. [Псевдоним: М-ъ, Е.Л. = Марков Евг. Львов. (Путеводитель по Крыму. Одесса, 1872)].

1958

И.Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 3. М.: Издательство Все-

¹ Николай Евгеньевич Марков – сын Евгения Львовича Маркова. Роман «Курские порубежники» написал родной брат Е.Л. Маркова – Владислав Львович Марков (род. 1832 г.).

союзной книжной палаты. 1958. С. 12. [Псевдоним: Р.Р. = Марков Евг. Львов. («Р. Речь» 1879 кн. II]¹.

1960

Ястребов Ф. Революционные демократы на Украине. Вторая половина 50-х – начало 60-х годов XIX. Киев: Издательство АН Украинской ССР. 1960. С. 159–166, 172, 205. [О деятельности Е.Л. Маркова и др. во время учебы в Харьковском университете].

И.Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. М.: Издательство Все-союзной книжной палаты. 1960. С. 303. [Марков, Евгений Львович. Псевдонимы: Зареченский, М-ъ Е.Л., Р.Р.].

1961

Толстой в 1880-е годы. Записки И.М. Ивакина. Публ. Н.Н. Гусева и В.С. Мишина // ЛН. Т. 69. Лев Толстой. Кн. 2. М.: Издательство АН СССР. 1961. С. 60–61, 115–116. [«...Я помню, когда я писал статью для “Ясной Поляны”, в Туле был директор гимназии Горянин, человек хороший, свободомыслящий, – продолжал Л.Н., – он подбирал себе и людей такого же рода – Марков, мой оппонент, был в их числе. Их бывшие ученики вспоминают о них с любовью; между учениками и учителями было живое единение, любовь...»].

Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел в двух томах. Т. II. 1865–1876 гг. М.: Изд. АН СССР. М. 1961. [«23 июня 1865 г.: ...Поездка Ф.М. Толстого в Тулу не привела к сделке с г. Марковым. Он решительно отказался, что благородно с его стороны...»].

1962

Марков Евгений Львович // История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Под ред. К.Д. Муратовой. М. – Л. 1962. С. 447, по указателю.

¹ В журнале «Русская Речь» № 2 за 1879 г. статьи за подписью «Р.Р.» не обнаружены.

1967

А.Н. Богословский. Марков Евгений Львович // Краткая Литературная Энциклопедия. М.: Изд-во «Советская энциклопедия». 1967. Т. 4. Лакшин – Мураново. С. 626.

1969

Марков Евгений Львович // Писатели Воронежа. Биобиблиографический указатель. Под общ. ред. Н.Т. Стрельниковой. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство. 1969. С. 13–15.

А.Ф. Кони. Письмо М.И. Сухомлинову от 12 сентября 1900 г. // А.Ф. Кони. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. Письма 1868–1927. М.: Издательство «Юридическая литература». 1969. С. 165–166, 390. [«Спешу препроводить к Вам список 8 кандидатов, предлагаемых мною для избрания на 4 вакансии почетных академиков. Все они Вам известны, и я считаю лишь долгом объяснить, что, указывая на Евгения Львовича Маркова, имею в виду его замечательные критические этюды (он *первый* указал на глубокое значение произведений Толстого) и полные художественности этнографические и бытовые описания». (Примечание: Е.Л. Марков не был избран почетным академиком по Разряду изящной словесности).]

1970

Н.Д. Михайловская. Е.Л. Марков (1835–1903) // Очерки литературной жизни воронежского края. XIX – начало XX века. Ред.-сост. В.А. Тонков и О.Г. Ласунский. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во. 1970. С. 294–307.

1971

Записные книжки и тетради Достоевского. Подготовка текстов и comment. Г.Ф. Коган, Л.М. Розенблум, Г.М. Фридлендера, И.З. Сермана // ЛН. Т. 83. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Издательство «Наука». 1971. С. 316, 345, 394, 453, 485, 510, 558, 560, 561, 646.

1973

Письмо К.Н. Леонтьева к В.С. Соловьеву от 22 июля 1879 г. (выдержки, в Примечании к письму Вс.С. Соловьева к К.Н. Леонтьеву от 12 июня 1879 г.) // Письма о Достоевском. Достоевский в неизданной переписке современников. Публ. и комментарии Л.Р. Ланского. ЛН. Т. 86. Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Издательство «Наука». 1973. С. 484. [«Соловьев и Евг. Марков, оба хорошие, серьезные критики, говорят оба обо мне почти одно и то же...»].

1977

Литературная критика и история литературы в журнале «Русское Богатство» (1895–1918). Хронологический указатель анонимных рецензий с раскрытием авторства. Сост. М.Д. Эльзон // ЛН. Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890 гг. М.: Издательство «Наука». 1977. С. 656, 673. [«В гонорарной ведомости по № 5 за 1904 г. автором рецензий на книги Е. Маркова “Разбойница Орлиха” и В. Березовского “Дни и ночи” указан В.Г. Короленко. Это подтверждается наличием в архиве писателя соответствующих журнальных оттисков с авторской правкой»].

1979

Баскевич И.З. Е.Л. Марков // Баскевич И.З. Курские вечера. Литературно-краеведческие очерки и этюды. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство. 1979. С. 45–48.

Дневник Д.П. Маковицкого от 15 июня 1905 г. // ЛН. Т. 90. У Толстого 1904–1910. «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. Кн. 1. 1904–1905. М.: Издательство «Наука». 1979. С. 314, 518.

1980

Ф.М. Достоевский. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. // Ф.М. Достоевский. ПСС в тридцати томах. Т. 21. Дневник писателя 1873. Статьи и заметки 1873–1878. Л.: Издательство «Наука». 1980. С. 265.

В.Д. Рак. Дополнения к комментарию «Полного собрания сочинений» Ф.М. Достоевского. (4. «Прелюбодей мысли») // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 4. Л.: «Наука». 1980. С. 184–188.

1982

Загоровский В.П. История Воронежского края от А до Я. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство. 1982. С. 180.

А.П. Чехов. Письмо О.Л. Книппер-Чеховой от 17 января 1903 г. // А.П. Чехов. Письма. Т. XI. (Июль 1902 – декабрь 1903). М.: Изд. «Наука». С. 144–145. [«Вчера на ночь я читал в “Вестнике Европы” статью Евг. Маркова о Венеции. Марков старинный писака, искренний, понимающий, и меня под его влиянием вдруг потянуло, потянуло! Захотелось в Венецию, где мы побываем, захотелось в Швейцарию, где я еще не был ни разу...»].

Ф.М. Достоевский. Записная тетрадь 1875–1876 гг. – Записная тетрадь 1876–1877 гг. // Ф.М. Достоевский. ПСС в тридцати томах. Т. 21. Дневник писателя за 1876 год, ноябрь–декабрь. Л.: Издательство «Наука». 1982. С. 173, 248, 250, 251.

Н.А. Некрасов. ПССиП. Т. 4. Л.: Издательство «Наука». 1982. С. 607. Примечание; Т. 5. Л.: Издательство «Наука». 1982. С. 655. Примечание. [Упоминаются статьи Е.Л. Маркова «Софисты XIX века» и критические статьи в газете «Голос» за 1878 год].

1988

Ф.М. Достоевский. Письмо О.А. Новиковой от 28 марта 1879. – Письмо Е.А. Штакеншнейдер от 15 июня 1879. – Письмо К.П. Победоносцеву от 24 августа (5 сентября) 1879 // Ф.М. Достоевский. ПСС в тридцати томах. Т. 30. Кн. 1. Письма 1878–1881. Л.: Издательство «Наука». 1988. С. 58, 72–73, 121, 268, 290–291, 298, 315.

1989

Н.К. Михайловский. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Б. Аверина. Л.: «Художественная литература». 1989. 608 с., 1 л. портр., илл. (Е.Л. Марков – по указателю).

1992

Загоровский В.П. Воронежская историческая энциклопедия. Воронеж: Издательство «Истоки». 1992. С. 143.

1993

Ф.Н. Мильков. Евгений Львович Марков (1835–1903), забытый русский географ XIX века // Известия Русского географического общества. 1993. Т. 125. Вып. 4 (июль-август). С. 75–79.

1994

Аминева Венера Рудалевна. Литературно-критическая деятельность Е.Л. Маркова. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Воронеж. 1994. 19 с. [«Среди критиков и публицистов, четко делившихся по своей принадлежности к той или иной “партии”, он [Марков] отстаивал “третью линию”, стремился сохранить нейтральную позицию и отойти от крайностей споров… Марков проявлял твердость и последовательность в отстаивании приоритета общечеловеческих ценностей над целями и интересами групп и партий, был настойчив в поисках позитивных, конструктивных идей, которые могли бы стать основой жизнеутверждающего, оптимистического мировосприятия»].

В.А. Викторович. Марков Евгений Львович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. (Гл. ред. П.А. Николаев). М.: Большая Российская энциклопедия. 1994. Т. 3. (К – М). С. 526–528. [«...В 1875–1881 Марков – ведущий публицист и критик газеты “Голос”, а в 1879–1882 – журнала “Русская Речь”... Критические работы Маркова, отличавшиеся методичностью изложения, эмоциональным напором, афористичностью итоговых формулировок,

имели успех у читателей. <...> С 1887, оставив земскую деятельность и переехав в Воронеж, Марков был управляющим губ. отделениями дворянского и крестьянского банков (стат. советник), читал публичные лекции, участвовал в организации губ. музея, кружка любителей рисования и бесплатной рисовальной школы (будучи сам рисовальщиком), возглавлял губ. статистич. комитет (с 1891), арх. комиссию (с 1900). С 1899 д. чл. ОЛРС...»].

1997

Акиньшин А. Двадцать воронежских краеведов. Материалы к биографическому словарю // Отечество. Краеведческий альманах. Второе полугодие 1996 г. М.: Профиздат. 1997. С. 294–309.

Ю.А. Бугров. Дворяне Марковы. Родословная и дела // Курский край. Альманах. Курск: Издательство Курского краеведческого общества. 1997. № 1. С. 3–8.

Н.А. Некрасов. ПССИП. Т. 13. Кн. 1. СПб.: «Наука». 1997. С. 217–218. Гонорарные ведомости «Отечественных Записок» за 1871 год, № 3, 4. (Гонорар Е.Л. Маркова за статью «Поездка в Суровж»).

1999

Слуцкий А.И. Кубанская страничка из жизни русского писателя Евгения Львовича Маркова... // Журналистика: историко-литературный контекст. Сборник научных трудов. Под ред. Ю.В. Лучинского. Краснодар: Изд. КубГУ. Вып. 1. 1999. С. 159–168. [«Е.Л. Марков... дает 21 июня 1870 г. согласие Я.М. Неверову, попечителю Кавказского учебного округа, принять на себя обязанности директора Кубанской учительской семинарии. Его деятельность на этом поприще была недолгой. Уже осенью того же года Е.Л. Марков настоял на отставке. <...> 10 сентября Марков обратился к попечителю с рапортом, в котором, ссылаясь на увиденное, по личном ознакомлении с местностью, где открывается Кубанская учительская семинария, что здоровье его и его семейства будет подвергаться постоянной опасности от господствующих в Полтавской станице лихорадок, просил попечителя уволить его от должности директора семинарии...»].

И.С. Тургенев. Письмо к М.М. Стасюлевичу от 14/26 июня 1872 // И.С. Тургенев. ПССиП в 30-ти томах. Письма. Т. XI. (1871–1872). 1999. М.: «Наука». С. 267, 535. [«С великим удовольствием прочел я статью Герье о кронпринцессе, а также и начало путешествия Е. Маркова в Крыму...»].

Н.С. Лесков. Герои Отечественной войны по гр. Л.Н. Толстому. «Война и мир». Соч. гр. Л.Н. Толстого, т. V. 1869 г. // Н.С. Лесков. ПСС. Т. 6. Сочинения 1866–1869. М.: «Терра». 1999. С. 559. [О «крымских очерках г. Маркова»].

2000

Ибраимов Н.Р. Евгений Марков как иллюстратор своих «Очерков Крыма» // Москва – Крым. Историко-публицистический альманах. М.: Фонд развития экономических и гуманитарных связей «Москва – Крым». (Гл. ред. В.Ф. Козлов). 2000. С. 182–194. [Портрет Е.Л. Маркова – С. 182; рисунки Е.Л. Маркова: «Старый дом в Чуфут-Кале», «Татарский пастушонок на Чатырдаге», «Татарская девушка-водоноска», «Возвращение в Магарач», «Татарская сакля на Южном берегу Крыма», «Ак-Мулла приглашает нас в свой дом под стеною Мангуп-Кале», «У татарина в Биюк-Узенбаше», «Спуск в Космодемьяновский скит из Суук-Су». С. 185–192]. [Автор прилагает полный перечень рисунков Е.Л. Маркова, вшитых в книгу «Очерки Крыма» 1873 г. издания. Всего 32 рисунка, сделанных простым и цветными карандашами и белилами: 1. Крымский верблюд. – 2. Ночлег в Бахчисарайском дворце. – 3. Мавзолей в Абдуль Азизе, близ Бахчисарайя. – 4. Татары, выходящие из мечети в Бахчисарае. – 5. Нищие цыгане из Салачика у мечети Бахчисарайя. – 6. Успенский скит. – 7. Старый дом в Чуфут-Кале. – 8. Пещеры Чуфут-Кале и древняя синагога. – 9. Дом ученого раввина Авраама Фирковского в Чуфут-Кале. – 10. Иосафатова долина. – 11. Вид на Малахов курган с южной стороны Севастополя. – 12. Поездка в лодке кругом мыса Фиолента у монаст. Св. Георгия. – 13. Можара с татарами на буйволах. – 14. Татарская девушка-водоноска. – 15. Купание в море в волну. – 16. Татарский пастушонок на Чатырдаге. – 17. Отары овец на Чатырдаге. – 18. Вид Генуэзских развалин древнего Цембало в Балаклаве. – 19. Нападение чабанских собак на Чатырдаге. – 20. На

лодке из Магарача в Гурзуф. – 21. Въезд на Чатырдаг. – 22. У татарина в Биюк-Узенбаше. – 23. Ак-Мулла приглашает нас в свой дом (под стеною Мангуп-Кале). – 24. Типичные украшения древних готских гробниц. – 25. Типы древних гробниц в Готвейском кладбище. – 26. Изображение рельефа на плитах Биясальского кладбища. – 27. Гробница Готвейского кладбища. – 28. Гробница Готвейского кладбища в Бия-Салах. – 29. Гробница Готвейского кладбища в Бия-Салах. – 30. Татарская сакля на Южном берегу Крыма. – 31. Спуск в Космодемьяновский скит из Суук-Су. – 32. Возвращение в Магарач]. [P.S. *От редакции*: «В октябре 2000 года исполняется 175 лет со дня рождения Евгения Маркова, а менее чем через три года – 100-летие его кончины. Писатель как-то признался, что лучшие дни его жизни “протекли в этом чудном kraю”, т.е. в Крыму. Нужна книга о самом писателе-краеведе, переиздание его знаменитых “Очерков Крыма”. Низами Ибраимов, любезно предоставивший для публикации часть рисунков Е. Маркова, предлагает проиллюстрировать ими эту бессмертную книгу о Крыме. Мы обращаемся с этим предложением к властям Крыма и предпринимателям. Также надеемся, что городские власти Симферополя примут наконец решение о возвращении имени писателя одной из улиц города, для которого Евгений Марков столько много сделал»].

2001

С. Венгеров. Марков Евгений Львович // Русский биографический словарь. М.: ТЕРРА – Книжный клуб. 2001. Т. 10. (Мак – Мячиковы). С. 122–125.

2003

Рефат Аппазов. Крым глазами Евгения Маркова. К 100-летию со дня смерти Евгения Маркова // Крым и Крымские татары. <http://www.kirimtatar.com/Researches/rappazov.html>

2004

Ибраимов Н.Р. Евгений Марков как иллюстратор своих «Очерков Крыма» // Крымъ: Историко-краеведческий альманах.

Вып. 1. М.: АНО ИЦ «Москововедение». 2004. С. 46–58. [Портрет Е.Л. Маркова – С. 46; рисунки Е.Л. Маркова: «Старый дом в Чуфут-Кале», «Татарский пастушонок на Чатырдаге», «Татарская девушка-водоноска», «Возвращение в Магарач», «Татарская сакля на Южном берегу Крыма», «Ак-Мулла приглашает нас в свой дом под стеною Мангуп-Кале», «У татарина в Биюк-Узенбаше», «Спуск в Космодемьяновский скит из Суук-Су». С. 49–56].

2005

Коростина Г.Г. Очерковая проза Е.Л. Маркова: идеология, проблематика, стиль: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.01. Орел. 2005. 207 с., ил.

Коростина Г.Г. (Орловский государственный университет). Очерковая проза Е.Л. Маркова: идеология, проблематика, стиль. Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Орел. 2005. 26 с.

Коростина Г.Г. За пределами «пантеона» классиков: «провинциальный» писатель Евгений Львович Марков (1835–1903) // «Во глубине России...». Статьи и материалы о русской провинции. XIX Фетовские чтения. (Курск, 7–9 октября 2004 года). Курск. 2005. С. 123–129. [«...Если в провинции он выступал в качестве автора, принятого столичным литературным сообществом, то в Москве и Петербурге Е.Л. Марков воспринимался в качестве оригинального писателя-провинциала, умеющего давать независимые оценки литературным и социально-политическим событиям, писателя, способного работать с общественным мнением. / Публицистические статьи Маркова часто поднимали волны откликов в литературных журналах; мнение Маркова по разного рода вопросам нередко оказывалось решающим в формировании общественного мнения. <...> Это умение Е.Л. Маркова быть писателем, способным направлять общественное мнение, прошло через все творчество автора. “Провинциальный” писатель умел оперативно отзываться на многие наиболее злободневные вопросы современности. Такая “публицистичность” составляла главную оригинальную особенность творческой манеры Маркова. <...> В настоящее время творческое наследие Е.М. Маркова требует дифференцированного подхода...»].

А.Л. Шемякин. Никола Пашич в записках русского путешественника. (К вопросу об идейной природе Сербской народной радикальной партии) // Славянский альманах 2005. М.: Индрик. 2006. С. 432–442.

2006

Е.Л. Марков: переписка с издателями. [36 писем Е.Л. Маркова Н.А. Некрасову, М.М. Стасюлевичу, А.А. Голенищеву-Кутузову, Д.Н. Цертелеву, А.С. Суворину]. (Публикация Г.Н. Коростиной) // Пространство культуры и стратегии исследования: статьи и материалы о русской провинции: XX Фетовские чтения (Курск, 15–18 сентября 2005 г.). Курск: Изд-во Курского гос. ун-та. 2006. С. 147–179. [«К сожалению, отдельного фонда Е.Л. Маркова нет ни в одном русском архиве. В данной публикации мы представляем материалы, содержащиеся в различных фондах Российского Государственного Архива Литературы и Искусства. Они подтверждают высокую востребованность Маркова в среде издателей второй половины XIX века; проливают свет на некоторые весьма серьезные предложения, не реализованные писателем по различным причинам (в частности, на предложение вести критический отдел журнала “Русское Обозрение” в 1890-х гг.). <...> В письмах к Д.Н. Цертелеву отражена история работы Маркова над романом “Разбойница Орлиха. Из местных преданий XVIII века”]. В своих письмах «писатель предстает в качестве энергичного и в высшей степени трудолюбивого, аккуратного и ответственного человека, не лишенного некоторой педантичности и чутко отзывающегося на всякое доброжелательное слово или поступок в его адрес»].

Г.Г. Коростина (Девянина). Статья Е.Л. Маркова из «Нового Времени» // Курский край. Науч.-ист. журнал. № 1–2 (76–77). Курск. 2006. С. 82–87. [Е.Л. Марков. Земские увлечения. (По поводу проекта Щигровской железной дороги). (В сокращ.). С. 83–85; Библиография Е.Л. Маркова (36 позиций из собрания РГБ и ГПИБ). С. 85]. [Примечание Г.Г. Коростиной (Девяниной) к подписи под статьей Е.Л. Маркова «С. Александровское»: «Газеты и журналы допускали самые разные ошибки в написании Александровки: “Александровское”, “Александрово”. Интересно, что “следы”

знаменитой Александровки Е.Л. Маркова обнаруживаются до сих пор. В нескольких километрах от современного села Озерки Щигровского района (где 14 июня 2005 г. был открыт музей Марковых) сохранилась плотина с прудом, явственно просматриваются боскеты и аллеи бывшей усадьбы»].

О.Г. Ласунский. Литературная прогулка по Воронежу. Изд. 3-е, перераб. и доп. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края. 2006. С. 193, 304–306. [«Евгений Львович преподал пример деятельного подхода к сохранению местных достопримечательностей [в альбоме “Очерк замечательнейший древностей Воронежской губернии”]. Он исходил пешком все заповедные уголки губернии и, владея искусством рисовальщика, запечатлел их виды в своем дорожном блокноте. <...> Сейчас натурные “съемки” Маркова приобрели значение научных первоисточников: многие природные памятники успели окончательно разрушиться... <...> Пожалуй, самое значительное достижение Маркова-беллетриста – это роман “Черноземные поля” и автобиографические картины прошлого – повесть “Барчуки”. В романе-эпопее автор на примере нескольких семейств показывает быт и нравы уездного мира, разорение “дворянских гнезд”, возникновение зажиточной и предприимчивой прослойки в освободившемся от неволи крестьянстве. Марков не следует в расстановке акцентов за стереотипами, выработанными в демократической прозе, а изображает действительность так, как сам ее понимает. “Черноземные поля” требуют сейчас объективного, взвешенного истолкования, но прежде всего – элементарного переиздания...»].

В.А. Котельников, О.Л. Фетисенко. Комментарии // К.Н. Леонтьев. ПССиП в 12 т. Т. 7. Кн. 2. Публицистика 1880 г. Ранние научные работы. СПб.: Издательство «Владимир Даль». 2006. С. 716. [Об отзыве Е.Л. Маркова на «изящный» «этюд о национальностях» К.Н. Леонтьева – статью «Русские, греки и югославяне»].

2007

Марков Евгений Львович и его краеведческие очерки о Воронежском крае. [Сборник]. Сост.: А.В. Бережной, Т.В. Бережная; РОСНОУ (ВФ), АНОО ВИВТ. Воронеж: Научная книга. 2007. –

328 с., илл., портр. (Содержание: И.Я. Львович. От редактора. С. 4–5; От составителей. С. 6–9; Е.Л. Марков глазами современника и потомка: В.В. Литвинов. Евгений Львович Марков (1835–1903). С. 10–21. – Ф.Н. Мильков. Евгений Львович Марков (1835–1903) – забытый русский географ XIX в. С. 22–29; Краеведческие очерки Е.Л. Маркова о Воронежском крае. С. 30–308; Примечания. С. 309–323; Страноведческие и краеведческие работы Е.Л. Маркова. С. 324–325; Литература о творчестве Е.Л. Маркова. С. 326–327).

2008

Письмо В.П. Боткина А.А. и М.П. Фетам от 6/18 февраля 1865 г. (Переписка с В.П. Боткиным. Публ. и comment. Ю.П. Благоволиной) // ЛН. Т. 103. А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН. 2008. С. 399–400. [Упоминается «дельная статья Маркова» о Л.Н. Толстом в «Отечественных Записках»].

Г.Г. Девянина. Марков Евгений Львович // Большая Курская энциклопедия. Т. 1. Книга вторая. Л – Р. Гл. ред. Ю.А. Бугров. Курск. 2008. С. 57.

2009

А.Н. Акиньшин, О.Г. Ласунский. Марков Евгений Львович // Воронежская историко-культурная энциклопедия. Персоналии. Изд. 2-е, дополненное и исправленное. Под общей ред. О.Г. Ласунского. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края. 2009. С. 329.

2012

О.Г. Ласунский. Литературная прогулка по Воронежу. Изд. 4-е, перераб. и доп. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края. 2006. С. 388–391.

И.С. Тургенев. 1. Письмо к М.М. Стасюлевичу от 28 дек. 1876 (9 янв. 1877). – 2. Письмо к Я.П. Полонскому от 30 дек. 1876 (11 янв. 1877) // И.С. Тургенев. Письма. Т. XV. Кн. 1. (1876). С. 273, 277, 562. [1: «Читал я в “Голосе” похоронную мне речь Евг. Маркова. Каким же он меня представляет слабосерей! Так что даже

непонятно, как мог я, при такой дряблости, иметь какое-либо влияние? И вот что удивительно: он сравнивает мои картины с Грэзом, Ангеликой Кауфманн, Деларошем и Ари Шеффером... Как нарочно – подобрал именно тех живописцев, которых я ненавижу всеми силами души... Вот прозорливец!». – 2: «Прочел я статьи Маркова обо мне в “Голосе”. Каким я у него являюсь слабосерей – даже сказать нельзя! А он полагает, что хвалит меня. Все мои произведения являются каким-то настоем липового цвета с примесью лоделавану. Неужели же я такой?»].

2014

Примечания к письмам И.С. Тургенева к М.М. Стасюлевичу (от 13/25 янв. 1877) и к Е.И. Рагозину (от 20 апр. / 2 мая 1877) // И.С. Тургенев. Письма. Т. XV. Кн. 2. (1877). М.: Изд. «Наука». 2014. С. 438, 539. [«13 апреля ст. ст. 1877 г. издание газеты “Голос” по распоряжению министра внутренних дел было приостановлено из-за напечатания в № 101 от 13 (25) апреля и в № 102 от 14 (26) апреля статьи Евгения Маркова “С кем нам воевать?”, в которой автор нарисовал крайне неутешительную картину экономического состояния России перед начинавшейся русско-турецкой войной 1877–1878 гг.»].

2016

Примечания к письмам И.С. Тургенева к П.В. Анненкову (от 7/19 февр. 1878) и к Редактору «Правды» (от 20 апр. / 2 мая 1877) // И.С. Тургенев. Письма. Т. XVI. Кн. 1. (1878). М.: Изд. «Наука». 2016. С. 42–45, 373, 377, 393.

2018

Примечание к письму И.С. Тургенева к М.М. Стасюлевичу (от 4/16 апр. 1877) // И.С. Тургенев. Письма. Т. XVI. Кн. 2. (1879). М.: Изд. «Наука». 2018. С. 104, 437–438.

2019

Ф.М. Достоевский. ПССиП в 35 т. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Т. 7. Преступление и наказание. Рукописные редакции. Наброски 1864–1867. С. 752. [Примечание к С. 471, ссылка на статью Е.Л. Маркова «Критические беседы. (По поводу сочинений Достоевского)»].

Василий Розанов. Памяти Евгения Львовича Маркова. (НВ, 1903, № 9714). (Публ. М.А. Бирюковой) // <https://www.proza.ru/2019/07/07/627>

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ВЕ – Вестник Европы
ВТ – Воронежский Телеграф
ГПИБ – Государственная публичная историческая библиотека
ИВ – Исторический Вестник
КН – Книжки Недели
ЛН – Литературное наследство
НВ – Новое Время
ОЗ – Отечественные Записки
ПСС – Полное собрание сочинений
ПССиП – Полное собрание сочинений и писем
РБ – Русское Богатство
РВ – Русский Вестник
РГБ – Российская государственная библиотека
РО – Русское Обозрение
РР – Русская Речь
СПб. Вед. – Санктпетербургские Ведомости
ТВУАК – Труды Воронежской ученой архивной комиссии

*Вступительная статья
А.Н. Стрижёва, составление М.А. Бирюковой*

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Архангельская Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор статей по древнерусской литературе, русской литературе XVII–XIX вв. E-mail: arhanna@mail.ru

Бирюкова Маргарита Анатольевна – писатель, библиограф, краевед. В Интернете ведет страницу «Библио-Бюро Стрижёва – Бирюковой», адресованную широкой аудитории филологов и педагогов-словесников и посвященную позабытым отечественным писателям. E-mail: rittabiruikova@mail.ru

Ивинский Дмитрий Павлович (р. 1966) – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы МГУ им. М.В. Ломоносова. Основные научные интересы – история русской литературы, славистика. Автор монографий «Пушкин и Мицкевич: история литературных отношений» (2003), «Князь П.А. Вяземский и А.С. Пушкин: Очерк истории личных и творческих отношений» (2004), «Ломоносов в истории русской культуры» (2015). E-mail: dmitrij_ivinskij@mail.ru

Кимягарова Роза Санжовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник этимологического кабинета филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор монографии «Мой Крылов» (2017) и др. Тел.: +7 (499) 726-12-57

Коровин Владимир Леонидович (р. 1972) – доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор монографий «Семен Сергеевич Бобров. Жизнь и творчество» (2004), «Книга Иова в русской поэзии XVIII – первой половины XIX в.» (2017). Подготовил в серии «Литературные памятники» издание кн.: Бобров С.С. Рассвет полночи. Херсонида: в 2 т. (2008). Составитель комментированных сборников в серии «Библиотека всемирной литературы»: «Золотой век русской поэзии» (2013), «Молитвы русских поэтов» (2015), «“Благослови, душа моя!..” Псалмы русских поэтов» (2019) и др. E-mail: korovinv@yandex.ru

Крюкова Ольга Сергеевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ им. М.В. Ломоносова. Область научных интересов – русская литература, имагология, социология литературы, культурология. Автор монографий «Ономастикон романа А.С. Пушкина “Евгений Онегин”» (1999), «Архетипический образ Италии в русской литературе XIX века» (2007), «Романтический образ Украины в русской литературе XIX века» (2017). E-mail: florin2002@yandex.ru

Курилов Александр Сергеевич (р. 1937) – доктор филологических наук, автор книг «Традиции русской критической мысли» (1974), «История русского литературоведения» (1980, в соавторстве с П.А. Николаевым и А.Л. Гришунином), «Литературоведение в России XVIII века» (1981), «Виссарион Белинский» (1985), «В.Г. Белинский в жизни и творчестве» (2012).

Тел.: +7 (495) 612-61-36

Логинова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Московского государственного института музыки им. А.Г. Шнитке. Автор работ по истории южно-славянского романтизма, русской литературе. E-mail: logrina@gmail.com

Тел.: +7 (903) 752-98-52

Николюкин Александр Николаевич (р. 1928) – доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Автор 12 монографий по американистике и истории русской литературы. E-mail: anikolyukin1928@yandex.ru

Орлова Екатерина Марковна – кандидат психологических наук, старший преподаватель Московского государственного института музыки им. А.Г. Шнитке. E-mail: katrinorlova@inbox.ru
Тел.: +7 (910) 456-07-23

Ранчин Андрей Михайлович (р. 1964) – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы МГУ им. М.В. Ломоносова, специалист по древнерусской литературе и русской литературе Нового времени. Автор монографий «На пиру Мнемозины: Интертексты Бродского» (2001), «Вертоград Златословный» (2007), «Борис и Глеб» (2012) и др. E-mail: aranchin@mail.ru

Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языкоznания ИНИОН РАН. Область научных интересов: теория и практика перевода, социолингвистика. E-mail: rarenco@rambler.ru

Ревяков Иван Сергеевич (р. 1979) – старший преподаватель кафедры мировой и отечественной культуры филологического факультета Донецкого национального университета, главный научный сотрудник Республиканского центра судебных экспертиз при Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики. Сфера научных интересов: культурология, история театра и кино. Автор монографии «Язык. Миф. Социум» (2007).

E-mail: revyakov@yandex.ru

Стрижёв Александр Николаевич (р. 1934) – писатель, библиограф. Сфера научных интересов – библиография русских писателей, в том числе Е.И. Замятин, Л.Ф. Зурова, В.К. Тредиаковского, М.М. Хераскова, А.С. Шишкова, А.Ф. Лабзина и мн. др. Научно-исследовательские работы собраны в кн.: Собрание сочинений: в 5 т. (2007). E-mail: astrizhev.mbirukova@mail.ru

Трахтенберг Лев Аркадьевич (р. 1984) – доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор монографий «Русская рукописная пародия XVII–XVIII веков в контексте теории смеховой культуры» (2015), «Русские сатирические журналы XVIII века: Очерки поэтики» (2016). E-mail: lev_a_t@inbox.ru

Хлебников Георгий Владимирович (р. 1949) – кандидат философских наук, заведующий Отделом философии ИНИОН РАН. Область научных интересов: история философии, теология, литература и литературная критика. Автор книг «Аристотель Онassis» (1998), «Античная философская теология» (2014). E-mail: gwvoloshin@mail.com

Шульц Сергей Анатольевич (р. 1970) (Ростов-на-Дону) – доктор филологических наук. Автор книг «Гоголь. Личность и художественный мир» (1994), «Историческая поэтика драматургии Л.Н. Толстого (герменевтический аспект)» (2002), «Поэма Гоголя “Мертвые души”: внутренний мир и литературно-философские контексты» (2017) и др. E-mail: s_shulz@mail.ru; shulcz-70@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2019 – № 46

Корректор Я.А. Кузьменко
Компьютерная верстка Н.М. Власова

Свидетельство о регистрации журнала № 003610 от 25.02.2000
Адрес редакции: 117418, Москва, Нахимовский просп., 51/21,
ИНИОН РАН. Отдел литературоведения
liter@inion.ru

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.0.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 30/XII-2019 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 20,5 Уч.-изд. л. 15,5
Тираж 400 экз. (1–150 экз. – 1-й завод)
Заказ № 141

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,**
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел./Факс +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литер У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2) 24-86-33